ЛИСЯНСКИЙ

И. И. Фирсов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного исследователя истории русского флота И. И. Фирсова посвящена Юрию Федоровичу Лисянскому, принадлежащему к славному племени первооткрывателей и первопроходцев На карте мира его имя упоминается восемь раз Он был трижды первым первым совершил под российским флагом кругосветное путешествие, первым проложил через моря и океаны путь от Русской Америки до Кронштадта, первым открыл необитаемый остров в центральной акватории Тихого океана Но перед этим главным своим подвигом он успел принять участие в боевых морских сражениях против шведов и французов По итогам своей кругосветной экспедиции он за свой счет выпустил замечательную книгу «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» и «Альбом, собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию» Служение России, ее флоту стало главным делом всей его жизни.

- И. И. Фирсов
  - Вместо пролога
  - Нежин
  - Кронштадт
  - В дыму пороховом
  - От Старого к Новому Свету
  - У мыса Доброй Надежды и берегов Ост-Индии
  - Перед дальней дорогой
  - В Русскую Америку
  - Трижды первые
  - Вместо эпилога: первый из первых
  - Основные даты жизни и деятельности Ю. Ф. Лисянского
  - Библиография
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

И. И. Фирсов
Лисянский

Колумбы росские, презрев угрюмый рок.
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша досягнет в Америку держава.

М. В. Ломоносов

Вместо пролога

Не одно тысячелетие минуло с той поры, как человек вышел в море под парусами. Но лишь в шестнадцатом веке португалец Фернан Магеллан, отправившись на испанских каравеллах по морям и океанам, положил начало кругосветным плаваниям. В те времена Испания была сильнейшей морской державой в Европе.

Столетие с небольшим минуло после вояжа Магеллана. У России еще не было в помине флота, а якутский казак, сотник Семен Дежнев на утлых лодьях отделил Азию от Америки.

Великий Петр не знал об этом, направляя к Великому океану мореходов Ивана Евреинова и Федора Лужина проверить, «сошлась ли Америка с Азиею».

Вскоре царь послал экспедицию Беринга — «на оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки». Мечтал Петр I: «Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских».

Беринг вернулся, но пока Америки не достиг.

«Птенцы гнезда Петрова», вице-адмирал граф Николай Головин и вице-адмирал Наум Сенявин близко к сердцу приняли неудачу Беринга. Горячо обсуждали предстоящий второй поход Беринга.

Нынче оба адмирала состояли членами «Комиссии о рассмотрении флота». Роднили их не только заботы дня сегодняшнего. Радели они о будущем детища Петра — флоте, виделось им, как флот участвует в «приращении государства российского новыми землями Сибири», о чем спустя время станет пророчествовать Михайло Ломоносов, как водружают флотские люди флаг России над открытыми ими новыми землями.

Разговор их непроизвольно перешел на предстоящий вояж Беринга.

— Вона Колумб да Магеллан своих государей возвеличили навек. Славу принесли своим державам и богатство добыли, — посетовал Головин.

— Сии мореходы вояжировали морем, а нам до Великого океана еще добираться на лошадях предстоит, тыщи людишек, подвод надобно токмо для доставки снаряжения, — ответил Сенявин.

Головин встрепенулся:

— Не однажды мысль мне приходила, Наум Акимович, — снарядить два-три фрегата для похода на Камчатку. На них

погрузить всех людей для экспедиции, имущество, провизию, припасы. Следовать известным Магеллановым путем — через Атлантику, кругом мыса Горн к японским островам и далее на Камчатку.

Сенявин слушал внимательно, не перебивая и только спросил:

— Где же, Николай Федорович, для такого вояжа сыскать людей?

— В том-то и суть, что наши офицеры и матрозы дальше финских шхер не плавают. Вона в аглицком да також голландском флоте каждый год немало кораблей отправляют в Ост-Индию, дабы практику давать офицерам и матрозам. Где же им учиться, как не в вояжах дальних? Кроме протчего, пора нам, россиянам, и кругом света плавать…

Свои соображения Головин решил наконец-то высказать на заседании Сената и Адмиралтейств-коллегии, куда он спешил сумрачным мартовским днем.

— Сухой путь нынче на Камчатку долог, — страстно убеждал он в кулуарах адмиралов, — два лета надобно, не менее, чтобы с обозом туда добраться.

Его окружили, прислушиваясь, члены коллегии и сенаторы, а Головин продолжал:

— Присовокупите сюда годика два на постройку судов, — он загнул пальцы, — да на обратный путь в Петербург. Накладно получается.

— Что же ты замыслил, Николай Федорович, — лукаво спросил вице-адмирал Гордон. Он-то знал и раньше мнение Головина, — неужто есть другая дорога, покороче?

— Тебе-то ведомо, Томас Иванович, что морской вояж и проворнее и выгодней намного, нежели сухопутьем, — ответил Головин, а Гордон, вторя ему, добавил:

— Расточительно тратить время попусту. На телегах плестись будем, вечно позади Европы останемся. Надобно на Камчатку под парусами плыть…

На заседании, как обычно, главенствовал вице-канцлер Остерман, всемогущий человек при императрице Анне Иоанновне. «Царь всероссийский», как прозвали его при дворе.

— Ее величество, — начал он степенно, — повелела нам не откладывая рассмотреть предложение капитан-командора Беринга, дабы отправить его нынче же летом на Камчатку.

Сенаторам проект Беринга за целый год скитаний из одной канцелярии в другую был досконально знаком. И они были готовы его одобрить.

Адмиралтейств-коллегия, пока тянули канитель,

распорядилась впрок готовить разное корабельное снаряжение для отправки с обозом. Однако теперь появился другой вариант. Об этом и докладывал Головин, излагая преимущества морского пути.

— На Камчатку из Санкт-Петербурга морем мочно отправить корабли, — горячился вице-адмирал, — они добротнее и крепче будут, нежели там построенные. Кроме прочего, морские офицеры и матрозы практику иметь смогут полезную.

Остерман слушал Головина опустив глаза, не перебивая. Возглавляя морскую комиссию, он опекал Адмиралтейство, старался во всем содействовать строительству и обустройству флота. Нередко прислушивался к советам Головина и, когда тот кончил, спросил:

— И каким же маршрутом отправятся те корабли?

— Ваша светлость, — Головин взял карту, передал Остерману. Вопрос не застал его врасплох. — От Британских островов крутом Южной Америки, минуя мыс Горн и далее к Японии. С окончанием же экспедиции идти в Китай, мимо Индии кругом Африки. Сим же образом наши мореплаватели кругом света вояж совершат, государыню и отечество прославят.

Члены Адмиралтейств-коллегии одобрительно зашептались. Видимо, они поддерживали Головина. Об этом высказался вице-адмирал Сенявин.

— От Кронштадта до Камчатки судами доплыть мочно месяцев за десять — двенадцать. Не более года Берингу хватит для изыскания новых земель. Ежели через Сибирь добираться, вояж затянется на добрый десяток лет.

Остерман непроницаемо молчал, безразлично глядя прямо перед собой, но адмиралтейцы напористо держались своего.

— Великий Петр, отец наш и создатель, — прервал молчание вице-адмирал Гордон, — мыслил о дальних вояжах. Нынче немного европейских капитанов обошли вокруг света, французы и вовсе того не одолели. Российский флаг хотя и молод, но пора испытать себя в тех плаваниях.

Неожиданная идея пришлась явно не по вкусу вице-канцлеру. Умудренный дипломатическим опытом, он никогда не спешил и ничего не решал скоропалительно, особенно тогда, когда был малосведущ в сути дела. Свое неведение он подчас тщательно и искусно скрывал от окружающих, ловко уходил от прямых ответов, а иногда попросту отмалчивался. Однако в этот раз молчание становилось непозволительным. Как часто бывало в прошлом, выручила природная педантичность, и он спросил Головина:

— А кто же поведет сию экспедицию?

— Капитан-командор Витус Беринг имеет достаточный опыт для этого, — Головин оглядел присутствующих, — а ежели понадобится, я и сам готов повести корабли кругом света. Слава богу, плавал в заморские страны, хаживал и в Атлантику.

Остерман опустил глаза, как бы раздумывая, хотя для него этот вопрос был предрешен. «Вот так вдруг менять все планы? Когда все уже рассмотрено в коллегиях? А потом, что сулит такой вояж для императрицы, ее престижа? Океаны и десятки морей с ураганами, штормами, где вместе с погибшими, не дай бог, кораблями потускнеет и величие государыни… В Финском заливе и то суда тонут… И чего ради? Легковесных мечтаний моряков? Заново готовить докладные записки для императрицы, обязательно переводить их для Бирона на немецкий. Хлопот не оберешься. Нет, он не намерен подвергать риску предприятие, уже одобренное высочайше». Остерман встал.

— Монаршая воля для нас неколебима. — Остерман говорил тихо, но властно. — Ее величество соблаговолили избрать для подготовки вояжа сухой путь на Камчатку по Сибирским трактам. Посему, господа, сенат и коллегия, надлежит нам рассмотреть, как наилучше сие исполнить. — Вице-канцлер перевел взгляд на Головина. — А что касается вояжа круг света, граф, оставьте в том разобраться потомкам…

Монаршей волей вице-канцлер умело прикрывался во всех щекотливых делах. Повелось это после кончины Петра Великого. Времена наступили смутные, шаткие…

Однако вице-адмирал Николай Головин не собирался сдаваться и отдавать потомкам честь первопроходцев.

В октябре 1732 года он подал Анне Иоанновне представление — «Ея императорскому величеству самодержице всероссийской»: «…Дабы через оное нижеозначенное мое предложение корабельный флот к вечной славе в других морях произвести и показать в том морских офицеров достаточными морской практике умножить, дабы и впредь вечно российский флот мог быть в состоянии по препорции патентатов, в соседстве вашего и в живущих на Балтийском море действителен быть».

О чем же печется неугомонный русский адмирал? Подсчитав, что, следуя сухим путем, экспедиция Беринга займет как минимум шесть лет без малого, он предлагает: «…потребно нахожу другой способ чтобы в будущую весну отправить отсюда в Камчатку через море два фрегата российские… через Большое море-океан кругом капа Горна в Зюйдное море и между японских островов даже до Камчатки… И оной путь оные фрегаты могут учинить во времени 11 месяцев или и меньше… Когда в Камчатку прибудут, могут снабдить командора Беринга и его команду

материалами и припасами и способнее без всякого опасения везде ходить и выискивать всякие земли и острова будут. Когда же те суда возвратятся благополучно, то надлежит всякий год посылать на Камчатку по два фрегата. Сим способом сыщется случай быть непрестанной и преизрядной школе к обучению офицеров и матрозов. В изыскании же Америки может быть великая государственная польза…»[1]

Множество убедительных доводов в пользу и выгоду государству от плавания кругом света для науки, коммерции и на случай войны приводит Головин. Мало того, сам стремится в это плавание: «Для вышеобъявленной всего государства Российского пользы, меня представляю во оный путь следовать и быть в том предводителем, ежели другого к тому волею способного офицера не сыщется. Токмо подлежит со мною послать в помощь мне некоторых офицеров и морских служителей, которых я за потребно рассуждаю, некоторых из флоту нашего и. в…Сие всеподданнейшее мое мнение предлагаю в несомнительном уповании, что оное есть весьма нужное и важное вначале к поправлению флота вашего и.в., а потом и научению и умножению в том морских и добрых офицеров и матрозов. Надеюсь и по ревности моей к службе вашего и.в. быть сему моему вышеобъявленному нижайшему предложению впредь к вящей пользе и плоду государственному вечно…

О сем доносит вашего и.в. всеподданнейший раб Головин».

Добрый почин Головина поддержали флагманы Балтийского флота.

Российский флот едва покинул колыбель — минуло чуть больше четверти века, а его адмиралы в кругосветные вояжи устремляются. Похвальное дело и дерзкое, такое под силу далеко не каждой державе. Головин как никто другой понимал, как важно для Отечества укреплять флот на масштабных делах, именно здесь рождаются, как сегодня сказали бы, настоящие профессионалы, классные специалисты. Не одну кампанию провел он в английском флоте, побывал в Атлантике, бороздил воды Средиземноморья. Видел, какую пользу державе и славу себе обретают моряки, совершившие кругосветный вояж, но даже в Британии их можно перечислить по пальцам. В России же только еще предстояло выращивать таких отважных мореходов. Так стоило ли откладывать благое дело в долгий ящик? Головину все было предельно ясно. Но осторожный Остерман сделал все, чтобы дерзкая идея нашла свое успокоение в этом ящике, и спрятал концы в воду. Один официальный источник хитроумно писал по поводу головинского проекта: «…Неизвестно почему, хотя и нетрудно угадать причину, что предложение было

отвергнуто». Даже непосвященные поняли, что прозрачный намек указывал на Остермана, именно ему этот проект был не по нутру. А потому и мечты русских мореходов увяли на многие десятилетия. Но не сгинули…

Идея Головина была сродни, по тем меркам, мечте о космосе, полете к звездам. Недаром поэт Г. Хвостов восторженно приветствовал одного из первых крутосветчиков — Михаила Лазарева — такими словами: «Хвала вам, Росски Аргонавты!»

Николай Головин остался для потомков зачинателем славного дела. Немало терний будет на пути к этой великой цели, три четверти века пролягут. От Головина до Лисянского — долгий путь, но как говорили древние: «Per aspera ad astra» («через тернии к звездам»).

Нежин

Первый четверг августа 1773 года в уездном городке Нежин на Черниговщине мало чем отличался от обычных дней в эту пору на Украине. После нескольких кряду знойных дней с утра прогремела гроза. Непродолжительный, но сильный ливень обильно полил сочные кущи садов и палисадники, сплошь укрывшие городок, и в несколько минут превратил немощеные улочки в месиво грязи. Тучи быстро пронесло, и солнечные блики вновь засверкали на умытых куполах десятков церквей и церквушек.

В будний день служба в нежинских храмах текла, как всегда, размеренно, по издревле заведенному порядку. В приходской, средней руки, Иоанна Богословской церкви двери и окна были распахнуты. Несмотря на ранний час, на паперти толпились прихожане, церковь не вместила всех желающих. Протоиерей церкви, в миру Федор Лисянский, совершал обряд крещения младенца — своего третьего по счету сына, появившегося на свет в минувший понедельник 2 августа. Судя по молитве, служба началась недавно.

— Господи, Боже наш, Тебе мы молимся и Тебя просим, да отразится свет твоего лица на этом твоем рабе Юрии, — певуче, радостно вещал протоиерей, временами склоняясь над младенцем. Всматриваясь в голубые бусинки глазенок, он нет-нет да и подумывал: «Что-то готовит тебе, сыне, Божий промысел в жизни…»

Нежинский священник не мог знать, что в день появления на свет его младенца, то ли по случаю, то ли по предзнаменованию, в разных краях света, за тысячи верст от Нежина происходили небезынтересные события…

В водах Тихого океана, продолжая второе кругосветное плавание, английский капитан Джеймс Кук записал в своем дневнике:

«Понедельник 2 августа. Поскольку в предыдущем плавании я, как и теперь, пересекал этот океан на пространстве от 40°S и выше, то могу составить следующее суждение в отношении главной цели моих изысканий — Южного материка. Обстоятельства как будто указывают нам, что его не существует, но вопрос этот столь важен, что не предположения, а факты должны решать дело…»

Британским лордам привычно было посылать корабли на поиски новых земель — флот его величества, слава богу, пять веков обогащал корону их короля… Поэтому и опытнейший

капитан Кук осторожен — «не предположения, а факты должны решать дело…». Не пройдет и полстолетия — российские моряки докажут обратное: Южный материк существует…

Авторитет Кука высок в Европе. Описанием его первого кругосветного плавания в те дни зачитывается лейтенант французского флота Жан-Франсуа Лаперуз. Он мечтает открыть новые земли в Тихом океане. К тому же Франция все еще отстает от англичан в поисках новых колоний…

Слыхом не слыхивал пока про Кука молодой рыльский купец Григорий Шелихов. Когда в Нежине крестили младенца, он спешил на край России, в далекий Иркутск, и далее, к Великому океану. Построив там небольшие суденышки, он устремится к открытым русскими мореходами берегам Америки в надежде отыскать новые земли на удачу в промысле и добьется успеха, приумножив славу Отечества…

Три искателя, три подвижника. Три судьбы, столь не похожие, но связанные воедино одной страстью истинных первопроходцев — поиском в океанских просторах неизвестных земель…

А что же новорожденный младенец, беззаботно резвящийся в купели?

Минует ровно тридцать лет — и капитан Российского флота Юрий Лисянский поведет свой корабль в первое кругосветное плавание. В просторах Тихого океана он не раз пересечет курсы, которыми хаживали Джеймс Кук, Жан-Франсуа Лаперуз и Григорий Шелихов, посетит места, где бывали они, вспомнит о них — и удача улыбнется ему… Пока же в церкви продолжается служба.

— Помазывается раб божий Юрий елеем радости во имя Отца и Сына и Святаго духа, — священник бережно приподнял сына, повернулся к Востоку и трижды погрузил его в купель с водой, произнося при этом: «Крещается раб божий Юрий во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго духа, аминь!»

Немногоголосый, но стройный хор старательно подхватил псалом. Чистые звуки полились в распахнутый притвор, растекаясь по тихим нежинским улочкам…

Древний город Киевской Руси, Нежин, известный во времена Ярослава I, не раз упоминался летописцем Нестором. Расположенный по берегам речки Остер, Нежин укреплял южную границу владений киевских князей. Жители города бедствовали во времена татарского ига, испытали гнет литовских князей и польских магнатов. С зарождением казачества Нежин, один из главных городов Гетманщины, становится полковым городом. Богдан Хмельницкий назначил в состав Нежинского полка 1200

реестровых казаков. В этом полку прадед Юрия «Епифан Лисянский был действительно полноправным есаулом, в 1712 году в походе и жизнь свою окончил», дядя, Демьян Герасимович, впоследствии «определен сотником» в тот же полк. Все Лисянские отличались службой отечеству и, как гласит «Общий гербовник дворянских родов», «Предки Лисянских в древние и новейшие времена служили Российскому престолу разные дворянские службы и жалованы были за оные чинами и другими почестями…» Лисянские владели небольшими имениями в округе, по 10–20 дворов. Федор Герасимович Лисянский состоял и вовсе «беспоместным дворянином». Окончив Духовную семинарию, добросовестной службой в небольшой церкви заслужил доверие и уважение прихожан.

Спустя год после рождения Юрия случилась беда: дотла сгорел дом священника со всеми пожитками. Выручили прихожане — приютили, помогли кто чем мог своему почитаемому пастырю.

Своих сыновей — Ивана, Анания и Юрия, отец обучал с малых лет. Старший, Иван, больше тяготел к псалтырю и часослову, младшие с охотой штудировали грамматику и арифметику.

Федор Герасимович, несмотря на церковный сан, живо интересовался событиями светской жизни. Иногда новости приносили в дом и его родичи.

Юрию пошел уже восьмой год. Однажды осенним вечером 1780 года к ним заглянул сотник Демьян Герасимович, брат протоиерея. Он только что вернулся из Киева.

— Вот тебе, братику, гостинец, приобрел по случаю у киевского лавочника, — и протянул книгу. Он знал, что его брат, большой книголюб, переживал потерю во время пожара добротной библиотеки. Поэтому, бывая в Киеве, Демьян не скупился и ни разу не возвращался без подарка.

Пролистав несколько страниц, Федор Герасимович просиял:

— Добрый подарок. Сия «Книга письмовник» мне знакома, но в другом заглавии находилась в моей библиотеке. Принадлежит она перу Миколы Курганова из Шляхетного Морского корпуса, что в Кронштадте. Человек он ученый, профессор.

— А мне думалось, мореходы — человеки лихие да бедовые, токмо горилку чтят, как наши запорожцы, — ухмыльнулся Демьян.

— Что ты, братец, — рассмеялся Федор Герасимович, — морская служба весьма мудрена, и знания потребны там по всей математике, небесной механике, географии…

— Для чего ж так? — удивился сотник.

— Потому, как мореходы по разным странам света путешествуют, тысячи верст плывут, не видя берега. На море шляхов нема, а кормчему знать надобно ежечасно, в какую сторону плыть. Для того-то науки служат подмогой.

Прощаясь, Демьян спросил:

— Помнишь ли нашего полкового командира Безбородко?

— Ну конечно, — Федор Герасимович не забыл моложавого полковника, любимца фельдмаршала Румянцева. Безбородко часто бывал в церкви Иоанна Богослова на его литургиях.

— Так он, сказывают, нынче в Петербурге, при дворе, в большой милости у государыни…

Когда протоиерей, проводив брата, вернулся, дети начали его теребить:

— Что значит кормчий? Какие такие страны на свете? Где находится море и как по нему плывут люди?

Отец добродушно улыбнулся, погладил бороду, взял со стола раскрытую Библию, часто пользовался он книгами Священного писания, которые знал досконально и считал их средоточием вековой мудрости человечества. В них находил подтверждение множества житейских истин, ответы на разные стороны бытия человека.

— Сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями, — протоиерей посмотрел на притихших детей и пояснил: — Великие земли зовутся материками — Европой и Азией, Америкой и Африкой. Меж ними великие моря — океаны. Наша Малороссия располагается меж двух морей — Балтийским и Черным, издревле прозываемым Русским, — отец Федор минутку-другую помолчал.

— По морям и океанам плывут в разные страны корабли…

— Что означает корабль? — спросил самый младший Юрий.

— Ты помнишь, летом по Остеру плавали челны?

Мальчик согласно кивнул, а отец продолжал:

— Так вот, в море-океане плавают великие челны, со множеством людей и разными товарами. И прозываются те челны — кораблями…

Привезенная из Киева книга пришлась ко времени. Дети уже знали азбуку, читали по слогам Библию, старательно выводили первые буквы. Но при всем старании отца недоставало стройности в обучении ребят. «Письмовник» же излагал не только «науку российского языка с седьмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вешесловий». Здесь были «разные стихотворства», «краткие замысловатые повести», изъяснения по истории, философии, естествознанию. Федора Герасимовича

восхищала ясность мыслей автора, простота. Тут же приводились и собрания многочисленных российских пословиц и поговорок. Длинными зимними вечерами отец читал и пояснял их сыновьям, по привычке, будто псаломщик, растягивая слова, и следом всегда повторял свое любимое изречение из Библии.

— Весь корень зла, чада мои, в сребролюбии. А потому живите без корысти и зависти. Златом не прельщайтесь. — Помолчав, обычно добавлял: — «Нищета не отнимает ни ума, ни чести…»

После Пасхи занятия прерывались, и теперь, в жаркие Дни, братья пропадали на берегах лениво текущего посреди города Остера. Старший, Иван, боязливо поеживаясь, отсиживался на берегу. Младшие братья барахтались в воде.

Лето сменила осень, и с ней в семью Лисянских нагрянула беда. Внезапно скончалась жена протоиерея. К сожалению, история не сохранила каких-либо сведений о матери нашего героя. В те времена и сам протоиерей Федор Лисянский, не имевший «ни кола ни двора», еще не был причислен к дворянству и ни в каких родословиях не значился. Кроме того, Нежин в наш век пережил не одну лихую годину, и их вихри разметали и память о прошлом. Вполне можно предполагать, судя по характеру детей, что их мама была женщиной доброй и отзывчивой, как и большинство малороссиянок.

После поминок Федор держал совет о дальнейшем житье-бытье с братьями — Иваном и Демьяном. Первое время они помогали брату — скудного жалованья священника едва хватало, чтобы свести концы с концами.

— Тяжко придется тебе, одному не вытянуть, — проговорил Демьян и кивнул в сторону детской спальни, — видать, хлопчиков определять на казенный кошт придется.

— Я и сам об этом продумывал давненько. Старшего, Ивана, определю в духовную семинарию. — Протоиерей разгладил небольшую бородку. — Анания с Юрием хочу свезти в Петербург, мыслю устроить в Шляхетный корпус морской. Толковые люди, слыхал, там наставники, наподобие Курганова, и хлопцев, глядишь, в люди выведут. Только, сказывают, не всем в тот корпус шлях открыт. Будто регламент предписывает набирать детей дворян именитых, а захудалым, вроде меня, туда ходу нет.

Со времен Петра Великого малороссийские шляхтичи уравнялись в правах с великоросским дворянством. Однако шляхетство требовалось еще подтвердить. Доходили слухи, что петербургские чинодралы при случае старались ущемить малороссиян. При поступлении их детей в Кадетский корпус требовали разные доказательства «с показанием гербов и

дворянства», тем более не дозволялось принимать выходцев из малопоместных дворян.

— А помнишь, Демьян, — прервал молчание Федор Герасимович, — ты сказывал о Безбородке?

— В самом деле, их сиятельство тебе все же мало-мальски знаком. Человек он порядочный и бескорыстный, — ответил Демьян и добавил: — К тому же в Петербурге в большой силе наш, черниговский, граф Разумовский Кирилл Григорьевич, президент тамошней Академии наук. Я полковых товарищей порасспрашиваю, быть может, кто из них с его родичами знаком. Поезжай, с Божьей помощью все образуется.

— Да не оставит нас Господь промыслом Божьим… — вздохнув, перекрестился протоиерей.

Зима 1783 года была на исходе, а вместе с ней уходило в прошлое и детство сыновей протоиерея. Разнились они только внешне. Юрий был пониже ростом, но выглядел крепышом, с озорным огоньком в голубых глазах и кудрявой шевелюрой. Что роднило их, что запало в душу в стенах отчего дома?

Высокая нравственность и чувство уважения к людям, а еще твердое усвоение незыблемости трех начал жизни каждого россиянина — Веры, Царя и Отечества.

Кронштадт

Главный секретарь императрицы, составитель всех ее указов и манифестов, граф Александр Андреевич Безбородко считался незаменимым и при ведении внешнеполитических дел. Когда же политика касалась морских рубежей России, ему приходилось нередко увязывать разные вопросы с Адмиралтейств-коллегией. Впервые Безбородко соприкоснулся с флотскими делами три года назад — императрица привлекла его к работе над декларацией о «Вооруженном нейтралитете» на море. Тогда-то он по-приятельски сошелся с вице-президентом Адмиралтейств-коллегии графом Чернышевым Иваном Григорьевичем.

Еще Елизавета Петровна определила Чернышева наставником к малолетнему цесаревичу Павлу. Екатерина с приходом к власти пожаловала его чином генерал-поручика и назначила в Адмиралтейств-коллегию, хотя он кончил сухопутный кадетский корпус. Такое случалось. С той поры началась морская карьера графа. Одиннадцать лет командовал он галерным флотом. Много сделал для строительства новых больших судов. Став вице-президентом, Чернышев ссудил коллегии свои деньги — 75 тысяч рублей — на оснастку кораблей «по случаю недостатка денег в оной». Будучи членом Российской Академии наук, в 1781 году он за свой счет снарядил кругосветную экспедицию. Командовать кораблем должен был его генеральс-адъютант лейтенат Григорий Муловский. По ряду причин экспедиция не осуществилась…

Двадцать лет состоит Чернышев основным докладчиком императрицы по морскому ведомству. Зачастую предприятия флотские переплетались с действием Коллегии иностранных дел, и здесь Чернышев всячески наставлял молодого Безбородко, как лучше блюсти морские интересы России. Потому появление его хмурым мартовским утром 1783 года в Адмиралтейств-коллегии никого не удивило. Заседание коллегии только что закончилось, и Безбородко попросил задержаться члена коллегии, директора Морского кадетского корпуса, вице-адмирала Голенищева-Кутузова.

— Нынче ко мне наведался старинный знакомый, благочинный священник из Малороссии, — сказал он, поздоровавшись и поглядывая то на Чернышева, то на Голенищева-Кутузова, — у него беда стряслась в семействе, и он привез двух своих отроков определить в корпус. Как водится, чиновники рогатки ему тут же выставили.

Чернышев вопросительно посмотрел на директора корпуса. Тот знал, что граф был щепетилен в таких делах. За два десятка

лет в Адмиралтейств-коллегии круглый год к Чернышеву обращались важные сановники с просьбами пристроить своих отпрысков в корпус. Каждый раз он отсылал их к Голенищеву-Кутузову, полностью ему доверяя, — знал, что все будет решено по совести. Сегодня случай был особый, следовало помочь.

— Вакансии в третьем классе имеются, ваша светлость, — словно угадывая настроение вице-президента, ответил Голенищев-Кутузов.

— Ну, вот и превосходно, распорядитесь все оформить. — Чернышев повернулся к Безбородко: — Только о ком речь идет, кто предмет вашего покровительства?

— Нежинский священник Лисянский, из мелкопоместных дворян, — ответил Безбородко.

Нежинскому протоиерею повезло, оказались вакансии в третьем, самом младшем классе Морского корпуса. По указу Петра Великого в Морской корпус принимали в первую очередь сыновей дворян из Новгородской, Псковской, Ярославской, Костромской губерний. Желающих поступить всегда было в избытке. Потому приходилось иногда месяцами ждать, когда кадетов переведут в старший класс и освободят места для новичков. В этом году благодаря стараниям Голенищева-Кутузова по указу императрицы состав Морского корпуса увеличился более чем на 200 человек.

Одно огорчало Федора Лисянского — в дороге заболел старший сын, Ананий. Его пришлось оставить в Петербурге у знакомых земляков из свиты Кирилла Разумовского. Но так или иначе, протоиерей покидал Кронштадт довольный тем, что обустроил сыновей.

Прощались Лисянские сразу после обеда. Нужно было успеть с оказией засветло в Петербург, к больному Ананию. Протоиерей наскоро почаевничал у священника корпусной церкви и вышел в просторный вестибюль, где его поджидал переодетый в форму сын. Зеленые штаны и кафтан топорщились на нем, белые гетры слегка приспустились. Отец обнял его за плечи, приободрил:

— Ну, вот, сыне, и определился ты на стезю морского учения. Наставники в корпусе весьма учены, — лицо протоиерея озарила улыбка, — нынче беседовал с математическим учителем Кургановым Николаем Гавриловичем. Да, да, тем самым, — закивал он сыну головой, — держись таких учителей, они добро сеют. Как в Священном писании сказано, главное — мудрость. Приобретай мудрость, высоко цени ее, и она возвысит и прославит тебя. — Протоиерей вздохнул. — Будь благочестив, чти заповеди Господа нашего Иисуса, помни всегда о божьем промысле. — Он облобызал и перекрестил сына: — Да

благословит тебя Господь!

— Истинно так, батюшка, — тихо ответил сын. Едва сдерживая слезы, он долго смотрел вслед скрывшемуся за дверью отцу. Заканчивался день 16 марта 1783 года.

…Грохот барабанной дроби ударил в уши внезапно. Закутанный с головой одеялом Юрий не успел что-либо сообразить, как с него сдернули одеяло.

— Новенький, шевелись! Не то останешься без булки! — Рядом стоял белобрысый сосед по койке, торопливо надевая штаны. — Айда умываться, а потом на молитву.

Накануне, после отбоя, он долго не мог уснуть. В просторной ротной комнате веяло прохладой, над головой чернело застекленное кое-как окошко, оттуда тянуло стылым холодом, обволакивая спящих кадетов. За окном внизу посвистывала запоздалая поземка.

В полудреме Юрию вновь и вновь вспоминались громады кораблей, возникшие словно призраки в предрассветной дымке, когда они с отцом подъезжали к Кронштадту. Вмерзшие в скованную льдом кронштадтскую гавань, корпуса сверху были прикрыты гигантскими брезентовыми тентами. Тут и там по льду двигались группами матросы. Одни тянули к трапам кораблей санки с дровами, другие волокли, видимо для ремонта, реи, части мачт и другого рангоута. Всюду в морозном воздухе раздавались громкие окрики унтер-офицеров. Невиданное доселе зрелище завораживало…

Наскоро умывшись, Лисянский едва успел на утреннюю молитву.

Директор корпуса Голенищев-Кутузов в духовном воспитании своих питомцев придерживался довольно простого, но основательного принципа старинной русской присказки: «Идучи на войну — молись, идучи в море — молись вдвое». И посему с малых лет в будущих моряках формировались религиозные чувства, взращивалась потребность ежедневного обращения к Богу. Сообразно этому во всех ротах, начиная с малолетних, оборудовались молельные залы с обязательной иконой Божьей Матери, перед которой постоянно теплилась лампада. По воскресным и праздничным дням воспитанников водили в соседнюю церковь, на Божественную литургию. Само собой, Закон Божий преподавался во всех классах Морского корпуса наравне с другими науками. Среди них были математика и навигация, география и словесность, история и ботаника. Преподавались языки: английский, французский, немецкий, риторика и танцы, рисование и фехтование. Многие учителя были иностранцами, причем платили им вдвое больше, чем остальным

преподавателям.

В Кронштадт Морской корпус перевели двенадцать лет назад из Петербурга поневоле: сгорело прежнее здание на Мойке. Большинство толковых преподавателей остались в столице, а сменившие их отличались невежеством и грубыми нравами. В коридорах и классных комнатах то и дело слышалась брань.

— Эй ты, каналья! — кричал, бывало, на уроке учитель. — Отвечай, что задано, чучело гороховое!

— Поди-ка сюда, болван! — вторил ему после занятий ротный офицер-воспитатель.

После нежинской тиши и размеренности девятилетний мальчуган первые недели грустил и присматривался. Среди сверстников у себя в Нежине он выделялся веселым нравом и безбоязненностью. Теперь это пригодилось. С новичками поначату обходились круто, испытывали на силу и стойкость где-нибудь в закутке. В умывальнике на перерыве Юрия окружили кадеты. Один из них, круглолицый задира, ткнул в плечо:

— Ну, фефела, откуда и чей ты?

Юрий ничуть не смутился и стряхнул руку задиры:

— С Нежина, Лисянский…

— Так это лиса хохлацкая, — засмеялся задира и кругом захохотали кадеты.

— Сам ты кацап поросячий, — не растерялся Юра.

Круглолицый хотел схватить Лисянского за шиворот, но он увернулся и толкнул обидчика в грудь. Тот вначале опешил, а потом кинулся на новичка. Но между ними встал высокий худощавый кадет.

— Будет, Колобок, — сказал он примирительно, — все одно тебе его не покорить.

В коридоре зазвонил колокол. Худощавый хлопнул Юрия по плечу:

— А ты с норовом. Айда в классы…

После классных занятий худощавый нашел Юрия и протянул руку:

— Михайла.

Михаил Баскаков поступил в корпус год назад, кадетские порядки изучил досконально. Ровный характер, честность в поступках и справедливость в решениях снискали ему авторитет у кадет, особенно среди малолеток. Лисянский приглянулся ему независимым нравом. Баскаков стал его первым наставником и верным другом на долгие годы.

Он положил руку на плечо Юрия и повел его в свое заветное место. На верхнем этаже, минуя лестницу, ведущую в башню для астрономических наблюдений, они прошли коридором к

широкому окну. Внизу справа и слева в Купеческой, Средней и Военной гаванях, будто по линейкам, стояли скованные льдом корабли Балтийской эскадры. Перед каждым из них торчали металлические бочки с заведенными на них носовыми швартовыми канатами. Между цепочками бочек, вдоль строя кораблей, тянулись по льду проезжие дороги. От них на корабли отходили тропинки. На каждом корабле днем и ночью несли корабельную службу матросы — на случай пожара или воровства. Всякое бывало.

— А чего в них мачты низенькие? — смешно выговаривая, спросил Лисянский.

— Осенью кончается кампания, корабли готовятся к зимней стоянке. Зимой морозы — паруса, такелаж, деревянные части беречь надобно, их снимают и свозят на берег, в магазины, до весны…

Между тем мартовское солнце настойчиво напоминало о приближении весны. У стенок гаваней, вокруг кораблей и бочек зачернели проталины. Давно растаяли сосульки, в полдень нагревались борта. Солнце садилось, короткие сумерки сменялись ночной мглой. Вмерзшие в лед корабли напоминали чем-то заснувших великанов. Особую таинственность придавала этой картине появлявшаяся изредка из-за облаков луна. Длинные тени от корпусов кораблей тянулись и перемещались по ледяным полям вслед за движением луны… Вспоминались невольно тихие, безмятежные зимние вечера в Нежине, когда батюшка при тусклом свете одинокой свечи размеренно читал и рассказывал детям книги Священного Писания. Как-то теперь сложится жизнь здесь, на острове, окруженном ледяными полями, чем-то отдаленно напоминающими раздольные малороссийские степи? Как бы там ни было трудно, но мальчик уяснил твердо одно: в Нежине батюшке не по силам и средствам содержать, а тем паче дать образование своим детям, надобно смириться…

Весна брала тем временем свое. Постепенно проталины на льду превращались в полыньи, тут и там в ледяных полях появлялись трещины и разводья. Однажды поздно вечером в последнюю неделю апреля, со стороны столицы донеслись глухие раскаты, подобные пушечной стрельбе.

— Стало быть, Нева-матушка пробудилась, на волю просится, — пояснил отставной матрос Пафнутьич, живший в каморке под лестницей. Он был за истопника и ключника и с ним незаметно подружился Юрий.

Пока залив постепенно очищался ото льда, на кораблях наращивали мачтовые стеньги, крепили реи, вооружали стоячий и бегучий такелаж. Последними к мачтам подносили и

подвязывали паруса. Экипажи окончательно переселились из казармы на корабли. Затем корабли один за другим, буксируемые шлюпками, вытягивались на внешний рейд и становились на якоря строго по диспозиции. За всеми действиями экипажей и движением кораблей в свободные часы с любопытством и вниманием следили кадеты, кроме что разве выпускников-гардемарин, которые снисходительно поглядывали на младших товарищей.

В начале мая с первым транспортом из Петербурга прибыл Ананий. Несказанно обрадовавшись, младший Лисянский на правах старожила сопровождал брата из канцелярии в роту, затем повел в каптерку. Одним из первых он представил Ананию своего нового товарища Михайлу Баскакова. Тот сразу подметил разницу в характере Лисянских. В отличие от младшего брата, шустрого, любознательного весельчака, Ананий выглядел эдаким меланхоличным ленивцем, живущим по присказке «тише едешь, дальше будешь». Однако Баскаков подружился одинаково с обоими братьями, и троицу обычно встречали в свободные часы неразлучной.

Летние каникулы братья, как и многие кадеты, проводили в корпусе. Большинство их происходило из захудалых, небогатых дворян, а некоторые родители владели лишь собственным домом и прозывались «однодворцами». Поэтому долгая дорога домой в российскую даль являлась для них непосильной и не по карману. Да и не особенно ждали их родные, проживавшие в захолустных владениях, — сами жили небогато. Правда, небольшую часть кадет из именитых семей, особенно титулованных, родители забирали на лето домой, но таких было немного.

Те, кто оставался из младших классов, занимались играми, не отставали в забавах от сверстников и Лисянские, но Юрий пристрастился к практическим занятиям по шлюпочному делу. Специально выделенные унтер-офицеры и боцманы в первый год обучали малолетних кадет гребле на шлюпках. На второе лето Юрий уже лихо управлялся с парусами, и пожилой, суровый на вид боцман, улыбаясь в усы, частенько нет-нет да и доверял ему, десятилетнему мальцу, румпель. В шлюпке обычно находились его друзья-одноротники: Федор Лазарев, Иринарх Тулубьев, Сергей Дурново, Алексей Толбухин, Ростислав Макаров и, конечно, Ананий. Все они были на год-два старше него, но боцман почему-то намного чаще других выбирал для управления шлюпкой именно Лисянского-младшего. В такие минуты мальчик преображался. В считанные секунды он ловко пробирался на корму и принимал румпель от боцмана. Нахлобучив поглубже фуражку, в какие-то мгновения успевал вскинуть глаза вверх,

вправо, влево, чтобы верно оценить ветер и обстановку. А затем… Затем для него наступали те счастливые минуты, ради которых готов был сносить какие угодно передряги и неустроенности кадетского быта. Он оставался один на один со стихией, ветром и водой.

По его команде кадеты, выбирая и обтягивая шкоты, разворачивали парус в нужную ему сторону так, что он полностью заполнялся ветром. Шлюпка уваливалась и, забрав ветер, прибавляла ходу. Едва заметным движением он чуть-чуть перекладывал румпель и тут же, повинуясь рулевому, шлюпка, еще больше накренившись, устремлялась вперед, набирая скорость. В эти минуты Юрию казалось, что он сливается с судном в единое целое и они существуют и подчиняются одним и тем же жизненным законам. Справа и слева, отставая, теряли ход соседние шлюпки, которыми управляли боцманы и боцманматы. Как жаль, что спереди по носу приближалась каменная стенка… Занятия проводились в Средней гавани. Шлюпкам с кадетами запрещалось покидать пределы гавани и выходить на внешний Кронштадтский рейд. Мальчик не удивился, почувствовав, как всегда в эти минуты, на своей руке хваткую мозолистую пятерню боцмана.

— Ну молодец, молодец, айда на место, — обычно приговаривал он и, быстро оглянувшись, зычно командовал: — К поворо-оту!

…Привалившись к побледневшему от качки Ананию, Юрий как ни в чем не бывало поглядывал вверх на тугой кливер. Ему скоро одиннадцать лет. Вокруг полоскали парусами шлюпки, а вдали маячили шхуны из дальних стран. Мимо Кронштадта в сторону Петербурга проходили иноземные купеческие бриги. Там они вели взаимный торг и уходили в другие страны. Успех торговли зависел от новых товаров и рынков. Поэтому мореплаватели продолжали отыскивать новые земли, идя неизведанными путями. Об этом не раз слышал Юрий в разговорах старших гардемарин.

Четыре с лишним года тому назад, совершая третье кругосветное плавание, на Сандвичевых островах в стычке с туземцами погиб прославленный капитан Джеймс Кук. Незадолго до трагедии, в октябре 1779 года, он побывал на островах Русской Америки. Там его встретил подштурман Герасим Измайлов. Он «отлично знает географию этих мест и сразу указал на ошибки на новых картах», — отозвался о нем Кук. Англичане «всегда встречали сердечный прием» у русских.

Боевой капитан Лаперуз возвратился во Францию, успешно завершив операцию против англичан в Гудзоновом заливе. Его

кумир — капитан Кук. Не совершив кругосветного плавания, «я не позволю себе умереть», — шутил Лаперуз. Вот и его влекут дальние страны. Лаперузу известна трагическая судьба английского мореплавателя, и все же…

Знает о роковой участи Кука и Григорий Шелихов. С 1776 года почти ежегодно снаряжает он на Камчатке суда и посылает их на промысел к Алеутам. Скоро следом отправился туда сам. «Построя три галиота[2], 783 году августа 16-го из Уратского устья отбыл, что б как наивозможно по простирающейся земле восточной Америки, где обитают разного наименования американския народы, учинить часть распространения со стороны российской…» — вспоминал Шелихов. Днем с огнем ищет он добрых навигаторов.

Дабы надежно управлять парусными судами в океане, потребно усердно готовить будущих капитанов. Но занятия шлюпкой в корпусе проводились не так уж часто. То в гавань втягивался корабль с внешнего рейда, или, наоборот, судно буксировали из гавани на внешний рейд. Иногда с запада на залив надвигалась мрачная пелена, закрывала небо до горизонта, и с небольшими перерывами несколько дней подряд моросил дождь вперемежку со шквалами. А то попросту находила дурь на неопохмелившегося с утра дежурного офицера. Летом обычно уходило в отпуск все корпусное начальство, жившее в Кронштадте, и всем верховодил какой-нибудь штабс-капитан. Выйдя на крыльцо, он щурился на безоблачное голубое небо, переводил взгляд на выстроившихся боцманов и, облизнув пересохшие губы, приговаривал с хрипотцой:

— Нынче ясно, а спустя время, глядишь, и шквал найдет. Неровен час шлюпку перевернет, забот не оберешься, вылавливай потом кадетишек. Сего дня шлюпочные занятия отменяются.

Узнав о таком решении, кадеты высыпали во внутренний двор. Как ни странно, но многие хвалили штабс-капитана, потому что не питали особой страсти к хождению на шлюпках, как на веслах, так и под парусами. Одни из них принимались гонять в «салки», другие играли в «чехарду», третьи уединялись по два-три человека и таинственно перешептывались о сокровенных делах. Лисянские с Баскаковым, как правило, поднимались наверх к наблюдательной башне. Оттуда они любовались панорамой кронштадтских гаваней, крепостных сооружений Котлина, строившимися доками нового Адмиралтейства. Ну и конечно, кораблями.

Когда эскадра стояла на Кронштадтском рейде, они обстоятельно разглядывали каждый корабль, стараясь отгадать его название. Если эскадра крейсировала вдали, распустив

паруса, стремились определить, каким галсом пойдут корабли, совершая очередной маневр. Часто ни на рейде, ни вдали паруса эскадры не просматривались.

— Видимо, ушли в плавание в Ревель, а может, и к шхерам подались, — обычно высказывался солидно самый старослужащий из них, Михаил Баскаков. Но в 1784 году Лисянские коротали летние месяцы вдвоем, Баскакову весной присвоили звание гардемарина, и он ушел на одном из кораблей эскадры в первое практическое плавание.

— Любо ему нынче по вантам карабкаться на марсы и салинги, — завистливо проговорил Юрий, — ветерок, небось, наверху посвистывает, благодать.

— И чего тебя завидки берут, — ответил, передернув плечами, Ананий, — по мне лучше откупиться, чем на мачты взбираться.

Старший брат не одобрял резвости Юрия и всегда старался выбирать занятие поспокойнее. Даже когда ходили на шлюпке, он норовил «попасть» в запасные гребцы и отлеживался где-нибудь под банкой. Быстро уставал он при играх в «салочки» или «житки». Поэтому Юрию, если не находился другой партнер, оставалось лишь слоняться по закоулкам огромного корпусного двора.

Как-то он задремал на солнцепеке, и его разбудил негромкий насмешливый голос:

— Негоже господину кадету дремать, подобно старцу.

Открыв глаза, Юрий быстро вскочил, и румянец мгновенно проступил сквозь плотный летний загар. Широко расставив ноги, перед ним стоял премьер-майор Курганов, человек известный каждому кадету и гардемарину. Он был, пожалуй, единственным из уважаемых ими преподавателей.

Почти все кадеты знали, что премьер-майор в детстве учился так же, как и они, в этом же заведении.

Его отец, унтер-офицер петровских времен, в одиннадцать лет отдал сына в Московскую Навигацкую школу. Закончил обучение Курганов уже в Петербурге, в Морской академии. С первых же лет обучения Николай Курганов проявил незаурядность в математике, легко давались ему иноземные языки. Он был оставлен преподавателем при корпусе. Кроме известного «Письмовника», составил «Универсальную арифметику», по которой обучались в школах России. Курганов в совершенстве знал французский, немецкий языки, свободно владел английским и латынью. Ему присвоили звание профессора, преподавал в старших гардемаринских классах математику, астрономию, навигацию. И при всем том был

уважаем и любим кадетами…

Юрий не раз встречался в коридорах с Кургановым и почтительно приветствовал его. Сухощавый, суетливый старик с седыми мохнатыми бровями и смешной косичкой, торчавшей из-под треуголки, выглядел обычно озабоченным. Но всегда почтительно отвечал на приветствие даже малолетних кадет.

— Так что же ты, братец, времечко транжиришь? — повторил он вопрос. — Разумней бы в «житки» поиграть.

Юрий развел руками:

— Охотников нынче нет, ваше высокоблагородие. В каморы все убежали. Вот и не ведаю, чем завлечься.

— Кто таков? — спросил вдруг Курганов.

— Кадет Лисянский Юрий, — бойко ответил Юрий.

— Постой, постой, — прищурился Курганов. — Не с твоим ли батюшкой, отцом протоиереем, беседовал я запрошлым годом?

— Точно так, ваше высокоблагородие.

Премьер-майор пожевал губами, вскинул брови:

— Книжицы почитываешь?

Лисянский смущенно пожал плечами.

— То было прежде, у батюшки.

Курганов положил ему руку на плечо и коротко, не допуская возражений, сказал:

— Иди-ка, братец, за мной.

Они пересекли плац по диагонали, через караульную комнату вышли на улицу. За два года Юрий впервые покинул пределы Морского корпуса.

Курганов жил рядом в небольшом флигеле. Прежде всего они прошли в столовую. Прислуга принесла чай со свежими ватрушками, и Лисянский, опустошая чашку за чашкой, опомнился, когда на тарелке осталась одна лепешка.

— Доедай, доедай, — добродушно погладил его по голове Курганов, — ведь небось не однажды тебя утренней булки лишали?

Юрий утвердительно кивнул, а премьер-майор хмыкнул:

— Надобно впредь мундир чистить с вечера, пуговицы пришивать загодя, а не когда в строй бегом становиться.

После чаепития профессор повел его в кабинет, стены которого были закрыты книжными шкафами. Полки их сплошь заполняли книги. Курганов взял одну из книг со стола и протянул гостю:

— Сия книжица знакома?

Юрий взглянул на обложку, вспомнил: «Так это же тот самый «Письмовник», что дядя из Киева привез».

— Батюшка еще в Нежине изъяснял нам по ней

грамматику, — проговорил Юрий.

Премьер-майор польщенно ухмыльнулся:

— Помню, помню, твой батюшка мне ее нахваливал, но ты возьми ее и попробуй далее почитать. Книжицу побереги, она денег стоит. На ночь ротному командиру отдавай. — Курганов минуту-другую помолчал и закончил: — Читай неспешно, размышляй, чего не промыслишь сам, спросишь у меня. Заходи каждодневно, после обеда. Не робей, я распоряжусь, чтоб тебя не задерживали в караульне.

Разглядывая «Письмовник», Юрий вспомнил о прочитанном в Нежине — рассуждения древних мудрецов, летописец, грамматика… все это он помнит, а часть грамматики уже изучил в корпусе, и она поднадоела ему. Однако листая страницы дальше, он дошел до «Присовокуплений» и оживился. Сначала вспомнил любимые пословицы отца из этой книги: «Не хвались отцом, хвались молодцом», «Нищета не отнимает ни ума, ни чести», «Хоть на хвойке, да на своей вольке». Дальше шли различные повести — анекдоты, исторические происшествия, а главное, описание разных народов. Ананию тоже понравился «Письмовник», и они с братом поочередно читали вслух, уединившись в каком-нибудь закоулке. После каникул появился гардемарин Баскаков.

— Сие почти мне все известно, — напыжившись, сказал он, — премьер-майор Курганов ежедневно преподносит нам разные науки.

Когда же Юрий прочитал ему стишок-загадку, Баскаков, перелистав книгу, убедился, что многое он не знает.

Перед Рождеством мальчик зашел к Курганому и протянул завернутую в тряпицу книгу:

— Благодарствую, ваше благородие.

Премьер-майор добродушно улыбнулся:

— И что же более всего тебя прельстило в «Письмовнике»?

Лисянский ответил не сразу. Ему интересны были поговорки и шутки, стихи любвеобильные и басни, загадки… Немало часов провел он, штудируя «Словарь разноязычный», — незнакомо и чудно звучали греческие и индийские слова, латинские и немецкие фразы. Но больше всего притягивало другое.

— Описание разных иноземных народов, а также познания о науках и художествах.

Курганов пристально посмотрел на мальчика, усадил его и велел прислуге принести чай, а сам подошел к высокому шкафу с книгами. Пока Юрий с удовольствием прихлебывал горячий чай, он выбирал подходящую книгу. Увлекшись чаем, Юрий зачмокал губами. Не поворачиваясь, Курганов строго проговорил:

— Ежели чай горяч, его наливают в блюдце, а тем лучше прихлебывают потихоньку. — Он повернул голову, сквозь очки серые глаза казались строгими и требовательными: — Флотский офицер обязателен вести себя прилично. Потому как ему в разных местах представлять свое Отечество надлежит. Тем паче тебе честь выпадет, надеюсь, флаг Российского государства весьма прославлять. — Курганов подошел и сел напротив мальчика, который, покраснев, осторожно поставил чашку на блюдце. — По малым привычкам, братец, — продолжал Курганов, — иноземные люди о великих делах народа судят, коего мореходцы представляют. Добрые привычки и этикет надобно нынче в корпусе усваивать, далее поздно будет.

Курганов прошел к шкафу, не спеша перебрал корешки книг, вытащил одну из них и вновь вернулся к юноше.

— Уяснил я — тебе интересны разные странствия и открытия мест, ранее неизвестных. У нас в России, слава богу, первопроходцы всегда почитались. С незапамятных времен хаживали и в Персию, и в Индию. Со времен Великого Петра первопроходцами объявились и мореходцы. Первыми император Петр послал на Великий океан Креницина и Левашова для отыскания берегов американских. За ними следом пошли Чириков и Беринг. Они-то и достигли берегов Америки.

Мальчик сидел, подперев голову руками. Он давно забыл про недопитый чай и смотрел завороженными глазами на профессора, а тот продолжал:

— Прежде российских хаживали по морям и океанам древние мореходы стран европейских, — Курганов положил перед Юрием книгу. — Сия книга о разных иноземцах, знатных путешественниках. Писана она англичанами, перевел ее на российский язык мичман Михайло Веревкин в Кронштадте. Возьми книгу для прочтения. Только читай так же без торопливости. Вникай в хитросплетения разные, которые случаются в морском деле. Обогащайся знанием. Сия ноша плечо не тянет, а токмо является светилом жизни.

Пока Лисянский одевался, в переднюю вышла жена Курганова и вынесла большой куль с печеньем и конфетами:

— Угощайтесь, господин кадет, и дружков своих потчуйте на здоровье. — От мужа она знала незавидную судьбину братьев Лисянских.

В каморе, едва успел Юрий отыскать Анания и Михаила, налетели одноротники и вмиг растащили угощение. Полакомившись, кадеты разбрелись, а Юрий потащил Анания и Михаила к елке. Тут было тихо, ярко горели свечи. Рождественскую елку обычно ставили в просторной молельной

комнате. В будние дни всегда зажигали одну-две свечи. Казна скупилась отпускать лишние копейки на содержание кадет. В рождественские праздники в комнате становилось тепло и светло. Баскаков на правах старшего попросил Юрия:

— Ну-ка, Юрка, дозволь хоть глянуть вначале на книжицу. Да не печалься, ничего дурного я не сотворю.

— А я и не журюсь, — ответил Юрий, — но Николай Гаврилович мне доверяет, а я сим весьма дорожу.

Баскаков, прочитав название, открыл книгу.

— Предисловие сочинителя, — прочитал он и пояснил: — То бишь мичмана Михайла Веревкина, — и горделиво посмотрел на друзей. — Стало быть, мой тезка и к тому же наш, кронштадтский.

— Читай дальше, — нетерпеливо перебил Лисянский-младший.

— Во угождение любопытствующих о путешествиях и издается сие сочинение, — Баскаков, усмехнувшись, кинул взгляд на Юрия и продолжал: — Если бы путешествия на твердой земле только совершались, тогда довольствовали бы они любопытных, можно сказать, вполовину. Но всемогущий Бог благоизволил просветить невежество наше и открыть нам, что суть еще населенные родом человеческим части света и что все те дикие люди, которых мы уже нашли и впредь находить станем, суть дети единого праотца… — Баскаков вздохнул и передал книгу Ананию: — Однако, утомился я, брат, доканчивай, пожалуй, теперь ты.

— Последняя краткая повесть о науке Мореплавании, — продолжил Ананий, — полагает, что мы через нее об областях, рассеянных по морям, известны стали, о которых более пяти тысяч лет совсем было незнаемо. Сею наукою открылись нам в Северной, Южной, Восточной и Западной странах нечаянные моря и все обиталища рода человеческого…

Ананий решительно закрыл книгу и, подмигнув Баскакову, отдал брату:

— Ну, ты как желаешь, братец, мы же с Михайло сыты на сей день. Пора и покуражиться, а то кадеты на нас засматриваются.

Младший брат огорчился, но вида не подал.

— Ваша правда, скоро и на молитву…

Кончились рождественские каникулы, начался новый 1786 год. Как и прежде, продолжались классные занятия. Кадетский период заканчивался. Анания произвели в гардемарины и перевели в младший гардемаринский класс. Юрий приуныл.

— Не горюй, братец, скоро и ты в гардемарины выйдешь, — успокоил Ананий младшего брата, — только вот математику

усердней штудируй.

Юрий и в самом деле спустя рукава, с ленцой относился к геометрии и алгебре — уж очень многое приходилось заучивать зубрежкой, чего он не переваривал. По душе были описания о жизни растений и животных в разных странах, исторические сочинительства, географические очерки. Не расставался с кургановской книжицей. На масленицу выдались свободные дни. Прочитал наконец-то о Колумбе. Уговорил послушать проходившего мимо дружка, Иринарха Тулубьева:

— Послушай, как Христофор Колумб открытие Америки произвел. «Одиннадцатого октября в два часа после полуночи каравелле «Пинта» к общему неизреченному обрадованию показался вдалеке огонь. Рассветающий день открыл нам приятнейшее зрелище. Потом в честь искупителя мира наименовали остров Сан-Сальвадор».

Юрий остановился и мечтательно произнес:

— Вот бы нам туда добраться…

— Непременно доплывем, ежели завтра на мель не сядем, — проговорил заговорщически Тулубьев, — забыл, математику экзаменовать будут…

Начиналась пора испытаний старших кадет, как раз открылись вакансии в гардемаринских классах. Как и всякий школяр, Лисянский трепетал, но все миновало благополучно. Геометрию, алгебру, начало сферической тригонометрии, как и другие науки, он сдал успешно, и 16 марта 1776 года, в канун весеннего равноденствия, его произвели в гардемарины.

По тому случаю Лисянский наведался к Курганову, принес давно прочитанную книгу, извинился:

— Благодарствую, ваше высокоблагородие. Прощения прошу, книгу задержал по причине экзаменации.

— Ведомо, причина уважительная, — осклабился Курганов, — поздравляю вас, господин гардемарин. Отведайте-ка с нами чайку.

Разговорились, и Лисянский невзначай спросил:

— В прочитанной книге о знатных иноземных мореходах и делах их повествуется. Токмо вот о россиянах мало сказано.

— То верно, — усмехнувшись, согласился Курганов. — Немного помолчав, сказал: — Так и в науке тоже. Прежний наш математик Фарварсон намного уступал в знаниях Леонтию Магницкому, однако всегда главенствовал. Да и денежный кошелек в трех крат поболее имел, чем Магницкий… — Отпил чаю, задумался, но потом, оживившись, сказал:

— Запомни название, — теперь он часто переходил дружески на «ты», — «Сочинение и переводы к пользе и увеселению,

служащие за год семьсот пятьдесят восьмой». Возьми обязательно в библиотеке все тома, перечитай. Толково в них описаны мореходные путешествия россиян с давних времен до сих пор. — Курганов замолчал, вдруг что-то вспомнив, взял из книжного шкафа, раскрыл книгу.

— Изыщи время, почитай в библиотеке сочинения Михайлы Ломоносова. Помнишь, вам сказывали на словесности о нем?

Лисянский утвердительно кивнул и продекламировал:

Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы.

Курганов вначале опешил. Потом глаза его увлажнились. Он погладил смущенного Юрия по голове:

— Похвально и отрадно, что мысли мои опережаешь. Вижу, добрые семена в твоей душе посеяны твоим батюшкой. Держись заветов отчих. Отпиши ему от меня поклон при случае.

* * *

В гардемаринских классах занятий значительно прибавилось. Как и прежде, изучали математику и другие науки. Но курс обучения стал намного глубже и основательней. Появились новые предметы — навигация, астрономия, гидрография, кораблестроение.

Наконец-то Лисянский увидел на кафедре Николая Гавриловича Курганова. На его уроках редкий гардемарин дремал или озорничал. То прибауткой, то острой шуткой разбавлял он нудность математических суждений. Первый урок математики в новом, младшем, гардемаринском классе Курганов, как обычно, начинал с небольшого назидания.

— На математике нынче зиждется вся наука, да и вся вселенная движется. Чего некоторые из вас до сей поры не разумеют. — Николай Гаврилович лукаво посмотрел на Лисянского. — Помыслите сами, — продолжал он, — много ли успели бы цивилизованные народы в искусствах, ремеслах, мореплаванье, не будь великих открытий Коперниковых да Невтоновых? И разве славные мореходы, подобные Магеллану и Куку либо Берингу нашему, способны были бы совершить великие свои вояжи без знания астрономии и нави гацкой науки?

Когда Курганов назвал Магеллана, Юрий невольно вспомнил прочитанные им строки из описания Михайлы Веревкина: «От самого создания мира до обретения Америки никому из смертных

не приходило на мысли, что можно было обойти вокруг земли…» И тут он подумал: «О Куке я слыхивал, но толком-то ничего не ведаю. Надобно расспросить Николая Гавриловича да заглянуть в библиотеку».

Курганов между тем сделал паузу, подошел к окну, залитому по-весеннему ярким солнечным светом. Верхняя створка была распахнута. В классную комнату вместе с запахами весны из раскинувшихся внизу гаваней доносились, временами громкие выкрики. Корабли начали под буксирами вытягиваться на Кронштадтский рейд…

Глядя на них, профессору пришел на память недавний визит в Кронштадт директора корпуса.

Член Адмиралтейств-коллегии, вице-адмирал Голенищев-Кутузов проведывал Морской корпус нечасто. К тому были веские причины. Двадцать лет Голенищев состоит наставником по морской части у наследника престола, является генерал-интендантом по флоту, отвечает за снабжение всем имуществом флотов на Балтике, Черном море и Каспии, в Архангельске… Дел невпроворот. Однако успевает постоянно совершенствовать и улучшать подготовку кадет и гардемарин. Увеличил штат и пригласил толковых преподавателей, завел обсерваторию и библиотеку, посылает гардемарин в дальние плавания… Кроме прочего, каждодневно сотрудничает в Адмиралтейств-коллегии, готовит разные экспедиции по гидрографии, научные вояжи, особенно на Тихом океане.

Наведываясь в Кронштадт, директор обычно одним из первых принимал Курганова, делился с ним всеми новостями, у них издавна установились теплые, дружелюбные отношения. Адмирал, сам большой книгочей, весьма уважал Николая Гавриловича за его большие заслуги не только в корпусе, но и на ниве просвещения по всей России. «Письмовник» стал настольной книгой во многих семьях и в губернских городах, и в далеких провинциях.

В последний свой приезд поведал о планах дальних вояжей:

— Вам, верно, известно, милостивый государь, о неравнодушии матушки-государыни нашей к успехам наших мореходов и охотных людей на берегах камчатских, Курилах и Алеутах. Нынче снаряжается в те края северные экспедиция научная под водительством капитанов Биллингса и Сарычева.

Курганов удивленно поднял брови, напрягая память.

— Позвольте спросить, ваше высокопревосходительство, — обратился он к Голенищеву, — уж не тот ли это Биллингс, который обретался в последней экспедиции капитана Кука?

— Он самый, — ответил директор, — Иосиф Биллингс.

Запросился на службу к нам три года тому назад и определен высочайшим указом. Мню я, что аглицкие истинные мореходы имеют пристрастие к службе на российских кораблях неспроста. Словно магнит, привлекает их наша российская смекалка, хватка, недюжинность матросов. Да к тому же и корабли наши спорые и просторов неизведанных тьма. Особливо на широтах северных и американских. Располагаю сведениями, что и другие Куковы спутники намерены определиться к нам на службу.

Курганов разделил мнение адмирала, а тот в конце беседы проговорил:

— Видимо, вскоре матушка-государыня согласится с мнением Адмиралтейств-коллегии направить корабли на Камчатку и далее в первый кругосветный вояж. Присмотрели мы уже и голову вояжа-капитана Муловского.

— Григория Ивановича? — спросил Курганов. Он знал Муловского как одного из опытнейших и боевых офицеров.

— Он самый, — ответил адмирал…

Памятный разговор этот и вспомнился вдруг Курганову. Он незаметно вздохнул и повернулся к гардемаринам:

— Потому и надлежит вам, господа гардемарины, приумножать знания свои не для парадности, а дабы в будущем умеючи и с достоинством стяг российский по дальным морям, подобно Магеллану и Куку, пронести.

Курганов давно взял себе за правило преподносить воспитанникам не чистую науку, а соединять потребность в знаниях с долгом перед Отечеством.

В тот же день подтвердил неожиданно Ананий слова Курганова:

— Сколь тебя увещевает Николай Гаврилович, а ты все с ленцой штудируешь математику, — Ананий неожиданно дал брату сильного «щелбана» по лбу, — вот погоди, пойдешь в море, будешь там «бабочек» ловить из-за своей нерадивости.

Спустя месяц с небольшим «однокампанцы» — младшие гардемарины — отправились в первое дальнее плавание. Правда, Лисянские, еще будучи кадетами на втором и третьем году, упросили ротного офицера, и их отправили в плавание на гребных судах. Но то были походы вдоль побережья, в шхерах и на веслах.

В начале июня гардемарины перебрались на три фрегата, выделенные специально для обучения гардемарин и рекрутов-новобранцев. «Однокампанцев» распределили равномерно на все корабли. Лисянский попал на «Брячеслав». Его командир, капитан-лейтенант Лотырев, встретил гардемарин добродушно:

— Ну, «фендрики»[3], всех сего же дня распишут по мачтам,

коими командуют господа офицеры, — он кивнул на стоящих перед строем офицеров, — даю два дня сроку, пока стоим на якоре. Осмотритесь, все выпытайте у боцмана, — он показал на стоявшего в стороне кряжистого унтер-офицера.

— Корабль наш в строю и должен выполнять боевой маневр, открыть пушечную пальбу по сигналу флагмана. Стало быть, и вы за то в ответе. Послезавтра начнем учения парусные. — Лотырев остановился против Юрия, стоявшего крайним на левом фланге:

— Кто таков и лет тебе сколько?

— Гардемарин Лисянский, — не смущаясь, бойко ответил Юрий, — тринадцать неполных.

— Те-те-те, — почесал затылок Лотырев, — на язык ты вроде горазд, посмотрим тебя в деле.

Лисянский попал в команду на грот-мачту. На первом же учении он лихо первым взобрался по вантам[4] на марс[5], опередив великовозрастных гардемарин. Лотырев удивленно покачал головой, похвалил:

— Ты и в самом деле бедовый, — но тут же строго добавил: — Гляди, на ходу-то, при шквале не выпендривайся, ночью за бортом тебя сыскать нелегко будет, ежели свалишься.

Командир, конечно, не знал, что Лисянский еще в прошлую компанию, будучи на шняве[6], в галерном флоте, подружился со старым боцманматом. Тот приучил его ловко взбираться на марс единственной мачты. И все же командир запретил «однокампанцам» на ходу тренировки на вантах. В основном младших гардемарин старший лейтенант — помощник командира — расписал на различные корабельные работы, приборку верхней палубы, на помпы для откачки воды. Гардемарины помогали разносить паруса, обтягивать ванты, гордени, шкоты. Когда выбирали якорь, все свободные от вахты бежали на бак к носовому шпилю и, обхватив вымбовки[7], помогали матросам.

В середине июня эскадра снялась с якоря и направилась к Гогланду.

— Все наверх, паруса ставить! — пробегая по всем палубам и помещениям, репетовали команду вахтенные матросы.

Спустя минуту-другую — по следующей команде:

— По марсам и салингам![8] — самые сильные и расторопные матросы — марсовые, устремлялись вверх по вантам наперегонки.

Придерживая фуражку, Юрий внимательно следил, как они ловко разбегались по реям, сноровисто отдавали паруса. Небольшая волна раскачивала фрегат, и серое небо в такт качке размашисто прочерчивали огромные мачты с распущенными

парусами… Ветер к вечеру усилился, фрегат накренился, по верхней палубе приходилось передвигаться, придерживаясь за натянутые канаты.

В середине июля отряд фрегатов отделился от эскадры. После якорной стоянки у Тагелахта бригадир Гибс повел фрегаты в Балтийский порт, а затем на Ревельский рейд. Старшие гардемарины работали с секстанами[9], определяли место корабля, бросали с кормы лаг[10] и, потравливая лаглинь[11], определяли скорость фрегата, несли вахту у штурвала рядом с вахтенными мичманами, у нактоуза[12], выдерживая заданный румб по компасу.

Юрий присматривался, в свободные минуты старался быть поблизости от вахтенного мичмана. В пути отряд попал в шторм. Ночью ветер усилился, пришлось вызывать наверх команду, брать рифы у парусов. К утру ветер несколько стих, но разведенная им волна еще долго сопровождала фрегат.

В Ревеле простояли целую неделю. Проводили шлюпочные учения, драили палубу, поправляли такелаж после шторма. Погода постепенно улучшалась, лето брало свое. В субботу выглянуло солнце, а в воскресенье гардемарин повезли на берег. Едва ступив на твердую землю, Юрий почувствовал себя как-то непривычно. Оглянувшись на товарищей, он понял, что те тоже не в «своей тарелке». Им не стоял ось на месте, тянуло из стороны в сторону, суша казалась зыбкой, ноги ступали словно по ватному одеялу. Переминаясь с ноги на ногу, гардемарины поглядывали друг на друга, озираясь вокруг. Все они впервые очутились на эстляндском берегу, и молодой мичман сразу из порта повел их в старый город, расположенный в крепости на холме.

Миновав крепостные ворота, гардемарины медленно поднимались в гору по узким улочкам Вышгорода. Лисянского удивила, в отличие от Кронштадта, необычная чистота каменных мостовых. Навстречу попадались опрятно одетые горожане, ремесленники. Румяные девицы в нарядных чепчиках лукаво поглядывали на молодых матросов, перешептывались и весело хохотали им вслед. Непривычно звучала незнакомая речь горожан. Проголодавшихся гардемарин мичман повел в небольшую, но уютную таверну, где пахло свежими булочками и копчеными окороками. В углу за столиком сидели трое мужчин. Оттуда донеслась немецкая речь.

— В Эстляндии проживает немало остзейских пруссаков, — вполголоса пояснил гардемаринам мичман.

На фрегат возвращались вечером перед спуском флага, солнце уже коснулось горизонта. Вечер выдался тихий.

— Нынче любо на верхней палубе переночевать, —

предложил Юрий друзьям Иринарху Тулубьеву и Паше Карташеву. Те согласились, и, спросив разрешения у вахтенного мичмана, друзья расположились возле грот-мачты, рядом со световым люком. Долгие сумерки сменились ночной прохладой. Едва гардемарины задремали, с разных сторон понеслись звонкие команды:

— Т-о-о-овсь!.. Ноль! Т-о-о-овсь! Ноль! — неслось со шкафута[13] и кормы.

Юрий приподнялся. Тут и там на палубе светились фонари. Гардемарины старших классов проводили астрономические наблюдения, по звездам определяли место якорной стоянки фрегата. Одевшись, Лисянский подошел к наблюдателям. Работали гардемарины, разбившись на пары. Один гардемарин секстаном определял высоту светила над горизонтом. Покачивая секстан, он протяжно кричал: «Т-о-овсь!», затем ловил момент касания светилом горизонта и отрывисто командовал: «Ноль!» В этот момент его напарник, склонившись над хронометром, точно определял время и записывал в тетрадь результаты наблюдений. Они менялись местами и опять проводили серию наблюдений. Подсев поближе, Юрий невольно вспомнил Курганова. Передав секстан и хронометр следующей паре, гардемарины немедля начинали выполнять вычисления. Лихорадочно листая астрономические таблицы, они делали десятки математических расчетов, прежде чем могли доложить находившемуся на фрегате корпусному преподавателю астрономии результаты.

— Гм, что-то у вас, господин гардемарин, высотки-с не те, — сверил он расчеты с картой и проговорил: — Неувязочка с картой-с десяток минут наберется. Проверить наблюдения потребно. Иначе зачет не получите.

Лисянский прислушался, зевнул, но решил не уходить, пока не уяснит, в чем ошибаются гардемарины. «Знать свое место в море — первейшая обязанность капитана, — рассуждал он, — иначе корабль — не корабль, а скорлупа беспечная. Стало быть, прав Курганов — надобно на математику приналечь. В море алгебру поздно будет осиливать…»

11 августа отряд фрегатов вышел в море. Две недели капитан бригадирского ранга Гибс маневрировал с отрядом в Финском заливе. На фрегатах, кроме гардемарин, обучали будущих матросов-рекрутов. День за днем проводились парусные, абордажные или артиллерийские учения. Правда, пушечную стрельбу пока не открывали. Отрабатывали первоначальные приемы с артиллерийской прислугой из рекрутов.

Через две недели, в середине августа, отряд бросил якоря на рейде Красной Горки. Занятия с гардемаринами подходили к

концу. В завершение практики фрегаты поочередно провели артиллерийские стрельбы по выставленным на буйках флажкам. Грохот артиллерии от канонады с непривычки оглушил гардемарин, некоторые из них в страхе пригибались и прятались где-нибудь под трапом. Потом постепенно привыкли и сами исполняли обязанности артиллерийской прислуги. Возвратившись в Кронштадт, Юрий наконец-то встретился с братом и Баскаковым. Они плавали на другом фрегате, «Мстиславец». Делились впечатлениями.

— Что за прелесть карабкаться по вантам на салинг, — захлебываясь, говорил Лисянский-младший, — особливо, когда море штормит и ветер в снастях воет.

Баскаков и Ананий переглянулись: «Какая же в этом прелесть?» Такой оборот особого восторга у них не вызвал, а Юрий между тем не умолкал:

— Не знаю, как вам, братцы, а по мне стоять на марсе или салинге одно удовольствие. Ветер по физиономии хлещет, в ушах свистит, в снастях и вантах завывает. Глядишь, как бушприт по встречной волне чиркнет, так и шальные брызги окатят с ног до головы. А паруса-то, паруса! Пузатые, будто крылья фрегат подхватывают, вот-вот в небеса вознесут…

Баскаков, как бывало часто, вдруг захохотал. Улыбнулся и Ананий.

— Ну и горазд, брат, ты расписывать, тебе бы борзописцем служить, а не в мореходы подаваться надо было.

Юрий обидчиво посмотрел на Михаила и сразу нашелся:

— Вольно тебе судить о других. Токмо нынче в плавании немало размышлять мне привелось. — Он немного помолчал и продолжал: — Представь себе, темной ночью стоишь на море, кругом тьма-тьмущая. Фрегат к тому же кренится, море шумит. А ты стоишь, обязан вперед посматривать, сигнальный огонь маяка вовремя заметить и крикнуть на вахту.

— Ну так что из этого, вахта как вахта, — пробурчал Баскаков.

— В том-то и суть, — ответил Юрий, — стоишь-то один-одинешенек, как бы ты и море наедине. Друг другу в очи смотрим. Сдюжишь или струсишь. Кто кого. Если выдюжишь, то и победитель, — он слегка вздохнул. — Ну а ежели сробеешь, то, по моему разумению, не место тебе на флоте. Как ты говоришь, Михайло, наилучше вовремя переменить свой образ жизни, пока не поздно.

Ананий с удивлением смотрел на брата. Как-то раньше, не замечал он у Юрия особенной страсти к мореходству. Правда, последнюю кампанию они плавали врозь. Видимо нарождается

какая-то новизна в характере младшего брата, которому едва исполнилось тринадцать лет. Не каждый в такие годы становится гардемарином…

Вскоре состоялась встреча с Кургановым. Прочитав первую лекцию о «большой астрономии», Николай Гаврилович вышел в коридор, подозвал Лисянского:

— Каковы успехи, господин гардемарин, в практическом плавании, почему не заглядываешь? — спросил он, хотя уже знал от офицера-воспитателя о его прилежании и расторопности на фрегате.

Юрий смутился:

— Старался наравне с «однокампанцами», господин премьер-майор…

Курганов улыбнулся:

— До моего сведения дошло, что проворен в парусном деле, отлично от других, отменно вахту с рулевыми матросами правил?

Лисянский от похвалы зарделся.

— Мыслю, что у штурвала, более другого места, прочувствовать существо и направление движения корабля возможно.

Прозвенел звонок, и Курганов просил зайти к нему вечером домой.

Как всегда, напоив мальчика чаем и внимательно выслушав, посоветовал:

— Нынче ты уже не малолеток, скоро офицером станешь. Маневры судов суть и законами определены математическими и иными. Ежели военное судно, маневры его зависят не токмо от ветра, но и построения ордера эскадры, какими орудиями оно располагает и многое прочее.

Николай Гаврилович сделал паузу и закончил:

— Об эволюциях немало писано иноземцами, у них мореплавание древнее нашего. О том вам преподаватели поведают. Тебе мой совет — поштудируй сочинения адмирала Семена Мордвинова…

Но для чтения книг свободного времени оставалось мало, прибавилось много новых предметов, и все же к Рождеству Лисянский одолел книгу Мордвинова «О движении флота, или О эволюции».

* * *

Задолго до сочельника 1787 года в Кронштадте необычно ожили цейхгаузы и различные магазины, ведавшие снабжением

кораблей и экипировкой людей. В сторону Ораниенбаума потянулись обозы с парусами, вооружением и такелажем, снастями, швартовыми канатами и якорями. По слухам, обозы направлялись в Малороссию, в сторону Киева. Там создавали флотилию для высоких особ. Голенищев-Кутузов конфиденциально сообщил Курганову:

— Ея императорское величество только что подписали указ об отправлении судов на Камчатку и далее кругом света. А на днях государыня отъезжает с большою свитою в южные области. Имеет целью ознакомиться с Новороссией, Екатеринославским наместничеством, Таврическими берегами Черноморья…

На самом деле, кроме этих причин, Екатерина II желала развеять наветы многочисленных придворных против ее неколебимого любимца Потемкина и удостовериться, что Южная армия и Черноморский флот «сие не фикции». А главное, показать ее спутнику, австрийскому императору Иосифу II, а заодно и французскому послу Сегюру мощь империи.

Предполагалось, что по вскрытии Днепра императрица со свитой пересядет на специальные галеры и двинется к Черному морю водным путем. Для этого в Киеве создали специальную флотилию. Екатерине предназначались роскошно убранные галеры «Днепр» и «Десна». Отдельные галеры оборудовали Потемкину и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Чернышеву…

В конце апреля флотилия из сорока семи вымпелов двинулась вниз по Днепру. В Кременчуге флотилия стала на якорь. На берегу командир дивизии генерал-аншеф Суворов показал «войну до войны» — отменную выучку конницы и пехоты на маневрах.

После Херсона императрица сухим путем приехала в Севастополь и наблюдала боевую выучку эскадры Черноморского флота. Там отличился бригадир Федор Ушаков…

В Кронштадте тем временем начиналась кампания 1787 года. Как и в прошлом году, для обучения гардемарин и кадет Адмиралтейств-коллегия выделила три прежних фрегата. Но теперь Лисянского распределили на «Мстислав».

Гардемарины отчитывались на экзаменах. Старшие классы, по выбору ротных офицеров, иногда отпускали в город «на прогулку». Гулять, собственно, было негде. Улицы были немощеными, везде стояла грязь по колено, из подворотен неслись смрад и вонь. Некоторые гардемарины, кто имел деньги, устремлялись в немногочисленные трактиры и кабаки, другие заводили сомнительные знакомства с девицами легкого поведения. Юрий предпочитал иное времяпрепровождение.

Обычно он прогуливался с Ананием и Тулубьевым вокруг строящегося Адмиралтейства, а потом вдоль набережных гаваней — Военной, Средней и Купеческой. Нынче Ананий отсутствовал. Его, как успевающего гардемарина, 1 мая произвели в мичманы, назначили на должность, и он отправился в плавание. В последнее время частенько с ними за компанию увязывался застенчивый, но смышленый Паша Карташев. Он, как и Лисянские, летом никуда не отъезжал, каникулы проводил в корпусе.

Кронштадтские гавани заметно опустели. Большинство кораблей эскадры вытянулись из гавани на внешний рейд… Вдоль причалов стояло не более десятка судов, часть из них ремонтировалась, другие готовились к дальнейшему вояжу. В Купеческой гавани стояли, как правило, шхуны и бриги. На них загружали товары, подвезенные из Петербурга.

У стенки Военной гавани ошвартовалось два судна, облепленные плотниками. Стеньги мачт были спущены. Корабельные плотники перестилали, видимо заново, часть верхней палубы, ремонтировали фальшборт. За бортом тут и там висели беседки и стояли плотики с конопатчиками.

— Будто в вояж дальний собираются, — проговорил Иринарх Тулубьев.

— Не иначе, — ответил Лисянский, — а мы сейчас проверим. — Он обратился к спускающемуся по трапу унтер-офицеру:

— Господин квартирмейстер, будьте любезны, поясните нам. По какому случаю сии суда так основательно исправляются?

Квартирмейстер на минутку замялся, уж больно молоды гардемарины. Но разглядев у Юрия нашивки подпрапорщика, пояснил, кивнув на судно:

— Наш «Сокол» в паре с «Соловками», — он указал на соседнее судно, — должно быть, в дальний вояж отправятся. — Он понизил голос: — Сказывают, до Восточного океана. А что и как, обстоятельно пояснить не могу-с. Сам не ведаю.

Когда тот отошел, гардемарины обратили внимание на сложенное и укрытое брезентом имущество на стенке. Оно находилось как раз напротив стоящих судов.

— Похоже, и в самом деле не близкий путь, вероятно, им предстоит, — заглянув под брезент, сказал Карташев. — Одних якорей становых полдюжины для каждого припасено. Рей запасных многовато для обычного плавания. Разных досьев, юферсов да канифас блоков[14] куча…

Они завернули к Военной гавани, и Тулубьев толкнул локтем товарища:

— Сызнова этот Крузенштерн маячит в одиночестве.

Вдалеке из-за цейхгауза показалась долговязая одинокая фигура чинно шагающего кадета. Несколько скованный в движениях, он медленно шел навстречу. Поравнявшись, учтиво поздоровался с ними и молча, не поворачивая головы, двинулся по направлению к Купеческой гавани. Уже не первый раз встречали они на прогулках этого флегматичного, фланирующего в одиночку кадета. Адам Крузенштерн[15] появился в корпусе в позапрошлом году и был принят в младший кадетский класс. Поговаривали, будто он из состоятельной семьи немецких баронов, владельцев имения неподалеку от Ревеля. И в самом деле, во время летних каникул его забирали домой. Изредка к нему наведывался родственник. Однажды слышали, как он представлялся дежурному офицеру: «Фон Крузенштерн».

Ростом Адам был повыше Юрия, а возрастом года на три старше. Но это никого не удивляло. В Морском корпусе встречались и двадцатилетние гардемарины, и даже старше возрастом. С одноротниками Крузенштерн держал себя сдержанно, но не высокомерно. Особой дружбы ни с кем не водил.

Вечером, не заходя в корпус, Лисянский постучал во флигель Курганова.

— А, будущий вояжер, заходи, заходи, — обрадовался он, — садись к столу, в одночасье мы с хозяйкой чаевничать собрались.

Лисянский в последнее время зачастил к Курганову. У него сыновья давно служили на флоте, жили отдельно и потому Лисянский всегда был желанным гостем.

Разговорившись, Лисянский спросил то, о чем думал весь день.

— Николай Гаврилович, — Курганов давно убедил Юрия называть его так, — вы мне изволили как-то упомянуть о предполагаемом вояже к берегам Камчатки и далее. — И он рассказал о виденном в Купеческой гавани.

Курганов молча посмотрел на гардемарина поверх очков, будто размышляя о доверительном разговоре.

— Поскольку вы, Юрий Федорович, кое-что уже прознали, то могу довести вам, что высочайшим указом отряжены корабли для посылки в Восточный океан. Как вы слышали, на Камчатке и Алеутах российские промысловые люди в местах, открытых нашими мореплавателями, добывают пушного зверя. Но в том деле их опекать надобно от всякого разбоя. Пожалуйте-с в кабинет.

Курганов вышел из-за стола и пошел в кабинет, где на стене висела карта: — Для того туда и отряжается защита. — Курганов

взял указку. — Согласно предварительному указанию Адмиралтейств-коллегии корабли сии должны, минуя мыс Доброй Надежды, Зондским проливом вдоль Новой Голландии проникнуть в Восточный океан. — Курганов прочертил по карте два направления и продолжал: — Далее корабли разделятся. Одна часть их займется изучением прилегающих островов Курильских и около Камчатки. Прочие корабли исследуют воды, прилегающие к берегам американским. Таково вкратце предстоящее предприятие осуществить намереваются.

Вернувшись за стол, Лисянский, помолчав, осторожно спросил:

— Можно ли узнать, кто поведет сии корабли?

— Семь бед — один ответ, — засмеялся Курганов, — так и быть, ведь все равно выведаешь. Первого ранга капитан Муловский Григорий Иванович. Отменный капитан, состоит и поныне генеральс-адъютантом у графа Чернышева, вице-президента Адмиралтейств-коллегии.

Когда расставались, Курганов полушутя-полусерьезно сказал:

— Все сие слышанное, господин гардемарин, прошу за порог моего дома не выносить. Что на стороне проведаете — воля ваша.

Лисянский понимающе кивнул головой. Разве утаишь шило в мешке? В Кронштадте все на виду.

Спустя неделю-другую среди гардемарин старших классов действительно пошли разговоры о предстоящем плавании. Называли даже имена кораблей, предназначенных для вояжа: «Холмогоры», «Соловки», «Туруханъ» и «Сокол».

В начале июня гардемарины отправились на практику. На этот раз Лисянский с Тулубьевым и другими одноротниками получили назначение на фрегат «Мстиславец». Неожиданно среди отправляющихся на барказе очутился и Крузенштерн. Оказывается, его в конце мая произвели в гардемарины. На «Мстиславце», как старшему классу, им отвели отдельный небольшой кубрик со стационарными двухъярусными койками. Тулубьев занял верхнее место, Лисянский — нижнюю койку. Рядом, аккуратно уложив баул на матрасе, примостился Крузенштерн. Невозмутимо глядя на Юрия, он первый протянул руку.

— Иван Крузенштерн, — слова чеканились с небольшим акцентом. Едва гардемарины распаковали нехитрые пожитки и получили у шкипера постельное белье, наверху засвистели боцманские дудки.

— Пошли все наверх! Паруса ставить! С якоря сниматься!

Эскадра направилась на запад. Гардемарины несли вахту у главного компаса, выдерживая заданный румб, подавая команды

рулевым, вместе с штурманом делали обсервации по береговым ориентирам и маякам, вычисляли широту и долготу по солнцу и звездам, с кормового среза сбрасывали секторный лаг. Вслед, не мешкая ни минуты, травили лаглинь — длинный плетеный шнур с отметками-узелками, указывающими, сколько потравлено за борт. Ассистент следил по песочным часам и считал узелки, тут же определял скорость.

Лисянского привлекало больше всего стоять дублером старшего офицера у мачты в момент лавировки, когда от слаженной работы марсовых и шкотовых матросов зависели не только успех выполнения маневра, но и подчас безопасность корабля. Слаженность работы мачтовых команд и мастерство рулевых сказалась в середине июня. Командир обучал гардемарин входу и выходу с Ревельского рейда. Кругом пестрели вехи, обозначавшие обширные мели, тянувшиеся справа и слева. Уменьшив до предела парусность, фрегат медленно входил на рейд. Внезапно ветер стих совершенно. Пришлось стать на якорь, быстро спустить шлюпки, барказ и под буксирами втягиваться на рейд. Затем самостоятельно пошли к Гогланду. Море заштормило, налетел внезапный шквал, паруса не успели убрать, и на «Мстиславце» надломился нижний рей на фок-мачте. Фрегат отдал якорь и целый день занимался устранением повреждений…

Для гардемарин кампания завершилась на рейде Красной горки морской практикой. Вываливали выстрела[16], спускали и поднимали авральные шлюпки, затем отрабатывали вход под парусами на Кронштадтский рейд. Обветренные, задубленные от солнца и ветра лица, натруженные от снастей и поручней ладони уравнивали гардемарин, невзирая на их прежних попечителей и размер наследства, которым обладали далеко не все.

С запада, перегоняя друг друга, тянулась череда первых осенних тучек.

Выгрузив вещи на стенку, гардемарины, сбившись в кучу, кинули прощальный взгляд на маячивший вдалеке на рейде «Мстиславец».

— До следующей кампании, — проговорил кто-то, махнув шляпой.

— Последней гардемаринской, — добавил Тулубьев.

Однако никто из них еще не знал, что только что закончившаяся кампания и была их последняя гардемаринская.

В конце сентября погода в Финском заливе совершенно испортилась. Штормовой западный ветер нагнал и сплошь до горизонта закрыл небо свинцовыми тучами. Почти каждый день дождь накрывал сплошной пеленой Котлин. В последнее воскресенье выдался один из редких погожих дней. Лисянский с

Тулубьевым отпросились в увольнение. Они поспешили в Купеческую гавань. У стенки один за другим, цепочкой, ошвартовались четыре корабля, назначенные в первое кругосветное плавание. В глубине гавани на бочке стоял транспорт «Смелый», дополнительно включенный в состав отправляемой экспедиции. Судя по внешнему виду, корабли были в полной готовности к походу. Недавно выкрашенные или покрытые лаком борта, надстройки и рангоут лоснились и сверкали. Новые, без следов смолы и грязи, швартовые канаты, проведенные через начищенные полуклюзы и кипы и закрепленные на выкрашенных кнехтах, подчеркивали добротность шкиперского имущества. Так же превосходно выглядели новенькие ванты и весь прочий такелаж, закрепленный и втугую обтянутый по-походному. Готовность к плаванию подтверждали и подвязанные к реям многочисленные паруса. Суда были полностью укомплектованы офицерами и матросами, снабжены подробными инструкциями и наставлениями. Более того, в экспедицию попросился и был благосклонно принят на службу англичанин капитан-лейтенант Джеймс Тревенен, участник третьего кругосветного плавания капитана Кука. Пожелал плыть к берегам Америки и еще один сподвижник Кука по второму кругосветному путешествию — немецкий натуралист Георг Форстер…

— На таких-то кораблях не токмо кругом света, а и вокруг вселенной плыть не зазорно, — восхищенно проговорил Лисянский. Тулубьев полностью разделял мнение товарища:

— Пожалуй, ты прав. Вселенная-то далече, а вот на Камчатку, ей-богу, хоть матросом сейчас готов отправиться…

Не зря, видимо, пришла мысль о Камчатке кронштадтскому гардемарину Иринарху Тулубьеву. Далекие края манили к себе мореходов…

— А по мне наилучше в Америку, подобно Берингу, — в тон ему ответил Лисянский, но тут же вздохнул, — да, по всей видимости, не придется. Слыхал, о чем ротные командиры давеча судачили?

— Оно так, — согласился Тулубьев.

В последние дни офицеры в корпусе заговорили о войне с турками и слабости флота на Черном море. Всего три года назад впервые небольшая эскадра бросила якоря в Ахтиарской бухте и моряки положили первые камни в основание Севастополя. Другая эскадра, у Лимана, оберегала подступы к Херсону и Николаеву, где строили корабли для зарождающегося флота.

«Лиманский флот, — писал историк, — крайне нуждался вообще в людях, и особенно в опытных офицерах и матросах.

Артиллерия его в начале войны также была в весьма неудовлетворительном состоянии: некоторые из судов имели только половинное число орудий, на многих галерах было по одной 6-фунтовой пушке, а остальные 3-фунтовые, и только впоследствии на них и на ботах могли поставить по одному пудовому единорогу. В состав флотилии вошла даже и та эскадра, на которой императрица плавала по Днепру. Суда ее, построенные для помещения прислуги, кухни, конюшни и т. п., были наскоро вооружены и приспособлены к действию против неприятеля».

В прошедшую кампанию, стоя на вахте, Лисянский не раз слышал суждения командиров и офицеров о тревожном положении флота и на Балтике. Лучшие корабли готовили для отправки на Средиземное море, оставшиеся уступали шведским по вооружению, мореходности, не хватало людей, офицеров и матросов. Шведы готовились взять реванш за поражение в Северной войне. Их гребной флот, для действия в шхерах, в двадцать раз превосходил по численности русскую гребную эскадру.

Первые тревожные вести донеслись с Черного моря от князя Григория Потемкина.

Едва успела императрица отдохнуть после долгой поездки по южным владениям, как в столицу пришло известие: Порта, как это бывало и прежде, без объявления войны напала на наши корабли у Кинбурнской косы, а следом пыталась безуспешно высадить десант под Кинбурном.

7 сентября 1787 года вышел Манифест с объявлением войны Турции.

Мир и война — состояния взаимоисключающие друг друга. Ежели в любом организме образуется кровоточащая рана, то состояние всех органов и частей его не остается к этому безразличным.

4 октября капитан 1-го ранга Муловский запросил у командира Кронштадтского порта вице-адмирала Пущина «добро» вытянуть корабли эскадры на внешний рейд, после чего следовать, согласно инструкции, в кругосветный вояж. Ответа не последовало, а 28 октября вышел указ императрицы Адмиралтейств-коллегии:

«Приготовленную в дальнее путешествие под командою флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваем отменить…»

Так на глазах Юрия порушился, еще не начавшись, первый кругосветный вояж русских моряков. Но виденное и слышанное надолго запало в душу гардемарина Лисянского, а служба скоро

сведет его с одним из участников несостоявшегося вояжа, командиром «Смелого» капитаном Карлом Гревенсом.

Между тем занятия в Морском корпусе продолжались, как и прежде, с той разницей, что поступавшие сведения о боевых действиях на Черном море будоражили дремавшую прежде среду кадет и гардемарин. В кругу офицеров вполголоса поговаривали, что следовало бы не забывать о северном соседе, который под боком. Но все внимание императрица по-прежнему уделяла южным границам, где главнокомандующим назначила своего любимца Потемкина. Потому и поторапливала отправить эскадру Грейга в Архипелаг. В то же время до нее доходили сведения о том, что шведский король Густав III, как она сама писала Потемкину, «в намерении имеет нос задирать». Действительно, неуравновешенный и недалекий король Швеции, которого за глаза называли сумасбродом и тупицей, имел далеко идущие намерения. Разглагольствуя о «рыцарском долге» возмездия за поражение своего предка, он мечтал о возрождении «великой северной державы Карла XII». Момент был подходящий: Россия была вовлечена в войну на южных рубежах, а главное — король чувствовал поддержку британского льва. Правительство Питта все сильней тревожило усиление русских на Черном море, откуда рукой подать до Средиземного моря. Англия немедля заключила союз с Пруссией против России, открыто помогала Турции и подстрекала Швецию к войне с Россией.

Настаивая на отправлении эскадры в Архипелаг, Екатерина невольно ослабляла оборону столицы с моря. Густав III намеревался как раз нанести основной удар со стороны моря…

Балтийскую эскадру адмирала В. Чичагова хотели усилить двумя фрегатами, решили приступить к строительству 12 галер, но галеры не грибы…

К графу Чернышеву пришел расстроенный президент коммерц-коллегии граф А. Воронцов.

— Я получил свежую оказию из Лондона от брата. Послушайте, ваша светлость: «Я только что узнал, что Швеция снаряжает 12 кораблей и 5 фрегатов. У нас остаются в Кронштадте корабли гнилые и без матросов. Не лучше было бы, если бы эскадра Грейга осталась, чтобы удержать шведского короля…»

К мнению посла в Лондоне следовало прислушаться. С. Воронцов за 5 лет успел разгадать основные механизмы британской дипломатии.

— Я и сам понимаю, граф, — отвечал Чернышев, — но матушку-государыню с наскока не убедишь. Нынче что матросов, штатных офицеров на кораблях в некомплекте более сотни. Я уже

распорядился графу Голенищеву готовить без промедления к досрочной аттестации гардемарин…

В конце марта в Морском корпусе в одночасье поднялась суматоха. Капралы и фельдфебели гоняли служителей. Драили медные ручки и подсвечники, натирали паркет, мыли окна, выбивали ковры. Назавтра ожидали директора корпуса. Обычно адмирал извещал о своем прибытии заранее, за неделю-другую. Нынче прислал срочно курьера лишь накануне. Правда, его задержал в пути остаток ледохода в Невской губе. Пришлось добираться через Ораниенбаум.

В полдень весь состав Морского корпуса построился во фронт на плацу. Приняв доклад от своего помощника, капитана 1-го ранга Федорова, адмирал не спеша обошел весь строй. Немного задержавшись около выпускных классов гардемарин, он остановился в центре плаца. Сухопарый, подвижный, в ладном парике, он, как всегда, выглядел подтянутым и несколько озабоченным:

— Ведомо вам, господа гардемарины и кадеты, что супостат Оттоманская Порта нарушила договор прошлой осенью, и пытается отторгнуть исконные земли российские.

Заложив руки за спину, он сделал несколько шагов вдоль строя, как бы собираясь с мыслями:

— Нынче недруги наши оживились и на берегах Балтийских, матушка-государыня повелевала посему пополнить корабельный состав. Однако офицеров и рекрутов нехватка великая.

Директор подошел к правому флангу, где выстроились выпускные гардемаринские классы.

— Посему ея императорское величество высочайшим указом предписали в нынешнем году произвести выпуск господ гардемарин сверх срока, без стажирования.

В рядах старших гардемарин загудели. Адмирал выждал, пока не установилась тишина, и закончил:

— Не уповайте, что все в легкости произойдет. Испытаны будете по всем предметам, после чего выпущены «за мичманов». Кампанию проведете в должностях офицерских и ежели аттестованы будете, вас произведут в мичманы…

На следующий же день начались экзамены. Проверяли строго, никакой поблажки выпускникам не делали, но и не «заваливали». Экзамены еще не закончились, а выпускникам начали давать денежное довольствие на пошивку новых мундиров. Все швальни в городе работали день и ночь, без воскресного отпуска.

В мае 1788 года состоялся офицерский выпуск. Гардемарин произвели «за мичмана», и все они тут же получили предписание на корабли. Лисянский обрадовался — его определили на фрегат

«Подражислав» вместе с Пашей Карташевым.

Часть кораблей находилась на Кронштадтском рейде, другие в Ревельской эскадре, третьи готовились к походу на Средиземное море. В суматохе сборов Лисянский не забыл навестить Курганова.

— Ну вот и дождался праздника пятнадцатилетний капитан, — с грустью сказал премьер-майор и улыбнулся, — впрочем, по календарю тебе и пятнадцати не исполнилось.

Юрий, покраснев, согласно кивнул. Жена Курганова поставила на стол пирожные.

— Пуще всего остерегайся на первых порах кичливости. Будь строг, но справедлив со служителями, — посоветовал Курганов.

Прощаясь, жена Курганова перекрестила Лисянского и, всплакнув, поцеловала, а ее супруг проговорил:

— Пуля, она дура, матушка. В пороховом дыму, ядро ли, картечь ли, не разбирает чинов, крушит равно и матроса, и адмирала. Однако береженого бог бережет, — он перекрестил и обнял Юрия. — Ступай на фрегат, Отечество нынче в беде. Супостат на юге и здесь, на Балтике, норовит куски полакомей от России оторвать. Авось, Господь не допустит.

Захлопнулись двери Морского корпуса, кончилось школярство. Во многом поднаторел гардемарин за четыре года. Познал точные науки, освоил языки иноземные, обучился морскому делу. 14-летнего Юрия Лисянского ждет жизнь. Теперь он будет отвечать не только за себя, но и за подчиненных матросов, а случится, и за жизнь корабля. С сожалением расставался он с Курганoвым, правда, теперь он обрел верных друзей — Мишу Баскакова, Иринарха Тулубьева, Пашу Карташева. Завидовал Ананию. Старший брат выпустился в прошлом году и уже шел на корабле из Архангельска в Кронштадт. Ублажало то, что он, Лисянский, по старшинству выпуска стоял намного выше некоторых великовозрастных гардемарин, например Крузенштерна. В приказе о выпуске от 27 мая 1788 года подпрапорщик Лисянский значился следом за своим дружком, сержантом Иринархом Тулубьевым. Старшинство при выпуске в те времена давало преимущество по службе, при назначении на должность, при награждениях. Об этом Юрий вспомнит пятнадцать лет спустя.

В дыму пороховом

Швеция, низведенная Петром Великим до положения второстепенной державы, давно вынашивала замыслы, как вернуть потерянное величие. Но для этого надо сокрушить грозного соседа. Дело ускорила Порта: за три миллиона пиастров Густав III вступил в союз с султаном.

На исходе мая, получив сведения о нападении шведов на пограничные посты в Финляндии, Екатерина II все же приказала адмиралу Грейгу отправить три корабля в Средиземное море. Видимо, императрице весьма хотелось повторить успех Чесменского сражения. Тогда победа русского флота на много лет озарила славой ее трон. А славолюбия ей было не занимать, как метко подметил в те времена тайный советник князь Щербатов. И хотя второго июня в Петербурге заволновались, получив донесение: «Шведский флот в составе двадцати с лишним вымпелов покинул свою главную базу в Карлскроне и вышел в море в неизвестном направлении», тем не менее императрица своего решения не изменила.

Пятого июня три русских 100-пушечных линейных корабля — «Саратов», «Три Иерарха», «Чесма», имея на борту 500 человек сухопутного войска, под флагом вице-адмирала фон-Дезина снялись с якоря. Адмирал Грейг выслал следом для наблюдения за шведским флотом три фрегата. «Мстиславец» направился к Карлскроне, «Ярославец» — к Свеаборгу, «Гектор» — к Аландским шхерам.

Тем временем шведская эскадра встретила отряд фон-Дезина. Командующий приказал не салютовать шведам. С 1743 года русско-шведский трактат отменил взаимные салюты. На флагмане шведов герцог генерал-адмирал Карл Зюдерманландский вызвал своего флаг-офицера:

— Садитесь в шлюпку и передайте русскому адмиралу, что я требую салютовать флагу флота короля Швеции.

Через полчаса шведский офицер передал фон-Дезину требования герцога.

«Шведы явно и нагло ищут повода к столкновению, — размышлял вице-адмирал. — У нас три вымпела, у них двадцать восемь».

— Передайте его высочеству, что у меня нет никаких оснований салютовать шведскому флоту, однако, учитывая, что его высочество является братом короля и приходится родней нашей государыне-императрице, русские корабли из уважения к родственным отношениям произведут салют.

Не успела шлюпка пройти полпути, как загремели залпы. Герцог самодовольно ухмыльнулся, но, узнав ответ русского адмирала, скис. Известие об этом случае стало известно в Петербурге 20 июля. На следующий день курьер из Стокгольма привез сообщение: король Густав выслал из Швеции русского посланника Разумовского.

На что же рассчитывал король и какие цели преследовал, развязывая войну?

Учитывая отвлеченность русской армии в войне с Турцией, зная об ослаблении Балтийского флота и незащищенности границ России, Густав основной удар решил нанести на море. Вначале он намеревался разбить главные силы русских в Финском заливе и открыть путь к Петербургу со стороны моря. Блокируя остатки русских кораблей в Кронштадте, Густав намеревался затем высадить у Ораниенбаума или Красной Горки 20-тысячный десант. Эти войска и должны были захватить Петербург. На севере, в Финляндии, предполагалось действие отдельных армий, чтобы оттянуть силы от русской столицы. Самонадеянный король бахвалился придворным:

— Мы быстро захватим Финляндию, Эстляндию, Лифляндию по пути к Петербургу. Мы сожжем Кронштадт, затем я дам завтрак в Петергофе для наших прекрасных дам. Наши десанты сомнут русских у Красной Горки и Галерной гавани, а затем я опрокину конную статую Петра.

Положение в самом деле было угрожающим. Императрица нервничала. Своему секретарю Храповицкому она пожаловалась:

— Правду сказать, Петр I близко сделал столицу.

Екатерина II лукавила. При Петре столица стояла на том же месте, однако войска и флот были всегда начеку. Устремив все внимание на южные рубежи, она недооценила опасность. Между тем угроза была явная.

Финляндская граница была, по существу, открытой — вдоль нее расположились редкие слабовооруженные крепостные гарнизоны. Морские силы оскудели — ушел отряд фон-Дезина, вслед покидала порт эскадра Грейга. А ведь шведы готовили главный удар на море.

Потому-то на Непременном Совете граф Безбородко доказывал:

— Мыслимо ли дожидаться ухода Грейга? За сим Карл под стенами Кронштадта объявится, беды не миновать.

Ему вторил адмирал Василий Чичагов, назначенный командовать оставшимися силами на Балтике. Вызванный срочно в Царское Село, он бесхитростно докладывал:

— Корабельный флот назначен весь в Архипелаг. Когда Грейг

уйдет, дай бог, в линию придется выставить — и пяти кораблей не сыщешь.

Оставалась надежда на Кронштадт. Но и главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Пущин подтвердил общее мнение:

— Ежели пойдет неприятель с десантом, то уж какой бы арсенал ни был, без людей ничего не поможет. Совершенная беда, когда Грейга из здешнего моря упустим.

Внезапно вскрывшаяся слабость обороны столицы повергла Екатерину в растерянность, и, опомнившись, она распорядилась: эскадру Грейга, направленную в Средиземное море, вернуть, а фон-Дезина задержать хотя бы в проливах. И все равно Балтийский флот уступал шведам и по количеству линейных кораблей и фрегатов, и по готовности их к боевым действиям. Однако Густав III плохо знал характер русского человека. А уроки предков не пошли шведам впрок.

На сухопутье первой на пути шведских войск в северной глуши стояла крепость Нойшлот. Небольшой гарнизон при крепости во главе с комендантом, одноруким премьер-майором Павлом Кузьминым, состоял из престарелых и инвалидов. Крепость обложили, сутки сокрушали бомбами из тяжелых мортир. Шведский генерал мечтал, что обреченный гарнизон капитулирует без боя и предложил отворить ворота.

— Рад бы отворить, — ответил парламентеру Павел Кузьмин, — но у меня одна лишь рука, да и в той шпага.

Шведы пошли на штурм, но так и не смогли одолеть горстку русских людей.

В народе поднимался и множился гнев против незваных пришельцев. «Подъем был так силен, что солдаты полков, отправляемых к границе, просили идти без обычных дневок, крестьяне выставляли даром подводы, и до 1800 добровольцев поступили в ряды рекрут», но войск для обороны по сухопутному фронту не хватало, «а потому из церковников и праздношатающихся набрали два батальона, а из ямщиков — казачий полк».

Однако исход войны зависел от успехов Балтийского флота. Потому Балтийская эскадра с началом военных действий была подчинена адмиралу Грейгу. Бывший офицер английского флота четверть века состоял на русской службе. Он входил в небольшую плеяду иноземных моряков, верой и правдой служивших своему новому Отечеству. Немало иностранцев служили России по корысти. Пользуясь издавна покровительством двора, они получали почести не по заслугам, наживались беззастенчиво. К примеру, в Морском корпусе иноземные учителя получали за

одинаковый труд в 3–4 раза больше, чем их русские собратья[17]. Грейг не относился к их числу. Добросовестный служака безупречной службой снискал заслуженную симпатию флотских офицеров. Назаурядные способности проявил он в Средиземноморской эскадре адмирала Спиридова. Чесменская победа принесла ему заслуженную славу и награды.

Эскадра Грейга получила новую задачу — действовать против шведского флота…

38-пушечный фрегат «Подражислав» в начале мая еще стоял в Купеческой гавани. Грузили последние пороховые заряды, пушечные ядра, мешки с сухарями, запасы продовольствия. В первое воскресенье на борт поднялись два гардемарина с нехитрыми баулами. Едва успели обратиться к вахтенному матросу, как увидели направляющегося к ним капитан-лейтенанта. Карташев толкнул Лисянского в бок: «Командир».

Выслушав гардемарин, капитан-лейтенант Федор Ломен пригласил их в каюту и вызвал старшего офицера.

Нынешняя кампания началась рано и сулила неспокойную жизнь.

Шведы, по слухам, что-то затевали, но императрица вовремя отставила эскадру Грейга в Архипелаг. Остальные корабли под флагом адмирала Василия Чичагова вытянулись на Кронштадтский рейд. Завтра к ним присоединится «Подражислав».

— Знакомьтесь, Ксенофонт Петрович, — Домен представил вошедшему лейтенанту гардемарин. — Отведите им каюту. Они будут править службу за мичманов. На вахту с завтрашнего дня, на «собачку» пока не ставить, пусть вначале на якоре поднатаскаются.

«Собачкой» прозывали самую трудную вахту — с полночи до 4 часов утра.

Наутро команду подняли по авралу, спустили шлюпки и катер. Завели буксирные концы с носа и кормы, оттянулись от стенки, и фрегат медленно двинулся на внешний рейд.

…Пошла вторая неделя якорной стоянки «Подражислава» на рейде Красной Горки. Все корабли на Балтике подчинили адмиралу Грейгу, и они стянулись на Красногорский рейд.

Лисянский уже самостоятельно правил якорной вахтой, отрабатывал постановку и уборку парусов на фок-мачте. Домен назначил его командиром фок-мачты. Карташева определили на бизань-мачту. Среди мачтовой команды больше трети оказалось рекрутов-новобранцев. Пришлось с ними повозиться. На реи пока их не посылали, расписали на марса-фалы, гитовы и гордени. Работа с ними не такая рисковая — внизу, на палубе…

В последних числах июня адмирал Грейг получил высочайший указ. «Господин адмирал Грейг! — писала императрица. — По дошедшему к нам донесению, что король шведский вероломно и без всякого объявления войны начал уже производить неприязненные противу нас действия… По поручению сего вам повелевается тотчас же, с божьей помощью, следовать вперед, искать флота неприятельского и оный атаковать».

Адмирал Грейг вызвал флаг-офицера:

— Поднять сигнал «Капитанам немедля явиться на флагман».

Домен возвратился с флагманского линейного корабля «Ростислав» перед обедом. На вахте стоял Лисянский.

— Пригласите офицеров в кают-компанию, — отрывисто бросил на ходу командир, — и сами будьте. Оставьте за себя унтер-офицера.

И сразу же прошел в кают-компанию. Озабоченно оглядел собравшихся вскоре офицеров.

— Получен высочайший указ. Шведы-таки мерзавцами оказались — атаковали наши крепости без предупреждения. Нынче высочайшим манифестом объявлена война шведам. — Ломен не спеша обвел взглядом офицеров. — Завтра поутру снимаемся с якоря. Эскадра идет в море на поиск неприятеля, чтобы сразиться с ним. Наше место в ордере — в передовом дозоре, следом за «Надеждой Благополучия». «Подражиславу» вменены репетичные обязанности. В остальном будем действовать по обстановке, следуя сигналам флагмана.

Командир жестом пригласил офицеров:

— Прошу к столу.

День 28 июня выдался маловетреным, временами наступал штиль. Корабли один за другим снимались с якоря и медленно выстраивались в походную колонну.

Закинув голову, Грейг недовольно поглядывал на клотик фок-мачты, там едва колыхался брейд-вымпел. Солнце клонилось к горизонту, а последние корабли только что выбрали якоря. Пора начинать движение.

— Сигнал по эскадре — курс «Вест»! — отрывисто скомандовал адмирал.

Собственно, эскадра уже который час, вытянувшись в кильватер, следовала на запад, «ловила ветер», подворачивая на 1–2 румба влево-вправо. За дозорными кораблями, несколько поотстав, следовали 17 линейных кораблей. Флагманский 100-пушечный «Ростислав» шел головным в кордебаталии[18]. Авангардом командовал контр-адмирал фон-Дезин-младший, арьергардом — контр-адмирал Козлянинов. Двадцать шесть

вымпелов насчитал в строю Юрий Лисянский.

Долгие сумерки сменялись короткими летними ночами. Слабый ветер то заходил к осту, то изменял направление на южные румбы. В наступающих вечерних сумерках 5 июля на фоне заходящего солнца появились контуры острова Гогланд.

— Справа берег! — донеслось с салинга.

Изредка поглядывая на открывающийся остров, капитан-лейтенант Ломен пристально осматривал горизонт. Где-то там по курсу, невидимая еще, дефилирует вражеская эскадра. «Главное, не упустить момент, вовремя обнаружить ее и оповестить флот».

— Отправляйтесь-ка отдыхать, Юрий Федорович, — не отрываясь от трубы, проговорил командир, — вам заступать после «собачки».

Четвертые сутки этот настырный юнец не сходит с юта. Больше молча поглядывает на паруса, рулевого. Иногда обращается с вопросом к штурману, смотрит на картушку[19] компаса. Сменившись с вахты, он уже через час-другой появляется на квартердеке[20]. Его однокашник, напротив, едва сдав вахту, отправляется спать в каюту, и его не видно на палубе до следующей вахты.

Слова командира возымели действие, Лисянский нехотя спустился на шканцы.

Ночью флагманскому кораблю просигналил фонарем шедший из Кронштадта с грузом оружия транспорт «Слон». Приблизившись, командир «Слона» лейтенант Сологуб передал в рупор:

— Три часа тому назад встретил прусского «купца», его капитан передал, что к весту за Гогландом повстречал шведскую эскадру. Более двадцати вымпелов насчитал.

Эскадра Грейга продолжала движение на запад. В четыре часа на вахту заступил Лисянский.

— На румбе вест-зюйд-вест, ветер ост-зюйд-ост, совсем слабый, — зевая, сдал вахту мичман. Он перечислил выставленные паруса на мачтах.

— Вахту принял, — козырнул недовольный Лисянский, оглядывая обтянутые паруса. Огорчение вызвал стоявший чуть в стороне старший лейтенант Чупрасов. Ему поручил Ломен «опекать» гардемарин во время вахты. Лисянский, стараясь не ударить лицом в грязь, пристально всматривался вдаль. Вдруг он увидел, как на «Надежде Благополучия», лениво разворачиваясь, бойко поползли вверх на фалах сигнальные флаги.

— Сигнальщики, — крикнул Юрий дремавшим впереди на мостике матросам, — приготовиться репетовать сигнал!

Едва успел он поднять зрительную трубу, чтобы прочитать

сигнал, как с салинга донесся выкрик:

— Вижу неприятеля на горизонте, слева десять!

Лисянский уже различил черные точки, мерцавшие далеко-далеко на горизонте, освещенные первыми лучами восходящего солнца.

— Сигнал «Вижу неприятеля на румбе вест» отрепетован! — доложили сигнальные матросы, одновременно поднимая на фалах набранный сигнал.

— Позвольте разбудить капитана? — обратился Лисянский к старшему офицеру.

Тот, довольный расторопностью вахтенного начальника, согласно кивнул. Лисянский послал посыльного разбудить капитана и доложить, что обнаружен неприятель. Повернувшись на корму, он радостно доложил старшему офицеру:

— Флагман сигнал принял и отрепетовал.

Спустя полчаса эскадра подвернула влево и легла на курс сближения со шведами. Теперь уже можно было сосчитать вымпела неприятеля. Их оказалось тридцать.

«…В четверг 6 июля около полудни, — доносил Грейг, — увидели шведский флот в 15-ть линейных кораблей при 40 и 60-ти пушечных рангов, в 8 больших фрегатов и в 5 меньших фрегатов, и 3-х пакетботов, в то же время сделан от меня сигнал: «Прибавить паруса и гнаться за неприятелем».

Грейг решил ускорить сближение с неприятелем боевого ядра и развернул колонну линейных кораблей в строй фронта. Наступил полдень. Артиллерийские расчеты откинули порты, подкатили орудия, разнесли ядра и заряды.

К Грейгу подошел капитан-лейтенант Одинцов:

— Ваше высокопревосходительство, до неприятеля не менее полутора-двух часов ходу. На пустой желудок голова и руки плохо слушают друг друга.

Грейг молча посмотрел на вымпел, вскинул зрительную трубу:

— Добро. Поднять сигнал: «Командам обедать, но поспешно».

Около четырех пополудни шведская линия стала видна со всей отчетливостью во главе с флагманом «Густав III».

Неожиданно шведы начали маневрировать, изменяя галсы[21]. Грейг не торопился принять решение. Бой надлежало принять по всем правилам морской тактики.

Прежде всего он, как положено, скомандовал фрегатам и малым судам отойти к осту и держаться в готовности за линией баталии, не мешая маневрам основных сил эскадры решать исход сражения.

Когда стало очевидно намерение шведского флота — выйти

на ветер, Грейг решил не производить перестроение в прежний порядок для сокращения времени маневра из строя фронта, и скомандовал сразу развернуться в «линию для боя». Теперь в авангарде оказался контр-адмирал Козлянинов, а в арьергарде — фон-Дезин. Лисянский, внимательно следивший за развертыванием эскадры, увидел, что по неизвестной причине корабли арьергарда не приняли сигнал флагмана. «Иоанн Богослов» вдруг повернул обратно. За ним потянулись «Дерись» под командой Вальронда и «Виктор».

Грейг, обычно сдержанный, оглянулся на корму, крепко выругался и прокричал:

— Повторить сигнал с позывными «Богослову», «Дерись», «Виктору». Выстрелить пушку для понятия.

Время уходило, шведы заканчивали перестроение. Грейг прикинул, что у шведов немалое преимущество в орудиях, а тут на беду четыре корабля его арьергарда вне дальности огня.

— Спускаться на неприятеля. — Теперь вся надежда на Козлянинова.

Шведы первыми открыли огонь. В 17 часов корабли авангарда сблизились почти на пистолетный выстрел, дали картечный залп по шведам, сражение началось. Флагман авангарда «Всеслав» лихо атаковал головной шведский корабль. Пороховой дым постепенно окутывал обе линии кораблей.

«Подражислав» с другими фрегатами, подобрав паруса, медленно лавировал, временами ложась в дрейф. В любой момент по сигналу флагмана он готов был вступить в бой или прийти на помощь другим кораблям. Весь экипаж был настроен на боевой лад. Мачтовые матросы стояли наготове у вант и ловко выполняли подаваемые команды. Канониры на опердеке[22] расположились у пушек, разложили в порядок заряды и ядра и ждали лишь команды для открытия огня. Как только на «Ростиславе» подняли сигнал построения в линию для боя, фрегат немедленно отрепетовал сигнал флагмана.

Увидев, что корабли арьергарда двигаются в противоположную сторону, Ломен вскипел и приказал повторить сигнал флагмана с выстрелом из пушки, чтобы обратить внимание незадачливых капитанов. Но те продолжали уходить от линии баталии.

Ломен подозвал Лисянского, кивнул в сторону арьергарда, пояснил пагубность действий командиров.

— Запомните, гардемарин, — несколько раздраженно говорил он, — неисполнение сигнала флагмана в бою равносильно измене долгу. Неважна первопричина их лиходейства, но другие от сего в беду попадут.

Ломен, взяв за локоть, перевел Лисянского на другой борт.

— Нынче авангарду, по милости фон-Дезина, придется туго. Поглядите, — он протянул трубу Лисянскому, — каждому кораблю Козлянинова выпадает сражаться с двумя, а то и тремя шведами.

В это мгновение совсем рядом, вырвавшись из клубов порохового дыма, засвистело шальное ядро и, чиркнув по фальшборту, шлепнулось в воду. И все же иногда слабый ветерок раздвигал облака дыма, и Лисянский силился охватить панораму сражения.

Тем временем «Всеслав» сокрушил-таки головной неприятельский корабль, и он, спешно спустив шлюпки, под буксирами потащился за линию сражения. Досталось и флагману шведов от «Ростислава». По бортам и за кормой корабля волочились на вантах перебитые стеньги и реи, и он тоже покатился под ветер. А вот и вся шведская эскадра по его сигналу стала склоняться под ветер, не желая продолжать сражение…

Грейг, будто не понимая намека — разойтись по-хорошему, азартно вступил в схватку с вице-адмиральским кораблем «Принц Густав». Командир «Ростислава» капитан-лейтенант Одинцов картечными залпами изрешетил его паруса, рангоут и корпус. В наступавших сумерках было видно, как пополз вниз кормовой флаг.

Победа воодушевляет — с «Ростислава» донеслось русское «ура!».

В зрительную трубу стало видно, как с «Ростислава» спускают шлюпку и она несется к сдавшемуся «Принцу Густаву».

Спустя полчаса шлюпка доставила на «Ростислав» плененного вице-адмирала Вахтмейстера — адъютанта короля Густава III, командующего авангардом шведской эскадры.

Утомленный Грейг сидел на юте в раскидном кресле. Когда шведский адмирал приблизился, он медленно поднялся. Вахтмейстер, держась с достоинством, отрекомендовался, обозначив все титулы, начиная с графского, чины и должности.

— Я выполнил свой долг перед королем, но более сражаться смысла не вижу, — с плохо скрываемой досадой произнес он по-английски и протянул Грейгу шпагу и вице-адмиральский флаг.

Грейг холодно посмотрел на плененного, немного помолчав, сказал:

— Флаг сей как свидетельство капитуляции неприятельского корабля принимаю, — ответил он, наконец, по-русски и передал флаг капитан-лейтенанту Одинцову.

Обратившись к Вахтмейстеру по-английски, Грейг продолжал:

— До скончания военных действий, начатых королем вашим, объявляю вас, адмирал, пленником державы Российской. Вы сражались храбро и честно, как подобает моряку. Потому возвращаю вам шпагу.

Он протянул шпагу Вахтмейстеру. Тот с поклоном принял ее и пошел следом за конвоиром в отведенную ему каюту.

В наступившей темноте еще тут и там слышались раскаты и ярко сверкали вспышки редких залпов и отдельных выстрелов. Но становилось постепенно ясным, что сражение завершается. И только далеко к северу глухо доносились многочисленные пушечные выстрелы. Грейг еще не знал, что это отбивается от яростных атак находившийся в окружении 74-пушечный корабль «Владислав». Один против пяти. С перебитыми такелажем и рангоутом корабль потерял управление, и его ветром снесло в середину шведского боевого порядка. Не получив помощи арьергарда, «Владислав» ожесточенно сопротивлялся, получил десятки пробоин в надводной части, потерял убитыми и ранеными более двухсот человек и в конце концов был вынужден сдаться.

Грейг еще не знал об этом; воодушевленный пленением Вахтмейстера, в темноте показал последний сигнал — «Гнать неприятеля!»

Ему ответил лишь один капитан 1-го ранга Муловский, остальные корабли получили сильные повреждения, а некоторые по невнимательности не разобрали сигнала.

В это время к Грейгу явился офицер с «Владислава» с просьбой о помощи.

Идти на выручку с двумя кораблями против полутора десятка было бессмысленно.

Грейг питал надежду предпринять погоню с рассветом, к тому же ветер ночью посвежел. Однако когда рассвело, стало очевидно, что сделать это не удастся. Шведы, воспользовавшись темнотой, кое-как привели в порядок корабли и, поставив паруса, уходили на север.

Одинцов разбудил Грейга.

— Видимо, спешат в Свеаборг, — сказал адмирал, — и все-таки генеральной линии мы достигли — неприятеля к Петербургу не допустили. Однако сражение могло быть успешным, если бы не странные действия арьергарда.

Из всеподданнейшего донесения адмирала Грейга:

«Трех капитанов за слабое исправление должности в сражении 6 июля я уже сменил, а именно командиров фрегатов капитанов 2-го ранга Коковцева, Обольянинова, Вальронда и отослал их при рапорте в Адмиралтейств-коллегию для

исследования. На вакансии их определил на корабль «Дерись» — Федора Ломена, на фрегат «Подражислав» — капитана-лейтенанта Гревенса».

На «Подражиславе» приняли сигнал адмирала — «Командирам прибыть на флагман». Тем временем эскадра легла в дрейф. На кораблях подсчитывали боевые потери, меняли перебитые снасти, латали паруса, сбрасывали за борт перебитые реи и стеньги. Некоторые корабли получили серьезные повреждения. «Всеслав» потерял перебитыми почти все стеньги на мачтах, число пробоин в бортах доходило до 120. Ломен возвратился с «Ростислава» в хорошем настроении. Сразу пригласил в кают-компанию офицеров.

— На совете адмирал с похвалой отозвался о мужестве и храбрости офицеров и матросов, особо превознес экипажи «Всеслава», «Ростислава» и их капитанов, а также контр-адмирала Козлянинова. — Улыбка неожиданно сошла с лица Ломена. — Только омрачены ныне успехи баталии пленением «Владислава». Случилось сие за небрежением и худыми действиями командиров арьергарда. Адмирал отрешил тех капитанов от должностей.

Слушая командира, Лисянский переглянулся с Карташевым. Накануне возвращения командира они как раз возмущались тем, что Вальронд и другие не увидели сигнал флагмана. «Подражислав» долго репетовал сигнал и обращал внимание пушечными выстрелами.

— Приказано мне, — продолжал Ломен, — принять под команду линейный корабль «Дерись». К вам же на «Подражислав» определен капитан-лейтенант Гревенс Карл Ильич. Прежде он был капитаном транспорта «Смелый».

Перемена в командовании произошла быстро. Уже вечером прибыл новый командир, и они с Ломеном всю ночь просматривали корабельные журналы и документы, вызвали офицеров, шкиперов, боцмана, спрашивали о разночтениях. Рано утром, после побудки, они обошли все палубы и помещения корабля. Перед подъемом флага Ломен попрощался с экипажем и представил нового командира.

Выше среднего роста, сухощавый, с небольшими усиками, Гревенс молча обошел строй, внимательно всматриваясь в лица матросов, и, ни о чем не расспрашивая, распустил команду.

Перед заходом солнца Грейг поднял сигнал — «Приготовиться к походу».

Утром следующего дня командующий вызвал Гревенса и командира фрегата «Ярославец» капитан-лейтенанта Бардукова.

— Неприятель, как я полагаю, направился в Свеаборг, дабы зализать раны свои.

Адмирал пригласил офицеров к разложенной на столе карте.

— Надлежит вам сие скрытно перепроверить, после чего займите пост на меридиане Паркалаут, — Грейг отчертил циркулем позицию, — и крейсируйте, дабы пресекать провоз провианта к Свеаборгу. О появлении неприятеля уведомите меня немедля.

Наступил сентябрь. Штормовые ветры все чаще налетали то с запада, то с востока. Западные шквалы всегда хлестали по парусам косым дождем. «Подражислав» крейсировал в западном районе успешно. Как-то в сумерках туманного утра показался вдруг совсем рядом бриг под английским флагом. На вахте[23] стоял Лисянский, он немедля вызвал на мостик Гревенса, который только что спустился вниз после бессонной ночи.

— Карл Ильич, — новый капитан распорядился всем офицерам называть его так, — взгляните, этот «купец» непременно идет галсом на Свеаборг.

Гревенс, взглянув на картушку компаса, утвердительно кивнул головой и приказал:

— Поднять сигнал «Спустить паруса!» — и тут же обратился к Лисянскому: — Берите вахтенных гребцов и полдюжины солдат и мигом в шлюпку. Пока «купец» не очухался. Проверьте у него судовые документы. Ежели будет противиться, дайте знать фальшфейером. Придется припугнуть пушечным выстрелом.

В это время стало видно, как по верхней палубе засуетились матросы, отдавая фалы[24] и шкоты[25]. Бриг ложился в дрейф, выполняя приказ, не подозревая, с кем имеет дело. Да, собственно, с фрегатом шутки плохи.

Гревенс приказал поднять Андреевский флаг.

Фрегат подошел к бригу по корме на четверть кабельтова и лег в дрейф. Лисянский прокричал в рупор, что бриг имеет груз мяса и масла и следует в Свеаборг. Гревенс дал команду спускать катер и вторую шлюпку. На купеческий бриг ушел старший офицер. Он объяснил капитану, что весь груз конфискуется в связи с войной.

— Позвольте, но Англия не находится в состоянии войны, — возразил капитан брига.

— Совершенно верно, но ваш груз идет из Швеции и предназначен для военных кораблей. Мы оформим все документы на изъятие груза, и у вас будет оправдание.

— Черт побери, — проворчал капитан, — меня заверили в Гетеборге и Стокгольме в полной безопасности этого маршрута и что шведский флот здесь хозяин.

— Вольно им думать в теплых кабинетах, — рассмеялся старший офицер и приказал Лисянскому поторапливаться.

Освобожденный вскоре от груза и забот, бриг развернулся на обратный курс.

Сменившись с вахты, Лисянский прошел в кают-компанию. Там допивал чай Гревенс.

— А вы молодец, Юрий Федорович, сноровка у вас явно в крови, быстро оккупировали «купца».

— Как-то неловко получается, — ответил виноватым тоном Лисянский, пропустив мимо ушей похвалу, — провиант на бриге конфисковали, а капитану-то попадет. Да и с флагами — выходит, мы обманом его взяли.

Гревенс несколько озадаченно посмотрел на юношу.

— Вы что же, хотите неприятелю подсобить? Этак он сил наберется, да нас же и поколотит, и еще надсмехаться будет. Война есть война, у нее свои законы. Подмена флагов — прием старинный, испытанный во всех европейских флотах. Кстати, по-моему, англичане в этом деле пионерами являются. Мой совет вам, Юрий Федорович, — Гревенс перешел на дружеский тон, — поразмышляйте основательно. Ежели флотским офицером стать решились бесповоротно, в чем я не сомневаюсь, надобно учиться сантименты соизмерять с воинским долгом.

Грейг похвалил Гревенса за призовой груз и предписал «Подражиславу» продолжать крейсировать в Финском заливе, у Свеаборга, чтобы не дать уйти шведам незамеченными. Эскадра снялась с якоря и пошла к острову Наргену. Пора было пополнять запасы воды и провианта.

Спустя неделю произошел курьез с подменой флагов.

Из всеподданнейшего донесения адмирала Грейга 1788 года, сентября 21: «14 числа пришел во флот фрегат «Подражислав» и командующий оным капитан-лейтенант Гревенс мне доложил, что с мимо идущего английского купеческого судна ему объявлено якобы сие судно того же утра видело 9-ть шведских линейных кораблей, стоящих на якоре при Гангуте, а хотя сие было не весьма вероятно, однако, для лучшего уверения я приказал оному фрегату немедленно идти к Гангуту осмотреть тот наш пост и ко мне возвратиться с известием. 15, 16, 17 — продолжался южный ветер, укомплектовались свежей водою, а 18 числа по утру за невозвращением фрегата «Подражислав» к флоту, я снялся с якоря с 11-ю линейными кораблями и 2-мя бомбардирскими судами пошел к Гангуту и нашел там эскадру под командою Тревенена в прежнем положении. Фрегат же «Подражислав» столь далеко прошел в Гангутский пролив, что за противным ветром нельзя было ему вылавировать оттуда. А что английский шкипер объявил будто там видел шведские корабли, то сему была причина та, то на нашей эскадре подняты были шведские флаги,

так как от меня было приказание при появлении купеческих судов, идущих с моря, поднимая шведские флаги, приманывать для снятия груза».

Осенняя штормовая погода держала в напряжении экипажи, особенно доставалось матросам. Эскадра в основном отстаивалась на якорях. Грейг постоянно выставлял дозоры у Свеаборга. Не хотелось упустить безнаказанно шведов. Пользуясь кратковременными штилями, в начале октября шведы пытались помочь Свеаборгу провести мимо Гангута шхерами гребные транспорта. Но гребной фрегат «Святой Марк» вовремя обнаружил их и отогнал обратно. Три дня спустя эти фрегаты, используя штиль, пытались прорваться мористее. И вновь их постигла неудача: 14 шведских канонерских лодок, спасаясь, выбросились на камни, где были захвачены русскими и сожжены.

В непогоду рвало снасти и паруса на кораблях, студеный ветер с дождем заставлял коченеть на верхней палубе не только матросов. В конце сентября сильно простудился и слег адмирал Грейг. Оставив за себя контр-адмирала Козлянинова, он ушел на «Ростиславе» к Ревелю.

Из письма Козлянинова графу Безбородко, октября 16: «С. К. Грейг умер в Ревельском порте на корабле «Ростислав» 15 октября пополудни в 9 часов».

Спустя 10 дней эскадра сняла блокаду — непрерывные шторма вконец измотали людей, на кораблях вышел запас провианта и воды, усилилась течь в корпусах, поизносились за кампанию паруса.

В последний день октября моряки прощались с адмиралом. На Ревельском рейде все суда эскадры с утра приспустили флаги, перекрещенные реи отдавали ему последние почести. Проститься с Грейгом сошли с кораблей многие офицеры, остались старшие офицеры, вахта и подвахтенные. Гревенс с офицерами «Подражислава» медленно поднимались по улочкам Вышгорода. Гроб с телом адмирала стоял на высоком постаменте в Кафедральном соборе.

Простившись с адмиралом, Лисянский и Гревенс вышли на площадь. Тут и там стояли в ожидании процессии офицеры, разбившись на небольшие группы. Чуть в стороне, у входа, скучившись, отдельно собрались командиры кораблей. Среди них выделялся мундиром контр-адмирал Козлянинов. Гревенс направился к ним.

Когда офицеры чуть отошли, Лисянский шепотом сказал Карташеву:

— Гляди, вон земляк Грейга, Тревенен, а рядом с ним Муловский Григорий Иванович.

— А ты откуда их знаешь? — удивился Карташев.

— Как откуда? Помнишь, вскоре после сражения у Гогланда Карл Ильич посылал меня с письмом на «Мстислав». Вот там у него я и был представлен. Тогда же там и Тревенен у него в каюте сидел. Он, брат, с самим Куком кругом света хаживал.

Они помолчали, а потом Лисянский, вспомнив, добавил:

— Там же на «Мстиславе» встретил я Крузенштерна. Который в пятой роте обретался.

Карташев подтолкнул Юрия:

— Да вон он, погляди, к нам направляется.

Действительно, неподалеку стояли офицеры «Мстислава», и Крузенштерн, заметив однокашников, подошел к ним. Вполголоса поздоровался.

Они едва успели перебросится несколькими фразами, как в соборе раздались приглушенные звуки органа и все направились проводить адмирала в последний путь.

* * *

Прошла неделя-другая, залив сковало льдом, и корабли остались зимовать в Ревеле. В эти же недели эскадра Густава III наконец-то сумела уйти из Свеаборга.

В один из вечеров, вскоре после похорон Грейга, Лисянский, задержавшись после ужина в кают-компании, спросил Гревенса:

— Карл Ильич, вы намедни виделись с капитаном 1-го ранга Муловским, а еще раньше вспоминали о замыслах путешествия с ним кругом света.

Гревенс не удивился. И раньше Лисянский не раз пытался с ним заговорить о плавании с эскадрой Муловского, да все как-то было недосуг — то дозорная служба, то стычки со шведами, то беспрерывные вахты.

— Ну, так что? — спросил Гревенс.

— Сия задумка откуда произошла?

Гревенс усмехнулся:

— Так вдруг не вспомнишь. Однако если вы желаете знать, извольте. А заодно чаи погоняем. Благо нынче спешить некуда.

Гревенс крикнул вестового, велел принести им чай. Пока вестовой бегал на камбуз за кипятком, заваривал чай, Гревенс впервые за три месяца совместной службы пристально разглядывал гардемарина «за мичмана». На судне ведь, как обычно, познаешь человека в деле. Во-первых, смотришь, как он правит вахту. Лисянский нес ее исправно и, как правило, без подсказок. Другой старший офицер не примет так грамотно

шквал и не скомандует вовремя на паруса, как этот юнец. Дотошно вникает во все тонкости штурманского дела, прекрасно ориентируется в шхерных акваториях от Свеаборга до Гангеудда. Удивляет и его способность обходиться с матросами. На фок-мачте, где он расписан, обычно нет ругани и громких окриков. Боцман, что редкость, туда тоже заглядывает нечасто. Однако по всем позициям на фок-мачте управляются с парусами и рангоутом намного раньше предписанного времени, и, главное, все команды выполнялись «чисто» — без ошибок.

Вначале Гревенс не понимал, откуда истоки такого усердия и навыков матросов. Но потом, не сразу, исподволь понял главную суть. Лисянский не только знал, но и умел делать все, что положено делать матросу, то ли марсовому, то ли на фалах и шкотах. Нередко можно было видеть, как он ловко взбирается на салинг, быстро перебирает на пертах[26], не объясняет, а показывает матросу, как вязать или отдавать сезни[27] или работать с другой снастью. И еще подметил Гревенс его искренность и непосредственность с товарищами и какую-то непривычную обходительность с нижними чинами. Ни разу не поднял руку на служителей, более того, команды отдавал им, будто просил. Но делал это внятно, четко, быстро. Проглядывалась в нем какая-то душевная благость. «Быть может, он чересчур увлечен богословием. Потому и матросы лучше других его слушают», — подумал невольно Гревенс. Не пропускает ни одного богослужения, на полке у него рядом сочинения Ломоносова, Хераскова и Библия, которая разве что у иеромонаха имеется. В каюте в углу иконка Николая Чудотворца, и перед ней день и ночь зажжена лампада…

— Так что вам известно о Муловском? — спросил Гревенс.

— Немногое, то, что мне сказывал в корпусе Николай Гаврилович Курганов, — ответил Лисянский.

— Кто же не знает сего кудесника и любимца гардемарин, — оживился Гревенс, — быть может, он знает о Григории Ивановиче более моего, но, видимо, вам не все поведал за недосугом.

Вестовой принес чай в подстаканниках, Гревенс потрогал горячий стакан.

— Григорий Иванович опытнейший капитан. Знает не понаслышке моря Северное, Черное, Средиземное, корабли водит, почитай, полтора десятка лет. В те же годы определен он был в генеральс-адъютанты к графу Чернышеву, который, как известно, состоит, в свою очередь, наставником великого князя и наследника Павла Петровича.

Гревенс не спеша отпил чай и продолжал:

— Граф Чернышев — вице-президент Адмиралтейств-

коллегии, издавна печется о делах флотских не на словах. В семьдесят шестом году на свои деньги оснастил корабль для плавания кругом света, но вояж тот не состоялся. Прошлым годом мы с Григорием Ивановичем вот-вот должны уйти бы к берегам камчатским, но и в тот раз не повезло.

Гревенс в раздумье помолчал, а Лисянский осторожно спросил:

— Какая же причина тому?

Гревенс пожал плечами.

— Сказывают, турки помешали, войну объявили. Каждый корабль стал потребен.

— Что же предполагалось достичь в том вояже?

Гревенс загадочно ухмыльнулся.

— Многое, уважаемый Юрий Федорович. Для того Адмиралтейств-коллегия наставление составила, с коим я ознакомлен был Григорием Ивановичем.

Лисянского разбирало любопытство, но он понимал, что, как и Курганов, его командир не вправе делиться многими сведениями, но он не удержался:

— И в чем же все-таки состояла суть ваших целей?

— Их было немало, главное же — утвердить права на земли российскими мореплавателями, открытые на Восточном океане. Нам предписывалось также исследовать острова, между Камчаткою и Америкой лежащие, острова Курильские и Сахалин.

Гревенс посмотрел в давно опустевший стакан, попросил еще чаю и, в свою очередь, спросил:

— Чем объяснить столь страстное любопытство к тому вояжу?

Лисянский несколько смутился.

— Задумки таю побывать в дальних странах заморских, поглядеть на тамошнюю жизнь народов.

— Сие похвально для офицера флота российского, тому и раньше примеров немало. Токмо прежде надобно отвадить неприятеля от берегов и рубежей Отечества, а вы молодцом держитесь в бою, — неожиданно перевел разговор Гревенс, — ядрам и картечи не кланяетесь, нынче я аттестовал вас на мичмана.

16 марта 1789 года состоялось производство Юрия Лисянского в первый офицерский чин — мичмана. Вступив в шестнадцать лет на начальную ступеньку карьеры морского офицера, Лисянский не изменил своим принципам ни в отношениях с начальством, ни в общении с подчиненными матросами. С первыми он, действуя строго по Морскому уставу Петра I, держал себя вполне самостоятельно, стараясь избегать излишней опеки. С подчиненными, несмотря на царивший на

иных кораблях «мордобой», вел себя прежде всего уважительно. Главное же, он с еще большим рвением отдается нелегкой службе корабельного офицера.

В наступившей кампании командовал флотом адмирал Василий Чичагов. В первом же сражении в июле у острова Эланд с превосходящим неприятелем русские моряки выстояли и заставили шведов отступить. «Подражислав» и фрегаты «Брячислав», «Надежда Благополучия», «Слава» составляли вторую линию, но дело оборачивалось так, что на этот раз они могли оказаться в гуще сражения. Лисянский видел, как обрушилась форстеньга на «Мстиславе», но корабль остался на линии и продолжал бой. В этом бою погиб Муловский. После боя фрегат навестил приятель Гревенса капитан-поручик Эссен, служивший на «Мстиславе». Во время обеда в кают-компании он рассказал о последних минутах своего командира.

— На «Мстиславе» сбило фок-мачту. Муловский пошел осмотреть поломку по левому борту. Вдруг просвистели один за другим три ядра. Одно из них пробило шлюпку, матросские койки, ударило капитана в бок, он упал, обливаясь кровью. — Эссен перевел дух и грустно закончил: — Подбежали матросы, подняли его и понесли в лазарет, а капитан проговорил: «Братцы, не оставляйте корабль…»

Лисянский тяжело переживал эту утрату. Погиб главный заводила кругосветного вояжа.

Шведская эскадра до осени отсиживалась в базах, и начали вести переговоры о мире.

В следующую кампанию 1790 года шведы все же решили взять реванш на море.

Однако не удалось. Проиграв Ревельское сражение, они дважды пытались вернуть инициативу, но в конце кампании едва унесли ноги, укрывшись в Выборгском заливе.

Только нерасторопность и весьма странная медлительность Чичагова позволили улизнуть шведской эскадре. Среди офицеров прошел слух, будто Чичагов шведами «был подкуплен, чтобы не делать нападения».

Кампания 1790 года еще не закончилась, а шведы, утомленные войной, предложили в августе перемирие и вскоре в местечке Верелэ подписали мир. Густав III отказался от своих претензий и обязался возместить России все затраты на войну. Россия и Швеция остались в прежних границах, сохраняя статус-кво.

Армейские полки потянулись в Россию на зимние квартиры, эскадры флота направились залечивать раны в Ревель и Кронштадт. «Две вооруженные руки державы», как назвал Петр

Великий армию и флот, совершенно по-различному функционировали в мирное время. Армия штудировала уставы, муштровала шагистику и ружейные приемы, участвовала в парадах и показных экзерциях, ожидая, когда правители вновь двинут полки в бойню.

Иное дело флот. Даже в мирное время он является грозной силой, способной без единого выстрела, лишь своей мощью диктовать условия соперникам. Одно присутствие у берегов морской армады с многими сотнями орудий и десантом на борту кораблей заставляло ближних соседей и дальних недругов подчиняться силе.

Другая, не менее важная сторона деятельности любого флота в мирные дни, — приращение территории за счет открытия неизведанных земель. Четыре пятых поверхности планеты покрыто морями и океанами. В их просторах немало архипелагов и островов, тысячи миль неисследованных берегов Африки, Америки, Австралии. Там новые рынки, товары, сырье, дешевые рабы. Это давно и успешно осуществляют ведущие морские державы Европы — Испания, Португалия, Англия. Франция тянется за ними, только в 1769 году первый француз де Бугенвиль совершил кругосветное плавание. Россия пока отстает. Нужны деньги, добротные корабли, отменные мореходы. Только что закончившиеся баталии на Черном море и Балтике доказали, что на флоте есть достойные моряки, умения и отваги им не занимать. Но, плавая от Днепровского лимана до устья Дуная и в Финском заливе, достаточно опытным мореходом не станешь. Единственно в дальних плаваниях, в океанах оттачивают мастерство мореплаватели. Правда, доходили слухи, что и русские люди добрались на Великом океане до берегов Америки. Знает об этом не понаслышке и Юрий Лисянский. Только что он привез из Петербурга книжицу Григория Шелихова «Странствования по Восточному океану к Американским берегам».

Три военных кампании закалили его характер. Он и раньше был не робкого десятка, подобно всем истинным морякам. Ведь море — коварная стихия, где каждая пройденная миля может оказаться последней. Над поверхностью воды в любой момент может разразиться ураган, шторм, буря, а под водой корабль ежеминутно подстерегает невидимый враг — отмели, каменистые скалы, рифы…

Можно сказать, что молодой мичман выдержал первоначальную проверку стойкости характера «водой».

В минувших кампаниях он успешно прошел и первое испытание «огнем». Протяжные визги несущихся неведомо откуда

вражеских ядер, пронзительный посвист картечи и ружейных пуль поначалу заставляли прижимать голову до хруста в костях, нагибаться к палубе. Но рядом, как обычно, сновали матросы, управляясь с парусами, копошились у орудий канониры, уводили раненых в лазарет, убирали убитых. Унтер-офицеры и квартирмейстеры, ухмыляясь, искоса поглядывали на молоденького гардемарина. Пример этих людей действовал заразительно и неотразимо, постепенно вырабатывал привычку не обращать внимания на грозящую опасность. «Иначе какая же служба и вахта на военном судне», — подумывал Лисянский. Первые морские сражения заставили повнимательнее изучать обстановку. Из скудных сведений по тактике он знал, что в бою, как правило, успех дела решает правильный маневр корабля. Каким образом ловко уклониться от неприятельского огня, занять выгодную позицию и обрушить на противника в нужный момент всю мощь бортового залпа — в этом суть командирского искусства.

По ходу боев Юрий присматривался не только к действиям своего командира, но и старался оценить успешность и правильность маневра соседних кораблей. Когда стихал гром пушек и противники утихомиривались, в кают-компании долго велись жаркие споры по итогам минувших баталий. Мичман Лисянский, как правило, прислушивался, в полемику не ввязывался. К концу войны у него сложилось убеждение, что далеко не все командиры четко представляют, как действовать в различных ситуациях, имеют совершенно различные понятия о правилах ведения боя. «Видимо, не все предусмотрено в Морском уставе», — размышлял мичман Лисянский.

Вскоре после окончания войны он покинул «Подражислав» и получил назначение на транспорт «Эммануил», отбитый в свое время у шведов.

На «Эммануиле» плавал в Ревель, Ригу. По службе командиром аттестовался исправно — «в должности знающ».

Кампанию 1792 года они плавали с братом врозь. Анания два года назад перевели в Морской корпус, и теперь летом он ходил в практические плавания с гардемаринами.

Незаметно подкралась осень, кампания на море заканчивалась, корабли становились на прикол. Экипажи переселялись на берег.

Лисянские первую зиму встречали вдвоем на берегу.

«Эммануил» разоружился на зиму, и Юрий забежал по привычке в портовую канцелярию справиться о почте. Там второй месяц лежало письмо из Нежина, и, не распечатывая его, Лисянский поспешил к брату.

Летом они сняли небольшую комнату на Галкиной улице и теперь каждый свободный день проводили вместе.

Юрий подвинул свечу. Отец писал о нежинских новостях, жаловался на здоровье, звал сыновей погостить.

— Пора батюшку навестить, — проговорил Юрий, прочитав письмо. (В кадетском корпусе было не по средствам, потом война все перемешала.) — Кампанию на тот год отплаваем и айда вдвоем в Нежин. Старик скучает, заждался.

— Пожалуй, ты прав, — согласился брат.

Юрий взял с комода небольшую книжку. С недавних пор он стал дорожить этими редкими зимними часами на берегу, когда не шатало и не бросало, не свистел ветер в снастях, не слышались рядом под ухом всплески волн за бортом, тянулись томительно в полусонном сознании минуты ожидания вестового, который осторожно, но настойчиво разбудит и пригласит на очередную вахту.

Открыв книгу на закладке, он углубился в чтение записок Шелихова.

«1783 года с Лисьих островов, снаряда три судна пустились к Американским берегам, составляя людство в 300 человек. Они прибыли к Америке августа в последних числа в залив Чугацкой, названной Куком Зандвичь-Саун. Они жителями тамошними к промыслам допущены не были. Я им представлял, что я пришел к ним жить в дружбе, а не вести войну. Многих я велел кормить изготовленною работными моими для себя пищею. Такое мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало».

Приходили произвольно на ум прочитанные осенью записки о последнем путешествии капитана Кука.

Изданные на английском языке, они читались не совсем свободно. Но многое в сути их было ясно. Кук, безусловно, отменный капитан и знаток своего дела. Не всегда можно понять его действия. За уведенную у его моряков козу сжег селение на островах Общества, а украденный туземцем секстан стоил тому отрезанных ушей. Григорий Шелихов подобного не допускал, покорял алеутов доброжелательностью и взаимной выгодой…

Лисянский в который раз перечитывал заголовок книги: «Российского купца Григорья Шелехова странствие с 1783 по 1787 год из Охотска по Великому Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный Англинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу; также климат, годовыя перемены, звери,

домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастания и многие другие, любопытные предметы там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. С Географическим чертежем, со изображением самого морехода и найденных им диких людей.

В Санкт-Петербурге 1791 года».

Закончив чтение, Юрий еще раз перевернул первую страничку обложки, слева на фронтисписе была нарисована любопытная картинка. Причалив кормой к высоким скалам, стоял русский корабль. С него, видимо, только что, сошел путешественник в европейском платье. Стройный алеут, у ног которого смиренно лежали два громадных котика с торчащими клыками и глупыми мордами, дружелюбно протягивал ему звериную шкуру. Под рисунком затейливой вязью выведены стихи М. В. Ломоносова:

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток.
И наша досягнет в Америку держава,
И во все концы достигнет Россов слава.

— Шелихов-то купец, а Михайлу Ломоносова читывал, — удивленно сказал Юрий задремавшему брату. — Где-то он нынче шастает?

За окном темень ночи, вдоль Галкиной улицы крутит поземка, от Лисьего носа воет сквозняк и с размаху, дробью бросает в оконце пригоршни снега. И вновь уносятся мысли вдаль, к берегам Восточного океана, туда, в эти неизведанные края вдохновенно стремятся люди, движимые страстью к открытиям. Примкнуть к ним — мечта многих, но не всякому это под силу.

Рождественские праздники 1793 года для Юрия Лисянского совпали с радостным событием в жизни. 1 января ему присвоили очередное воинское звание — лейтенанта.

По традиции производство в очередное звание офицеры отмечали в буфете Морского офицерского собрания. Шесть лет назад, незадолго до войны со шведами, открылось это собрание. Многие офицеры проводили здесь свой досуг вместо шатания по трактирам. Зимними вечерами устраивали музыкальные и танцевальные вечера, обменивались книгами. Буфет, особенно зимой, всегда был переполнен. В углу размещался специальный стол для праздничных застолий офицеров… На вечеринках по случаю «обмывания» пили шампанское, для желающих стояла водка и мадера.

За столом расположились, кроме Лисянских, Баскаков,

Карташев, Тулубьев, офицеры с «Эммануила» Качалов и Сеченов и другие. Самым старшим оказался капитан 2-го ранга Гревенс, он верховодил. Рядом с ним сидел его однокашник в том же звании — Александр Круз, сын адмирала. С ним коротко сошелся Ананий в прошлую кампанию на «Двенадцати апостолах». На этом корабле под его командой проходили практику гардемарины.

После «штатных» поздравлений и добрых пожеланий, по установившимся порядкам подняли тосты за всех царствующих особ — наследника, генерал-адмирала, не забыли и действующих адмиралов. Завязалась непринужденная беседа.

— А что, господин лейтенант, — ухмыляясь, спросил Гревенс виновника торжества Лисянского-младшего, — вы все витаете в грезах о дальних вояжах или все быльем поросло?

Все заулыбались, Ананий опередил брата:

— Какое там. Мы едва с ним на жилье устроились, так мне покою нет. Редкий вечер не заводит об этом россказни. Книжицу про Кука у английского шкипера приобрел, а намедни, перед Рождеством, привез из Петербурга записки незнаемого Григория Шелихова…

Все с любопытством смотрели на зардевшегося Юрия, а Гревенс произнес:

— Право сие похвально и достойно истинного моряка. Шелихов Григорий Иванович известен успешными делами на Восточном океане. О нем в Адмиралтейств-коллегии ведают. Сама государыня-императрица пожаловала его серебряной шпагой. В те края и мы думали с покойным Григорием Ивановичем Муловским, — Гревенс перекрестился, — вояж совершить, он также мечтами бредил, ан не состоялось.

Круз предложил:

— Помянем имя Григория Ивановича, его приятеля Джеймса Тревенена и всех сотоварищей наших, сгинувших в минувшей войне.

В наступившей тишине все молча выпили, а спустя несколько минут заговорили о том, что так-то оно так и какой моряк не льстит себя надеждой побывать в заморских странах, увидеть свет, да только российские корабли далее Гибралтара да Архангельска и моря не знают.

— Не скажите, судари мои, — проговорил Гревенс, — наши славные начальники Козлянинов, Ханыков, Лупандин прежде немало практиковались в английском флоте, побывали не одну кампанию у берегов Вест-Индии. Я сам хаживал в Средиземное море. Нынче замирение наступило, я слыхал, Адмиралтейств-коллегия подумывает возвратиться к таким занятиям. Глядишь, и наш час настанет: будут российские корабли бороздить дальние

моря и земли новые открывать…

Гревенс поднял стакан и шутливо произнес, глядя на Юрия:

— Здоровье грядущих российских вояжеров!

Вернувшись после вечеринки домой, Юрий пробурчал:

— Была тебе, братец, охота выставлять меня напоказ.

— Однако ты и в самом деле неравнодушен к каждому известию о дальних вояжах. Не вижу в том ничего зазорного. И Гревенс тебя достойно похвалил, — примирительно ответил Ананий, позевывая.

Лисянскому повезло. Едва он успел отметить звание лейтенанта, как императрица объявила шестинедельный траур. Из Франции пришла весть о казни Людовика XVI. Екатерина II вознамерилась проучить французскую «чернь» и вступила в сговор с английским королем. Союз с морской державой требовал присутствия русской эскадры. Вместе с ней отправился в море и Лисянский.

30 июня соединенный Балтийский флот — 25 линейных кораблей и 7 фрегатов — вышел из Ревеля в Северное море для совместного патрулирования с английским флотом. Они установили блокаду портов и всего побережья Франции и Голландии. В конце августа, закончив крейсирование, флот возвратится к своим базам в Ревеле и Кронштадте.

Недели через две Лисянский-младший сошел на берег. Анания дома не было, еще не вернулся из плавания. Вечером в офицерском собрании к нему подошел Александр Круз.

После памятной вечеринки он как-то на Сретение пригласил к себе домой Юрия Лисянского и Баскакова. Они знали, что жил он вместе с отцом, потому вначале отказались, но Круз настоял:

— Батюшки нынче дома нет. В отъезде он, в Петербурге, так что не отказывайтесь, милости прошу.

Дом адмирала находился неподалеку от Адмиралтейства, рядом жил командир Кронштадтского порта вице-адмирал Пущин. Молодых лейтенантов радушно приняла жена адмирала. Угощали на славу, но горячительных напитков было в обрез. Офицеры знали понаслышке, что командующий эскадрой отличается на берегу простодушием и хлебосольством. Зимой почти каждую неделю он приглашает к себе на застолье командиров кораблей. Об этом было известно каждому кронштадтцу. Когда собрались расходиться, неожиданно появился вице-адмирал. Оказалось, что на полдороге от Петербурга образовалась большая полынья, ее обвеховали, но дорогу в объезд еще не проложили. Пришлось чуть не пешком обходить ее по сугробам и торосам. Круз-старший обрадовался гостям, вернул всех за стол и велел подать, кроме самовара, и

вина, и водки.

Поначалу за столом беседа не клеилась, но после нескольких рюмок, которые Круз почему-то закусывал соленым огурцом и черными сухарями, разговор оживился. Адмирал припоминал разные случаи. Не преминул рассказать про сражение у острова Хиос с турецкой эскадрой. Тогда он командовал флагманским кораблем «Евстафий».

— Начальствовал у нас в ту пору незабвенный Григорий Андреевич Спиридов, светлая ему память. — Круз перекрестился: — Отдал душу богу три года тому назад.

Круз налил себе рюмку, все последовали его примеру:

— За упокой души его. — Круз опрокинул рюмку и продолжал: — Атаковали мы турка вопреки линейной тактике, с ходу, без перестроения. Подошли к турецкому флагману на пистолет и свалились на абордаж. Схватка была отчаянная. Турок воспламенился весь, огонь к нам перекинулся. Слава богу, ушел я спровадить адмирала да братца графа Алексея Орлова к шлюпке. Едва они отошли, к нам на крюйт-камеру[28] свалилась с пламенем грот-мачта от турка.

Круз перевел дыхание и продолжал:

— Спустя мгновение все вздыбилось на воздух, а дальше ничего не помню. Очнулся, меня матросики на обломок мачты втащили и плывут, а вокруг ад кромешный…

За столом притихли. Правда, сын адмирала, капитан 2-го ранга, позевывая, скучал, изредка прикладывался к рюмочке. Видимо, история эта ему была известна в деталях не меньше, чем отцу.

Вскоре разговор возобновился, и адмирал внезапно осклабился, глядя на Лисянского:

— А ведь я вас давно приметил, господин лейтенант, еще в бытность на «Подражиславе». А отгадайте, почему?

Лисянский-младший замялся, а Круз пояснил:

— Во-первых, когда списки на эскадру поступили, вы «за мичмана» из всех самым юным были, пятнадцати годков, припоминаю. А другое, больно кудри ваши привлекательны. Небось девицы за вами увиваются?

Все захохотали, а Юрий зарделся.

С тех пор с Крузом не встречались…

— Легок на помине, — сказал Александр Круз, — не далее как вчера тебя вспоминали.

— По какому случаю? — удивился Лисянский.

Но тут откуда ни возьмись появился Баскаков.

Круз развел руками, рассмеялся:

— Напасть сего дня, да и только. Один за другим, будто

архангелы с неба сваливаются. Намедни и тебя припоминали в канцелярии адмирала.

— Чем я провинился перед адмиралом, Александр Александрович? — недоуменно спросил Баскаков.

Капитан 2-го ранга Круз загадочно улыбнулся:

— Вины и не значится, а повод был.

Лисянский непонимающе пожал плечами, теряясь в догадках.

— Айда в буфет, — предложил вдруг Баскаков, — там и разгадаем, что к чему, благо еще столики не все заняты.

Друзья устроились в дальнем углу, где им никто не мешал. Круз начал издалека:

— Нынче летом пришлось мне отводить партию матросов в Херсон в Адмиралтейство, и должен вам поведать, что на Черном море эскадра будет славней Балтийской. Начальник тамошний вице-адмирал Ушаков обучает экипажи по своей смекалке и турок там взнуздал.

Баскаков недоуменно посмотрел на друзей, к чему, мол, клонит, а Круз продолжал не смущаясь:

— Возвратился я из Херсона на прошлой неделе и прознал, что за этой самой смекалкой вас в английский флот отправят — уму-разуму набираться. Только чур, пока молчок.

Разговор оживился. Офицеры слышали ранее, что еще с царствования Петра Великого время от времени по соглашению с Британией достойных молодых офицеров посылали на практику в английский флот. Морские офицеры плавали на английских кораблях в Средиземном море, у берегов Северной Америки и Ост-Индии. Они участвовали в сражениях, набирались опыта океанских плаваний, сравнивали корабли России и Англии, корабельную службу, вбирали лучшее с пользой для Отечества. Последние десятилетия такие вояжи не практиковались — отношения с Англией были прохладные. Теперь же положение изменилось — монархи сблизились, почувствовав угрозу, надвигавшуюся от якобинской Франции. От Александра Круза собеседники узнали, что командующий представил для поездки Баскакова, Юрия Лисянского, Карташева, Крузенштерна и еще нескольких офицеров.

— Однако несколько лиц отобрали загодя там, — Круз показал пальцем на потолок, — Великого, Беринга…

Круз не досказал причину. В отношении Якова Беринга все понимали, что внук знаменитого мореплавателя пользовался расположением в Адмиралтейств-коллегии по заслугам своего деда. Но капитан-лейтенант Семен Великой остался загадкой. В корпус его определили позже всех, но через год вдруг забрали в Измайловский придворный полк. В войну появился мичманом на

кораблях, участвовал в шведской кампании. В сражениях ничем себя не проявил, однако через полгода стал лейтенантом. Быструю карьеру объяснили тем, что Великой дважды привез императрице известия об одержанных победах — у Борезунда и под Выборгом. Но среди офицеров ходили и другие слухи. Всё прояснилось, когда офицеры поздно вечером вышли из Морского собрания и решили прогуляться. Стояла редкая для начала сентября теплая, безветренная погода. Присели на лавку в укромном уголке сквера возле Петровского оврага.

— Великой с младенческих лет взят был государыней на воспитание и всюду пользовался ее милостью и покровительством, — начал вполголоса Круз. — А все с того, — Круз оглянулся по сторонам, — что поговаривают, будто он внебрачный сын Павла Петровича, от его связи с княгиней Черторижской…

Александр Круз об английском вояже говорил правду. Минул месяц с небольшим, как Юрия Лисянского вызвали в канцелярию штаба эскадры и пожилой штабс-капитан объявил:

— Предписано Адмиралтейств-коллегией по высочайшему повелению отправить вас с другими офицерами в Лондон для дальнейшей службы волонтером в Английском флоте.

Слушая, Лисянский не мог сдержать радости. Десятки мыслей мгновенно пронеслись в голове. После разговора с Александром Крузом он ходил сам не свой, волнуясь и переживая. Казалось тогда, протяни руку — и совсем рядом то, о чем десять лет грезилось. А тут вот так, сразу…

— Надлежит вам, господин лейтенант, — сухо продолжал штабс-капитан, — сдать рапортом должность свою, получить довольствие на дорогу и экипировку. О времени и месте отправления справитесь в канцелярии штаба порта. — Он заглянул в какой-то документ. — Запомните, старшим в команде определен господин капитан-лейтенант Великой.

— Позвольте узнать, господин штабс-капитан, имена едущих офицеров, — попросил Лисянский.

— Извольте, — так же бесстрастно ответил офицер и опять взял со стола бумагу. — Капитан-лейтенант Семен Великой — старший команды, Михайло Поликути, Иван Крузенштерн, Михайло Баскаков, Константин Леонтьев, Иван Салтыков, Егор Лутохин, Аким Суханин, Аким Демьянов, Павел Рожнов, Павел Карташев, Конон Абернибесов, Яков Беринг…

Выйдя из канцелярии, Лисянский чуть не бегом направился к Баскакову. Тот жил неподалеку, но дома его не оказалось. На Галкиной улице его ждали Ананий и Баскаков. Они уже все знали.

— Ну, друга мои, до сей поры не верится, — сказал Юрий и

тут же вдруг озабоченно обратился к Ананию: — Дел-то уйма. Мне без тебя, братец, не обойтись. И мундир заказать, и покупки сделать. Поезжай, любезный, в Петербург, — попросил он брата и вспомнил: — С батюшкой так и не повидаюсь, отписать надобно…

На другой день забежал к Курганову, тот посоветовал:

— Служба предстоит долгая, мысли и впечатления полезные — все не упомнишь. Заведи у себя каждодневную запись событий и замечаний. Потом сгодится.

— Я уже наказал Ананию привезти бумагу и побольше перьев из Петербурга, — ответил Лисянский удивленно-обрадованному Курганову.

Вечером, не откладывая, сел за письмо в Нежин.

«1793 октября 20-го дня.

Любезный батюшка, — начал он, — Ее императорскому Величеству угодно было указать избрать шестнадцать морских офицеров для служения волонтерами на англицком флоте. Почтенный мой начальник, адмирал Александр Иванович Круз, назначил меня в число оных, а потому спешу известить Вас о сем счастливом событии. Нам приказано отправиться в Англию в самоскорейшем времени, следовательно я из России к Вам писать не буду более, а прошу пожелать мне, при благословении Вашем, тех успехов, при которых я когда-нибудь мог быть полезным моему Отечеству. Прощайте», — закончил Лисянский.

Подписал и подумал: «Завтра же с оказией отправлю».

Давно стемнело, письмо он дописал при свечах. С утра, не переставая, моросило. К вечеру дождь усилился, шквальный ветер мириадами брызг моросил в окно. «Скорей бы в море, выбраться из Кронштадта. Не дай бог отменят отправку», — тревожился он. Вспомнился вдруг такой же октябрьский день, когда отменили вояж Муловского.

От Старого к Новому Свету

В последний день октября порывистый ветер гнал с севера одну за другой череду сумрачных снеговых туч. Временами тучи разверзались холодным дождем вперемежку с хлопьями снега. В Военной и Средней гаванях, удерживаемае бриделями[29], заведенными с носа на бочки, и кормовыми верпами[30], давно стали на зимнюю диспозицию корабли эскадры. И лишь в Купеческой гавани спешили с погрузкой несколько купеческих судов, чтобы успеть до ледостава выйти в море. Одно из них, под английским флагом, медленно тянули на буксире два барказа к выходу из гавани. На шкафуте[31], прижимаясь друг к другу, скучившись, стояли офицеры, придерживая новенькие шляпы и помахивая изредка в сторону медленно удаляющейся стенки, где столпились провожающие.

С шканцев на разгоряченные ветром и вином бесшабашные лица офицеров, насупившись, изредка поглядывал капитан. Еще неделю назад видавший виды капитан Стивенсон пребывал в хорошем настроении, как вдруг, словно снег на голову, свалились эти шестнадцать русских молодцов. Из Петербурга пришло уведомление от английского посла — доставить в Лондон этих офицеров. Все расходы, безусловно, оплачены. Кроме прочего, в Гельсингфорсе ожидали его с десяток английских шхун, чтобы под защитой полдюжины орудий его брига продолжать путь к берегам Англии.

К утру ветер стал ровным и зашел несколько к востоку. Бросив последний взгляд на едва видневшиеся кронштадтские форты, Юрий спустился в каюту. На верхней койке, повернувшись к борту, похрапывал Баскаков. В соседней каюте за переборкой устроились Карташев и Абернибесов, а дальше каюту занимали Беринг и Крузенштерн.

Лисянский раскрыл лежавшую на столе толстую тетрадь в коленкоровом переплете, открыл чистую страницу и записал:

«1793 году ноября 1-го числа по новому счислению, по которому весь сей журнал писан будет, отправился в Англию на купеческом корабле «Фанни оф Лондон».

Отправимся в путешествие за автором этих строк. Записки Юрия Лисянского — пока единственный известный литературный источник, который можно поставить на уровень исторического памятника. Это живое и непреходящее свидетельство о жизни, деятельности и открытиях всемирного значения русского путешественника и мореплавателя, одним из первых россиян пересекшего Атлантический океан, побывавшего в Вест-Индии,

поколесившего по Соединенным американским штатам, а затем отправившегося в Южную Африку, к мысу Доброй Надежды, и далекую Индию.

Путь к Лондону занял три недели. До проливов плавание проходило сравнительно спокойно. «Фанни» вел за собой караван из одиннадцати «купцов», прикрывая их на случай внезапного нападения со стороны французов. Капитан Стивенсон не привлекал русских офицеров к вахте, и те проводили время беззаботно. Первые дни отсыпались, знакомились, в обед и ужин сходились в салоне капитана, но не все сразу — салон вмещал полдюжины человек с небольшим. Присмотревшись к Великому, Лисянский остался доволен. Он оказался словоохотливым, разбитным малым, держался со всеми просто на равной ноге и нисколько не кичился своей близостью к государыне. Расположился к нему Юрий и тем, что Великой упросился в свое время в экспедицию Муловского, знал Гревенса.

В первые же дни запасы вина на бриге исчерпались, и в длинные вечера часть офицеров разнообразила время, собравшись в салоне, другие читали книги, штудировали английский.

Соседи — чопорный Крузенштерн и Беринг держались как-то особняком. Баскаков заметил и другое.

— Ты не находишь, — спросил он у Лисянского, — что господин Крузенштерн кичится своей близостью с Берингом?

— Пожалуй, ты и прав в какой-то степени, — осторожно ответил Лисянский. Он сам заметил с самого начала плавания, что Крузенштерн несколько уединяется со своим товарищем по каюте, иногда целыми днями не появляется на палубе, будто старается оградить его от общения с остальными спутниками.

— Видишь ли, тут есть оправдание некоторое, — продолжал Лисянский, — последние кампании я встречал их на берегу вместе. Правда, случалось сие редко, потому что приходилось мне большую часть времени проводить в море.

— Еще бы, — хмыкнул Баскаков, — мне известно, что после войны Крузенштерн служил при Кронштадтском порте и в море не хаживал. Стало быть, ему времени для провождения с Яковом Берингом искать не приходилось.

Обычно русские офицеры обедали и ужинали вместе, и тогда невольно завязывался разговор обо всем — о прошлых кампаниях, разных происшествиях из морских приключений, прочитанных из книг или случившихся недавно на Балтике. Бесшабашный Баскаков, а иногда и Великой прерывали эти россказни и вспоминали случаи из жизни более близкой и интимной. О веселых девицах, которых в Кронштадте в последнее время

появлялось все больше, или замужних красавицах в столице, где нравы отличались свободой и беззаботностью.

Однажды Крузенштерн в который раз завел разговор о заслугах Витуса Беринга в его Камчатских экспедициях. Обычно все выслушивали эти монологи с вниманием, но Лисянский каждый раз ожидал, что Крузенштерн вспомнит и о спутниках командора, однако этого не происходило. Выслушав Крузенштерна, Лисянский проговорил:

— Однако, величие командора Беринга и в делах его сподвижников.

— Например? — перебил несколько удивленный Крузенштерн.

— Капитан Чириков также по сути в то время достиг берегов американских.

Крузенштерн перевел взгляд на Беринга.

— Быть может, это и так, но мне сие достоверно не известно.

— Сведения о том упоминаются в описании морских путешествий, — холодно ответил Лисянский. — Кроме прочего сказывал мне Николай Гаврилович Курганов, его превосходительство адмирал Нагаев доказывал ему об этом случае подлинными бумагами Камчатской экспедиции.

Крузенштерн все же настроился продолжать беседу:

— Сие не умаляет значимость экспедиции командора Беринга, он обогнул Чукотский полуостров и отделил Азию от Америки проливом, называемым именем его.

Лисянский доброжелательно улыбнулся, посмотрев на смущенного Беринга.

— Твоя правда, Крузенштерн, токмо казак Семен Дежнев тем же путем ранее хаживал, — и, опережая вопрос Крузенштерна, добавил: — Про то сказано в тех же «Описаниях путешествий за год семьсот пятьдесят восьмой».

Видимо, Крузенштерну стало неловко, — по излюбленной ему теме беседа приняла неожиданный оборот. Сохраняя невозмутимость, он пожал плечами.

Остальным уже надоела, видимо, полемика товарищей, и Великой прервал затянувшуюся беседу:

— Не пора ли нам, господа, подумать о более приятном препровождении времени. Давайте пригласим ревизора и попросим сыскать пару бутылок портвейна. Кстати, бриг наш стало покачивать.

Действительно, висевшая посредине лампа заметно раскачивалась, а стаканы в гнездах слегка позвякивали.

Баскаков пошел искать ревизора, а Лисянский, одевшись, поднялся на шканцы. После выхода из пролива в Северное море

ветер значительно изменился, и судно подвернуло, чтобы не терять скорость. Наверх поднялся Стивенсон и кивком поздоровался с Лисянским. Ему нравился этот смышленый, совсем юный русский офицер. Он чаще других появлялся на палубе, присматривался к вахтенному у штурвала, оценивающим взглядом окидывал паруса.

Из разговора капитана со своим помощником Лисянский понял, что судно, изменив курс, направляется значительно севернее Лондона. Если ветер в ближайшие часы не зайдет, прежним маршрутом следовать не придется. Заглянув в каюту капитана, Лисянский подошел к карте. Второй помощник капитана прокладывал новый курс судна. На вопросительный взгляд русского офицера он показал циркулем на карту и произнес: «Гулль».

К вечеру на «Фанни» уже знали, что из-за резкой перемены ветра Стивенсон решил окончательно изменить маршрут и следовать в Гулль.

— Ну что ж, Гулль так Гулль, нам все равно, — невозмутимо встретил новость Баскаков, — все одно, где фунты транжирить. Это в Кронштадте торговцы ломят цены вдвое против столичных. Здесь-то, в Старом Свете, все равно, что в Гулле, что в Лондоне жизнь одинакова. А впрочем…

19 ноября бриг остановился на рейде в 20 милях от Гулля. Стивенсон обещал через два-три дня сняться с якоря.

— А вдруг опять ветер противный задует? — сказал за завтраком Баскаков.

— Что же предлагаете? — спросил Великой.

— Съехать на берег и сушей добираться до Лондона, — ответил Баскаков.

Предложение понравилось, но не всем.

— Нам предписано прибыть в Лондон на этом бриге, — сказал Крузенштерн, — разумнее поступить так.

В конце концов пять офицеров решили ехать, в их числе Лисянский, Великой.

— Неведомо, что ждет нас в Лондоне, — сказал он, — пошлют сразу на корабли, так и английскую державу не увидишь.

Договорились встретиться в Лондоне и в посольство явиться всем вместе.

Лоцманский бот доставил отъезжающих в таможню Гулля.

Узнав, что перед ними русские офицеры, чиновники бесцеремонно переворошили нехитрый багаж и, пошептываясь, объявили пошлину по нескольку гиней на каждого.

— Чистый грабеж, — возмутился Великой, когда они устроились в гостинице.

Все разделили его настроение, а Лисянский добавил:

— Народ здешний весьма просвещен в делах денежных и более всего почитают толстый карман. Ежели так дело пойдет, глядишь, и в долговую яму угодить недолго.

Два дня впятером бродили по городу. Сначала обошли порт. В двух больших доках стояли корабли на ремонте. На эллингах высились корпуса строящихся судов. Порт располагался выше уровня моря. Для морских судов прорыли канал с искусным водоподъемником. Многие узкие улочки сохранились со времен средневековья. В них с трудом расходились и три человека. На центральной площади против старинной протестантской церкви возвышалась на постаменте позолоченная конная статуя первого английского короля Вильгельма I.

Рано утром на третий день офицеры отправились в дилижансе в Лондон. В английскую столицу они приехали удачно, в тот же день ошвартовалась в гавани «Фанни оф Лондон».

Все обошлось благополучно, и наутро, в мундирах, немного волнуясь, они ожидали встречи с русским послом.

Граф Семен Романович Воронцов тридцать лет состоял на дипломатической службе, последние десять — послом в Англии. Тонкий политик, он убедил Екатерину II не уступать перед нажимом правительства Питта-младшего и, действуя решительно, отвел в 1791 году угрозу войны Англии против России. Его брат Александр пребывал президентом коммерц-коллегии, одна сестра, Екатерина Дашкова, — директором Российской Академии наук, другая сестра, Елизавета, побывала фавориткой Петра III… В Петербурге его недолюбливали и Захар Чернышев, и всесильный Григорий Потемкин. Да и сама императрица не могла забыть близости Воронцова к ее покойному супругу. Поговаривали, что Петр III готовился развестись с Екатериной, выслать ее и провозгласить императрицей Елизавету Воронцову, женившись на ней… Однако и в Петербурге, и в Лондоне его ценили высоко. Семен Романович имел дело не только с министрами. Он встречался с членами парламента и военными, крупными торговцами и коммерсантами, часто беседовал с учеными и журналистами, слыл среди лондонцев самым популярным иностранцем.

Воронцов вышел в точно назначенное время, минута в минуту. Поздоровавшись общим поклоном с расположившимися полукругом офицерами, он посмотрел на стоявшего крайним Великого. Тот, четко ступая, подошел к послу и представился:

— Флота ее величества капитан-лейтенант Великой.

Воронцов протянул руку, стоявшие удивленно переглянулись.

Для них это было вновь.

— Наслышан про тебя, дружок.

— Имею письмо к вашему сиятельству от Платона Александровича. — Великой передал конверт, поклонился и отошел назад.

Воронцов распечатал конверт, пробежал глазами письмо.

«Милостивый государь мой, граф Семен Романович, — говорилось в письме, — по особливому ее императорского величества соизволению, отправляющийся с прочими морскими офицерами флота капитан-лейтенант Семен Великой…» — Далее ему все знакомо, как обычно, лесть и похвала подателю письма… — «Я надеюсь, что вы будете к нему благосклонны и постараетесь доставить ему скорый случай быть употреблену по желанию его и тем еще больше заслужить и соделаться достойным монарших милостей».

— Милостивый государь мой, — Воронцов посмотрел на Великого и перевел взгляд на остальных офицеров. — Обязанность моя благосклонность и содействие оказывать каждому из вас, без предпочтения. Думаю я, что и вы, господин капитан-лейтенант, того заслуживаете наравне с прочими.

Великой склонил голову и отступил назад.

Пожимая каждому руку, посол иногда задавал вопросы.

— Который годок? — улыбнувшись, спросил он Лисянского, который представлялся последним.

— Двадцать первый, ваше сиятельство, — ответил Юрий не смущаясь.

— В чинах не по годам, бывал ли в деле? — спросил Воронцов.

— Точно так, ваше сиятельство. Все три кампании со шведами сделал.

— Похвально сие. — Лисянский отошел, а Воронцов сказал:

— Господа офицеры, не вы первые волонтерами в Английский флот поступаете. Надлежало бы вас отослать на суда военные, но я так рассудил, что прежде дать вам пообвыкнуться, поосмотреться время. Благо зимой флот его величества больше в гавани отстаивается, да с лордами Адмиралтейства надобно все толком порешить. Прежде вас бывшие начинали с разумения языка английского. Потому и вам сие надлежит начать безотлагательно. Учитесь ревностно, помятуя о пользе Отечеству прежде всего.

Посол сделал паузу и закончил:

— Наши чиновники посольские дадут рекомендации, где жить вам по средствам. Посольство навещайте раз в неделю. Не забывайте веру православную, — Воронцов кивнул на стоящего

чуть в стороне священника, — прошу любить протоиерея нашей церкви при Лондонской миссии отца Александра.

Воронцов слегка поклонился и вышел…

* * *

По совету посольских чиновников Лисянский и Баскаков сначала наведались в Гринвич, но потом перебрались в лондонский пригород Комбервелл. Поселились они в пансионе Смита за шесть гиней в месяц. Первую поездку совершили в Вулвич, осмотрели досконально знаменитые верфи, мастерские, хранилища. Решили осмотреть самое примечательное в Лондоне и окрестностях. Посетили Шекспировскую галерею, затем Вестминстерское аббатство, знаменитую крепость-тюрьму Тауэр с музеем.

— Вот этим топором, — объяснил гид, — казнили Анну Волейн и тирана Карла I…

Ездили в загородный королевский дворец Виндзор. Вошли в залы, украшенные портретами великих людей. Среди них не без удовольствия обнаружили государя императора Великого Петра.

В другом дворце Хэмптон-Корт среди парчовых шпалер, украшающих стены, висело панно, изображающее сражение русских со шведами под Нарвой. Постепенно осваивали английский язык. Начали покупать газеты. В них часто публиковали хлесткие заметки в адрес правительства Питта, помещали карикатуры на лордов и министров. Вскоре после Рождества прочитали о громком судебном процессе над бывшим индийским генерал-губернатором Уорреном Хэстингсом.

— Обязательно послушайте, там много публики, — сказал хозяин пансиона, — убедитесь, насколько дорожат честью англичане.

Разбирательство дела тянулось несколько лет. Пресловутая Ост-Индская кампания под флагом благодеяний постепенно прибрала к рукам и установила свое господство над Индостаном. Неслыханные злодеяния, грабежи, мошенничества английских чиновников — все шло в ход для порабощения миллионов индусов и сказочного обогащения небольшой кучки стяжателей.

Вестминстерский зал был переполнен, когда в него вошли Баскаков и Лисянский. Устроившись на галерке, они осмотрели кипевшую страстями публику.

— Пожалуй, тысячи полторы, не меньше, — проговорил Баскаков, а Лисянский добавил: — И добрая половина из них женщины.

Как раз в это время, обличая преступления генерал-губернатора, с обвинительной речью выступал знаменитый адвокат и публицист Эдмунд Бэрк…

Спустя два месяца Лисянский довольно сносно разговаривал по-английски. Он выработал привычку каждый день покупать в киосках газеты, извлекая двойную пользу — совершенствовать язык и узнавать новости, — газетчики не стеснялись в выборе объектов критики.

После Рождественских праздников Юрий засел за письмо брату:

«Января 16 дня. Любезный братец Ананий Федорович!

Вы без сомнения помните комиссию, которую я имел от М. А., оной послать по почте было никакими мерами нельзя». (Речь идет о просьбе Круза-младшего. — *Авт.*)

Как человек обязательный, Лисянский сообщает, что отправит посылку ближайшим курьером от Воронцова, и спешит поделиться первыми впечатлениями о здешних порядках: «Народ, с которым мы теперь имеем дело, весьма просвещен в денежных обстоятельствах и к карманному величию имеет бесспорную почтительность. Коротко сказать — всякий шаг наш здесь стоит не менее шиллинга. Съехавши в Гулль, взяли с нас по гинее за несколько рубах и мундир, которые были в чемодане у каждого, взяли за то, что мы — русские, за то, для чего едем в Лондон, и, по крайней мере, по гинее за то, отчего мы не говорим по-английски. На дороге же в Лондон всяк, кому токмо было время, драл с нас бессовестно».

Довольно краткая, емкая, но и содержательная характеристика нового для русского человека взгляда на другой мир, где главный интерес — деньги. Так недолго остаться и без копейки… «Хотя я получаю по 180 фунтов в год, однако боюсь тюрьмы».

Не преминул сообщить Ананию о довольно свободных суждениях прессы, видимо, без строгой цензуры, особенно по части влиятельных лиц: «Вышли две знатные карикатуры нонешних обстоятельств. Первая — императрица наша водит по рынку Римского императора, английского и прусского короля, курляндцы же преподносят ей цепь для шведского короля, другая, что адмирал Гуд заснул на разломанной лодке и выронил трезубец Английского флота, в то время, когда шесть французских кораблей проходят в Брест. Это пощечина пылкой нации. Надеюсь и впредь мои письма будут интересны. Остаюсь и пр.».

Корреспонденции из разных стран вольно толковали события во Франции и Турции, России и Пруссии. Все чаще заметки

сообщали о всплесках революционных страстей по ту сторону пролива. Для Лисянского Франция представлялась прежде всего неприятельской державой, против которой он, русский офицер, верный присяге, обязан сражаться. Сочувствуя стремлению к свободе и порицая в душе тиранию, ему в то же время претила жестокость и беспощадность восставшего народа.

— Не возьму в толк, — откровенничал он с Баскаковым, — как возможно взбунтовавшейся черни поднять руку на своего государя и лишить жизни помазанника божьего. Мало того, пролить безвинную кровь не только короля Людовика, но и его супруги.

Баскаков разделял его взгляды.

— Чернь она и есть чернь, — ответил он, — зверскою похотью крови человеческой жаждут. Вспомни-ка Емельку Пугачева, сколько крови пролил безвинной, не щадил ни женщин, ни детей малолетних…

Повседневные интересы не заслонили главного, ради чего прибыли они в чужую страну. В разгар зимы вдвоем с Баскаковым они поехали в Портсмут. Не заходя в гостиницу, прямо с почтовой станции отправились к морю. Несмотря на середину февраля, погода установилась погожая. Редкое солнце едва ли не в первый раз робко пробивалось сквозь толщу облаков и рассеяло туман, нависавший над бухтой. С набережной открылась величественная панорама Портсмутского рейда.

Всюду, куда ни кинь взор, красовались величественные многопушечные линейные корабли, фрегаты, корветы… Число их, при беглом взгляде, составляло не менее пятидесяти, и располагались они полукружьями. Ближе к берегу стояли на бочках и якорях фрегаты и корветы. Следующую дугу образовали линейные корабли. Почти на всех судах были убраны и сняты паруса. Солнечные блики сверкали на оголенных мачтах и реях. Блестевшие краской высоченные борта отражали лучи солнца в зеркальной глади бухты. Справа, ближе к берегу, отдельной группой стояли на якорях купеческие бриги и шхуны. Подобранные к реям паруса отдавали белизной и чем-то напоминали издали оперенные крылья птиц.

Между берегом и судами, от одного корабля к другому сновали десятки гребных и парусных вельботов и шлюпок. Вслед за ними тянулись и пересекались пенистые шлейфы на поверхности потревоженной воды.

Довершало живописную картину бесчисленное множество белоснежных чаек, крикливых и пронырливых.

После минутного молчания Лисянский заговорил первым:

— Уверен, ежели бы сейчас сонного человека сюда привезти

и разбудить, вдруг проснувшись, не поверит он, что видит сию картину наяву.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Баскаков и вздохнул: — Однако сия армада корабельная — дело нешуточное. Вспомни-ка, два года тому назад англичане супротив нас выступить собирались. Не так просто пришлось бы отваживать их от Кронштадта.

Пройдя вдоль набережной, они остановились против 74-пушечного флагманского корабля. Глядя на грозные жерла пушек, Лисянский проговорил:

— Обозревая сию мощь морскую, ощущаешь величие и могущество Британии, столь долго распространявшей свое величие в Новом Свете, Индии и прочих частях света. Как поют англичане: «Британия, Британия, правь на всех морях!» Видать, России не имеет смысла ввязываться с англичанами в распри на морских коммуникациях.

Молодые офицеры не отказывали себе свободное время проводить по своему разумению. Лисянский в компании с Карташевым и Баскаковым посещал театры и многочисленные концерты. За свою службу в России ему не пришлось ни разу побывать в опере. Теперь он не пропускал ни одного спектакля в недавно открытом театре Друреля, слушал концерты знаменитой певицы мадам Ара, скрипачку Виоти. Старался побывать на всех представлениях Итальянской оперы…

Незаметно вступила в свои права весна. Распустились, зазеленели почки, лужайки и парки, туманы постепенно отступали, все чаще яркое солнце нагревало камень лондонских мостовых. Прохаживаясь по чистым, ухоженным улицам, мимо аккуратно подстриженных газонов, Лисянский невольно вспоминал непролазную грязь и неустроенность Кронштадта, на островах в устье Невы и в пригородах столицы. Правда, и Лондон тоже имел немало «примечательных» мест в своих предместьях, подобных мрачным закоулкам Ист-Энда, где жила беднота, царил полумрак и по ночам часто грабили и убивали прохожих. «При всем том, — отметил он, — Лондон наполнен таким множеством публичных забав, что надо иметь только деньги и охоту». За это время он неплохо усвоил язык и брал в посольстве книги по истории Англии. Не пропускал он и ни одной службы в православной церкви при русской миссии, подружился с протоиереем церкви — священником Яковом Ивановичем Смирновым. Частенько беседовал с ним, размышляя о смысле жизни, слушая его рассказы о многолетней борьбе католиков и протестантов. Смирнов давал ему читать книги по истории Англии.

«Вековая борьба за власть, смена династий, всюду смерть и насилие, — размышлял Лисянский, — Мария Стюарт, Карл I окончили жизнь свою на плахе, диктатуру Оливера Кромвеля сменила династия Стюартов. Кровавый след тянется по Англии из прошлых веков. Однако духа вольности и непокорности у британцев не отнимешь».

В последних числах апреля всех офицеров вызвал Воронцов:

— Желал бы некоторых из вас оставить в Канальной эскадре подле Ла-Манша, — посол улыбнулся, — однако Первый лорд Адмиралтейства Хоу тому противится — не должно русских допускать к секретам метрополии. Все вы расписаны на эскадры в Вест-Индию, Атлантику, Средиземное море. Надлежит взять бумаги завтра в Адмиралтействе у лорда Чатама…

29 апреля, накануне отъезда из Лондона, Лисянский послал письмо брату:

«Сегодня извещены от лорда Чатама о назначении в Портсмут, оттуда в Северную Америку. Со мной идут Поликути, Крузенштерн, Салтанов». Ананию будет небезынтересно узнать о нравах простых англичан… «Англичане столь недовольны нынешней войной с Францией, — писал он брату, — что когда король, открывший парламент сего году, возвращался, то был окружен толпой около 10 000 человек и насилу мог спастись от камней, которые пробовали крепость кареты его величества». Сообщив лондонские новости, он решил повеселить брата газетными новостями: «Вчера был пост, все лорды и бишопы обедали у господина Питта и хотя они там загуляли, не позабыли воздать хвалу богу, ибо около полуночи все находились под столом. Однако слишком записался, прощай».

У лейтенанта российского флота, как говорят, «выпуклый морской глаз». Он иронически посмеивается над незадачливым монархом Англии. Что же удивительного, на Британских островах дышится вольготней, чем в далеком отечестве. На берегах Невы обитатели Зимнего дворца спокойны. Подданные ея величества всем довольны и не ропщут. Нет им дела до порядков и нравов в царских покоях. Разве что кроме Александра Радищева. Быть может, о нем и вспомнил Лисянский, когда в том же письме примечательно заметил: «Газеты здешние никому в дерзости не уступят. Все происходит в Англии от вольности».

4 мая 1794 года Лисянский и три его товарища прибыли в главную базу флота Великобритании — Портсмут. Какая-нибудь сотня миль отделяла ее от материка. У восточных берегов Европы, в Атлантике, разгорелась борьба давних европейских соперников — Англии и Франции. Схлестнулись они по коренному интересу. Красочно описал эту сшибку на море

историк, адмирал Мэхэн: «Война против торговли в течение Французской революции, как во время республики, так и при владычестве Наполеона, характеризовалась такой же страстностью, такими же чрезвычайными и широкими замыслами, такой же упорной решимостью окончательно низвергнуть и искоренить всякую противодействующую силу, какие характеризовали и все другие политические и военные предприятия этой эпохи. В усилиях надеть ярмо своей политики на торговлю всего мира два главных борца, Франция и Великобритания, балансировали в смертной схватке на обширной арене, попирая ногами права и интересы слабейших стран, которые — одни в качестве нейтральных, другие в качестве подчиненных, дружественных или союзных держав — смотрели безнадежно на происходящее и убеждались, что в этой великой борьбе за существование ни мольбы, ни угрозы, ни полная отчаяния пассивная покорность не могли уменьшить давления, постоянно разрушавшего их надежду и даже самую жизнь».

Масштабы начавшейся схватки впечатляли — северное побережье Европы, от Голландии до Нормандии, западный берег Франции вдоль Бискайского залива, Средиземное море и, наконец, Атлантика, с богатыми французскими колониями у берегов Америки.

Волею случая в Атлантической эскадре англичан оказался среди других русских волонтеров лейтенант Юрий Лисянский.

Расхаживая по салону, командующий эскадрой Джордж Муррей благожелательно посматривал на четверку молодых русских офицеров. Все они прижились на кораблях, довольно сносно говорили и понимали по-английски. По крайней мере, вполне достаточно, чтобы понимать приказы и командовать матросами.

— Эскадра отправляется к берегам Америки. От Канады до Вест-Индии наши корабли установят блокаду и будут перехватывать все французские суда, а также купеческие шхуны с товарами для мятежной Франции. Надеюсь, русские офицеры наравне с командой с честью выполнят свой долг.

Выйдя от адмирала, офицеры распрощались, их расписали по разным кораблям.

Отныне фрегат «Лаузо» надолго станет родным домом для Лисянского. Первым его встретил командир, капитан Роберт Муррей. Как выяснилось вскоре, брат командующего эскадрой, несмотря на чопорность, был простодушен.

Во время обеда, представив Лисянского офицерам, он предложил первый тост:

— Здоровье нашего нового товарища по оружию сэра

Лисянского.

Юрий смутился, впервые его чествовали, как равного. Но, однако, осушив бокал с ромом, он вскоре чувствовал себя не хуже, чем в уютной кают-компании «Подражислава». Сейчас он, пожалуй, по-новому ощутил, что такая особая природа общения людей присуща и характерна лишь для моряков и определяется, независимо от образа мыслей, нации или возраста, средой их постоянного обитания — морем…

Осенняя погода изменчива, тем более в море и особенно в Атлантике. Редкий день проходил без штормового ветра, шквалы налетали один за другим, фрегат бросало временами как щепку. На подходе к Азорским островам внезапный шквал сорвал нижний рей на фок-мачте вместе с парусом и переломил его. Капитан послал свободного от вахты Лисянского:

— Снимите бегин-рей на бизани и поставьте на фок-мачту!

Лисянский сноровисто корпел вместе с матросами, пригодилась кадетская сноровка. Он не только выполнил приказ капитана, но и приспособил замену бегин-рея из обломков.

— Вери гуд! — Муррей дружески похлопал по плечу Юрия.

«Капитан мой меня любит, а с офицерами я обхожусь по-дружески», — сообщил в письме брату Юрий.

За Азорскими островами эскадра опять попала в полосу штормов.

Однажды на рассвете, едва приняв вахту, Лисянский внезапно услышал хлопок пушечного выстрела с идущего впереди фрегата «Тизби». Он круто увалялся под ветер, вызвал вахту, готовясь к повороту, и вдруг увидел недалеко на ветре огромную льдину. Тут же скомандовал — дать выстрел из дежурной пушки, переложил руль на борт и послал за капитаном.

— Не приведи бог встретиться с ним ночью, — проговорил, поеживаясь, Муррей, провожая взглядом айсберг.

13 июля после полудня наконец-то на северо-западе показался канадский берег. Эскадра разделилась, часть кораблей пошла на север. На следующий день по правому борту заметили караван купеческих судов, видимо, с провиантом.

— На адмиральском корабле сигнал — «Фрегату «Луазо» гнаться!» — доложил вахтенный офицер.

Муррей повеселел, наконец-то можно размяться.

Поставив все паруса, фрегат медленно сближался с корветом.

С наветра «купцов» прикрывал французский корвет. После первого же залпа торговые суда убрали паруса и подняли английские флаги. Корвет, поставив дополнительные паруса, сделал попытку уйти от погони. Разгадав маневр, Муррей вовремя изменил курс и открыл огонь по корвету. После

нескольких залпов на корвете переломилась фор-стеньга, и он заметно сбавил ход, а вскоре лег в дрейф и спустил флаг.

В правилах капитана было не откладывать проверку новичков.

— Хелло, Лисянский! Не желаете ли взять капитуляцию у француза?

Спустя полчаса с вооруженным отрядом Лисянский подошел к корвету. Поднявшись на борт, он приказал разоружить команду и забрать документы у капитана. В каюте капитана навстречу ему поднялся высокий, статный негр в форме французского генерала:

— Же мапэль женераль Бельград, — учтиво поклонившись, представился он.

«Так вот он каков, храбрый генерал, представитель войска арапов», — пронеслось в голове Лисянского. Еще будучи в Англии, он слышал об успешных операциях против англичан 10-тысячной негритянской армии на Мартинике под командованием Бельграда. К удивлению, в каюте появились две смазливыех смуглые женщины. Оказалось, что это генеральские жены…

Отправив Бельграда на «Луазо», Лисянский принял под свою команду корвет и занял место в кильватере «Луазо».

Спустя неделю эскадра вошла в бухту Галифакса — английскую колонию. Со дня на день здесь ожидали нашествия французов. Началась крейсерская служба «Луазо» против французских каперов[32] и военных судов. Сразу после наступления нового 1795 года фрегат «Луазо» вышел из Галифакса на юг, к побережью Гэмптон-Род. Закончив патрульную службу, «Луазо» направился в Вест-Индию.

Пересекая тропик Рака, по древней традиции моряки веселились и тешились. С давних времен мореходы всех стран отмечали этот знаменательный момент «причащением» новичков, впервые переходящих экватор, сопровождая празднествами с обильным употреблением хмельного.

Обычно такое игрище проводится при пересечении экватора, но изобретательные гуляки из старослужащих ускоряли эту приятную процедуру вступлением в пределы тропиков.

Наряженный под Нептуна, усатый, с бородой, боцман грозно вопрошал:

— Кто из экипажа, без различия звания, впервые вступает в тропики?

Нашлись такие и среди матросов, и среди офицеров. В числе последних оказался Юрий Лисянский. Приготовленная заранее литровая бутылка рома «утихомирила» повелителя океанских пучин, но в бочку с водой его под хохот команды вместе с другими новичками по традиции «макнули» с головой.

Однако, капитан и все бывалые офицеры, ранее пересекавшие экватор, зная, что Нептун волен окатить водой любого из них и не отвяжется просто так, поспешили, к удивлению команды, откупиться ящиком рома…

Давно не гулял так Лисянский, было что вспомнить: «Вина много, водка, джин, портер — целый день пьем. При каждой рюмке вспоминаем какого-нибудь государя. Перепились все, что ежели шквал, паруса некому убрать. Поутру спрашивают: «Как ты дошел до постели и кто тебя раздел?»

Службу крейсирования на коммуникациях французов английские корабли несли поочередно, сменяя друг друга. Фрегаты, как и всякие суда, после длительного плавания требовали ремонта, запасы воды и провианта — пополнения, а экипажам положен был заслуженный отдых. В середине марта фрегат «Луазо» встретился в море с линейным кораблем «Вангард» под флагом адмирала Томпсона. Лисянский обрадовался. На «Вангарде» ушел в плавание Семен Великой. Когда фрегат лег в дрейф, он отправился вместе с командиром проведать товарища. Поднявшись на борт «Вангарда», он обратился к старшему офицеру, стоявшему на юте у трапа:

— Сэр, на вашем корабле служит русский волонтер Семен Великой, мой друг. Где мне его отыскать?

Пока Лисянский говорил, лицо старшего офицера помрачнело, и он печально ответил:

— Сэр, ваш друг скончался в августе прошлого года от желтой лихорадки. Мы похоронили его с почестями в море…

Неожиданное известие поразило Юрия. «Как же так, лишиться жизни не в бою, не в схватке с океаном, — подумал он, — а от какой-то мерзкой болячки?» Он искренне переживал о потере товарища, глаза его подернулись грустью, и в подавленном состоянии он покидал борт «Вангарда». Но Роберт Муррей вышел от Томпсона навеселе:

— Адмирал разрешил нам отдохнуть и привести в порядок фрегат.

Спустя неделю «Луазо» направился на юг к Наветренным островам и бросил якорь в бухте Фринсисбей на острове Антигва.

Лазурную бухту, окаймленную золотистыми песчаными пляжами, со всех сторон защищали невысокие холмы, покрытые тропическими лесами. Рощи кокосовых пальм подступали к урезу воды, чуть поодаль виднелись постройки жителей английской колонии. Тут и там торчали ветряные мельницы.

«Вот она, явь прежних моих мечтаний», — подумал Лисянский, полной грудью вдыхая ароматы лагуны.

— Прошу разрешения, сэр, — обратился он к командиру, —

взять шлюпку и сойти на берег.

— На время стоянки в любое время суток можете от моего имени брать шлюпку и съезжать на берег, — ответил Муррей, — вы заслужили это право добросовестной службой.

Высадившись на берег, Юрий вначале обошел бухту по периметру. На песчаном пляже сверкали обточенные прибоем разноцветные камушки, блестели небольшие ракушки и осколки кораллов. Под пальмами, подступившими вплотную к пляжу, в густой траве попадались кокосовые орехи. В небольшом селении его радушно приветствовали англичане, зазывая к себе офицера с фрегата. Много лет испытывали они постоянный страх перед возможным появлением в бухте французов. Каждый приход в бухту английского корабля вызывал у них восторг, и они, как могли, старались расположить к себе команду.

Воспользовавшись хорошей погодой, Лисянский почти каждый день до обеда сходил на берег и постепенно знакомился с жизнью в английской колонии. За рощами кокосовых пальм, окружавших селение, тянулись обширные плантации сахарного тростника, ветряные мельницы использовались для выдавливания сока из сахарной трости. Тут же неподалеку находились небольшие заводики для варения песка и рома. Ром здесь выделывали самого лучшего качества на всей Ямайке. Каждый год на Антигва производили около 20 тысяч бочек сахарного песка.

— Для доброго песка надобна чистая вода, но родников и ручья поблизости нет, — рассказывал добродушный толстяк-англичанин, владелец больших плантаций и двух десятков рабов, — но мы придумали устройства.

Он повел офицера через апельсиновую рощу, к небольшому холму. У его подножия, закрытые зелеными кущами, виднелись большие ямы, выложенные камнями и заполненные до краев водой. Из ям шли отводы из обожженной черепицы.

— Зимой здесь идут обильные ливни и наполняют у меня все три десятка ям. Воды хватает на целое лето.

Англичанин нарвал корзину апельсинов, положил сверху лимоны, гранаты и передал Лисянскому:

— Прошу, попробуйте моих плодов и угостите своих друзей.

Каждый раз возвращался Лисянский на корвет с подарками щедрых колонистов. Присмотревшись, он скоро понял, что все эти блага, обильные урожаи тростника достаются изнурительным трудом невольников-негров, десятками работавших на плантациях колонистов. Их изможденные лица, натруженные руки и всегда печальные глаза невольно вызывали сочувствие у русского моряка.

Вторую неделю стояла нестерпимая жара, и только с заходом солнца становилось несколько легче.

Вечером Юрий задержался на шканцах.

Короткие сумерки промелькнули незаметно, и бухту накрыла непроглядная темень тропической ночи. На фоне черного неба исчезли контуры холмов, пропали очертания огромных пальм и банановых деревьев. Вдалеке сквозь густые заросли изредка мелькали огоньки в селении колонистов. Непотревоженная гладь бухты отражала якорные огни корвета, стоявшего неподалеку транспорта и мерцавшее кое-где в офицерских каютах бледное пламя масляных фонарей, сверкали фосфорические отблески вслед за каждым гребком весел удаляющейся шлюпки…

Скинув рубашку, Лисянский спустился в каюту, бросился на койку и быстро забылся в беспокойном сне.

Через два дня фрегат перешел в бухту Чарльстоун на соседнем острове Невис. Сдав вахту, Лисянский не появился к ужину, его сосед по каюте сообщил, что он чувствует себя неважно.

— Ему нестерпимо холодно, болит голова, — сказал лейтенант, сосед по каюте, — мне кажется, у него начинается желтая лихорадка.

Встревоженный Муррей с доктором спустился в каюту. Накрытый двумя одеялами, Лисянский дрожал от озноба и, стуча зубами, пытался успокоить командира.

Осмотрев больного, врач покачал головой:

— Видимо, желтая лихорадка, подождем еще немного.

Слушая врача, Юрий невольно вспомнил о покойном Семене Великом. «Еще чего не хватало — сгинуть от какой-то паршивой лихорадки?!»

Спустя два дня диагноз подтвердился: Юрий пожелтел, как лимон. По нескольку раз в день врач наведывался к больному.

— В каюте душно, а ему необходима прохлада и больше свежего воздуха.

Капитан, немного подумав, распорядился:

— Перевести больного в мою каюту. Я перейду к старшему офицеру. Больного нельзя оставлять одного, пусть офицеры по очереди будут у его постели.

Желтая лихорадка, этот бич вест-индских колоний, ежегодно уносила много жизней. Особенно велика была смертность среди колонистов-европейцев. Часто заболевали ею офицеры кораблей.

Все на фрегате переживали за русского офицера. Круглые сутки с ним находился кто-нибудь из офицеров. Два раза в день заглядывал врач. Он прописал холодные ванны, разбавленную водой мадеру. Дело пошло на поправку, когда «Луазо» вышел на

патрулирование. Муррей, несколько изменив маршрут, пошел курсом норд, чтобы быстрей выйти в более прохладные широты. С наступлением прохлады постепенно отступала болезнь. Лисянский осунулся, похудел, по всему телу пошли большие желтые пятна, в глазах появилась желчь. И все же через две недели он уже смог сам подняться с постели и выйти наконец-то на палубу. Свежий ветер, посвист его в снастях и брызги волн подействовали сильнее, чем лекарства.

Когда 12 мая 1795 года «Луазо» возвратился в Галифакс, болезнь окончательно отступила, и офицеры в кают-компании дружно подняли тост за здоровье своего товарища.

На берегу Лисянского ожидала приятная новость: пришло долгожданное письмо от брата. Ананий сначала сообщал, что письма брата читают все знакомые. «Александр Иванович Круз тоже заставил читать письмо», — писал брат дальше. Были и невеселые новости — транспорт «Маргарита», которым командовал Ананий, в осенний шторм выбросило на камни у острова Сескари. Проводится расследование.

Не откладывая, чтобы успеть к отходу транспорта с почтой, Юрий после обеда поспешил с ответом брату.

«Об Вест-Индии я вам скажу кратко, — вывел он первую фразу и продолжил: — Она наполнена нефами, невольниками европейцев, которые производят сахар, кофе, ром и прочие продукты жарких климатов для своих господ. Положение сих эсклавов[33] весьма бедное везде, их же властители проводят свою жизнь в изобилии. Я бы никогда не поверил, что англичане могут так жестоко обходиться с людьми, ежели бы не был сам тому свидетелем на острове Антигва, где нередко случалось видеть несчастных арапов, употребляемых вместо лошадей».

Но не все так грустно. Упомянув о болезни, причинившей ему немало неприятностей, сообщил с теплотой, что капитан Роберт Муррей «во время болезни прилагал все старания наподобие родственника, а потому я ему жизнью обязан, а офицеры на эскадре прекрасные люди. Я бы вечно жить с ними согласился, ежели бы что-то особенное не влекло меня домой…»

Закончив письмо, Лисянский почему-то вспомнил недавнюю беседу с капитаном. За многие месяцы совместного плавания Роберт Муррей, испытывая, видимо, определенную симпатию, не раз с удовольствием обменивался с Лисянским мыслями по самым разным вопросам. В последний раз Юрий увидел на столе в каюте капитана раскрытую книгу и заинтересовался ею. Муррей имел небольшую библиотеку и всегда охотно делился книгами с любознательным русским офицером. Взяв со стола книгу, Муррей показал на обложку:

— Книга эта о морской тактике, написана, как ни странно, сухопутным человеком, никогда не служившим на море, чиновником из Шотландии Джоном Клерком. — Капитан раскрыл ее. — Клерк дает сопоставления действий королевского флота, находит, на мой взгляд, верные причины наших неудач, а главное, дает немало практических советов, как действовать в бою.

— Это занимательно, сэр, вы помните, Поль Гост тоже не был моряком. Но этот монах описал тактику линейного боя, — сказал Лисянский.

— Вы правы. Но главное, что каноны Клерка с успехом применил наш адмирал Джордж Родней, разгромив французскую эскадру у острова Доминико. Адмирал Родней и Джервис не стесняются называть Клерка своим путеводителем.

Сейчас эта книга лежала у Лисянского в каюте, и он штудировал ее досконально.

Монотонную жизнь на затянувшейся стоянке прервало приятное для капитана сообщение: его брат Джордж Муррей указом короля произведен в вице-адмиралы. Повод для очередного веселья нашелся — пышное застолье в кают-компании, организованное капитаном к удовольствию офицеров, продлилось без малого неделю.

В середине июля «Луазо» отправился на Бермуды и там Лисянский узнал, что фрегат, изрядно потрепанный штормами, скоро уйдет и станет на длительную стоянку в ремонт. Вероятнее всего, предстоит уйти в Англию.

Лисянский задумался. За последние два года в Галифаксе и на Подветренных островах он не раз общался с американскими моряками, слышал рассказы о молодой стране в Северной Америке. Немало рассказывали о ней на фрегате. Часть офицеров была на континенте, и в целом они с похвалой отзывались о нравах и порядках, существующих в этом государстве Нового Света. Одно дело слышать, другое — увидеть самому и дать свою оценку. И он решился посоветоваться с Мурреем. Возможность для этого скоро представилась.

Наступила осень, и «Луазо» отправился в крейсирство к Бермудам. Экипаж знал, что патрулирование будет недолгим. Фрегат за время стоянки кое-как привели в порядок, но командир убедился, что корпус серьезно поврежден, и в трюмах круглые сутки работали насосы. Командующий эскадрой разрешил фрегату определить место ремонта и следовать туда.

— По всей вероятности, отправимся в Лондон. «Луазо» встанет в док, — объявил за обедом Муррей.

Вечером Лисянский зашел в каюту капитана и рассказал о

своем намерении на время ремонта списаться с фрегата на берег.

— Докование займет не один месяц, а польза от меня на стоянке небольшая. Когда еще придется бывать в этих местах, неведомо. Привлекает меня республика Соединенных Штатов, хочу побывать в Филадельфии.

Для Муррея визит лейтенанта не был неожиданным. Он сам не раз высказывал Лисянскому симпатии к американцам. По крайней мере, в океане они не совали нос в действия англичан против французских кораблей.

— Что же, я не возражаю. Подготовьтесь и с ближайшей оказией поспешите в Бостон, а лучше в Нью-Йорк. Советую запастись рекомендациями наших офицеров. Я и сам напишу моему другу в Филадельфию. Американцы добропорядочны, но лучше, когда они знают, с кем имеют дело.

Через два дня Лисянский с грустью покинул «Луазо». В море он перешел на американский бриг «Фани», направляющийся в Нью-Йорк.

* * *

Дождь хлестал, как из прорвы. Несмотря на полдень, припортовые улицы Нью-Йорка были пустынны. Отыскав по совету капитана «Фани» скромную таверну «Тронтин», промокший до нитки Лисянский пришел в замешательство.

Хозяин трактира сначала подробно расспросил, откуда и когда он прибыл.

— В городе большое несчастье, мистер, свирепствует чума, каждый день умирает до трех десятков, — ошарашил он Лисянского и пояснил: — Этим летом стояла необычная жара, солнце пекло невыносимо, а затем вдруг обрушились на город беспрерывные ливни. Почти не прекращаются второй месяц. Вот и завелась проклятая зараза.

Отдохнув с дороги, несмотря на непогоду, Лисянский отправился бродить по городу. Центральные улицы поражали опрятностью, строгостью линий, тщательностью отделки зданий. Однако, отойдя в сторону от протянувшихся по нитке «стрит», он сразу же наткнулся на трущобы. В ветхих и полуразрушенных домах без элементарных удобств теснились большие семьи людей низшего сословия. Невольно приходила мысль: «Не в этом ли причина моровой язвы?»

На следующий день дождь поутих, и Лисянский вновь бродил по окраинным улочкам, припортовым закоулкам. Вернувшись вечером, он записал свои наблюдения: «…С моей же стороны я

приписываю это к великому множеству новоприезжих людей нижнего класса, которые, не имея состояния жить порядочно, были принуждены жаться вместе и, стесняясь в небольших хижинах, без чистоты, заразили атмосферу. Такое мнение не мало подтверждается тем, что язва токмо в городе существовала в той части, где оные упомянутые жилища находились, в прочих же улицах умирало весьма мало».

Окрестности города выглядели более привлекательно. Бросалось в глаза отсутствие невозделанной земли. Вспоминая заросшие бурьяном окрестности Петербурга, Лисянский любовался тщательно ухоженными садами, просторными перепаханными пашнями, четко очерченными канавами и обязательно аккуратно огороженными по периметру. В отличие от пышных дворцовых сооружений, которые окружали и Петербург, и Лондон, жилые дома отличались добротной простотой и уютностью. Поражала и необычная тишина. Из глубины усадебных построек изредка доносились крики домашней птицы или мычание скотины. «А где же собаки?» — подумал он и вскоре убедился, что американцы довольны тем, что «уши их не обеспокоены беспрерывным лаянием собак, держимых для увеселения праздных…»

Погода наконец установилась отменная, и можно было ехать дальше, в столицу Пенсильвании. Почтовый дилижанс в Филадельфию уходил в полдень, и на станции за час до отправления собрались почти все пассажиры. Незнакомый мундир сразу привлек их внимание, и они удивились, узнав, что их попутчик — русский офицер. Перед самым отъездом появилась девушка, голубоглазая, небольшого роста; аккуратно, но не роскошно одетая, она сразу завладела вниманием Юрия. Незаметно окинув восхищенным взглядом ее фигуру, он подумал: «Затейливая, однако». Преднамеренно задержавшись, он устроился рядом с ней. После отъезда из Петербурга он имел два-три случая знакомства в Лондоне, которые растворились в его памяти, едва он покинул Портсмут. Несколько мимолетных встреч с девицами в Галифаксе и портах Наветренных островов не оставили в его душе какого-либо следа. Многие из них переправились из Европы с вполне определенными целями, не скрывая своих меркантильных намерений, и для осуществления их готовы были на все.

В свои двадцать два года Юрий обычно пропускал мимо ушей хвастливые рассказы своих друзей и товарищей о любовных забавах и похождениях. Зачастую над ним подтрунивали, строили насмешки…

Когда дилижанс тронулся, девушка слегка прикрыла глаза и,

казалось, задремала.

На первой же остановке в Вуд-Бридже, резво спрыгнув, Юрий галантно подал девушке руку и помог выйти из дилижанса.

— Благодарю вас, — приветливо улыбнулась девушка. — Судя по вашему мундиру, вы не здешний?

— Да, я русский, мое имя Юрий Лисянский, — поспешил он отрекомендоваться.

— Мое имя Джесси Полок, — ничуть не смущаясь, по-деловому проговорила девушка. — Вы первый русский в моей жизни, но я ничего не знаю о вашей стране, к сожалению.

— В этом нет ничего удивительного, наши страны разделяют океаны и материки, — продолжал Лисянский, поддерживая девушку, — но в России наслышаны о Соединенных Штатах и вашей войне за независимость.

Джесси горделиво закинула голову.

— О да, это была хорошая взбучка для англичан. Но наши люди сражались не только за независимость, но и за свободу.

Лисянский вдруг вспомнил изможденные лица негров и спросил:

— Чью же свободу они отстаивали?

— Как чью? — удивленно ответила она, — конечно, американцев.

— А разве негры это не американцы?

— Конечно, нет, — убежденно ответила Джесси, — это рабы.

— Чем же они провинились перед богом, что им выпала такая горькая судьба?

Девушка вначале оторопела, пожала плечами.

— Видимо, всевышний определил так издавна, и не в наших силах что-либо изменить.

Они молча прошлись, а потом Джесси попросила:

— Расскажите, пожалуйста, о своей стране.

В это время прозвучал рожок кучера дилижанса, и они прервали беседу. В карете сидели чинные люди, Джесси была единственной женщиной, и они с Лисянским лишь молча переглядывались друг с другом. Мимо проплывали холмистые дали, серебристые речки, в долинах паслись стада коз и овец. Дилижанс ненадолго останавливался в небольших селениях, они снова прогуливались и откровенничали друг с другом. Джесси с неподдельным интересом слушала рассказ своего нового знакомого о далекой стране, протянувшейся на тысячи миль от Европы к берегам Восточного океана. Она удивилась, узнав, что сейчас там уже холодно, а скоро выпадет снег, замерзнут заливы, бухты и реки.

Джесси поинтересовалась, каким образом Юрий оказался на

английском корабле.

— Это длинная история, мисс. Наш флот сравнительно молод, а императрица Екатерина…

Джесси не удержалась от восклицания:

— Россия — империя?..

— Да, еще со времен Петра, — пояснил Лисянский и продолжил: — Императрица желает, чтобы в русском флоте служили опытные моряки, подобно англичанам, и чтобы они знали и умели плавать в разные страны света. Мне кажется, вашей стране тоже предстоит создавать свой флот, у вас много портов и большая торговля…

Вновь прозвучал рожок, дилижанс продолжал свой путь и уже затемно приехал в Джермантоун. Здесь они неожиданно расстались. Оказалось, Джесси спешила в Филадельфию к определенному сроку, наняла карету и уехала. Узнав об этом утром, Юрий огорчился, лишившись весьма приятного собеседника и милой попутчицы.

Филадельфия встретила Лисянского теплой, солнечной погодой. Столица Соединенных Штатов отличалась от Нью-Йорка своим размеренным спокойствием на улицах даже в дневные часы. Город протянулся с востока на запад на две мили. Стройные проспекты являлись как бы стержнем этого массива, а перпендикулярно им 24 широкие улицы рассекли город на равные квадраты.

В первые дни Лисянский бродил без устали с утра до позднего вечера, присматривался к жизни многолюдного города. Здесь тоже попадались грязные и запущенные улицы, как и в Нью-Йорке. В центре по хорошо мощенным тротуарам днем сновали в основном чиновники, а вечером прогуливалась респектабельная публика.

Рекомендательные письма оказались весьма кстати. Лисянского радушно и с почтением принимали в довольно состоятельных домах. На это, как правило, уходили послеобеденные часы, а утром и днем он старался как можно больше узнать о городских достопримечательностях. Не терпелось поделиться первыми впечатлениями об увиденном, а лучшего собеседника, чем Ананий, ему не сыскать.

«…Филадельфия по состоянию своему и купечеству есть один из лучших городов в свете, — писал он брату. — Я намереваюсь провести зиму в оном, потом ехать берегом в Бостон, а оттуда отправиться весной в Галифакс».

Он вспомнил о назойливых эмигрантах — французах, бежавших сюда после революции: «Я думаю о издержках, которые принужден сделать буду в прозимовку, ибо здесь теперь

находится до семи тысяч выходцев французских, которые, не разумея языка, платят за вещи безрасчетно, так что квартира и стол стоить будут до пятнадцати фунтов стерлингов в месяц. Но зато надеюсь получить сведения, которые для меня и отечества моего не будут бесполезны…»

Подумав, он продолжил:

«Филадельфия, как мной уже упомянуто было, есть столица Пенсильвании, оную также можно назвать и столицей штатов, ибо президент оных, конгресс и сенат там имеют свое пребывание… Он лежит на реке Делуаре, около 140 миль от моря и славится морской торговлей, хотя сравнить его не можно с лучшими европейскими городами, ибо и в самой средине найти можно весьма бедные жилища, также в нем находится довольное число переулков, которые по узости совершенно чистыми держать невозможно…»

Пора и о достопримечательностях сообщить: «Кроме кораблей, покрывающих реку, беспрестанно в нем уже цветут и прочие заведения, между коими примечания достойны музеум господина Пиля и публичная библиотека. Сей последней установлению вспомоществовал много славный Франклин, который кроме чрезвычайной учености был весьма деятельным в установлении американской вольности. Мраморная статуя сего великого мужа нашего века поставлена в нише строения и придает ему много красы…»

Знакомясь с местным обществом, Лисянский все больше проникался мыслью, что положение в Америке определяется не умом, честью, званием гражданина, а всецело зависит от состояния. «Однако и в России многое в карьере зависит от достатка, — размышлял он, сопоставляя нравы, — у американцев сие слишком очевидно и даже почитается за правило». В проницательности Лисянскому не откажешь!

Встречал он на званых вечерах полковников, которых старались не замечать, ибо они владели малым количеством рабов и небольшими плантациями. Сопоставляя, например, популярность президента Вашингтона с его достатком, нетрудно было проследить, как поднимался он по ступеням военной карьеры — строго в соответствии с ростом его состояния.

Теперь он считался одним из богатейших людей в стране и пользовался непререкаемым авторитетом у сограждан. Они помнили его заслуги как Главнокомандующего войсками в битве с Англией, председателя первого конвента, принявшего Федеральную конституцию. Многие называли своего первого президента «отцом нации».

Однажды Лисянскому привелось увидеть его издалека, на

представлении в театре. В ложе сидел крепко сложенный, убеленный сединой человек. Его лицо, прочерченное резкими складками и морщинами, несколько тяжелый и надменный взгляд, который он изредка бросал на публику, — все выдавало в нем недюжинную силу воли.

Вскоре нежданно-негаданно Лисянскому представился случай встретиться с президентом Вашингтоном.

У Лисянского было рекомендательное письмо к богатому коммерсанту Анткоку. Коммерсант пригласил русского офицера к себе на вечер.

Войдя в гостиную, Юрий вдруг увидел свою милую Джесси, спутницу из дилижанса. Она беседовала с пожилым, добродушным, видимо, очень состоятельным джентльменом.

— Хелло, мистер Юрий, — обрадовавшись, воскликнула Джесси, прерывая свой разговор, когда Лисянский, несколько смущенный неожиданной встречей, подошел к ней.

Она непринужденно схватила его за руку и, повернувшись к собеседнику, представила Лисянского:

— Самый милый и услужливый кавалер, которого я встречала. А это мой папа, — сказала она Юрию и между ними завязалась непринужденная беседа.

Юрий вспомнил походя о недавней встрече в театре:

— Ваш президент присутствовал на представлении. По облику он действительно великий человек. Но, очевидно, не каждому он доступен.

— Напрасно вы так думаете, — возразил Полок. — Он действительно человек строгих правил, но очень прост. Впрочем, — Полок посмотрел на подошедшего к ним хозяина дома, — если мистер Лисянский желает в этом убедиться, мы приглашаем его в субботу на банкет. Президент обязательно будет там.

Лисянский пришел на банкет за полчаса до начала, но у фешенебельного особняка уже стояли роскошные кареты. Гости собирались дружно.

После официальной части Анткок и Полок провели Лисянского в один из многочисленных салонов, окружавших банкетный зал, в котором находился президент. Вашингтон не терпел даже малейшего проявления какого-либо внимания к своей личности. Но тут был особый случай. Ему доложили о русском офицере с английской эскадры, который на время покинул корабль и путешествует по штатам с целью увидеть и познать жизнь американцев.

Лисянского представили, и президент жестом пригласил его сесть.

— Я слышал, сэр, — начал президент и продолжал, чеканя каждую фразу, — что вы проявляете искренний интерес к жизни нашей страны. Это весьма похвально. Штаты и Россия добрые соседи. В свое время Россия проявила уважение к правам человека и отвергла союз с Великобританией против нас. Мы помним об этом.

Лисянский невольно почувствовал радушие в словах сурового на вид собеседника.

Президент кинул изучающий взгляд на Лисянского и спросил:

— Что же больше всего вам запомнилось в Штатах?

— Я не мог за короткое время, сэр, узнать многое, но больше всего меня удивили приверженность ваших граждан к вольности, а также добрые законы и нравственные правила вашей жизни.

Вашингтон остался доволен ответом русского офицера. Несмотря на молодость, тому была присуща незаурядная проницательность и логика мысли.

— Ваша лестная оценка, сэр, приятна, — оживился президент. — Россия вызывает у нас симпатии. В Петербурге уже находится наш посланник Джордж Рассел. Надеюсь, ваше путешествие послужит на пользу нашим народам. Мы еще так мало знаем друг друга…

— Я постараюсь приложить все старания, сэр, чтобы оправдать ваши чаяния.

Вашингтон встал, и они любезно раскланялись.

Вернувшись в гостиницу, Лисянский прежде всего открыл свой дневник: «…Президент Вашингтон обласкал меня таким образом, что я по гроб жизни моей должен ему остаться благодарным и всегда сказать, что не было в свете величее мужа сего. Простота его жизни и благосклонность в обхождении таковы, что в одно мгновение поражают и удивляют чувства».

Наступила весна, и Лисянский отправился на север. Он побывал в Нью-Йорке, Нью-Порте. Его интересовали верфи, доки, постановка кораблестроительного дела. В Бостоне он заметил, что местные жители «более приверженцы к вольности и своим поведением подают лучший пример оной, нежели все южные штаты, между ними нет рабов, а каждый собственными руками или головой достает хлеб».

Заканчивался предоставленный ему отпуск, пора было возвращаться на корабль. Всё виденное наводило на раздумья. Свои мысли он доверял лишь своему молчаливому спутнику. Размышляя о конституции, он справедливо заметил, что каждый из штатов «составляет малую республику, а все вообще — знатное, вольное правление, которое управляется президентом,

сенатом и конгрессом. Все они избираются промежду граждан на известное время. Хотя почти не приметна в оной сила гражданской и военной власти, но мне никаких бесчинств видеть там не привелось, которые бы при подобных обстоятельствах могли произойти в Европе, а сему причиной верно добрые законы и нравственность».

3 мая 1796 года на попутной шхуне Лисянский отправился в Галифакс. На рейде стояла эскадра под флагом адмирала Муррея. Но тщетно высматривал он среди кораблей родной «Луазо».

— Ваш фрегат еще не скоро выйдет из Портсмута, — сказал радушно встретивший его Муррей. — Но я думаю, что вы не будете огорчены фрегатом «Топаз». Это самый быстрый ходок на эскадре, а капитан Черч — наш лучший капитан.

Служба на «Топазе» мало чем отличалась от прежних обязанностей на «Луазо». Вахты чередовались с авралами, вечерние беседы в кают-компании затягивались иногда за полночь. Однообразие утомляло, и тогда командир разрешал команде купаться. Все лето эскадра крейсировала вдоль канадского побережья без особых стычек и только в конце августа наткнулась на неприятеля.

— Три судна справа на горизонте! — прокричали с фор-марса.

Через несколько минут капитан Черч внимательно разглядывал их в зрительную трубу.

— Французские фрегаты! — определил он и, не ожидая приказания, распорядился взять на пять румбов правее, поставить все паруса.

И тут же на флагмане подняли сигнал: «Эскадре преследовать неприятеля!» Черч вызвал на шканцы офицеров.

— «Топаз» идет впереди и ждать эскадру нет смысла. Скоро стемнеет, и французы скроются, — капитан решительно посмотрел на офицеров. — Мы атакуем французов, несмотря на их превосходство. Для начала сблизимся с концевым фрегатом вплотную и вступим с ним в дуэль. Остальные французы из боязни попасть в своего, уверен, не будут открывать огонь. Мы выиграем, главное — время. А там подоспеет эскадра. Кто не согласен?

Черч обвел пристальным взглядом офицеров.

— По местам стоять! Барабанщики, наверх! — скомандовал он, и спустя минуту-другую барабанная дробь известила о начале боя. Лисянский занял свое место у фок-мачты.

Как ни странно, французы не решились принять бой совместно, а развернувшись, пустились в разные стороны.

«Топаз» вскоре стал настигать фрегат «Елисавета». Но

французский фрегат вдруг начал изменять курс.

— Видимо, там бывалый капитан, — процедил Черч, — он ворочает от наших пушек.

Спустя полчаса «Топаз» сблизился с противником на пистолетный выстрел и первым открыл огонь. Не успел рассеяться дым, как французы ответили метким залпом.

Рядом с Лисянским, на полубаке, ядром сразило двух матросов, у грот-мачты на палубе, окутанной дымом, застонали раненые… Бой разгорался. Повторные залпы «Топаза» обрушились на француза, но тот продолжал уклоняться и яростно отстреливался.

Лисянского, будто бревном, толкнуло в голову, и он, потеряв сознание, свалился на палубу. Когда пришел в себя, голова разламывалась от боли. С трудом поднял руку, вытер кровь с виска, приподнялся. К нему подбежал матрос, оторвал подол рубахи и перевязал рану. Поднявшись, Лисянский перешел к наветренному борту.

— Травить брасы, перевернуть фор-марса-рей, — донеслась команда. Лисянский поспешил к мачте и помог уцелевшим матросам отдать снасти.

Спустившись под ветер, «Топаз» меткими залпами изорвал в клочья паруса на фок-мачте неприятеля. На палубе валялись трупы. «Елисавета» потеряла ход. «Топаз» бил ее почти в упор. Наконец, кормовой флаг на французском фрегате медленно пополз вниз.

Черч начал преследовать остальных французов, но они успели скрыться в наступившей вскоре темноте.

Пошатываясь, Лисянский подошел к Черчу.

— Спускайтесь живо в каюту, Лисянский, — приказал он, — вы вели себя молодцом.

Вскоре пришел доктор и осмотрел рану около виска.

— Убито семнадцать матросов, — грустно сообщил он, — девять раненых и вы в их числе. Вам повезло, еще бы полдюйма — и отдали бы душу богу.

Пленённый фрегат отправили в Галифакс, а «Топаз» двинулся на поиски неприятеля к Бермудам.

Лисянский на следующее утро пытался подняться на палубу, но сильная головная боль и головокружение заставили его лечь в койку. Перед обедом к нему заглянул капитан:

— Вы всецело исполнили долг, а теперь никуда ни шагу, пока не поправитесь. Я прикажу приносить вам пищу в каюту.

Пришлось подчиниться и несколько дней проваляться в постели. Но сильные боли не оставили Лисянского до самого Галифакса, куда они возвратились через неделю.

Там его ждала приятная встреча — накануне в порт пришли кораблями Баскаков и Крузенштерн.

Получилось так, что, узнав о ранении, Баскаков первым навестил друга. Обнявшись, они уселись рядом и долго делились впечатлениями о прожитых врозь месяцах. В конце встречи Баскаков вспомнил новость:

— Я слыхал, что адмирал Муррей отправляется в Портсмут, не пора ли и нам отчаливать от берегов американских?

Лисянский сам не раз подумывал об этом:

— Но только чур, как вернемся в Портсмут, я попрошусь у Воронцова в другую страну.

— Куда еще? — спросил Баскаков.

— Давно чаю побывать в Ост-Индии.

— А домой как же?

— Годом раньше, годом позже, а другой случай вряд ли состоится, — пояснил Лисянский.

В конце концов Баскаков согласился, тем более что Крузенштерн поддержал Лисянского.

В середине сентября вместе с адмиралом Мурреем на фрегате «Клеопатра» русские офицеры оставили берега Америки.

Поскольку ни Крузенштерн, ни Баскаков не оставили для потомков каких-либо записок о пребывании в Новом Свете, обратим внимание на некоторые примечательные и прозорливые замечания и выводы, сделанные Юрием Лисянским. К тому времени русский офицер был уже сложившимся человеком, со своими взглядами и убеждениями.

Что же увидел он за океаном, что его поразило и что он взял на свою заметку?

Но прежде хотелось бы оговориться. У всех штурманов есть золотое правило: «Пишу то, что вижу, чего не вижу, того не пишу». Юрий Лисянский, как настоящий моряк, придерживается этой заповеди на всем своем жизненном пути.

Уже в первые недели плавания, восхищаясь красотами природы на островах Вест-Индии, он возмущается неприглядной жизнью рабов-негров. У них «положение весьма бедное везде, их же властители проводят жизнь в изобилии», и Юрий негодует, «что англичане могут так жестоко обходиться с людьми».

С первых своих шагов по американской земле, в Нью-Йорке, Лисянский сострадательно замечает «людей низшего класса… которые принуждены жаться вместе в небольших хижинах, без чистоты». Именно в этих кварталах свирепствовали болезни, а «в прочих же улицах умирало весьма мало». Многое увиденное в Америке поражает своим отличием от порядков в далекой России, да и в Европе. Здесь не встретишься «с дворцами, подобными

европейским», но увидишь «…многие места, обладатели которых проводят свою жизнь счастливо».

Не ускользнула от внимания Юрия и примечательная сторона быта американцев, в отличие от неизжитой до сих пор привычки россиян: «Уши их не обеспокоены беспрерывным лаяньем собак, держимых для увеселения праздных, но услаждены криками домашних птиц и животных, коими сии счастливые места наполнены».

Считая Филадельфию «одним из лучших городов в свете», Лисянский вместе с тем примечает и «в самой середине весьма бедные жилища».

Пребывая в Бостоне, он сопоставляет порядки на рабовладельческом Юге с жизнью бостонцев. «Они более также приверженцы к вольности и своим поведением подают лучший пример оной, нежели все южные штаты; между ними нет склавов, а каждый собственными руками или головой достает хлеб».

Симпатии русского моряка и на стороне «вольного правления» в Штатах: «Каждый Штат окромя сего имеет своего губернатора и свой сенат, которые управляют внутренними распорядками, что же касается до околичных обстоятельств, то они принадлежат общему правлению. В Америке всякий, в мужество пришедший, есть солдат при надобности, исключая сего республика держит малое число войск для защиты своих границ». Таковы некоторые впечатления Юрия Лисянского от кратковременного путешествия по Северной Америке. Радует, что это не сторонний, равнодушный взгляд фланирующего пришельца, а зоркие наблюдения и оценки дел в молодой заокеанской республике. Зарисовки Лисянского гораздо более интересны, систематичны и разнообразны, чем заметки первого русского человека, побывавшего перед тем в Америке, — Федора Каржавина.

Лейтенант Лисянский, покидая Атлантическое побережье Северной Америки, еще не знал, что через пять лет вновь ступит на берега этого материка, но с противоположной стороны, омываемой Великим океаном.

* * *

Новый, 1797 год русские моряки встретили у берегов Англии. В миссии они узнали о переменах на российском троне. Екатерина II скончалась, императором стал Павел I. В посольстве священник сообщил печальную весть: на английском корабле погиб Яков Беринг.

— Их величество генерал-адмирал император Павел I издавна покровительствует флоту, — сказал посол Воронцов, выслушав офицеров. — Я сам считаю, что русским офицерам и полжизни бы надо выучке морской у англичан набираться. Мы-то неучи в сравнении с ними.

Однако увидев, как вытянулись лица офицеров, он пожевал губами:

— Отпишу ныне же государю о вашей просьбе и сам буду за вас ходатаем.

Когда вышли от посла, Баскаков возмутился:

— Англицкие мореходы отменные, но и наш брат русский им не уступит. Невдомек мне, к чему принижать соотчичей своих?

Крузенштерн молча пожал плечами, а Лисянский поддержал друга:

— Мне, к примеру, ежели выбирать матроса англицкого или русского, так я предпочту нашего. Он в любом деле выдюжит. А что сиятельный граф, так он обитает в сих краях второй десяток лет. Как по присказке: «С кем поведешься, того и наберешься»…

Между тем лейтенант Лисянский внимательно следит за успехами британского флота. 1 марта 1797 года он отмечает его победу над испанцами у мыса Сан-Висенте: «Мы сегодня получили известия о победе адмирала Джервиса над гишпанским флотом. Англичане, имея только 15 кораблей, разбили гишпанцев в 27. В сем сражении особливо отличил себя капитан Нельсон».

В ожидании государева ответа Воронцов посоветовал наведаться в Читам, где стояла эскадра вице-адмирала Макарова… Но в Читаме эскадры не оказалось. Корабли ушли в Ширнесс. В Читаме же Лисянского заинтересовали добротные доки с оригинальной системой водопуска. «Неплохо было бы, — подумал он, — устроить такую же механику в России. Ведь у нас так дорого обходится каждый фут воды, впущенной в док».

В Ширнессе Юрий встретил приятелей. Они поделились новостями из столицы и Кронштадта.

— Новый государь будто флот жалует, — рассказывали они, — средства на постройку кораблей ассигнует дополнительно. Морской корпус наконец-то переводят в Петербург.

На обратном пути в дилижансе оказался интересный попутчик. Узнав, что его сосед русский офицер, обрадовался:

— Мистер Пирс, — отрекомендовался он, — последние 15 лет провел в странствиях по разным материкам. Пожалуй, побывал везде, кроме Африки. Но и туда собираюсь в этом году.

— Бывали ли вы в Америке? — спросил Лисянский.

— О, да, конечно, — оживился Пирс, — об этом я и хотел

рассказать вам, но вы меня опередили. — Он помолчал минуту-другую, собираясь с мыслями, и продолжал: — В прошлом я немало времени прожил с россиянами на Куковой реке, неподалеку от Нутки. Они деловые люди и успешно промышляют пушного зверя на Алеутах. Всегда доброжелательно встречают пришельца. Старшим там приказчик Баранов, а всему делу голова — мистер Шелихов.

— Есть ли там суда морские? — поинтересовался Лисянский.

— Да, есть. Без них невозможно отправлять товар на Камчатку. Оттуда же доставляют провиант, но, — огорченно сказал англичанин, — многие суда худые, немало их гибнет в Восточном океане в штормах.

Лисянский спрашивал еще, и Пирс охотно рассказывал, как трудно приходится на Алеутах русским людям.

— Больше всего страдают по причине отсутствия добрых судов.

Не впервые слышал об этом Лисянский. «Вернусь в Россию и обязательно попрошусь в вояж в те края», — размышлял он под стук дилижанса…

Случайный попутчик Лисянского рассказывал о своих похождениях двухлетней давности. Упоминая имя Григория Шелихова, он, конечно, не мог знать, что «рыльского именитого гражданина» уже нет в живых… Через полгода после проводов дочери и зятя, столичного чиновника Николая Резанова, в Петербург, тяжелый недуг в три недели скрутил Шелихова намертво. Болезнь отяготили неудачи.

Еще до свадьбы дочери Анны Шелихов забеспокоился, но виду не подавал. Восемь лет с каждым сезоном росли горы пушнины на складах в Иркутске. Китайские мандарины запретили торговлю русским купцам в Кяхте. Поначалу Шелихов ухмылялся: «Придет срок, образумятся, цена меха поднимается». Но в последние годы иностранные купцы, почуяв наживу, повезли товары морем в Кантон и сбили цену. Нависла угроза разорения…

О кончине Григория Ивановича горевали не только его сибирские друзья, но и петербургские знакомцы.

Знаменитый поэт Державин откликнулся на кончину отважного первопроходца эпитафией:

Колумб здесь росский погребен,
Проплыл моря, открыл страны безвестны…
И жаль, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан небесный

Искать сокровищ горних, неземных…
Сокровище благих,
Его ты душу, боже, упокой…

У предприимчивого и энергичного Шелихова были и враги, недруги-завистники оживились, начали лелеять мысль растащить шелиховскую компанию…

Но не тут-то было. Наталья Шелихова бразды правления взяла в свои руки, поправила дела. Резанов, теперь уже секретарь Сената, вскоре забрал семью Шелихова в Петербург. Обаяние и красота Натальи Алексеевны сразу снискали ей симпатию в столичных салонах, а деловитость — уважение у чиновников. Ее усилиями и помощью зятя, вхожего в Сенат, осуществилась мечта Григория Шелихова: повелением Павла I образовалась единая Американская компания…

Генерал-адмирал Павел I, президент Адмиралтейств-коллегии, не любил волокитить с бумагами, и потому Лондону не пришлось долго ждать с ответом.

Уже в начале марта офицеров известили, что их просьба удовлетворена, и 16 марта они отправились в Портсмут. На этот раз все совпало с их желанием. Адмирал назначил всех трех офицеров на корабль «Резонабль», направляющийся в Мысовскую эскадру у Доброй Надежды. По привычке Лисянский перед отплытием послал весточку Ананию.

«…Мое намерение есть, — писал он, — остаться у мыса Доброй Надежды на четыре или пять месяцев, дабы познакомиться с Африкой, а особенно с оконечностью оной, которая весьма нужна для плавающих к востоку оной, я думаю, что через сие не буду в дураках. Письмо, которое у меня находится к адмиралу Прингелю, командующему Мысовской эскадрой, верно подаст мне случай идти далее и далее, но о сем я к вам писать буду впредь, а теперь же прошу вас переслать мой портрет, посланный с капитаном Стивенсом, к батюшке, который оному будет приятен, не видавши меня с 1782 года, в случае же смерти старика, пусть брат Иван Федорович его имеет».

«Резонабль» снялся с якоря рано утром и дрейфовал на внешнем рейде, ожидая суда Ост-Индской компании. Капитану Боэлсу поручили сопровождать караван из восьми судов. Пока суда вытягивались из бухты, Баскаков, Лисянский и Крузенштерн вышли на шканцы. Вот и последняя шхуна показалась у выхода…

— Верхние марсели ставить! — донеслось с мостика. — На фалы и шкоты верхних марселей!

Бесшумно, привычно и слаженно карабкались по вантам

матросы, отдавалась одна снасть, подбирали другую. Чуть накренившись, «Резонабль», медленно набирая скорость, выходил в голову конвоя.

Чем дальше в море, тем больше крепчал ветер, расправляя упругие паруса. Справа за кормой, растворяясь в туманной дымке, уходили берега Англии…

У мыса Доброй Надежды и берегов Ост-Индии

Капитан «Резонабля» Боэлс, как показалось офицерам, принял их чрезвычайно вежливо. Неожиданно учтиво отнеслись к ним и офицеры корабля. Все вскоре разъяснилось в кают-компании за первым же застольем. Оказалось, что «Резонабль» побывал в прошлую кампанию в Ревеле с визитом, и весь экипаж до сих пор вспоминал радушие и гостеприимство русских моряков.

Когда прошли траверз Зеленого мыса и миновала опасность встречи с французами, Боэлс пригласил русских офицеров в каюту штурмана.

Подробно объяснив маршрут следования, капитан обратился с просьбой:

— Корабль входит в тропики. Наши офицеры несут круглосуточно вахту, и не все они сильны, как штурман, в астрономии. Я плавал раньше этим маршрутом, и не всегда ветры и течения сопутствуют нам…

— Но для того есть рекомендации капитана Гора, — невольно вырвалось у Лисянского.

Будучи в Лондоне, он за два месяца добросовестно проштудировал фундаментальное описание плавания капитана Гора в Ицдию. Все моряки считали его классическим пособием.

Капитан усмехнулся:

— Я тоже придерживаюсь его советов, но не всегда они помогают. Гор плавал в начале века, многое изменилось. — Боэлс показал на карту. — Гор советует располагать курсы подальше на запад, но на этом теряется много времени. Мы идем сейчас на десять градусов восточнее этих рекомендаций. Я прошу вас дважды в сутки уточнять долготу и делать замеры метеорологии.

Астрономические обсервации и замеры по метеорологии помогли. После многодневных наблюдений и расчетов стало ясно, что рекомендации капитана Гора не всегда верны. «Сколь я ни уважаю опытности капитана Гора, но согласиться с ним не могу на столь строгое определение, — заметил Лисянский, приближаясь к мысу Доброй Надежды. — Мне кажется, что мнение перехода через линию вышеозначенное более утверждено на предрассудках старинной навигации, нежели на опытах».

И тут же обосновывает свое мнение: «Известно всякому, что корабли часто, пересекая линию в 16˚—17˚, имеют хорошие ветры, а те, которые находятся в 22˚, штилюют, что же касается до торнадо, то надобно быть довольно близко к Африке, а при всем

том никогда не пропускать держать команду как можно суше, ибо с дождями хотя везде повстречаться можно, но там они должны быть вреднее, где солнце низвергает лучи свои почти перпендикулярно».

Однако флота лейтенант не только обогащает науку, проводя время в астрономических изысканиях. Молодо-зелено, ему лишь двадцать пять, он не корчит из себя ханжу. В очередном письме Ананию откровенничает: «Расстояние между тропиками мы протанцевали. Известно всем, что там царствует прекрасная погода, музыкантов у нас было довольно, а остинские корабли полны молодыми и прекрасными дамами. Стоило только съехаться и зажечь фонарей на шканцах…»

На купеческих судах, следующих в Ост-Индию, которые конвоировал «Резонабль», немало прелестных женщин. То были «дети посредственного состояния людей в Англии, которые получили хорошее воспитание». А направлялись они в далекую богатую колонию, чтобы извечным женским ремеслом как-нибудь подправить свои дела и подзаработать денег.

Пробыв там несколько лет, «женщины возвращались сами или с мужьями и там в Англии пылят как будто бы родились в золоте». Ну а пока есть возможность, почему бы и не повеселиться от души, скоротать однообразную скуку дальнего вояжа…

На рассвете 4 июня команду разбудил громкий возглас:

— Земля!

Как всегда в таких случаях, когда экипаж месяцами не видит берега, все мгновенно высыпали на палубу.

В лучах утреннего солнца из-за горизонта медленно поднимались гигантские скалы. Над ними, задевая вершины, курчавились редкие облака.

Поеживаясь от утренней прохлады, Лисянский подтолкнул Баскакова:

— Подобно сказке, столь долго ждал я сего часа. Помнится, еще у мичмана Веревкина вычитывал описание Доброй Надежды.

Между тем, будто из морской пучины нарастая, вздымались горные громады, среди которых явственно обозначилась Столовая гора. Облака постепенно рассеялись, и чистое небо обрамляло простиравшуюся гряду гор. Зарево восходящего из-за них солнца разливало вокруг багровый отсвет, оттеняя крутые склоны, отроги и торчащие вдали пики.

«Резонабль» первым вошел в бухту Симонс-бей и бросил якорь неподалеку от адмиральского корабля. На рейде стояла эскадра — 3 линейных корабля, 2 фрегата, 2 шлюпа.

В этот же день русские офицеры представились адмиралу Принглю и получили любезное приглашение адмирала к обеду на

следующий день.

— Завтра день рождения нашего корабля, будут присутствовать все капитаны.

Крузенштерн попросился на «Луазо» — тот самый фрегат, где две кампании отплавал Лисянский.

— Я советовал Крузенштерну не идти на «Луазо», — сказал Лисянский Баскакову, когда они остались вдвоем, — ведь фрегат сильно пообветшал. Но Крузенштерн не изменил своего решения.

Баскаков и Лисянский выбрали 50-пушечный корабль «Септр».

На следующее утро все трое прибыли на обед к адмиралу, и тот представил их командирам. «Септром» командовал капитан Эдвардс. Вечером Баскаков и Лисянский перебрались на «Септр». Лисянский переговорил с капитаном, и он разрешил ему на две-три недели съезжать на берег.

— Будьте осторожны и осмотрительны. В окрестностях много диких животных, а в самом городе много необузданных девиц, которые ловко ставят капканы молодым людям.

Почти две недели Лисянский в сопровождении матроса осматривал примечательности города, Столовую гору и ее окрестности. Добрые 20 миль отделяли бухту от подножия горы, поэтому часто приходилось уезжать на несколько дней.

В начале сентября «Септр» по приказу Прингля вышел в море.

С голландского судна, вошедшего в бухту, передали, что встретили около острова Святой Елены французскую эскадру.

Спустя несколько дней на горизонте показались неизвестные суда. Барабанная дробь подняла экипаж по тревоге. Капитан решил атаковать неприятеля. Погода стояла ясная, и через час стало явным, что это не военные корабли, а купеческие бриги и шхуны и флаги у них не французские. Капитан Эдвардс выругался:

— Черт побери! На них британские флаги! Отбой тревоги!

Оказалось, что это суда Ост-Индской компании, следующие в Индию. Увалившись под ветер, «Септр» направился к Святой Елене.

Больше месяца пробыл корабль на рейде, и все это время Лисянский почти каждый день бродил по острову. Святая Елена лежит в океане примерно на полпути между Зеленым мысом и Доброй Надеждой и представляет собой вершину горы, поднимающейся со дна океана. Всюду виднелись обгорелые камни и застывшая лава. «Видимо, сие есть производство землетрясения», — отметил в дневнике Лисянский. Весь остров обрамлен горными отрогами.

Вдали от берега, как бы разрезая гору пополам, протянулась

гигантская долина Лонгвуд. На равнине, у самого берега, в зеленой долине у подножия гор и примостился небольшой уютный городок Джемс-Таун. Весь город состоял из единственной улицы с каменными домами, построенными на английский манер, но окрашенными в светлые тона. Жители города составляли в основном чиновники и обслуживающие их люди из Ост-Индской компании. Лисянский — первый русский человек среди них.

С любопытством осматривая город и его окрестности, Лисянский еще не знает, что спустя несколько лет здесь похоронят его знакомого по кругосветному плаванию русского офицера, трагически погибшего на рейде. Минует еще пятнадцать лет — и здесь же в долине между гор найдет свое последнее прибежище Наполеон.

Однажды, возвращаясь вечером на корабль, Лисянский увидел на рейде небольшую шхуну под английским флагом. На борту его встретил встревоженный Баскаков. Он сопровождал Лисянского в прогулках по острову, но много времени проводил в безделье, играя с офицерами в карты, или просто спал.

Взяв Лисянского под руку, он отвел его в сторону, на ют, и вполголоса рассказал:

— Нынче пришла шхуна из метрополии, — Баскаков кивнул на «купца», стоявшего на рейде, — приезжал на гичке[34] капитан, сказывает, бунт в Портсмуте на эскадре приключился большой, среди матросов более двух месяцев продолжалось волнение на разных кораблях. Ныне вроде бы все разрешилось. Некоторые служители казнены, а многие на каторгу направлены.

Еще в Симонс-бей доходили слухи о каких-то беспорядках на английских кораблях, но об этом помалкивали, хотя матросы на эскадре Прингля каким-то образом знали об этих событиях и, видимо, чего-то выжидали.

— Пожалуй, сказывается недовольство англичан правительством, — ответил Лисянский, — война с французами затянулась, а это бремя для простолюдинов. Оттого все наваждение и началось.

Как и во всех портах мира, и на кораблях флотов всех стран, в бухте Святой Елены существовал свой «матросский телеграф».

Капитан шхуны пришел к борту «Септра» на гичке. Гребцы стояли у трапа, и достаточно было перекинуться парой фраз, чтобы в матросских кубриках стало все известно.

Лисянский в тот же вечер заметил хмурые взгляды и какую-то неразговорчивость обычно болтливых матросов. Прежде они держались с русскими офицерами открыто, даже более откровенно, чем со своими соотечественниками. Теперь избегали

их. Вечерами собирались кучками в кубриках, на полубаке, о чем-то спорили. На замечания офицеров стали дерзить.

— Прошу всех офицеров быть осмотрительными, — объявил в кают-компании Боэлс, — проверить арсенал и крюйт-камеру, взять их под контроль.

23 октября «Септр» возвратился в Столовую бухту. Оказалось, что неделю тому назад на кораблях эскадры пытались бунтовать матросы, но адмирал через капитанов кое-как утихомирил команды. Однако зачинщиков не нашли.

Спустя два дня рано утром капитан разбудил всех офицеров и собрал в кают-кампании.

— На «Юпитере», «Резонабле», «Сфинксе», — хмурясь, сообщил Боэлс, — матросы спустили королевские флаги и подняли синие фуфайки.

Баскаков переглянулся с Лисянским. Они уже давно знали, что это верный знак бунта на корабле.

— Адмирал Прингль и офицеры с этих кораблей съехали на берег, сейчас все крепостные пушки наведены на бунтовщиков, и по сигналу они будут без пощады уничтожены, — продолжал капитан. — Прошу всех офицеров забрать оружие из кают и доставить в кают-компанию. Я уже распорядился перенести сюда ружья из арсенала. Прошу всех офицеров заниматься своим делом. В случае бунта на «Септре» — быстро собраться в кают-компании. Вы знаете, что никто не давал матросам повода для недовольства, но дурной пример заразителен.

День прошел в напряженном ожидании. Корабельные работы велись кое-как, а местами и совсем прекращались. Матросы «Септра» взбунтовались вечером. Произошло это стихийно, без вожаков. Офицеры успели поужинать и не расходились.

В кают-компанию вбежал вахтенный офицер:

— Матросы направляются сюда, они требуют открыть корабельный арсенал.

Боэлс хладнокровно скомандовал офицерам — взять ружья, пистолеты и выйти на шканцы. Лисянский без раздумий действовал заодно с офицерами «Септра».

«Бунтари, они везде баламутят, — размышлял Лисянский. — У нас на корабле служат порядочные офицеры и капитан, и повода возмущениям нет. Надобно то зло в корне пресекать».

Со стороны полубака столпившиеся матросы, человек двести, медленно продвигались вперед, но, увидев перегородивших палубу офицеров с ружьями наперевес, остановились. Матросы о чем-то переговаривались. Потом они расступились, выкатили вперед карронаду[35] и что-то крикнули.

— Они кричат, что разметут нас картечью, если мы не пустим

их к арсеналу.

Боэлс, слегка побледнев, выступил вперед.

— Никто не пройдет здесь, пока в живых хоть один офицер, — крикнул он.

Пока шли переговоры, начало быстро темнеть. С полубака к шканцам направились три человека во главе с боцманом. Приблизившись, он сказал, что матросы не хотят кровопролития, их подбивают несколько смутьянов.

— Я берусь, сэр, утихомирить их. Дайте мне час-другой.

Прошло немного времени, толпа матросов постепенно рассеялась, карронаду убрали. Пока выясняли отношения на «Септре», на других кораблях среди восставших начался разброд. Адмирал Прингль направил к бунтовщикам парламентеров и предъявил ультиматум: сдаться и выслать на берег главных виновников мятежа. На размышления адмирал дал два часа, после чего береговые батареи откроют огонь на уничтожение. Не прошло и часа, как мятежные корабли синие фуфайки спустили, а на стеньгах вновь подняли королевские флаги. На берег в шлюпках под конвоем свозили вожаков бунта.

На следующий день на шлюпе, поставленном под прицел береговых батарей, начался военный суд.

Судили тридцать матросов. Шестерых приговорили к смертной казни, остальных к наказанию плетьми. Двух из осужденных матросов — Чипмана и Джемса — казнили на «Септре». Эшафоты соорудили на баке, на крамболах — специальных широких досках, куда укладывают якоря после подъема. С концов нижней фока-реи протянули веревки с петлями на концах. Осужденных доставили на шлюпке под караулом и заперли в капитанской каюте. Потом к ним прошел пастор и исповедовал осужденных.

В 11 часов по сигналу адмиральской пушки, на всех кораблях одновременно, матросов казнили. Тела их в тот же день свезли на берег и похоронили. Чрезвычайная тишина царила в этот день на всех палубах и в каютах.

* * *

Прошли Рождественские праздники 1798 года. Корабли эскадры, сменяя друг друга, уходили на патрульную службу, но «Септр» оставался в бухте. Корпус его дал сильную течь, и адмирал не хотел рисковать кораблем. Воспользовавшись стоянкой, Лисянский съехал на берег. Последнее время чувствовал себя неважно: побаливала голова, что-то тянуло под

ложечкой. Устроившись в гостинице, он каждый день отправлялся осматривать окрестности, где водились разные диковинки — гигантские птицы страусы, маленькие «сахарные» птички и «секретари». Разъезжал он по соседним фермам и плантациям в «вагонах» — огромных фургонах без рессор, крытых парусиной. Побывал он и в центре Капской колонии — Капштадте, но больше всего его привлекали виноградные и фруктовые плантации. Благоприятный климат позволял без особых затрат собирать богатейшие урожаи. Один из плантаторов — некий Руссо — производил больше 130 бочек превосходного вина «мускатель».

Приметил Лисянский — деньги колонистам достаются без больших усилий, «…ежели мысовский житель не приобретет денег, так он верно спит». Вторая сторона жизни, неприглядная, высвечивала во всей своей наготе: рабство. Белые колонисты время от времени устраивали облавы на негритянские поселки. «Узнавши жилища бедных дикарей, оные окружают ночью, когда от испуга ружейных выстрелов сии несчастные бросятся из шалашей своих, то тогда, убивая взрослых, берут в плен молодых, которые остаются навеки их невольниками».

«После сего рассказчик мой, — записал Лисянский, — велел привести в горницу большого мальчика и сказал, что при взятии его убито было до шестидесяти его взрослых соотичей. Какое варварство!»

Но среди обитателей мыса Доброй Надежды Лисянский отыскивал и добропорядочных людей. Как-то в Капштадте он встретил путешествующего немца Беккера, который рассказал ему о своих встречах с известными исследователями Южной Африки Левельяном и Гордоном.

Однажды на берег сошел англичанин Джонс. Он участвовал в экспедиции Броугтона, посланной Адмиралтейством с указаниями капитану Ванкуверу, совершавшему кругосветное путешествие.

— Два года мы бороздили океан, сэр, но так и не встретили Ванкувера. И лишь потом узнали, что мы разминулись с ним.

Февральским утром в комнату Лисянского постучали. Вошел пожилой, изможденный человек, с загорелыми до черноты лицом и руками он походил на мулата. Одежда его была сильно поношена.

— Позвольте, сударь, войти? — спросил он на чистом русском языке и тут же отрекомендовался: — Лебедев Герасим Степанович.

— Конечно, присаживайтесь, пожалуйста, — удивленно обрадовался Лисянский соотечественнику.

С блуждающим, истомленным взглядом, несколько странный,

как показалось Лисянскому, посетитель выглядел очень усталым.

— Я только что прибыл из Калькутты, сударь, и имею честь передать вам поклон от господина Крузенштерна.

— Как, вы видели Крузенштерна? — изумленно воскликнул Лисянский.

— Не только видел, но и много беседовал, — ответил, устало улыбнувшись, Лебедев, — он пришел в Калькутту на фрегате «Луазо», находится в добром здравии и посылает вам привет.

Слушая посетителя, Лисянский с любопытством разглядывал его, стараясь понять, как он попал в Индию. Словно угадав его мысли, Лебедев начал рассказывать о себе:

— Вы, конечно, задаетесь вопросом, откуда взялся сей чудак и что он делал в Индии? Поясню, сударь. Сам я по профессии певец и немного пишущий человек. Тринадцать лет тому назад, странствуя по Европе и зарабатывая на пропитание пением, я получил от одного богатого англичанина предложение отправиться с ним в путешествие в Индию. Будучи по натуре человеком любознательным, я с удовольствием согласился и вскоре оказался в Индии, где и обосновался в Мадрасе.

Лебедева, видимо, мучила жажда. Взяв графин со столика, он отпил вина и продолжил рассказ:

— Познакомившись с коренными языками Индии, увлекся их звучанием и посвятил долгие годы изучению индийских наречий…

К сожалению, пытливость русского следопыта встретила отчужденно-завистливое отношение к нему чиновников Ост-Индской компании. Они всячески надсмехались и третировали Лебедева.

— И вот теперь, сударь, я без копейки денег спешу в Лондон к их сиятельству графу Воронцову. Авось, у него найду защиту.

Проводив неожиданного посетителя, Лисянский записал свои впечатления: «Сего дня адресовался ко мне господин Лебедев, российский музыкант, который пробыл несколько лет в Индии и теперь возвращается в Европу. Я весьма от него был рад услышать, что господин Крузенштерн прибыл благополучно в Калькутту и проводит там время довольно весело. Что же касается до самого Лебедева, то мне не трудно было в несколько часов разговора узнать, что это один из тех характеров, которые немогши жить в своем отечестве от распутства, таскаются по свету, не делая ни малейшей чести нации, к которой принадлежат; коротко сказать, он от долгов уехал из Европы и точно в таком же положении оставил Индию».

Увы, на этот раз Лисянский ошибся. Герасим Лебедев являлся далеко не заурядной личностью, несмотря на все странности его

характера.

* * *

В конце октября 1798 года в каюте Баскакова, переведенного летом на «Резонабль», неожиданно появился Лисянский.

— Ну, Михайло Иванович, вот мы и расстаемся. Уходим завтра, братец мой, в Индию. Там заваруха начинается с индусами. На «Септр» грузят полк солдат и драгун.

— Вот незадача, — досадливо ответил Баскаков. Он уже привык за время совместной стоянки свободные часы проводить с приятелем на берегу. Как-никак единственный товарищ-россиянин в этих краях.

— Попробуй сходи к адмиралу, может, перепишет тебя на «Септр», — посоветовал Лисянский.

Еще в конце прошлого года Прингля сменил адмирал Кристьен, и за все месяцы офицеры ни разу с ним не общались.

Баскаков вернулся от него удрученный и с кислым видом объявил:

— Адмирал наотрез отказал. Здесь служба, говорит, а не пансион девиц.

— Прощай, брат, не горюй, что поделаешь, — успокаивал его Лисянский, — быть может, так и должно. У англичан с офицерами сейчас туго, не токмо с флотскими, но и с сухопутными.

Индия всегда сверкала жемчужиной в английской короне. Теперь там положение резко обострилось. В свое время Ост-Индская компания исподволь подмяла под себя сотню больших и малых индийских князьков, повязав их кабальными договорами. Компания смещала неугодных властителей, присваивала, попросту захватывала все больше земель, устанавливала всюду колониальные порядки. Но среди вассалов встречались и непокорные. Одним из самых главных врагов был правитель южноиндийского княжества Майсора — Типу-султан. Сын знаменитого полководца Хайдера-Али посвятил всю свою жизнь борьбе против владычества англичан. Типу имел отличные войска, пытался создать мануфактуры наподобие европейских. Он хотел объединить и возродить Индийскую империю времен Акбара. Этот человек был бельмом для Ост-Индии, его следовало убрать. Семь лет назад Типу потерпел поражение, но нынче он опять стал сильным, кроме того, несколько лет султану Майсоры помогали соперники Англии — французы. В армии Типу находились даже небольшие отряды французов. Англичане

торопились разделаться с непокорным султаном. Полгода назад в Египте высадились войска Наполеона, перед новым 1799 годом они перешли Суэцкий перешеек и двинулись в Сирию. Франция грозила дотянуться наконец-то до далекой, но столь желанной Индии.

Едва «Септр» отдал якорь на рейде Мадраса, на его борт ловко взобрался полуголый индус и, разыскав капитана, передал ему инструкцию коменданта — на борт никого не принимать и на берег никого не пускать. Власти опасались тайных французских агентов.

Лисянский облокотился о фальшборт. Вечерние сумерки постепенно скрадывали береговую черту уютной мадрасской бухты. Один за другим вспыхивали огоньки на набережной, укрытой густыми кронами деревьев. Дальше проглядывали башни, подобные минаретам, холмы, покрытые лесом.

«Ост-Индия, а почему, собственно, восточная? — подумал Лисянский, — это и есть натуральная Индия. Что знаем мы о ней? Она таит в себе сказочные сокровища, ею правят магараджи, люди исповедовают таинственные культы и следуют непривычным для европейцев обычаям…»

Только на следующий день он съехал на берег вместе с капитаном. Не успели они устроиться в гостинице, как к ним, без приглашения, повалили один за другим сапожники, купцы, портные, предлагали разные товары и безделушки. На смену им появились танцовщицы, «девочки молодые и весьма красивые»…

Наутро Лисянский нанес визиты генерал-губернатору Индии лорду Морнингтону и мадрасскому губернатору лорду Клайву. Русский офицер произвел отрадное впечатление. Незаурядный ум, любознательность, живой характер располагали к общению.

— Рекомендую для полного знакомства с местным обществом побывать у здешнего монарха, навваба аркотского, — посоветовал лорд Клайв, — доступ к нему ограничен, но я дам вам своего адъютанта, он все устроит.

На третий день адъютант пригласил Лисянского к наввабу. Монарх одного из крупных южно индийских государств Карнатика вел расточительный и легкомысленный образ жизни и давно стал заложником Ост-Индской компании. В обмен на крупные займы он раздавал компании земельные участки, право собирать налоги с его обширных владений. Незадачливый властитель, запутавшись в сетях дельцов, полностью от них зависел, жил в Мадрасе по-прежнему в роскоши, но под бдительным надзором англичан.

Миновав многочисленную стражу, Лисянский в сопровождении адъютанта поднялся по широкой мраморной

лестнице во дворец навваба. Они прошли по многочисленным покоям, убранным дорогими коврами, изделиями из золота и драгоценных камней. На каждом шагу встречались телохранители, слуги, придворные, музыканты, фигляры. Вокруг благоухали цветы, журчали струйки фонтанов.

На низкой тахте, утопая в шелку и парче, сидел невзрачный, сморщенный, дряхлый старик. Лицо властелина выглядело безразличным, и довольно глупая улыбка сопровождала каждое его слово. Говорил он, однако, довольно сносно по-английски. Узнав, что Лисянский из России, он встрепенулся и спросил:

— Что заставило вас пуститься в столь далекое странствие?

— Стремление познать жизнь людей разных стран, — ответил Лисянский, — увидеть своими глазами природу в натуре на всех континентах…

Навваб вначале слушал, но спустя несколько минут глаза его потускнели, прикрылись, и он погрузился в дремоту.

Улыбаясь, адъютант сделал знак, и они встали, чтобы откланяться. Навваб встрепенулся, жестом попросил задержаться и хлопнул в ладоши. Подбежавшему слуге он приказал снять со стены булатную саблю и торжественно вручил ее русскому офицеру.

Возвращаясь через многочисленную анфиладу комнат и залов, Лисянскому пришла мысль, что «не всякому можно видеть сего человека, ибо он содержится под стражей у англичан, караул содержится для осторожности, а управляет владением губернатор».

Прощаясь, навваб пригласил русского офицера на большой праздник — свадьбу сына.

На торжество собралось много гостей — индийских принцев, вельмож, английских чиновников и офицеров. Последним под звуки фанфар на богато убранном белом слоне прибыл генерал-губернатор Индии. Следом слуги-индусы несли в раззолоченных палантинах лорда Клайва и высоких чинов английской администрации. Навваб встретил их у входа, и началось празднество. Звучала непривычная восточная музыка, сверкал фейерверк, раздались пушечные салюты в честь новобрачных. Всюду сверкали бриллианты, рубины, изумруды — на одеждах, головных уборах, на оружии и даже на чувяках навваба. Столы ломились от обильных и изысканных угощений. Пленительные танцовщицы непрерывно кружились в искрометных танцах.

«Пожалуй, европейцы здесь живут в удивительной роскоши», — размышлял Лисянский, глядя на блеск торжества…

Благодушное его настроение неожиданно прервалось. Лисянского на следующий день известили: «Септр» скоро

отправится в Бомбей.

— Лорд Морнингтон намерен начать наступление на Майсорского владетеля Типу, — объяснил Лисянскому капитан Эдвардс, — он предусматривает ударить на него с двух сторон. Нам предписано принять восемьдесят четвертую бригаду и перевезти ее в Бомбей. Там же мы сможем встать в док для ремонта.

17 января «Септр» с десантом вышел в море. Встретив эскадру адмирала Рейнира, блокировавшую Майсорские порты, корабль направился в Бомбей. Выгрузив войска, «Септр» встал в док, а Лисянский вместе с офицерами поселился в большом доме на берегу.

Бомбейские правители жили более скромно, чем их мадрасские соотечественники. Кроме индусов здесь проживало много парсов, выходцев из далекого Ирана, не пожелавших после арабского нашествия принять ислам.

Настроение в городе тоже отличалось тревожным ожиданием исхода начавшейся войны. Мало кто сомневался в победе англичан, во много раз превосходящих армию Типу-султана и числом, и особенно вооружением. Некоторые офицеры корабля отправились с войсками, ходили слухи, что на войне можно сказочно обогатиться.

Однажды капитан Эдвардс предложил Лисянскому:

— Наш корабль пока стоит в доке, сэр. Я заметил, вы отлично командуете матросами. Есть возможность проявить себя в настоящем деле. Мой приятель, командир полка, предлагает вам поступить к нему на службу. Скоро предстоят решительные схватки с майсорскими войсками. — Эдвардс изучающе посмотрел на Лисянского. — К тому же вы получите кучу денег, подумайте, сэр.

Лисянскому не было необходимости размышлять по этому поводу, у него давно сложился определенный взгляд на действия англичан в Ост-Индии.

— Благодарю за предложение, сэр, однако не считаю для себя возможным участвовать в сем предприятии. Сие дело сугубо внутреннее, великобританское.

Юрий Федорович не договаривал. Он давно в душе осуждал: «Такое действие англичан несправедливо».

Он продолжал бродить по бомбейским улицам и окрестностям, убеждаясь с каждым днем, что настроение жителей становилось все более тревожным.

Вскоре пришло предписание из Англии — готовиться к блокаде Красного моря, Бонапарт занял Суэц и собирает на побережье Красного моря флотилию. Французы подтягивали

войска в помощь Типу-султану. Но «кажется, сие будет весьма поздно», — заключил Лисянский.

С театра военных действий приходили сообщения о поражениях войск султана. Видимо, дни его были сочтены. Оставаться в Бомбее среди военной истерии становилось тягостно.

Не раз Лисянский слышал от англичан о Новой Голландии — новой Британской колонии на юге Индийского океана. Как раз небольшое военное судно отправлялось туда для описания побережья. Он обратился за содействием к адмиралу. Обычно англичане неохотно допускали иностранцев в свои новые владения, но адмирал разрешил. Русский офицер производил благоприятное впечатление и по отзывам капитана Эдвардса отличается большой пытливостью, а кроме того, в совершенстве владеет английским. Однако события круто изменились.

Накануне отплытия в Австралию пришло письмо из Лондона. «Мая 1-го получил письмо от графа Семена Романовича Воронцова, в котором он поздравил меня с производством в капитан-лейтенанты и советовал как можно скорее возвратиться в Россию», — записал Юрий в журнале.

Весточка, с одной стороны, обрадовала, не каждый день очередным чином жалуют, но в то же время и настораживала. Уже месяц-другой в газетах мелькали сообщения о натянутых отношениях с Россией, а совет посла походил на приказание. Пришлось расстаться с мечтой побывать в незнакомой Австралии. «Итак, боясь дабы не навести на себя гнева начальства, нашел за нужное оставить все свои будущие виды, а повиноваться наставлениям посла, почему того же дня нанял место на купеческом корабле «Лоялисте» до Англии, который вскоре должен туда отправиться. Адмирал Рейнир было предлагал мне ехать на пакетботе в Персидский залив, а оттуда с его бумагами отправиться в Алеппо, уверяя, что с последнего порта мне легко достигнуть будет Европы. Однако я предпринять того не согласился на счет военных обстоятельств и дабы не потерять редкостей, которые приобрел с немалыми трудами в прошедшие семь лет».

Лисянский — следопыт, дорожит своими драгоценностями: океанскими раковинами и кораллами, утварью и оружием, собранными за семь лет скитаний по морям и океанам.

Расставаясь с Индией, он невольно вспоминает мыс Доброй Надежды и красоты Южной Африки, на прощанье любуется экзотикой Бомбея. Прелести природы не укрывают от его взора людские беды простого подневольного народа. «Что в Капштадте, что здесь, в Мадрасе и Бомбее, — размышляет он, — всюду

пришельцы, невзирая на страдания и бедствия местного населения, ищут прибыли поболее и утопают в роскоши».

Купеческий бриг несколько задержался в Бомбее. В пути все время дули противные ветры, из-за чего бриг неделями не выходил в море и только глубокой осенью 1798 года прибыл в Англию.

В посольстве Лисянский почувствовал, что отношения с Англией стали натянутыми. Но зимовать ему пришлось в Лондоне.

— Ввиду позднего времени, холода в Финском заливе вот-вот появится шуга[36], и он замерзнет, — сказал Воронцов, — оставайтесь на зиму здесь.

Оказалось, что Крузенштерн и Баскаков осенью успели уехать в Петербург. Свободного времени хватало, и Лисянский целыми днями проводил его за чтением. Он прочитал все о путешествиях Кука и Бугенвиля, узнал о таинственном исчезновении экспедиции Лаперуза и смерти посланного на его поиски адмирала д'Антркасто. Все они из Европы направились на Восток. Невольно приходила на ум несостоявшаяся экспедиция Муловского, вспомнились рассказы Гревенса, теплилась надежда испробовать себя и отправиться на поиски неизведанных земель. Как-то в разговоре с Воронцовым высказал свои замыслы. Тот скептически усмехнулся:

— Сие, милостивый государь, не для нас, россиян. Кругом света плавать под силу английским капитанам, французам, другим европейцам. — Посол помолчал и добавил: — Кроме прочего, такой вояж требует большого капитала, у нас же, видимо, таких средств нет.

При разговоре присутствовал протоиерей Смирнов. Когда они вышли от Воронцова, он пригласил, как обычно, Лисянского к себе на чашку чая. В беседе обнадежил:

— Ежели у вас намерения серьезные, Юрий Федорович, советую в Петербурге отыскать правление новой Российско-Американской компании. Оно прошлым летом указом царя-самодержца нашего утверждено.

Лисянский ничего не слышал о компании.

— Сие вы достоверно знаете?

— Видите ли, по поручению графа через мои руки много документов в переписке посольской проходит. Бумаг-то много, в Петербурге борзописцев хватает, — они оба улыбнулись. — Но не токмо бумаги. Доверенные люди из компании бывают в Лондоне, суда покупают купеческие, снаряжение для них. Деньгами богата компания.

— Кто же там предводительствует, Яков Иванович?

— Насколько мне известно, первенствующий директор компании Булдаков Михайло Матвеевич, зять покойного Шелихова Григорья, — перекрестился Смирнов.

— Печальная весть, а я и не слыхал о его кончине, — вздохнул Лисянский, — царство ему небесное…

— Однако, по слухам, — помолчав, сказал Смирнов, — всеми делами компании заправляет другой зять Шелихова, действительный статский советник Николай Резанов…

Владельцы лондонских книжных лавок в ту зиму приметили завсегдатая, заезжего симпатичного морского офицера. Каждую неделю он непременно заходил к ним, подолгу листая книги. Всегда спрашивал описания морских путешествий. Однажды он нашел то, о чем спрашивал давно у букинистов, — книгу Джона Клерка «Опыт морской тактики». Он не встречал ее с тех пор, как расстался с Робертом Мурреем в Вест-Индии.

— Эта книга, сэр, стоит дорого, — предупредил книготорговец, — тираж ее невелик, а спрос большой.

Лисянский не пожалел, что истратил несколько гиней. Солидный фолиант с десятками схем он одолел за две недели. Разбирая различные атакующие варианты, выдвинутые Клерком, Лисянский невольно вспоминал и восстанавливал в памяти эпизоды войны со шведами десятилетней давности.

«Возле Гогланда Грейг не завершил виктории разгромом шведов. Его не поняли командиры, — размышлял Лисянский. — В Эландском сражении шведы были на ветре, однако и они, и Чичагов мельтешили и были рады, что обошлось без потерь. Клерк же рекомендует в таких случаях атаковать решительно».

По мере чтения книги в памяти чередой проходили панорамы схваток на Балтике: «В Ревеле Чичагов успешно отбился от шведов, стоя на якоре, но не преследовал их. Под Выборгом тот же Чичагов явно упустил шведов…»

И всюду небрежение или недосмотр от недостатка единого образа мысли и взаимного понимания…

Правда, он помнил и рассказы Круза о Чесменском сражении, слыхал в свое время об успехах Черноморской эскадры, но там действовали незаурядные адмиралы, а успех должен сопутствовать отечественному флоту всегда. Есть о чем поразмыслить, быть может, как раз и недостает анализа, сделанного славным Клерком?

В другой раз ему повезло, купил четыре тома дневниковых записей Лаперуза. Несмотря на войну, через нейтральные страны лондонские книготорговцы регулярно снабжались парижскими изданиями. Не выясненное до сих пор исчезновение экспедиции Лаперуза наводило на размышления своей таинственностью,

волновало многих в Европе, лишний раз напоминало о превратностях судеб моряков.

Перед дальней дорогой

Без малого семь лет не ступал Лисянский на родную землю. Не раз в минувшие годы ловил он себя на мысли о привлекательности иноземной жизни, «ежели бы что-то особенное, — как говорил он, — не влекло меня домой». Прощаясь с Лисянским, протоиерей Смирнов сожалел:

— Завидую я вам, Юрий Федорович, в родимую сторонку возвращаетесь. Здесь-то вроде и опрятно, и достаток есть, а все не то. Разве вот сиятельный граф наш благоденствует. Ему все английское — прекрасно, а наше, российское, ни во что не ставит. Под стать ему и приятель его — адмиральский сынок, ваш брат, офицер, Павел Чичагов. Даром что все английское превозносит, так еще и женился на англичанке. Вы-то, я знаю, из другого теста замешены. Как сказал пиит наш несравненный Гаврила Державин: «Отечества и дым нам сладок и приятен».

Представившись в Адмиралтейств-коллегии, в ожидании назначения Лисянский целыми днями бродил по петербургским улицам, всматривался в озабоченные лица куда-то спешивших людей. За прошедшие годы произошла перемена самодержцев российских. Новый император Павел I круто переложил руль государственной машины. Указы посыпались один за другим — о престолонаследовании и сокращении барщины, запрещении танцевать вальс и кричать кучерам, «казнил без вины, награждал без заслуг». Одни — приближенные его покойной матушки, подвергались опале, другие — ссылке, третьи лишались чинов и званий. Возвысились любимцы императора — Аракчеев, Кутайсов… Среди них был и недалекий вице-адмирал Кушелев, сделавший карьеру в покоях наследника. В 1798 году он стал во главе Адмиралтейств-коллегии. Павел I задумал преобразовать российский флот, но поручил это особому комитету, в котором «не было ни одного энергичного, молодого, знающего морского офицера».

Одним из первых приказов по Морскому ведомству возвратил Морской кадетский корпус из Кронштадта в столицу…

В Кронштадте Лисянский встретился с Баскаковым. В это время Ананий ушел с эскадрой вице-адмирала Макарова в Англию. Братья разминулись в пути. Город изменился мало. Та же грязь на улицах, скученность в ветхих домишках рабочих людей. Корабли на рейде потеряли прежнюю величавость, выглядели понурыми. За год до прибытия не стало адмирала Круза. Давно скончался Курганов. Вместе с Баскаковым пошли в церковь, помянули светлую их память. Назавтра Баскаков должен

был уйти в Ревель.

— Зайдем в буфетную собрания, — предложил Лисянский.

— Как же, жди, — хмыкнул Баскаков, — прикрыл государь офицерское собрание. Офицеру, говорит, служба надобна, а не танцульки. Нынче-то и в Петербург отлучиться без монаршего разрешения нельзя. Айда ко мне.

Встречу отпраздновали по-домашнему — купили вина, закуски. Больше говорил Баскаков, рассказывал о столичных переменах, кронштадтских новостях.

— Понимаешь ли, государь по делам как бы печется о флоте. Затевают в Адмиралтействе постройку новых кораблей, устав написали, штаты флотские ввели, ревизии частые, мздоимцы вроде бы затихли. А с другого конца, Кушелев-то, почитай, четверть века на палубу не ступал, флотских забот не ведает, а всему делу головой поставлен.

Баскаков налил вина, когда выпили, спросил:

— Теперь-то поостыл ты, Юрий Федорович, от гардемаринских затей, надеюсь, побывал в дальних странах вдосталь, утихомиришься небось?

— Вот и не угадал, Михайло Иванович, — озорно улыбнулся Лисянский, — сколь путешествовал, а всего-то и не увидел. Вспомни, Кук и Лаперуз куда стремились? Ну, то-то, и я там должен побывать, а заодно и кругом света обойти. И земли ныне в Америке нашенские — российские. В том вижу свою пользу и Отечеству.

— Ты, пожалуй, не одинок в своих задумках, — помолчав, сказал Баскаков, — вот Крузенштерн еще в Лондоне, когда возвращались, грозился рапорт написать в Адмиралтейств-коллегию о том же. Только Кушелев, видимо, и слушать его не схотел.

— Вот как? — удивился Лисянский, — надобно расспросить его.

— Нет его, в море ушел. Сам-то ты теперь куда?

— Как прикажут, а осенью засяду за Джона Клерка, надобно многое сделать, одних чертежей более полусотни вычертить…

Летом Лисянский находился в кампании с флотом у Красной горки, а когда эскадра встала на зимнюю стоянку, принялся за перевод.

Еще в середине лета возвратился с эскадрой из Англии Ананий.

— Государю не по нраву пришлась британская политика. Во всем свою выгоду англичане ищут, — рассказал Ананий, — Мальту к рукам прибрали, бескровно, а успехи эскадры Ушакова на Средиземном море к своей пользе обратили да и на морях

начали без прав всех досматривать.

Встретился с долговязым Крузенштерном. Держался он несколько чопорно, но вид у него был грустный.

— Было дело, — ответил он на расспросы Лисянского, — отослал я свои соображения о пользе для России морского пути на Камчатку. Хотел даже лично приехать и доложить, не разрешили. Но ты же знаешь нашу российскую волокиту. Даже более слыхал, предложение мое отвергнуто. Однако и ты, говорят, намереваешься в те края отправиться? А я, грешным делом, об отставке помышляю…

— Охота имеется, — ответил Лисянский, — однако подступиться к этому не так просто, к тому же занят я сейчас весьма другим делом…

После Рождества Ананий передал поклон от Карла Гревенса:

— Мы с ним часто тебя вспоминали во время крейсирования эскадры у Текселя, он командиром на «Всеволоде». Приглашает в гости.

Пошли к нему вдвоем. Встретились как старые друзья, хотя не виделись лет десять.

Гревенс, выслушав Лисянского, посоветовал:

— Ежели будете в Петербурге, Юрий Федорович, зайдите в правление Российско-Американской компании, что у Синего моста. Сие предприятие силу набирает. Многие важные сановники акционерами в нем состоят. У них и суда находятся в собственности. Наверняка они испытывают нужду в капитанах.

Немного подумав, добавил:

— Адмирал Мордвинов к этим делам, я слыхивал, неравнодушен. Хотя он нынче и в немилости у государя, однако вниманием пользуется великим.

Зима была уже на исходе, кое-где темнели разводья во льду. В Кронштадтском порту необычно рано начали вдруг вооружать рангоут и ставить такелаж на некоторых судах.

Прошел слух, что будто бы собирается в дальний путь кто-то из царствующих особ.

Не прошло и двух недель, как все сразу выяснилось. Из столицы прибыл курьер с известием о внезапной кончине Павла I и вступлении на престол Александра I.

Царствующей особой оказался наследник. С его благословения отца отправили на тот свет заговорщики — приближенные царя. В Кронштадте же на случай неудачи его ждал фрегат, чтобы доставить к устью Темзы.

Европа никогда не оставалась безучастной к владельцам трона на Руси. Весьма явственно это проступило во время становления государства Российского — сначала Лжедмитрий,

затем цесаревич Алексей, послепетровская чехарда… Все это преследовало одну цель — ослабить Россию.

Нынче же смертельная угроза нависла над Британией. Оказалось, что Павел I, охладев к англичанам, все более сближался с новоявленным императором Наполеоном и приступил к «страшному для Англии предприятию — отправлению войск сухим путем для вторжения в английские владения Ост-Индии».

В январе атаман войска Донского генерал Орлов получил приказ — идти в Индию. В начале марта часть 35-тысячного отряда донцов переправилась через Волгу. В Астрабаде к ним должны были присоединиться французы. Доставить их туда предполагалось на русских судах по Дунаю, Дону, Волге в Каспийское море.

Такой оборот событий таил смертельную угрозу Великой Британии.

Сообщения посла Воронцова вызвали тревогу в Сен-Джемском кабинете. Тревога переросла в панику, когда узнали о высылке из Петербурга 1 февраля 1801 года английского посла Витворта.

Но тот появился вскоре неподалеку, в Копенгагене, и умело запустил механизм созданного с его помощью заговора.

В ночь с 11 на 12 марта злой рок судьбы настиг Павла I — императора попросту убили в своей же спальне. А что же Россия? Как-то все обошлось. У кормила номинально занял место «властитель слабый и лукавый». Держава без надежного лоцмана, то и дело натыкаясь на мели, неуклюже поплыла дальше, по течению бытия человечества. Иногда на пути острые камни разворачивали «брюхо», но его кое-как «латали» и двигались дальше. Господа правители веселились напропалую в кают-компании, благо трюмы были еще вдосталь заполнены припасами, пожалованными матушкой-природой. Державу справа и слева ловко обгоняли соседи ближние и дальние, отталкивая в сторону, а порой норовя при случае нагло схватить с палубы что-нибудь лакомое…

К власти пришли новые люди, но морское ведомство по-прежнему возглавлял адмирал Кушелев. Как обычно, эскадра готовилась к кампании, вооружались корабли. Лисянский принял под команду фрегат, 32-пушечный «Автроил». На море наконец-то установилось затишье. Успокоившись, Англия отозвала эскадру Нельсона из Финского залива, которой вменялось в случае отправки русских войск в Индию атаковать русские корабли.

Плавание «Автроила» в составе эскадры ограничилось обычными парусными и артиллерийскими учениями. Используя длительные якорные стоянки, Юрий Федорович ночи напролет

просиживал над переводом книги Клерка. Завершалась кампания, и перевод книги был готов. Осталось вычертить десятки схем — в этом помог Ананий. Работа над книгой подходила к концу, и Лисянский обратился к адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову с просьбой издать книгу. Не прошло и месяца, как Лисянскому доставили конверт из Адмиралтейств-коллегии.

«Переводимая вами книга есть весьма важная, — сообщал вице-президент Адмиралтейств-коллегии. — По письму вашему порадовался я, что вы приводите ее к окончанию, которую я и сам намерен был отдать в перевод. И потому я покорно прошу вас по окончании оного прислать ко мне для отдачи в Комитет, где надеюсь, что она по важности своей одобрена будет и труды ваши не останутся тщетными».

Лисянский обрадованно протянул письмо Ананию.

— Гляди-ка, без волокиты отписал адмирал, не в пример Кушелеву, который морочил голову Крузенштерну. Надобно ему посоветовать обратиться к адмиралу Мордвинову, — сказал Ананий. — Кстати, я слышал, что Крузенштерн уже отъехал в свое имение. Поговаривали, что он жениться собирается.

— Вот как? — удивился сначала Юрий Федорович, а потом сказал: — Стало быть, время приспело. Однако женитьба дело хлопотное, а главное, требует состояния, которого у него в достатке…

Адмирал Мордвинов не ошибся. Рукопись перевода получила похвальную оценку у всех членов Адмиралтейств-коллегии, но окончательное решение принималось «высочайшим мнением».

В делах флотских император сведущ не был, тем более в тонкостях морских наук. К тому же после занятия престола многие вельможи из ближайшего окружения частенько высказывали суждения о ненужности флота для России. Не утруждая себя чтением, Александр I бегло пролистал рукопись. Однако подданным требовалось обязательно высказать свое мнение, и при очередном докладе вице-президента Адмиралтейств-коллегии император безучастно произнес:

— Книгу, переведенную Лисянским, я прочитал. Нужно бы рассмотреть, верен ли перевод и с пользой ли ее можно выдать в печать…

Накануне Рождества Лисянский вернулся из Петербурга в радостном возбуждении. Он с порога схватил Анания в объятия:

— Слава богу, братец любезный, государь книгу одобрил в печать. — Он схватил шапку, — побегу-ка за шампанским.

Началась зима 1802 года в издательских хлопотах, приходилось чуть не каждую неделю ездить в Петербург. То редактор требовал пояснения непонятного текста, то корректоры

выковыривали каждую запятую, правили текст, гравировщики обращались с вопросами в отношении схем.

Однажды коротким зимним днем чуть не столкнулся на улице с Крузенштерном. Поневоле обнялись. Оказывается, Крузенштерн приезжал узнать судьбу своего письма в Адмиралтейств-коллегию об организации экспедиции к берегам Русской Америки.

— Помнится, Иван Федорович, ты свой проект еще Кушелеву и Соймонову представлял, — заметил Лисянский.

— То было, — печально ответил Крузенштерн, — но оставлено без ответа до сих пор. Нынче подал заново свои предложения. Последняя надежда на адмирала Мордвинова. А впрочем, — Крузенштерн усмехнулся, — можешь поздравить меня, Юрий Федорович, недавно я женился.

— Жениться не все веселиться, — от души рассмеялся Лисянский, — сердечно поздравляю.

Они прошлись еще немного, и Крузенштерн сказал:

— Ежели не получу удовлетворительного ответа на свои предложения, пожалуй, выйду в отставку. Займусь хозяйством, а может, пойду учительствовать в Ревельскую гимназию.

Крузенштерн вспоминал о своих предложениях, отправленных в Петербург из Лондона. Пребывание в Кантоне навело его на мысли о выгоде России торговать мехами с Китаем морским путем. За год жизни в Китае, присмотревшись к европейским купцам, он подал свои предложения в Адмиралтейств-коллегию, адмиралу Кушелеву.

«В бытность мою в Кантоне, — писал Крузенштерн, — в 1798 и 1799 годах, пришло туда небольшое, в 90 или 100 тоннов, Английское судно от Северо-западного берега Америки. Оно вооружено было в Макао и находилось в отбытии из Китая 5 месяцев. Груз, привезенный оным, состоял в пушных товарах, которые проданы за 60 000 пиастров». Как видно, деньги немалые. Но Крузенштерну известно, что русская меховая торговля с Китаем происходит невыгодным сухопутным путем через всю Сибирь.

Возвратившись в Европу из Китая в 1799 году на корабле, по прибытии в Англию он просил позволения приехать в Россию, где надеялся «начертание» свое подать лично президенту Коммерц-коллегии. Но разрешения на приезд в Петербург не последовало, и Крузенштерн отправил свой проект Кушелеву. Вначале Крузенштерн указывал на возможность организовать правильное морское торговое сообщение между Европейской Россией и Американскими колониями. «Владение Камчаткою и Алеутскими островами подает, уповательно, средство к пробуждению

Российской торговли от дремоты, в коей искусная политика торгующих Европейских держав старалась долгое время усыплять ее с удачным успехом». Описав кратко русские промыслы зверя на Тихом океане и указав все трудности, которые приходится преодолевать предприимчивым людям, Крузенштерн показал, от каких выгод отказывается Россия, предоставив монополию на торговлю морем иностранцам. Он предлагал послать из Кронштадта к северо-западному берегу Америки два корабля, нагрузив их снастями и инструментами, нужными для построения судов, а также взять искусных кораблестроителей и учителей мореплавания, снабдив их картами и астрономическими приборами. Все это, по мнению Крузенштерна, дало бы возможность русским поселенцам на североамериканском берегу строить хорошие суда для того, чтобы возить меха морем прямо в Кантон и, взяв там нужные товары, отвозить их обратно в Америку. Корабли же, приходящие из Европейской России, взяв в Кантоне китайские товары, на обратном пути могли бы заходить в Батавию или Индию для закупки товаров, нужных в России. «Через сие можно бы было достигнуть до того, чтобы мы не имели более надобности платить англичанам, датчанам и шведам великие суммы за Ост-Индские и китайские товары».

Не забыл Крузенштерн и своих сородичей: «При таковых мерах скоро бы пришли Россияне в состояние снабжать сими товарами и немецкую землю дешевле, нежели англичане, датчане и шведы, потому что для них построение, оснастка и содержание судов стоит гораздо дешевле и что они покупают товары за наличные деньги».

Далее Крузенштерн предлагал возвысить русский флот посредством дальних плаваний до уровня лучших иностранных флотов. Россия должна догнать иностранные флоты, и в частности, английский флот, в искусстве дальних плаваний. Для этого предлагал брать в Морской кадетский корпус юношей не только из дворян, но и из других сословий. Особенно предлагал он обратить внимание на корабельных юнг.

«Сим образом можно было бы приобресть со временем людей, весьма полезных для государства».

Как видно из основных положений доклада Крузенштерна, думая об интересах державы, на первое место он выдвигает коммерческие дела, и это вполне закономерно. О каких-либо замыслах кругосветного вояжа речи вовсе не велось.

А что же Лисянский? Он по-прежнему живет мечтой о кругосветке. И еще он знал твердо, что жизнь его крепким морским узлом повязана с морем. Будто о нем писал замечательный русский писатель Иван Александрович Гончаров,

побывавший в дальнем вояже на фрегате «Паллада»:

«Искренний моряк — а моряки почти все таковы — всегда откровенно сознается, что он не бывает вполне равнодушен к трудным и опасным случаям, переживаемым в море. Бывает у моряка и тяжело и страшно на душе, и он нередко, под влиянием таких минут, решается про себя — не ходить больше в море, лишь только доберется до берега. А поживши неделю, другую, месяц на берегу, — его неудержимо тянет опять на любимую стихию, к известным ему испытаниям».

В крещенские морозы Лисянский встретил в Адмиралтейств-коллегии капитана 1-го ранга Гревенса. Разговорились, вспомнили «Подражислав».

— Карташева не забыли? — спросил Лисянский. — Прошлой осенью застрелился, сказывают, жестоко пострадал от женщин.

— Жаль человека, — грустно сказал Гревенс и переменил разговор. — Слыхал, вы с ним знатно послужили в свое время в британском флоте, где только не побывали! Помните, все грезили вояжами дальними?

— Как сказать, — ухмыльнулся Лисянский, — повидал-то многое, но лишь там, куда службою направлен был, разве что в Соединенных Штатах по своей воле находился. По правде сказать, Карл Ильич, нынче флотская служба малопривлекательна, на Красногорском рейде всю кампанию паруса сушим.

— За чем дело встало, Юрий Федорович, не мешкайте, идите к Синему мосту в Российско-Американскую компанию, — посоветовал опять Гревенс. — А насчет службы я с вами, пожалуй, согласен. Всякий вкус понемногу теряется, глядя на запустение кораблей. А все от высшего начальства равнодушие проистекает.

— Карл Ильич, спасибо за совет, — поблагодарил Лисянский, — насчет компании я уже слыхивал кое-что. Сказывают, флотским офицерам вскорости дозволят переходить на службу для плавания на судах компании, но, видимо, протекция надобна.

— Наилучшая протекция для вас, Юрий Федорович, ваша прежняя служба. Знаю только, что всему голова в той компании Николай Петрович Резанов. Помню, лет пять назад он правил канцелярией в Адмиралтейств-коллегии у графа Чернышева.

Гревенс верно подметил верховенство Резанова в делах компании. После кончины Шелихова Резанов стал фактическим хозяином компании. Он подал Павлу I докладную записку, предложив создать единую монопольную акционерную компанию для развития торговли и поселений в Америке и других землях Восточного океана. Император утвердил его проект, образовал Российско-Американскую компанию. «…По открытии из давних

времен российскими мореплавателями берега Северо-восточной части Америки, — говорилось в указе, — начиная от 55 градусов северной широты и гряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг — к Японии, и по праву обладания оных Россиею, Мы всемилостивейше позволяем пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на северо-восточном берегу Америки, от вышеозначенного 55 градуса до Берингова пролива и за оный, такоже на островах Алеутских, Курильских и других по северо-восточному океану лежащих… Делать ей новые открытия не токмо выше 55 градусов северной широты, но и за оный далее к югу, и занимать открываемые ею земли в российское владение на прежде предписанных правилах, если оные никакими другими народами не были заняты и не вступали в их зависимость».

В конце 1800 года правление компании из Иркутска перевели в Петербург. Прибыльные дела компании привлекли внимание высокой знати и царской семьи. Акционерами компании стали сам Александр I, один из главных попечителей и президент Коммерц-коллегии граф Николай Румянцев, сын прославленного полководца фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского. Среди акционеров оказались и моряки, в их числе адмирал Мордвинов.

В конце января 1802 года на докладе у вице-президента Адмиралтейств-коллегии Мордвинова по поводу издания своей книги побывал Лисянский. Здесь он узнал о подготовке кругосветного плавания и сразу же сообщил об этом Крузенштерну.

«Книга моя уже приведена к концу. Комитет ее разсмотрел и одобрил, теперь только стоит переплести и отдать Николаю Семеновичу для представления государю. Мне бы хотелось, чтобы посвятить свои труды нашему славному вице-президенту, но он отозвался тем, что столь важная книга непременно должна быть поднесена самому императору, уверяя, что при поднесении он употребит всевозможное старание, дабы я был по важности моих трудов вознагражден. Он публично сказал, что до сего времени мы не имели совершенства в еволюции судов. Чего я могу ожидать! Дай Бог, чтоб он исполнил свое обещание, мне не надо ничего, окроме денег».

Желание вполне закономерно. Лисянский поиздержался при подготовке книги к изданию, да и жалованье у офицера не ахти какое.

А вот и главное известие:

«За новость тебе скажу, что Николай Семенович хочет зделать експедицию морем в Камчатку. Гавриле Андреевичу приказано дать план, каким образом доставить разные потребные материалы

в Охотск, на что он и написал, что нужно иметь 4 судна, которые, погрузя нужные вещи, могут их доставить гораздо дешевле, нежели сухим путем. Признаюсь, что ета експедиция будет весьма интересна и я очень хотел бы в ней участвовать. Ежели дадут вооруженное судно или фрегат, которой Сарычевым полагается для конвою вышеозначенных малых судов (которой воротится назад), то с радостью».

Лисянский не скрывает своей радости. Он готов отправиться немедля, но при условии «воротиться назад», то есть совершить кругосветный вояж.

Спустя три недели Сарычев уже докладывал Мордвинову свой проект.

Что же за план предлагает капитан-командор Гаврила Андреевич Сарычев, восемь лет плававший в экспедиции вместе с Биллингсом в Ледовитом и Великом океане — от Колымы до Алеут, Америки, Охотска?

«Донеся вашему высокопревосходительству о затруднениях и великих издержках предполагаемого в Охотске построения транспортных судов, осмеливаюсь объяснить мнение мое о выгоде отправления морем кругом мыса Доброй Надежды построенных здесь судов или купленных в Англии готовых: 1) сии суда обойдутся в несколько крат дешевле предполагаемых строить в Охотске; 2) что они через один год могут быть уже в сем порте, а те и в три года не придут к окончанию; 3) что на оных можно отправить все нужные для Охотского порта материалы и снаряжение с такой выгодою, что в десять раз дешевле будет стоить против доставления берегом».

Но Сарычев предвидит и возражения перестраховщиков из Морского ведомства: «С перваго виду представиться должны опасности и затруднения в переходе великого пространства морей, по коим россияне в первый раз должны совершить плавание, но когда взять в пример, что в самые не просвещенные времена мореплавания Васко да Гама и его последователи безопасно ходили по сим неизвестным еще тогда морям, то можно ли усумниться плавать по оным ныне, когда навигация доведена до совершенства и когда всем тем морям есть вернейшие карты с полными наставлениями для плавателей.

Я уверен, что многие морские российские офицеры с великою охотою примут на себя управление теми судами, кои отправятся сим путем и докажут примером, что для них плавание в Ост-Индию не опаснее, как и в Балтике. Для защищения сего транспорта нужно, чтобы одно вооруженное судно прикрывало его от нападения корсаров, или можно отправить оной под защитою Ост-Индских иностранных судов, идущих в Кантон».

Предложения Сарычева заманчивы, но и они не отвечают замыслам Лисянского в полной мере. Да и ему известно, что у Морского ведомства нет средств на такой вояж.

В апреле 1802 года вышел именной указ императора, по которому «позволено было морским офицерам, кто пожелает, не выходя из флотской службы, вступить в Российско-Американскую компанию», чем немедленно воспользовался Лисянский и обратился в компанию.

Его принял первенствующий директор Михаил Булдаков, свояк Резанова.

— Что привело вас к нам, милостивый государь? — приветливо спросил он Юрия Федоровича.

…В правлении компании доброжелательно относились к морякам — возрастала потребность в компанейских судах, иноземцы ломили большие деньги, да и найти их было хлопотно. Еще прежний правитель Григорий Шелихов по совету капитана-командора Г. Сарычева, члена компании, хотел послать компанейские суда «морем кругом света, начав сие путешествие от Архангельска или С. Петербурга, но тогдашние обстоятельства не допустили исполнения его намерения». Каждый год компания терпела большие убытки от доставки припасов «сухим» путем. «Во время пути редкий год чтобы не гибло до 15 000 лошадей по причине трудного по горам и болотам переезду». Но при доставке добытой пушнины из Америки в Охотск или Кантон часто погибали плохо оснащенные суда. В 1799 году затонул фрегат «Феникс», и на Алеутах осталось лишь несколько малых судов. В последнее время доходили слухи о нападениях на поселения русских на острове Ситха… Учитывая эти обстоятельства, правление компании намеревалось купить добротный корабль, загрузить его и отправить в Америку. Об этом и прослышал недавно Лисянский и поэтому ответил директору:

— Я имею сведения, что ваша компания нанимает офицеров флота для дальнего вояжа.

— Присаживайтесь, господин офицер, — оживился Булдаков, — вы, верно, осведомлены, три недели назад по высочайшему указу к нам уже определились на службу господа офицеры — лейтенант Хвостов и мичман Давыдов. Нынче они уже в пути на Камчатку, но, к сожалению, лишь сухим путем.

— Я знавал Хвостова, помню его еще по Морскому корпусу, — обрадовался Лисянский.

Между тем Булдаков, внимательно приглядываясь к Лисянскому, спросил:

— Позвольте кратко узнать вашу службу-с.

Выслушав Лисянского, Булдаков одобрительно сказал:

— Вы нам полностью подходите, господин капитан-лейтенант. В скором времени компания намеревается направить в Америку судно, но ждет подходящего случая. Прошу вас убедительно наведаться к нам не позднее чем через две-три недели.

Лисянскому пришлось по душе высказывание директора компании. Однако предстоящая служба меняла прежний уклад жизни, и он спросил:

— Хотелось бы знать предварительно условия вашей компании.

— Вы будете начальствовать над компанейским судном, — ответил Булдаков, — нагрузив различные вещи в Петербурге, отвезете их в селения нашей компании в Америке, там заберете товар и переправите оный в Кантон. После чего возвратитесь в Санкт-Петербург. Конечно, ежели потребуется помощь нашему правителю Баранову, то сию окажите. А кроме того, по пути можете отыскивать неизвестные земли и делать все на пользу Отечества…

Вскоре состоялось общее собрание акционеров Российско-Американской компании, присутствовал президент Коммерц-коллегии граф Николай Румянцев. Резанов доложил об отправке обозов в Охотск, подготовке разного снаряжения и материалов к перевозке к берегам Восточного океана.

— Довольно дорого обходятся наши доставки по Сибирскому тракту. Везем по большей части необходимые материалы, недорогие, но весьма тяжелые, и перевозка вылетает в копеечку. Тысячи лошадей, сотни телег в пути обновлять приходится…

Не первый раз акционеры вели разговоры о непомерных расходах из-за отсутствия надежного сообщения морем с американскими колониями. В конце концов они пришли к единодушному мнению — снарядить нынешним летом судно для посылки к берегам Америки.

— У нас уже и офицеры есть на примете, изъявляют просьбу для посылки их туда, — сказал в перерыве собрания Булдаков.

— Кто же такие? — поинтересовался Резанов.

— На днях принимал капитана Лисянского, — ответил Булдаков, — на примете их высокопревосходительства адмирала Мордвинова он тоже состоит.

— Подтверждаю, сей опытный капитан, — отозвался о Лисянском Мордвинов, — много лет плавал в Английском флоте в Ост- и Вест-Индию, в Африке и Америке побывал. К тому же вдумчивый и любознательный. Ныне по высочайшему соизволению печатается его перевод английского ученого трактата по морской части. Есть на примете, — добавил

Мордвинов, — также капитан Крузенштерн, его соплаватель. Нынче представил занимательный проект о пользе плавания в Великий океан.

— Такие офицеры нам потребны, — высказался президент Коммерц-коллегии граф Румянцев, — российскому флоту давненько пора в кругосветные вояжи отправляться, не токмо коммерции, но и науки и прославления Отечества для.

Но Румянцеву давно известно о нехватке моряков в компании для доставки грузов и людей на Аляску.

— Принуждены для сих целей нанимать иноземцев за немалые деньги, — сетует он.

— Все правильно, ваше сиятельство, — взял слово Михаил Булдаков, — нет у нас покуда в Америке знатных капитанов и матросов. Прошлым месяцем Баранов писал о погибели в море фрегата «Феникс» с богатым грузом. На Кадьяке теперь одно судно, из Охотска отправляем ныне туда бригантину. Но сего мало.

— Михайло Матвеевич верно сказывает, — перебил свояка Резанов, — тот же Баранов доносит, что англичане и бостонцы из Америки, имея много судов, перехватывают в наших землях всю выгоду меховую.

Румянцев терпеливо выслушал их, помолчав, сказал Булдакову:

— Готовь-ка, Михайло Матвеевич, докладную записку государю императору. Изложи все пункты из доношения Баранова. Присовокупи, о чем здесь мы судачили и беспременно укажи, что компания наша находит необходимым приступить нынче же безотлагательно к отправлению транспортов своих в Америку, кругом света.

* * *

Из «Российско-Американской компании Главного правления всеподданнейшего донесения»:

«Давно уже всемилостивейший государь столь ощутительны от отправления из Балтики в Америку судов выгоды, но неопытность людей, недостаток познаний и недовольно сильные капитаны всегда останавливали компанию в сем толико знаменитом ее подвиге…» А нынче «англичанин Макмейстер, ходивший 9 лет на судах в Восточную Индию, явился в правление компании, предложил услуги свои и просит принять его в службу компании сопричислив его числу Вашего Величества верноподданным… Российско-Американская компания повергает

к освященным стопам Вашего Императорского Величества и ожидает высочайшего решения».

Макмейстер, однако, брался лишь за «экономические заведения — устроить порт на Курильских островах, завести на Алеутах хлебопашество и скотоводство, кораблестроение, начать торговлю с Японией».

Директора вспомнили о Лисянском.

— Вызывайте-ка Лисянского, — посоветовал первому директору Резанов, — оформляйте его на службу компании без промедления.

Спустя несколько дней на столе Булдакова лежал рапорт капитан-лейтенанта Лисянского:

«Я имею желание вступить на службу Компании на следующих условиях. Чтобы служить мне на одном из компанейских кораблей, начальником оного вояжировать от С. Петербурга до Российских владений в новой части Америки, оттуда в Кантон и обратно в С. Петербург, находясь под начальством Главного управителя, коллежского советника Баранова, повинен я по его приказанию служить на море, где только польза Американской компании потребуется, как-то описывать и открывать неизвестные места, посещать уже доселе открытые и одним словом воспомоществовать ко всему, что мне для пользы компании сопряженной с пользой отечества нашего… Следуя инструкциям и соответствию сему соглашению, обязуюсь исполнять сие, как благородному человеку, носящему звание штаб-офицера и усердному сыну отечества прилично».

Наконец-то Юрий Лисянский близок к осуществлению давней мечты — «служить мне на одном из компанейских кораблей, начальником оного вояжировать от С. Петербурга до Российских владений в новой части Америки, оттуда в Кантон и обратно в С. Петербург».

Без колебаний Лисянский подписывает контракт с компанией и не откладывая начинает подготовку к плаванию. Как заметил официальный историк компании П. Тихменев: «Лисянский изъявил желание принять на себя командование еще при первом предложении послать в колонии одно только судно».

Вместе с англичанином Макмейстером готовят они предложение о покупке и снаряжении судна, но вдруг произошла заминка. Как часто бывает, в ход событий вмешалась женщина.

Летом 1802 года Румянцев пригласил Резанова и вручил ему прошение компании с резолюцией Александра I:

— Поздравляю вас, милостивый государь, слава богу, ходатайство правления высочайше утверждено его императорским величеством, можете действовать.

Обрадовавшись, Булдаков вызвал Макмейстера, объявил ему волю императора о принятии его в подданство. Однако тот вдруг пошел на попятную, так как «мореходец сей, убежден будучи просьбами жены своей, отрекся вступить в сие подданство, а потому и от службы в Компании ему отказано».

На очередном заседании правления обсуждали, как быть дальше. Время уходит. Надо поручить подготовку судна Лисянскому, так советует и капитан-командор Сарычев.

Слово попросил почетный акционер компании адмирал Мордвинов:

— Капитану Лисянскому сие по плечу. Однако давно хочу рекомендовать, да все недосуг: надобно отправить в кругосветное плавание не одно судно, а два. Так поступают для надежности, в случае несчастья с одним кораблем. Кроме Лисянского у меня уже есть готовый и другой капитан, как я сказывал ранее — Крузенштерн.

— Так приглашайте его, ваше сиятельство, — нетерпеливо сказал Резанов, — и тогда самое время приспело окончательно обратиться к государю о дозволении послать на Аляску экспедицию. В том посодействует вам их сиятельство граф Румянцев.

— Так-то оно так, — недовольно заметил Румянцев, — но государю сие надобно передокладывать заново.

— Вам оно с руки, граф, — ответил примирительно Мордвинов, — вы наш покровитель, токмо потребно теперь просить монаршее благоволение на экспедицию. Одним судном нам не обойтись.

В первых числах августа Румянцев докладывал Александру I записку о состоянии Российско-Американской компании.

Листая записку, император вставлял изредка замечания, иногда задавал вопросы.

Прочитав сначала подробное изложение о трудностях, энергичных действиях в Америке правителя Александра Баранова, император черкнул на полях: «Жалуем его за усердие коллежским советником».

Дальше предлагалось для подкрепления дел отправить экспедицию:

«Компания находится в необходимости приступить к отправлению ныне в Америку транспортов своих от Сан-Петербургского порта и, всеподданнейше представя Вашему и. в-ву нижеследующие от того пользы, испрашивать на сие высочайшего соизволения».

— Пожалуй, я согласен, — благосклонно заметил Александр.

На нескольких страницах излагались доводы, обоснования и

льготы от торговли на судах компании.

«Компания может открыть в Кантоне весьма выгодный для России торг, который по утверждению там флота капитан-лейтенанта Крузенштерна китайцы охотно желают, — читал вслух император, — по уверению бывшего там того же господина Крузенштерна, все порты и народы наиблагосклонно принять готовы, и тогда можем мы со временем привозить сахар, кофе, индиго и протчее к Петербургскому порту». Александр оторвался от чтения:

— Вот пускай Крузенштерн и верховодит этим делом, коли он знает в нем толк. Кроме того, вы просите снабдить компанию достойными служителями и поминаете об искусных флотских офицерах, кои к вам объявили желание наняться, кто же таковые?

— Ваше величество, верно угадали. Первый из них нынче флота капитан-лейтенант Лисянский.

Император, вспомнив, слегка улыбнулся:

— Как же, помню его недавний перевод с английского полезной книги о тактике. Граф Николай Семенович мне докладывал.

В тот же день Румянцев обрадовал нетерпеливых членов правления компании:

— Донесение наше высочайше утверждено. Так что, Николай Семенович, приглашайте Крузенштерна.

— Ныне Крузенштерн в Ревеле, будто в отпуску, но я вызову его немедля и дам вам знать, — ответил адмирал.

Крузенштерн немного задержался, а явившись, несколько озадачил Мордвинова.

— Я, ваше высокопревосходительство, более полугода как женат, — пояснил Крузенштерн, — вскоре готовлюсь стать отцом и, откровенно, вознамериваюсь оставить службу.

— Подумайте, милостивый государь, — досадуя, ответил Мордвинов, — в таком случае сие предприятие будет проведено без вашего участия. У компании уже есть один командир судна — капитан-лейтенант Лисянский.

Поразмыслив, Крузенштерн согласился.

Узнав о перипетиях и сомнениях — кому быть начальником, Лисянский добровольно уступил первенство своему товарищу, хотя по регламенту флотской службы именно Лисянскому положено по старшинству стажа на флоте возглавить отряд кораблей.

Получив сообщение Крузенштерна, он сразу же откликается: «По письму твоему сей же час отвечаю. Радуясь, что ты назначен командиром в столь славную экспедицию, весьма был щастлив, чтобы с тобою вместе служить, но не знаю можно ли. По

нещастью я в списках стою тебя выше. Ежели возможно, чтобы через твое прошение или давши тебе чин, поставили тебя выше меня, с превеличайшим усердием. Ничего сравнится не может с удовольствием, чтобы служить под командою моего только друга. Делай что можно. Ты знаешь мой план в разсуждении похода морем в Камчатку, но послушай, не забывай что мы должны зделать себе выгоды, так же как и отечеству, будем пунктуальны. Ежели я пойду, то хотел бы иметь с собой человек 3 офицеров выборных».

Кажется, все ясно, Крузенштерн должен был сам просить назначить себя начальником. Но для Лисянского верховодство не имело значения. Главное — идти в кругосветный вояж, он только оговаривает непременное условие — офицеров на свой корабль отбирать лично самому.

Но его однокашник Крузенштерн спустя десять лет совсем по-иному трактовал свое назначение. И даже с долей высокомерия:

«Выбор начальника другого корабля предоставлен был моей воле. Я избрал капитан-лейтенанта Лисянского».

Однако же участник кругосветного вояжа Федор Шемелин отметил это событие беспристрастно и соответственно истине:

«По сему поводу Крузенштерн был тогда приглашен компаниею командовать другим судном на тех же условиях, как Лисянский, но как старшему из них для порядка надлежало начальствовать над всею экспедицией, то к сему хотя имел право по старшинству Лисянский, но он сам уступил первенство свое Крузенштерну. На сие компания была также согласна, а Крузенштерн в ожидании дальнейшего исполнения сей Экспедиции отпущен был обратно в Ревель».

* * *

Забот навалилось немало. Главная — где брать корабли? Компания имела деньги, но в Кронштадте надежных судов не оказалось, и правление решило закупить суда за границей. Выбор судов и закупку всего необходимого имущества, инструмента и оборудования компания поручила Лисянскому.

— Суммы вам выделены немалые, господин капитан-лейтенант, — напутствовал адмирал Мордвинов. Только что, в связи с государственной реформой, царь назначил его министром Военно-морских сил. — Не торопитесь. В Гамбурге не сыщите подходящих судов, поезжайте в Копенгаген. Там не будет, отправляйтесь в Лондон. В Англии, наверное, найдете. Видимо, придется там зимовать, отремонтировать как следует суда.

Перечень хронометров и прочих инструментов я вам заготовил.

Лисянский одновременно подбирает матросов и унтер-офицеров для вояжа. Крузенштерн далеко, и Лисянский держит его в курсе своих дел.

«Три дня прошло, — сообщает он ему письмом в Ревель, — как государь дал позволение на все, и деньги уже директорами получены. Я с Макместером был много раз у всех и сейчас от Мордвинова с полезным и решительным советом. Завтра должен видеться с директорами, подписать договор и на сих днях с Макместером и Разумовым отправлюсь в Гамбург для покупки судов, в случае же, что не найдется оных там, то в Лондоне или Копенгагене, то есть должен буду приложить все силы, чтобы как можно скорее зделать эту покупку. Я советовал, чтобы директоры старались сделать договоры и с афицерами как можно скорее… Николай Семенович по моему докладу хотел зделать по флоту приказ, чтоб выбранных нами унтер-офицеров и матрос с мастеровыми никуда не посылали, а держали при команде… Я не знаю что за обстоятельства, что ты уже 3 письма написал к Макместеру, но ко мне ни одного. Мы, кажется, с тобой более бы должны иметь переписки…

У меня идей такая куча, что не знаю, что тебе и написать… Надеюсь, что mrs Krusenchtern здорова и скоро зделается матерью…

Твой нелицемерный друг Ю. Лисянский».

Видимо, Крузенштерн начал входить в роль начальника, и Лисянский немного обижен невниманием товарища по предстоящему вояжу.

Накануне отъезда в Гамбург Лисянский побывал на приеме у Мордвинова, обговорил окончательно, какой суммой денег мог располагать для покупки судов.

— Сим ведает досконально Резанов, но он нынче в Выборге, вернется, я с ним все утрясу, а вы действуйте, как договорились, — сказал Мордвинов на прощание.

В этот раз Мордвинов был явно не в себе.

Причину такого настроения министра Лисянский знал достоверно от Анания, как и многое из его прежней службы. На флоте, в отличие от армии, все на виду — на море нет потайных закоулков, гуляет ветер.

Две кампании Ананий плавал флаг-офицером вице-адмирала Макарова у берегов Англии. А в адмиральских салонах чего не услышишь!

В Мордвинове подкупали честность и независимость суждений. Дважды подавал он в отставку — у Потемкина и при Павле I. Теперь, кажется, собрался уходить насовсем.

Александр I создал «Комитет образования флота» и председателем назначил не Мордвинова, а в пику ему дряхлого графа Александра Воронцова, брата посла в Англии. Комитету царь дал наказ — «определить всякое излишество, привести все в возможную краткость и ясность».

До чего же додумался Воронцов, ни одного дня не прослуживший на флоте?

«По многим причинам физическим и локальным России быть нельзя в числе первенствующих морских держав. Да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должны быть в сухопутных войсках…»

Недавно на очередном докладе Воронцов услужливо открыл перед императором сафьяновую папку.

— Что это? — спросил Александр, близоруко щурясь.

— Соблаговолите, ваше величество, рассмотреть плоды трудов комитета нашего о переменах в управлении Морского департамента.

Зевнув, Александр взял лорнет, перевернул несколько страниц.

— Мне ли, граф, вникать в дела флотские, в коих я разбираюсь, как слепец в красках, — ухмыльнулся император. Перевернув доклад, нахмурился: — Почему не все подписали?

— Ваше величество, граф Мордвинов имеет особое мнение, — зашамкал Воронцов и, сглаживая неприятность, продолжал: — Остальные члены в полном согласии, Чичагов так в особенности ваше просвещенное мнение одобряет.

Александр милостиво согласился:

— Ну так и быть. Видит Бог, до флота ли мне нынче…

И размашисто вывел: «Быть по сему. Александр».

Своим росчерком император в принципе решал и дальнейшую судьбу Мордвинова. У него в столе лежал рапорт адмирала об отставке.

Накануне отъезда Лисянский сообщил Крузенштерну: «Я должен тебе сказать, что Мордвинов подал в отставку и завтра ожидает императорского изволения. Причина тому есть установления Комитета, который должен взять в рассуждение теперешнее состояние флота — уменьшить или прибавить число кораблей… Признаться, что Николая Семеновича мне очень жалко, а кольми паче нащет нашей експедиции, однако же надеюсь, что никакой помехи не будет на это славное предприятие…

Я тебя уверяю, что во все время моего пребывания с 8 часов утра до 10 часов вечера всегда в деле, и стараюсь сколь можно для нашей експедиции. У меня все офицеры подписали контракты

и люди выбраны. К Иринарху Тулубьеву я писал в Черноморский флот и надеюсь, что он со мной пойдет. В противном же случае хороших афицеров в Кронштадте много, которые с радостию предпримут сей авантажный вояж».

Это письмо — предпоследнее из известных писем Лисянского к Крузенштерну. В нем Лисянский также сообщает, что сожалеет о несостоявшейся встрече с Николаем Резановым. Тот находился по поручению императора в Финляндии. Резанов обещал собрать небольшую библиотеку книг русских писателей, своих друзей, Гаврилу Державина, Ивана Дмитриева и других, для отправки в Русскую Америку. Лисянский просил Мордвинова помочь. «Он сие опробовал, — пишет Лисянский, — обещаясь еще поговорить с Резановым, когда он приедет из Выборга (где он находится уже более месяца). Жалко, что я уеду в Ганбург не повидавшись с им». Но Резанов, видимо, помнил об этом, так как вскоре сообщил Крузенштерну из Выборга: «Не забуду как о г-не Лисянском, так и о книгах, вам необходимых, и буду впредь писать к вам».

В сентябре Лисянский вместе с мастером Разумовским отправился в Гамбург. Провожали его Ананий и Баскаков.

— Так я в Нежине и не побывал, — с грустью сказал Юрий брату, — отпиши батюшке, низко поклонись ему.

Гавани Гамбурга и Копенгагена пустовали. Многолетняя англо-французская война принесла большой ущерб морской торговле. На датских и немецких верфях царило затишье.

Зимний Лондон встретил неприветливо. Воронцов уже знал о цели его приезда и отнесся к этому холодно.

— Не рано ли вздумали тягаться с просвещенными мореплавателями, милостивый государь? — скептически произнес Воронцов. — Британские мореходы, подобные Куку, многоопытны и познания имеют великие. Россия и судов порядочных не имеет.

— Ваша светлость, — вспыхнул Лисянский, — позвольте заметить, наши матросы ни в чем не уступят англичанам, а офицеры знают не менее оных. Что касается строения судов, так то наша беда…

После долгих поисков наконец нашли подходящие суда: 16-пушечный «Леандр» в 450 тонн и 14-пушечную «Темзу» в 370 тонн водоизмещением. По документам суда были построены три года тому назад, но требовали ремонта. Пока суда ремонтировали под присмотром Разумовского, Лисянский отбирал и закупал хронометры, секстаны, барометры и другие инструменты.

Тем временем в морском ведомстве России по воле нового императора произошли перемены. Место знающего, опытного и принципиального Мордвинова занял царский любимец,

самолюбивый интриган вице-адмирал Василий Чичагов, сделавший карьеру на имени отца, адмирала Павла Чичагова. Англоман до мозга костей, женатый на англичанке, узнав о готовящемся плавании, сообщил по-приятельски послу Воронцову: «Можете ли представить себе, что не умея и не имея средств строить суда, они проектируют объехать вокруг света. У них недостаток во всем: не могут найти для путешествия ни астронома, ни ученого, ни натуралиста, ни приличного врача. С подобным снаряжением, даже если бы матросы и офицеры были хороши, какой из всего этого может получиться толк?.. Одним словом, они берутся совершить больше, чем Лаперуз, который натолкнулся на немалые трудности, несмотря на то, что он и его сотрудники располагали значительно большими возможностями. Не надеюсь, чтобы это хорошо кончилось, и буду весьма недоволен, если мы потеряем дюжину довольно хороших офицеров, которых у нас не так-то много».

Так относились к первым попыткам соотечественников самостоятельно выйти в Мировой океан высокие сановники, в чьих руках находились судьбы России. Да то было и немудрено. Самодержец всероссийский, не надеясь на свой разум, предпочел россиянам иноземцев. Первым советником взял швейцарца Лагарпа. Так происходило и раньше, не одно десятилетие. Менялись лишь вывески в зависимости от разных обстоятельств, складывающихся в России и Европе. Немецких суфлеров сменяли французы, на их месте появлялись англичане. Большинство из них высокомерно возносилось над народом, который их поил, кормил и благоволил. Ни в одной европейской стране не принимали на службу и в услугу такую массу иноземцев с радушием и почтением, как в России. Была ли в них нужда? Скорее, их самих безотчетно притягивал магнит истинно славянского душевного тепла, а многих и попросту возможность обогатиться без особых хлопот. Наличие таких опекунов и советчиков, особенно в высшем свете, при царственной персоне, порождало леность в мыслях и часто приводило к безумным решениям.

Майским утром Лисянский с «Леандром» и «Темзой» покинул берега Англии. Их конвоировал военный английский бриг. Отношения с Россией улучшались с каждым месяцем. Англия старалась обрести надежного союзника в неминуемой войне с Наполеоном.

* * *

5 июня суда вошли в Кронштадтскую гавань и ошвартовались в Петровском канале. На борт «Леандра» поднялись три директора компании, Резанов и Крузенштерн. Осмотрев суда, они одобрили выбор Лисянского. Тут же решили переименовать «Леандр» в «Надежду», а «Темзу» в «Неву». Командиром «Надежды» назначили Крузенштерна, «Невы» — Лисянского. Крузенштерн с начала года находился в Кронштадте и подобрал в основном свой экипаж. Лисянскому предстояло одновременно отбирать людей в команду, готовить шлюп, пополнять запасы.

Крузенштерн при первой же встрече сообщил Лисянскому новость:

— Государь решил направить с нашей экспедицией посольство в Японию во главе с Резановым. То-то нам теперь хлопот прибавится. — Крузенштерн нахмурился. — Угораздило кого-то надоумить государя с японцами якшаться.

Впервые присоветовали завязать отношения с таинственным восточным соседом еще Екатерине II. К этому подтолкнул случай. В 1783 году на Алеутах потерпели крушение русские промысловики, а вскоре они приютили японцев, попавших в такое же положение. Построив судно, все вместе перебрались на Камчатку. Японцев отправили в Иркутск, одного из них привезли в Петербург. Екатерина II по совету ученых под предлогом отправки японцев на родину направила из Охотска в Японию поручика Адама Лаксмана.

Миссия удалась, чрезвычайно замкнутые японцы разрешили прислать в Нагасаки безоружное русское судно для переговоров. Спустя четыре года на Алеутах русские спасли еще 15 японцев, и императрица хотела с ними направить и посольство. Но Екатерина II скончалась, и экспедиция не состоялась.

Теперь министр коммерции Румянцев решил воспользоваться давним приглашением японцев и подал эту мысль Александру I.

— Ваше величество, — докладывал он царю, — есть и достойный претендент возглавить сию миссию.

— Кто же? — безразлично спросил Александр I.

— Статский советник Резанов, — ответил Румянцев, — у него недавно стряслась беда — скончалась любимая супруга. Путешествие отвлечет его от мрачных мыслей.

Александр I сочувственно кивнул головой:

— Сия печаль Резанова мне известна. Пригласите его ко мне, граф.

На аудиенции император отнесся к Резанову благосклонно.

— Избрав вас на подвиг, надеюсь, пользу Отечеству ваша миссия принесет. Подробные указания вы получите у графа Румянцева.

— Ваше величество, я не заслуживаю столь высокого ко мне внимания. Но поскольку мне вручена сия экспедиция, я употреблю все свои способности, дабы успешно исполнить предначертания вашего величества…

Маршрут первого русского кругосветного плавания пролегал от Европы к Южной Америке, вокруг мыса Горн к Сандвичевым островам. Отсюда «Надежда» отправлялась в Японию с посольством, а затем на Камчатку. «Неве» предписывалось следовать к берегам Северной Америки, оказать там помощь русским промышленникам на островах. Загрузив меха, оба шлюпа должны были встретиться в Кантоне и оттуда следовать в Кронштадт.

Занятый подготовкой шлюпа к плаванию, Лисянский-младший попросил брата Анания:

— Будь любезен, братец, помоги советом. Я семь годков отсутствовал, к офицерам на эскадре не успел приглядеться. Ты-то об офицерах более моего ведаешь. Только помни, что должно брать мне лишь больших охотников. И еще чур — иноязычных не предлагай. Достаточно их Иван Федорович насватал.

Последние годы Ананий состоял сначала флаг-офицером командующего эскадрой вице-адмирала Макарова, затем в той же должности у адмирала Тета, а потому неплохо знал добрую половину офицеров Кронштадтской эскадры.

Прослышав о подготовке кругосветного плавания, многие офицеры приходили к Юрию Федоровичу с просьбой взять их, но он не торопился.

— Изволь, — немного подумав, ответил Ананий, — лейтенант Павел Арбузов, ты должен помнить его по корпусу. Он младше нас, но в корпус определен вместе с Крузенштерном. Бывалый офицер, два года крейсировал со мной у берегов Англии.

— Так он у меня был на днях, — прервал Юрий брата, — сам упрашивал взять его. Стало быть, с меня шампанское. А не слыхал ли ты о лейтенанте Повалишине Петре — с «Мстислава»?

— Повалишин лихой лейтенант. Две кампании отплавал вместе со мной в эскадре адмирала Макарова. За десант в Голландии пожалован орденом Анны третьей степени.

Лисянский-младший развеселился окончательно:

— Ну, брат, еще одна бутылка шампанского за мной, его я среди прочих охотников первым отметил. С лейтенантами решено. Просьба разузнать про молодых мичманов, Коведяева Федора и Берха Василия. Штурмана я уже присмотрел — Данилу Калинина, мне его Гревенс присоветовал. Матросами и унтер-офицерами я сам займусь, половину уже отобрал. Охотников хоть

пруд пруди. — Юрий ухмыльнулся. — Прослышали, что я у себя на корабле линьки не жалую.

Юрий Федорович вызвал вестового, распорядился принести ужин и шампанское в каюту и вдруг вспомнил:

— Что же это мы с тобой, братец, опростоволосились? По Георгию получили, а до сих пор не обмыли? Жаль, Михайлы Баскакова нет, в плавании он.

В ноябре 1802 года Лисянских, «по положению», за 18 морских кампаний наградили орденами Святого Георгия четвертой степени.

С приходом из Англии брат жил на шлюпе и на берегу бывал только по делам. На полке в каюте Ананий среди мореходных пособий заметил книги Кука, Ванкувера, Лаперуза…

— Видишь ли, опыт человечества, считаю, в мореходстве бесценен, — пояснил младший брат, — сии славные капитаны для пользы нашей свои записки публиковали. Их уже нет в живых, а дела их в книгах продолжают людям служить. Возьми в пример наш вояж. «Неве» предстоит немало акваторий Тихого океана пересечь, где еще никто не бывал. Однако то, что ими обследовано, мне способствовать будет в безопасности.

— Ты никак лелеешь, небось, мысли открывателем новых земель стать? — поинтересовался Ананий.

— Какой же мореход о том не грезит? — вопросом на вопрос ответил брат. — К тому же вояж наш российский впервые снаряжается. Отечество поимеет лишь славу от новых обретений. Однако не забывать должно, что нередко встречаются и неудачи. Вспомни Лаперуза, пятнадцать годков о нем ни слуху ни духу…

Ананий откупорил бутылку, предложил тост:

— За успех твоего предприятия, братец!

Они вышли на шканцы, когда время шло к полуночи. Пробило 7 склянок[37]. Долго катившееся по горизонту солнце уже скрылось в морской пучине, но его отсвет на небосводе продолжал озарять все вокруг, как днем.

Внизу, на стенке канала, укрытые брезентом, лежали пушки, якоря, железо, бочки с порохом, ящики с ружьями, посудой для русских промысловиков на Аляске. Рядом громоздились бочки с солониной, сухарями, патокой, другими припасами. Виднелись свернутые в бухты канаты, запасной рангоут. Такой же груз лежал чуть поодаль, напротив «Надежды», ошвартованной у той же стенки канала.

— Нынче облегчение мне будет, — сказал брат Ананию, кивнув на причал, — должен явиться из Петербурга приказчик компании Коробицын Николай Иванович. Займется погрузкой. Малый он толковый, бывал в Охотске, отправлял суда на Аляску.

— А что Крузенштерн, — спросил Ананий, — команду свою набрал полностью?

— Иван Федорович молодец, он загодя всех отобрал, и офицеров, и матросов, — ответил Юрий, — сверх комплекта взял двух волонтеров, молодых кадетов, братьев Коцебу, по протекции — сродственники они ему по жене. Кроме того, на «Надежде» пойдут ученые: ботаник Тилезиус, астроном Горнер, художник в пути еще должен присоединиться…

— Не многовато ли пассажиров? — засомневался Ананий.

— Ежели бы так, — усмехнулся Юрий, — советник Резанов намеревается взять свиту в полторы дюжины, как бы и мне не пришлось потесниться. У меня на «Неве», кроме Коробицына, пассажирами следуют иеромонах Гедеон в миссию на Алеуты и туда же два ученика-штурманенка из местных, обучались в Кронштадте.

— Сам-то Крузенштерн в согласии? — спросил Ананий.

— В том-то и дело, братец, что Ивану Федоровичу эта миссия — нож острый. Да что поделаешь! Мне думается, он поэтому неприязнь испытывает к Резанову. Хотя мне тот кажется человеком незаурядным и честным. Слыхал, на днях его принимал сам государь.

Ананий собрался уходить, и брат попросил:

— Будешь в Петербурге, зайди на Невском в писчую лавку, купи мне дюжину добротных журналов, в Кронштадте их не сыщешь.

Ананий вопросительно посмотрел на Юрия.

— Порешил весь вояж с тщанием записи делать. Себе для памяти о былом, авось, и потомкам с пользой послужат…

10 июня Александр I удостоил Резанова аудиенции. Вместе с графом Румянцевым он вошел в кабинет императора.

— Мы нашли нужным накануне вашего трудного вояжа оценить ваши труды на благо отечества и награждаем вас орденом Святые Анны первой степени.

Император взял с подушки алую ленту с орденом и одел ее на пунцового от счастья Резанова. Не успел тот опомниться, как снова заговорил Александр I:

— Отмечая также ваши последние труды в Финляндской комиссии, имея в вашем лице нашего посланника, соизволили мы возвести вас в звание камергера двора нашего.

Польщенный вниманием, Резанов склонил голову:

— Ваше величество, недостойный вашей похвалы, повергаю себя к вашим стопам за высочайшую благосклонность…

Император легким жестом остановил Резанова. Снисходительно улыбнулся. Лесть всегда была для него лучшим

бальзамом.

— Вы получите наши грамоты японскому императору и подробные инструкции начальника экспедиции через графа Румянцева. Уверяюсь по вашему усердию, что отличный труд ваш увенчается успехом.

Аудиенция окончилась.

Резанова со свитой было решено разместить на большем шлюпе — «Надежде».

Подготовка к плаванию постепенно заканчивалась. Наконец-то определился экипаж. Кроме названных офицеров Лисянский отобрал 45 матросов и унтер-офицеров. Штурман Калинин целыми днями проводил в конторе порта, корректировал и уточнял карты, выверял хронометры, компасы, другие приборы.

Экспедиция, отправляемая компанией, называлась коммерческой, однако в инструкции оговаривались и научные наблюдения — «если время и обстоятельства позволят». «Все, что узнаете и приобретете вашими наблюдениями, — гласила инструкция, — в вояже вашем для натуральной истории, географии, мореплавания и до протчих наук, так равно карты и описания, конечно, не оставите доставить Американской компании, а потому излишним почитаем, знав ваше усердие о том, вам в подробности изъяснять».

Пришла из Петербурга яхта и доставила ящики с книгами, картинами, статуями — пожертвования вельмож и именитых людей далеким русским поселениям в Северной Америке.

Груз сопровождал сам Резанов. Он тщательно следил за погрузкой.

— Сии подарки, господин Лисянский, надобно укрыть от порчи надежно. Книги собирали по крупицам наши просвещенные люди: Державин, Карамзин, Херасков, Дмитриев и другие меценаты. Пекутся они заботами обучения наших российских американцев.

Юрий Федорович не раз встречался с Резановым, еще в прошлом году подавал ему прошение о плавании в Америку. Сухощавый, подвижный, с высоким лбом и правильными чертами лица, он произвел тогда на Лисянского благоприятное впечатление. Правда, иногда несколько коробили повелительные нотки в его манере обращаться. Быть может, сказывались его положение в дирекции компании и близость к высоким сановникам.

Шлюпы уже стояли загруженными в гавани, а в дирекцию компании продолжали поступать просьбы желающих отправиться в первое путешествие россиян — кругом света. Писали офицеры и чиновники, аптекари и мастеровые…

Ровно через месяц после прихода из Англии «Надежда» и «Нева» наконец-то завершили подготовку к плаванию и 6 июля 1803 года вытянулись на Кронштадтский рейд.

Известие об этом достигло столицы.

«Весь Петербург был приведен в движение известием об отплытии первой русской экспедиции вокруг света. Жители толпами двигались в Кронштадт», — сообщал «Русский инвалид».

Карамзин писал об экспедиции и об отношении к ней различных кругов общества: «Англоманы и галломаны, что желают называться космополитами, думают, что русские должны торговать на месте. Петр думал иначе — он был русским и в душе патриотом. Мы стоим на земле и на земле русской, смотрим на свет не в очки систематиков, а своими природными глазами, нам нужно и развитие флота и промышленности, предприимчивость и дерзание». В корень смотрел наш прославленный историк.

В Русскую Америку

Едва стали на якоря, в Кронштадт наведался император напутствовать экспедицию перед отправлением в плавание.

После долгого ожидания задул наконец попутный ветер. 7 августа[38] оба шлюпа выбирали якоря. На борт «Невы» поднялся адмирал Петр Ханыков. «Сделал нам честь своим посещением, — заметил Лисянский, — и вместо отца благословил меня на дорогу по старинному русскому обычаю с хлебом и солью». Приказчик Российско-Американской компании Коробицын увидел на пристани сотни кронштадтцев, а на шлюпе «поставлены были все матросы по вантам и кричали трижды «ура!..».

— Паруса ставить! По марсам! — скомандовал Лисянский.

Боцман Петр Русаков быстро отрепетовал команду. Мичмана стояли у мачт, следя за действиями матросов и посматривая на шканцы.

— На марса фалах! Марса фалы подымай! — раздался голос капитана.

Не прошло и трех минут, как на мачтах распустились паруса, посвежевший ветер расправил их, и шлюп, набирая ход, устремился на запад.

Убедившись, что экспедиция вышла в море, Ханыков, как положено, отрапортовал начальству.

Из письма главного командира Кронштадтского порта адмирала П. И. Ханыкова товарищу министра морских сил вице-адмиралу П. В. Чичагову об отплытии из Кронштадта кораблей «Нева» и «Надежда»:

> «Милостивый государь Павел Васильевич.
>
> Суда Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» сего числа поутру в 10 часов снялись с якоря и отправились с Кронштадтского рейда в море благополучно, а в час пополудни уже из виду закрываются.
>
> С истинным моим к вам почтением и преданностью, милостивый государь, вашего превосходительства покорный и верный слуга.
>
> *Петр Ханыков».*

Отправляясь в плавание, капитан любого судна должен предусмотреть многое — начиная с исправности корпуса судна с мачтами, снастями, парусами, якорными и множеством других

устройств и кончая запасом воды, провизии для экипажа. Он обязан иметь добротные пособия по кораблевождению, выверенные мореходные инструменты для определения места судна — компасы, секстаны, хронометры и уметь безошибочно с ними работать. И главная забота командира — иметь надежный экипаж, умелый, сплоченный и, конечно, здоровый духом и телом.

Еще прежде не однажды размышлял Лисянский о превратности морской службы. Подчас не штормы и шквалы приносили беду кораблям, а разлады среди подчиненных, вражда и недоверие друг к другу. Отбирая людей в экипаж, он интуитивно старался взять людей не только ловких и умелых, но и душой открытых, дружелюбных, незлобных.

С офицерами, унтер-офицерами, квартирмейстерами было проще. Они были на виду по месту прежней службы, о них уже были суждения товарищей и командиров.

Матросы — другое дело. Вчерашние рекруты из крепостных, русаки и татарчонки, молодые и в годах, каковы они? Следовало с первых шагов завоевать их доверие, а для этого прежде всего нужно общение с подчиненными.

На первую вахту заступил лейтенант Павел Арбузов. Накануне выхода Лисянский назначил его старшим из лейтенантов и, соответственно, главным, первым лицом в кают-компании, месте ежедневного общения офицеров и пассажиров.

«Нева» устойчиво держалась на курсе, и командир придирчиво осматривал поставленные паруса, проверял порядок на верхней палубе, обошел корабль и приказал собрать команду на шканцах, за исключением вахты.

— Не забудьте пригласить всех пассажиров, — передал он Арбузову.

— Вам ведомо, что нынче мы отправились в путешествие кругом света, которое до нас россияне не совершали, — начал Лисянский, всматриваясь в каждого из собравшихся. Впереди стояли офицеры, подштурман Федул Мальцов, доктор Либанд, подлекарь Алексей Мутовкин. Рядом иеромонах Гедеон, Коробицын и два креола. За ними полукругом расположились матросы.

— Столь дальнее путешествие, — продолжал командир, — сопряжено с великими трудностями и, как всякая служба на море, требует кроме выучки и сноровки великого содружества каждого из нас. Товарищеская помощь быть должна не токмо на марсах и салингах, айв кубриках ваших в часы досуга. Надлежит вам соблюдать чистоту и порядок в палубах и всех помещениях. Главнейшее прошу помнить — неукоснительно и быстро

исполнять команды и быть послушными во всем начальникам. Надеюсь, как и прежде, линьки нам не потребны.

Матросы, ухмыляясь, переглядывались. За два месяца на «Неве» ни разу они не видели в руках унтер-офицеров или боцмана линьки.

Многообразна корабельная жизнь в походе. Стужа северных широт сменяется жарой тропиков, дни — ночью. Безмолвие штилей и невообразимый рев штормового океана сопровождают корабль долгие месяцы. Среда обитания корабля необычайно динамична, а сам он подобен жизнеспособному организму: корпус судна с мачтами, парусами, снастями напоминает туловище. «Предивное создание рук и ума человеческого — корабль! — говорили в старину архангельские поморы. — Парусами причастен веянию ветра, телом — движению воды». Людей, дающих жизнь судну, — экипаж, можно сравнить с сердцем, нервами и душой корабля.

Забота о здоровье матросов тревожит командира в первую очередь. Обычно в дальних плаваниях матросы разделены на две вахты из-за нехватки людей. Это сильно изматывает организм, сбивает ритм жизни, питания, отдых. Сумев хорошо натренировать команду, Лисянский одним из первых приказов разбил матросов, так же как и офицеров, на три вахты. Кроме того, он приказал офицерам заставлять матросов, свободных от вахты, как можно больше двигаться, чтобы избежать болезней. «Движение для команды столько же нужно, как и покой, и для того господам вахтенным и стараться занять людей подвахтенных во время дня таким образом, чтоб ни одному не оставалось времени для сна, а ночью их не тревожить без самоважнейших обстоятельств» — сказано в этом приказе.

Лисянский не зря беспокоился о взаимной выручке. Через неделю рано утром на видимости острова Готланд после побудки услышал Коробицын тревожный крик:

— Человек за бортом!

Через минуту-другую шлюп привелся к ветру, лег в дрейф. Спустили шлюпку, однако упавшего не нашли. Им оказался матрос Усов — крепыш, отменный пловец.

— Он раньше всех поднялся, — рассказывал боцман, — начал приборку палубы. Взял ведро и вылез на бизань-руслень. Я как раз швабры доставал из рундука. Вдруг слышу крик. Смотрю, падает Усов вниз головой, ударился о воду. Видимо, черпая воду, поскользнулся и замертво зашибся о воду, — боцман снял фуражку, перекрестился, — царство ему небесное.

В кубрике перед иконой Николая Чудотворца зажгли свечи, а на вечерней молитве Гедеон помянул усопшего матроса.

Во время стоянки в Копенгагене «Надежда» приняла двух пассажиров из Германии — ботаника Тилезиуса фон Тиленау и доктора медицины Лангсдорфа, а между тем в плавание просились двое русских юношей-студентов Петербургского университета, и компания хотела их направить, но Крузенштерн предпочел иностранцев.

После стоянки в Копенгагене шлюпы благополучно миновали проливы и вышли в Северное море. Первый день прошел спокойно. Поужинав, Коробицын, как всегда, записал в тетрадь события за день и, следуя примеру Гедеона, пораньше лег отдохнуть…

Сон его и прервал разыгравшийся шторм. В кромешной тьме приказчик нащупал спички и зажег свечу. С верхней полки свешивалась рука безмятежно храпевшего иеромонаха. Колебался в такт качке массивный серебряный крест с цепочкой, висевшей на переборке. На полу валялась одежда, туда-сюда двигались сапоги. Вверху на палубе раздался топот матросских сапог.

«Никак что-то стряслось», — подумал Коробицын.

Он кое-как оделся, потушил свечу, вышел в полутемный коридор и столкнулся с доктором Морицем Либандом.

— Вы не знаете, что там творится? — спросил заспанным голосом доктор, показывая на выход. — Третий час ночи, но мне кажется, весь экипаж на ногах.

Коробицын пожал плечами. В это время очередной шквал накренил судно, и Коробицын, отталкиваясь от переборки, двинулся к выходу. Едва он вышел на палубу, как сверху обрушились потоки ливня. Не успел присмотреться в кромешной тьме, как мимо, сметая все на пути, прокатился по палубе огромный водяной вал. Кругом чернела пропасть — небо, сплошь затянутое тучами, сомкнулось воедино с водной стихией, бушующей за бортом. Потому казались странными светлячки фонарей, подвешенных на концах рей, описывавших в темноте дуги в такт качке. Оказалось, это командир приказал зажечь их для показания своего места «Надежде».

— Спаси и помилуй, господи! — Рядом с Коробицыным выросла фигура Гедеона с взлохмаченной бородой. Мимо них пробежали двое матросов, и только теперь Коробицын едва разглядел на нижней рее бизань-мачты матросов. Стоя на пертах, перевесившись через реи, они подвязывали к ним сезнями паруса, предварительно подтянутые горденями и гитовыми.

— Господа, советую вам спуститься в каюту, — раздался в темноте голос Повалишина, — неровен час смоет за борт или зашибет.

— Нет уж, родимый, — ответил Гедеон, — помирать, так

вместе и на воле, а не в спертом духу.

— Дозвольте нам полюбоваться искусными матросами, — в тон Гедеону произнес Коробицын, и они вместе с доктором Либандом простояли до рассвета на шканцах, изредка спускаясь обсохнуть в каюту.

На рассвете паруса наконец подобрали, качка, несмотря на продолжающийся шторм, заметно уменьшилась. Неподалеку лежал в дрейфе купеческий бриг с изодранными парусами.

Осмотрев горизонт, Лисянский, убедившись, что «Надежда» исчезла из вида, вызвал Калинина:

— Определитесь и дайте курс к Фальмуту. Там назначено место встречи на случай разлучения с «Надеждой».

Навстречу то и дело попадались купеческие суда с поломанными мачтами и порванными парусами. Спустя два дня у берегов Англии от встречного фрегата узнали, что во время шторма в Ла-Манше погибло несколько судов.

В полдень 26 сентября «Нева» стала на якорь в Фальмутской гавани, а на третий день неподалеку бросила якорь и «Надежда».

Шлюпу Крузенштерна не повезло — штормовые волны ослабили крепления обшивки, появилась течь почти по всей ватерлинии. Пришлось поневоле заняться ремонтом.

* * *

Переход до Канарских островов прошел без особых приключений. На рассвете 19 октября показался остров Тенериф. Лисянский раньше, десять лет назад, проходил мимо Тенерифе, но густые туманы скрывали остров и его четырехкилометровую гору. И теперь вершина этой высоченной горы Пик скрывалась в тумане. Спустя час-другой мгла рассеялась, и, разглядывая в подзорную трубу медленно поднимающиеся из воды очертания Пика, Лисянский попросил стоявшего рядом штурмана:

— Данила Васильевич, распорядитесь принести английский атлас, купленный в Лондоне.

Развернув альбом, он несколько раз вскидывал подзорную трубу и сличал с видом Тенерифе в альбоме.

— Взгляните, господа, — обратился он наконец к вахтенному, мичману Коведяеву и Калинину, — сколь отлично то, что мы видим, от рисунка в атласе.

Присмотревшись, оба офицера удивились наблюдательности командира.

Неожиданно с «Невой» сблизился французский корсар «Эжипсьен». Он приготовился к сражению, приняв «Неву» за

английский фрегат, но, увидев русский флаг, отошел в сторону. В полдень 20 октября оба шлюпа прибыли на рейд главного города острова — Санта-Крус. Резанов, оба командира шлюпов съехали на берег и нанесли визит губернатору маркизу Кагигалу.

— Мы рады видеть впервые русский флаг в нашей гавани, — радушно приветствовал губернатор капитанов.

Его приветливость отчасти объяснялась полученным только что королевским повелением — принять как можно лучше русских моряков.

Пользуясь расположением губернатора, капитаны заказали местным купцам съестные припасы, вино для команды на предстоящее длительное плавание. Один из коммерсантов, Армстронг, взялся снабдить россиян всем необходимым. Офицеры скоро стали желанными гостями в его доме, а Резанов поселился у него. Армстронг пригласил желающих осмотреть город и окрестности. Мичман Берх, Коробицын, Лангсдорф уехали в соседнее селение Лагону. Сравнительно небольшой город Санта-Крус выглядел с моря привлекательно.

Опрятные двух- и трехэтажные каменные дома, чистые улицы, три небольшие крепости живописно расположились у подножия гор, окаймлявших бухту. Правда, Лисянский сразу заметил, что «нижнее сословие живет весьма бедно». С выходом из Кронштадта он, как и задумал, в свободные часы записывал основные и примечательные, по его мнению, события и происшествия. Осматривать город он пошел вместе с Повалишиным, Коведяевым и Калининым. В провожатые губернатор дал коменданта крепости Сан-Христобаль. К ним присоединились офицеры с «Надежды» — лейтенант Головачев и мичман Беллинсгаузен. Комендант повел их сначала в небольшие крепости Сан-Педро и Сан-Рафаэль, прикрывавшие город с флангов. В третьей крепости Сан-Христобаль они задержались.

Старинная испанская колония не приносила большого дохода метрополии, но являлась ключевой позицией на пути из Европы в Америку. Не раз в минувшие войны Санта-Крус подвергался внезапным нападениям противников Испании.

Показав батарею из семи орудий, комендант сказал:

— Быть может, кто-то из вас знает имя английского контр-адмирала Нельсона, — и искоса посмотрел на офицеров.

Лисянский утвердительно кивнул:

— Мне приходилось слыхать о нем в Вест-Индии, а затем после успеха англичан у Сан-Висенти…

— Да, вы правы. Он прославился впервые после Сан-Висенти, а затем у Абукира. — Комендант сделал паузу и повернулся, указывая на бухту: — Сразу после Сан-Висенти Нельсон пришел

на этот рейд с целью захватить Санта-Крус. Но мы успешно отбили первую атаку англичан на Сан-Христобаль. Тогда, — продолжал испанец, — Нельсон второй раз ночью высадил десант и сам повел в атаку своих матросов. Однако наши часовые вовремя обнаружили англичан и открыли огонь из орудий и мушкетов. Один из метких выстрелов раздробил руку адмирала, и его отряд отступил. В этом сражении Нельсон потерял свою правую руку и потерпел поражение…

Комендант спустился с моряками к берегу.

— Вот здесь ранило Нельсона. — Офицер переменил тон и добродушно закончил: — На этом же месте восемнадцать лет назад высадился знаменитый Лаперуз со своими спутниками. Мы снабдили его добрым вином на дорогу. — Офицер помолчал и грустно добавил: — Вы знаете его печальную судьбу. Он пропал без вести. До сих пор не могут отыскать его следы в океане, хотя Франция пообещала за это премию в миллион ливров.

На обратном пути Повалишин и Головачев разговорились и отстали. Они помнили друг друга по корпусу, а затем в одно время крейсировали в Северном море. Повалишин знал Головачева как толкового, бывалого офицера. Он успешно служил в Средиземном море, в эскадре адмирала Ушакова. Среди товарищей выделялся дружелюбием и скромностью.

— Неладно складывается у нас на «Надежде» взаимность капитана и Резанова, — огорченно рассказал Головачев. — Крузенштерн мнит себя во всем старше камергера, но сие, по-моему, не совсем верно. Как-никак по Табели о рангах Резанов дважды генерал и как статский советник и камергер. В конце концов на офицерах это отзывается неблагоприятно и может к худому привести…

Вечером в кают-компании за чаем ее обитатели, как обычно, делились впечатлениями от прогулок по городу.

Кроме офицеров и штурманов в кают-компании столовались доктор, иеромонах, приказчик и Павел Прощеных, креол с Аляски. Людям этим, совершенно разным по складу и нравам, возрасту и ремеслу, взглядам на жизнь, поневоле предстояло общаться друг с другом ежедневно, долгие месяцы монотонного плавания. Первое время, естественно, присматривались друг к другу, находили что-то общее, что-то неприемлемое, но в силу неотвратимости совместной жизни старались чем-то поступиться для общего блага, инстинктивно стремились быть благожелательными. Видимо, сказалась интуиция командира, подобравшего свой экипаж не только по выучке, но и по нравственным понятиям. Нередко он сам обедал в кают-компании — только здесь в обыденном житейском разговоре можно было

узнать без прикрас и мнение о себе, и настроение подопечных…

Услыхав рассказ о Нельсоне, доктор Либанд пожалел, что остался на корабле.

— У вас еще будет время, — успокоил его Арбузов, — раньше чем послезавтра мы не уйдем отсюда. Советник Резанов о том объявил.

— Я слышал от Беллинсгаузена, будто господин советник утомился от выходок поручика Толстого, — заметил Коведяев.

— Кто же не знает в Петербурге сего ловеласа и кутилу, — ухмыльнулся Повалишин, — даром что он граф. А впрочем, советник мог того и не знать. Поручика взяли для вояжа в последние дни, вместо его двоюродного братца…

На другой день Лисянский зашел попрощаться с Армстронгом и его симпатичной женой-француженкой. Зная увлечение молодого русского офицера, она подарила ему несколько редких раковин с Ямайки. Еще раньше он захватил с острова осколки застывшей лавы, куски серы — решил собрать коллекцию.

«Миновав Канарские острова, мы оставили умеренный климат, — записал командир «Невы», — и едва скрылся за горизонтом Пик Тенерифе, духота воздуха сделалась весьма приметной. Я приказал давать команде виноградное вино, а иногда в грог мешать лимонный сок. Мы старались укрыться от зноя. Широкая парусина была развешена над шканцами. Я запретил матросам быть на солнце без нужды…»

В начале ноября шлюпы на траверзе островов Зеленого мыса определили поправки хронометров, а спустя десять дней потеряли северо-восточные ветры — пассаты. Началась полоса переменных ветров, с ежедневными дождями, шквалами, грозами, сопровождавшая мореплавателей до экватора.

26 ноября в 10 часов «Нева» по счислению перешла экватор. Определив в полдень точное время, Лисянский приказал в честь праздника поднять флаг, гюйс и вымпел.

— Всех наверх, — одновременно распорядился командир, — по вантам стоять! — Он повернулся к сияющему Коведяеву: — Федор Осипович, сближайтесь с «Надеждой» по корме.

«Надежда» тоже подняла флаги, на ванты проворно карабкались матросы. На шканцах в мундирах стояли офицеры, рядом унтер-офицеры и пассажиры. Лисянский кивнул Арбузову, и по его команде матросы троекратно крикнули: «Ура!» «Надежда» ответила тем же. На ее шканцах виднелись камергер Резанов со свитой, Крузенштерн с офицерами. Они приветливо помахивали руками…

Лисянский взял рупор:

— Поздравляю с прибытием в Южное полушарие! — Он

взмахнул рукой.

— Ура! Ура! Ура! — вновь дружно прокричали матросы…

«Надежда» ответила салютом из 11 пушечных выстрелов.

На следующий день вся команда переоделась в парадные одежды, началась Божественная литургия с благодарственным молебном. На шканцах выстроились матросы и офицеры, вынесли ендовы с вином, разлили по кружкам и бокалам. Лисянский приказал поднять военный флаг.

— Нынче российские корабли впервые пересекают экватор, — обратился он к экипажу, — нам выпала эта честь. Так будем же верно служить вере нашей, царю и отечеству! За здравие монарха нашего, императора Александра Первого! Ура!

По случаю праздника по приказанию командира «на обед зажарили уток, сварили свежий суп с картофелем и зеленью», прибавив к этому «по бутылке портеру на каждых трех человек».

Когда все сели за праздничный стол, прогремел пушечный салют. До поздней ночи над просторами океана разносились то удалые, то грустные российские песни…

Праздники праздниками, но Лисянский не забывает своих юношеских мечтаний. И хотя эта экспедиция задумывалась компанией как «купеческая», с дипломатической миссией в Японию, командир «Невы» отправился в кругосветный вояж с твердым намерением не упускать ни одного дня без «желания быть полезным отечеству». Каких-либо инструкций или наставлений по научной части Лисянский не получал, но действует как подвижник и опытный мореплаватель.

При выходе в открытый океан, в плавании до Тенерифе и дальше к экватору, каждый день Лисянский производит наблюдения за ветром, температурой воздуха и воды, делает астрономические обсервации, с большой точностью определяет место корабля, его дрейф и подверженность течениям. Результаты наблюдений обобщает и анализирует, вспоминает и сопоставляет с некоторыми данными прежних плаваний, в частности на «Резонабле».

На другой день после пересечения экватора Лисянский обобщил свои первые наблюдения: «Мореплаватели, совершавшие путешествие вокруг света, тщательно занимались наблюдением морских течений. Будучи уверен, что такие наблюдения, наконец, когда-нибудь доведут нас до важных открытий, я с начала своего плавания начал брать дневную разность между вычислениями и наблюдениями, и поставил себе за правило в соответствующих местах этих записей помещать мои рассуждения. Со времени отплытия нашего от Канарских островов до прибытия в полосу переменных ветров или в северную широту 6° морское течение

было направлено к югу и к западу. Потом оно переменило направление на северное и восточное и продолжалось до 1°34′ с.ш., когда подул юго-восточный ветер. С этого времени морское течение устремилось большей частью к западу и продолжалось до самого экватора. Из взятых разностей между указанными переменами направления воды видно, что корабль «Нева» на всем упомянутом пространстве увлекло течением около градуса к югу и на столько же к западу».

Уже начальные результаты принесли успех. Русский моряк впервые в мировой практике обозначил в полосе затишья на экваторе в Атлантическом океане течение, идущее в восточном направлении. Этим открытием Лисянский фактически ввел в практику мореплавания и в географическую науку новаторскую идею об экваториальном противотечении. Его наблюдения впоследствии были не раз подтверждены, а затем и обоснованы теоретически, в том числе и отечественными учеными.

Спустя полмесяца на рассвете показался мыс Фрио — восточная оконечность Южной Америки. Произведя вычисления, Лисянский обнаружил расхождение с фактическим положением шлюпа. Он велел принести секстан и взял десяток высот солнца, а вечером произвел серию таких же наблюдений и определил поправки хронометра.

— Несомненно, кроме ветра тут поработало течение, объяснения которому нет ни у Кука, ни у Лаперуза, — пояснил он офицерам и записал в журнал: «Плавание от экватора было довольно поспешным — этому способствовало морское течение… Оно подвинуло корабль «Нева» на 62 мили к югу и на 75 миль к западу…»

Корабли спускались вдоль побережья к югу, направляясь к острову Святой Екатерины. Чем дальше уходили от экватора, тем переменчивей становилась погода, все чаще находили шквалы, гремели грозы. Однажды во второй половине дня ветер стих, далекие берега закрылись туманом, прогремел гром. Ожидая очередной шквал, Лисянский приказал убрать паруса. Через час налетел шквал, перешедший в сильный шторм. Стемнело, на вахту заступил мичман Василий Берх. «Нева» с зарифленными парусами лежала в дрейфе, оставаясь на ветре по отношению к «Надежде». Лисянский спустился выпить чаю. Задремав, он услышал тревожный топот ног.

— Ваше благородие, мичман просят срочно наверх! — позвал матрос.

Через минуту, выскочив на шканцы, Лисянский на мгновение оцепенел. В расстоянии трех-четырех саженей от борта раскачивалась громада «Надежды». Там раздавались команды,

бегали матросы, отдавая снасти.

— Лево руль! Фок — на гитовы! — без промедления скомандовал Лисянский.

Находясь в дрейфе, на ветре, с полностью убранными парусами, «Нева» не имела какой-либо способности маневра. Принятые меры сделали единственно возможное — замедлили дрейф до минимума. Видимо, все это поняли на «Надежде», там успели поставить фор-стаксель и, медленно уваливаясь, отойти наконец-то от «Невы».

— Интересно, какой молодец стоит на вахте у Крузенштерна? — горячась, рассуждал Арбузов. — Надо же было проспать целый час, а то и больше и не заметить нашего дрейфа.

— Луна-то была как раз за тучами, — рассказывал Берх, — а главное, маневр во всех случаях обязана сделать «Надежда», и они явно опростоволосились.

— Слава богу, все кончилось счастливо, господа, — сказал Лисянский, — думаю, Иван Федорович сам разберется и найдет виноватого, а вас приглашаю в кают-компанию. Попросим наших вестовых самовар разжечь…

На рассвете 21 декабря шлюпы подошли к берегам Бразилии у острова Алвардо, а к вечеру стали на якорь у крепости Санта-Крус. На крепостных стенах с приближением русских судов появились португальские флаги, на борт «Невы» поднялся португальский офицер.

— Русская экспедиция? — удивился он. — Ваш флаг еще ни разу не посещал нашу гавань. Кстати, ваш корабль, — пояснил он Лисянскому, — стоит на том самом месте, где некогда бросила якорь «Буссоль» Лаперуза.

Когда офицер откланялся, Лисянский снял с полки томик записок Лаперуза. «Земли здесь, — записал на рейде Санта-Крус свои впечатления Лаперуз об острове Святой Екатерины в ноябре 1785 года, — плодородные, но чрезвычайно запущенные. Деревья великолепные, с ароматным запахом. И все-таки это бедная страна. В ней совершенно не развито ремесло, крестьяне ходят почти голые, в лохмотьях».

А вот французский мореплаватель хвалит местных жителей. «Следующий факт, — писал Лаперуз, — может дать некоторое понятие о том, как понимают здесь гостеприимство. Шлюпка с моего корабля, посланная за дровами в одну бухточку, была опрокинута волнами. Туземцы, помогавшие спасти эту шлюпку, уложили моих матросов к себе в постель, а сами легли спать на полу на циновках. Несколько дней спустя они привезли ко мне на корабль паруса, мачты, якорь, флаги с этой шлюпки, хотя все это могло бы им самим как нельзя более пригодиться».

Лисянский отложил книгу и вышел на палубу.

В десяти-двенадцати кабельтовых, в скупом свете факелов отсвечивали крепостные стены Санта-Круса. Вдалеке к югу мерцали редкие огоньки главного города острова.

«В двенадцать лет я был кадетом, когда 44-летний Лаперуз отправился кругом света, — подумал Юрий Федорович. — Теперь мне тридцать. Пока я иду по его следам; однако о судьбе этого отважного капитана до сей поры никто ничего не знает…»

С прибрежных склонов гор потянуло ночной прохладой. Командир перевел взгляд на противоположную сторону. Иссиня-черный сумрак ночного неба с мириадами звезд сливался в непроглядной дали с океаном. Сколько раз эта динамичная водная стихия, до сих пор неподвластная человеку, наводила его на житейские размышления. Обычно он начинал их издалека. «На суше человеку проще, но без океана трудно. Он кормит его, соединяет воедино материки и острова, дает шанс на будущее.

Люди в прошлом на континентах обустраивались по-разному, но жизнь их все равно была связана с землей…»

Моряки, чьей судьбой, как и у него, Лисянского, стало море, люди несколько иного склада.

Природой предназначено людям, как и всему живому на земле, трудиться. В этом смысл существования. Но и здесь есть различия. Одни живут не задумываясь, лишь бы как-нибудь заполнить отведенный природой срок.

Другие напоминают трудолюбивых пчел. Честно и добросовестно, иногда с великим мастерством работают они самозабвенно, всю жизнь без роздыха, не размышляя о конечной цели своих усилий.

Иные, как правило, тоже с недюжинными способностями, обладают неординарными взглядами на жизнь. Ими руководит настойчивая идея — принести пользу человечеству. Они-то и стремятся своим трудом внести посильную лепту в избранную область, способствуя поступательному движению общества.

Себя он причисляет к третьему «сословию».

Однако сама жизнь человеческая дает далеко не равные права и возможности каждому члену общества.

В утробе матери, еще не увидев света, одинаковые по физиологии и природе, люди уже разнятся между собой: по праву наследования титула или звания, богатства или вечного рабства и нищеты.

Первые появляются на свет правителями стран, повелителями народов или стоящими рядом с ними князьями, графами, баронами, маркизами.

К примеру, вспомнил Лисянский, по воле Екатерины II

заслуги вице-адмирала Самуила Грейга были отмечены пожалованием его сыну, еще в утробе матери, офицерского звания мичмана. Или взять того же великого Беринга, царство им небесное, тоже не без протекции. Таким обеспечено, по крайней мере, беззаботное существование.

Большинство же простых смертных обречено корпеть всю жизнь, с весьма малой надеждой когда-либо увидеть свет полновесной жизни. Кому-то сие заказано безвозвратно — рабам, невольникам, крепостным, например, как в России и в тех же Индиях.

Себя Лисянский относил к тем, кто отыскал свою «красную нить» жизни, поймал ветер в паруса жизни, самостоятельно отыскав свой курс и следуя им всегда, бескорыстно исполняя долг, служа своему народу и отечеству не за страх и деньги, а за совесть. За чинами не гонится, с людьми ладит, никому не завидует. И все же влечет его неведомое в океан безотчетно, мечтает испытать удачу, хотя и связано сие с риском для него самого и для команды — отыскать «необитаемую землю».

Пробили четыре двойные склянки, полночь, пора и на боковую.

Утром прибыл комендант крепости и передал приглашение губернатора Резанову, капитанам, а также офицерам посетить остров. Его резиденция находилась в восьми милях от якорной стоянки в городе Ностра-Сенеро-дель-Дестеро, и поэтому отправились все на одной шлюпке.

Перед сходом на берег Лисянский распорядился Арбузову:

— Команда отдохнула, сыграйте аврал и с боцманом первонаперво разоружите мачты. Надобно проверить, особенно фок-мачту. Последние дни во время шторма она подозрительно скрипела, а впереди у нас мыс Горн.

Губернатор острова полковник Иозеф де Куррадо приветливо встретил прибывших:

— Впервые на рейде Санта-Крус реет российский флаг. Вдвойне нам приятно видеть первых русских кругосветных мореплавателей.

Узнав о просьбах моряков, полковник тут же распорядился о закупках необходимых продуктов, заготовке дров.

— Все это займет несколько дней, господин посланник, — обратился он к Резанову, — и я прошу вас на это время быть моим гостем, а господ офицеров прошу пожаловать в специально отведенный загородный дом.

Губернатор пригласил всех отобедать у него, и на корабли офицеры возвратились затемно.

Предполагалось, что стоянка займет не более пяти дней, но

на «Неве» обнаружились серьезные неполадки.

Поднявшись по трапу, Лисянский увидел встревоженное лицо Арбузова.

— Неладное у нас, Юрий Федорович, с фок-мачтой, как вы и предчувствовали. Мы только к вечеру ее успели разоружить. Едва сняли фор-стеньгу и эзельгофт, с торца мачты труха посыпалась. При фонаре разглядели — нутро мачты футов на пятнадцать сгнило.

— Зовите Русакова, я переоденусь и посмотрим мачту.

Лисянский быстро прошел в каюту, сменил одежду и вместе с боцманом Русаковым и Арбузовым прошел на бак. В самом деле, фок-мачта оказалась подгнившей.

— Ай да коммерсанты английские, — сокрушался Лисянский, — провели меня, простофилю. Ведь клялись, что все новое. По документам я сам все проверил. «Нева» построена всего полтора года назад.

Он с досадой поковырял стамеской трухлявое дерево.

— Ваше высокоблагородие, — козырнул боцман, — я заодно решил и грот-мачту разоружить, то ж чтой-то она трещит в бурю. Осталось снять грот-стеньгу.

— Молодец, Русаков, — одобрил командир, — с утра пораньше поднимай людей и чтоб за час-два управиться.

Боцман тревожился не понапрасну — грот-мачта тоже начала гнить.

После завтрака Лисянский отправился на «Надежду». Выслушав его, Крузенштерн поморщился. Хотелось поскорее пройти вокруг мыса Горн.

— Поезжайте сей же час к губернатору и договоритесь обо всем.

Полковник выслушал Лисянского и послал за мачтовым мастером.

— Прошу вас к столу, — пригласил губернатор, — отобедаете вместе с посланником.

Узнав за обедом о случившемся, Резанов нахохлился:

— Прошу вас впредь, господин Лисянский, о всех происшествиях в первую голову ставить в известность меня как начальника экспедиции.

— Но мой начальник Крузенштерн, — возразил Лисянский.

— Все это так, — досадовал Резанов, — но позвольте сообщать мне о всех случаях хотя бы в одно время с вашим начальником. Я ведь не требую ваших докладов по морскому делу. Мне должно знать о всяких непредвиденных событиях, изменяющих ситуацию. Кстати, сколько времени займет ваша процедура?

Лисянский, немного подумав, ответил:

— Мыслю недели три, не менее. Все будет зависеть от того, как скоро удастся найти подходящие заготовки.

— Бог мой, — застонал Резанов, — целый месяц отсрочки…

— Господин советник, не печальтесь. У нас вы прекрасно отдохнете и поправите свое здоровье. Когда еще вам придется быть в Бразилии? — успокоил Резанова губернатор.

Резанов понемногу остыл, и обед продолжался.

Прибывший мастер огорчил, объяснив, что для мачты у него нет готового дерева, надо идти в лес, выбрать подходящие стволы.

Договорились о цене и решили завтра же утром отправиться в лес.

Возвращаясь на «Неву», Лисянский зашел к Крузенштерну и доложил обо всем.

— Ничего не поделаешь, — согласился Крузенштерн, — будем ладить все надежно. Что касается господина камергера, то он мне порядком надоел. Докладывай, Юрий Федорович, как и раньше, обо всем мне.

— Сие мне понятно, но думается, Резанов по-своему и прав, — высказался Лисянский, — ведь он печется, как побыстрее свою миссию в Японии исполнить…

На следующий день, захватив боцмана, Лисянский вместе с мастером и местными лесорубами направился в лес. Идти пришлось три-четыре километра по узкой просеке, пробираясь сквозь чащу и болота. Тут и там квакали на разный манер лягушки — одни лаяли, подобно собакам, другие посвистывали, третьи скрипели. Мастер шел впереди с суковатой палкой, то и дело отбрасывая в сторону пригревшихся змей. Делал он это ловко, умело и без страха. Больше всего поражало обилие и разнообразие бабочек. Громадных и маленьких, окрашенных в самые необыкновенные и яркие цвета.

Замена мачт длилась около месяца. Пока лесорубы тащили через заросли восемнадцатиметровые стволы красного дерева, на «Неве» поочередно вытаскивали тяжелые мачты, пронизавшие все палубы до самого киля. Затем мачты сбрасывали в воду и буксировали к берегу. На берегу грузили новые мачты на специальный плот, везли к «Неве», поднимали на талях через шпиль на палубу и устанавливали на место.

В повседневных заботах незаметно подошли Рождественские праздники, наступил новый 1804 год.

Наравне с матросами в работах участвовала вся команда. На берег офицеры сходили лишь временами — заготовить продовольствие и воду.

За четыре месяца с момента выхода из Кронштадта на «Неве» сложились вполне доброжелательные отношения между всеми членами экипажа — от командира и офицеров до матросов, включая и гражданских лиц — доктора, иеромонаха, приказчика и служащих компании. Как и всякий новый организм, экипаж требовал времени для притирки между собой составных его частей. Не всё и сразу протекало без сучка и задоринки, особенно в первые недели плавания. Временами Арбузов довольно резко, хотя и обоснованно, высказывался на замечания командира, иногда Коробицын бурчал под нос и жаловался Гедеону о неправильных расходах средств командиром, случалось, под горячую руку крепкие затрещины боцмана валили с ног матросов. Но все это как-то само собой улаживалось, и со временем экипаж стал жить дружелюбно и действовать в согласии. В этом основная заслуга командира. «Каков поп, таков и приход», — высказался как-то по этому поводу Гедеон в беседе с Коробицыным.

Иная ситуация сложилась на борту «Надежды». Неприязненные отношения Резанова и Крузенштерна постепенно перенеслись на экипаж. Первая стычка произошла в Копенгагене, где Резанов отказался взять в свою свиту Лангсдорфа. Но упрямый Крузенштерн категорически настаивал, и, не желая обострять отношения, посланник уступил.

Ко всему прибавилось чрезмерное питие офицеров: Ратманова, Толстого, Ромберга, Левенштейна. По неписаным обычаям пьянки на кораблях в дальнем плавании — неизбежное заурядное явление. Сам Кук признавался — иногда он один оставался трезвым на корабле. Среди всех офицеров «Надежды» выделялся беспробудным пьянством Толстой. Крузенштерн неожиданно нашел в нем сообщника в антипатии к Резанову и покровительствовал ему.

Кичась своим графским происхождением и безнаказанностью в прошлом, поручик Толстой не только поносил и оскорблял Резанова, но и грозился расправиться с ним. Часто пьяные тирады поручик изливал на палубе, неподалеку от каюты посланника.

Дело дошло до скандала. Однажды в кают-компании, напившись, Толстой в очередной раз стал поносить Резанова. Обычно сдержанный художник Курляндцев пытался одернуть Толстого. В поддержку графа выступили Ратманов, Ромберг, а затем и сам Крузенштерн. Кончилось тем, что Крузенштерн вызвал матросов и запер Курляндцева под арест в форпик на баке. За живописца вступился Головачев, считая позорным такие действия.

— Я здесь хозяин, — грубо оборвал его Крузенштерн, — ваше дело, сударь, исполнять мои приказания, потрудитесь заниматься

своими прямыми обязанностями.

Узнав о самочинстве, Резанов возмущенно сказал Крузенштерну:

— Чем вы объясните свое поведение в отношении академика Курляндцева? Вы держите его под арестом без пищи, как самого последнего преступника.

Крузенштерн слегка побледнел:

— Не ваше это дело… Корабль военный, здесь флотские порядки. Курляндцева осудили офицеры, а вам до этого дела нет.

— Но офицеры были пьяны…

Крузенштерн ухмыльнулся и, повернувшись, молча удалился.

Курляндцев после освобождения заявил Резанову:

— Как хотите, ваше степенство, но с прибытием на Камчатку, я немедля покину «Надежду» и отказываюсь принять участие в экспедиции ценой таких унижений и оскорблений…

Как-то возвратившись с матросами, Повалишин рассказал за ужином в кают-компании о проделках на берегу поручика Толстого, проводившего все дни в тавернах и кабаках Дэстера. Как и в каждом приморском городе, там временами появлялись контрабандисты, за ними гонялись португальские власти. Во время одной из облав в поисках контрабандистов в трактир, где веселился в стельку пьяный Толстой, нагрянули португальские солдаты вместе с офицером. Увидев пьяного незнакомца, офицер схватил его и велел солдатам арестовать. Поручик сначала ошалел, а потом выхватил пистолет и заорал, что он русский. Португальский офицер, разобравшись, извинился, но доложил губернатору о пьянстве Толстого.

— Все это мне поведал Головачев, — продолжал Повалишин. — Узнав о выходке Толстого, посланник Резанов просил Крузенштерна, как старшего воинского начальника, обуздать Толстого, но Крузенштерн отказался. Поручик, мол, из вашей свиты, сами и разбирайтесь…

В разгар работ на «Неве» появился комиссионер Российско-Американской компании Федор Шемелин. Он находился при Резанове на «Надежде». Сначала он передал какие-то бумаги Коробицыну, а потом, отозвав Лисянского в сторону, протянул ему конверт:

— Их высокоблагородие господин Резанов просил передать вам этот документ.

Оказалось, что это инструкция на случай, если «Нева» разлучится с «Надеждой» и ей придется идти в Америку самостоятельно.

— Все это так, — сказал Лисянский, — но передайте господину Резанову, что у нас есть договоренность с моим

начальником Крузенштерном, как действовать в случае внезапной разлуки.

Встретившись с Крузенштерном, Лисянский рассказал ему о визите Шемелина.

— Опять советник суется куда не следует, — болезненно отреагировал Крузенштерн и сухо заметил Юрию Федоровичу: — Прошу тебя, впредь никаких официальных бумаг от Резанова без моего ведома не принимать…

В конце января обе мачты наконец-то установили, Лисянский доложил о готовности Крузенштерну, но теперь выход задержался по просьбе губернатора. Он привык к русским людям и хотел нанести им прощальный визит. Перед этим он устроил торжественные проводы Резанову. Коробицын живописно заметил об этом в дневнике:

«Посланник наш при выезде из города провожаем был с большой честию. Весь находящийся в городе гарнизонный полк в 3 часа пополуночи собран был к губернаторскому дому и построен от самого дома и до пристани в два ряда фрунтом на расстоянии 100 сажен. По выходе посланника из губернаторского дому проходя срединою построенного фрунта, коим делана была честь с барабанным боем и преклонением знамен. А по отвале от пристани шлюпок с находящейся при городе батареи, равно и в последовании до самого корабля с прочших всех, по пути находящихся, 5 крепостей сопровождаем был пушечной стрельбою».

Противные[39] ветры задержали выход и на другой день. Лисянский с офицерами побывал в последний раз на берегу и подтвердил свое мнение: «Жители острова Св. Екатерины вежливы и принимали нас везде с великой любезностью. Я согласен с мнением Лаперуза, который называет их чрезвычайно честными и беспристрастными».

4 февраля ветер задул с юго-востока, шлюпы снялись с якорей. Едва вышли за северную оконечность острова, пришлось взять рифы — ветер усилился до штормового. Свежий ветер сопровождал их долго, постепенно заходя к северу.

Спустя две недели командир вместе с штурманом Калининым занимался астрономическими наблюдениями, уточнил долготу и вечером, как обычно, читал книгу в каюте. Вдруг резкий удар в скулу подветренного борта накренил шлюп и замедлил ход. Не одеваясь, командир выскочил на шканцы. Вахтенный начальник лейтенант Повалишин показал за корму:

— Мертвый кит, Юрий Федорович.

В кильватерной струе белела громадная туша кита, над ней с криком носились вспугнутые чайки и альбатросы.

— Слава богу! — перекрестился Лисянский. — Провидение отвело от нас беду. Попадись эта махина на пять саженей на ветре — и нам бы не миновать остаться вовсе без мачт. Сломало бы их начисто.

Спрямившись, «Нева», набирая ход, устремилась догонять «Надежду»…

Прошло три дня, погода улучшилась, ветер стих, выглянуло солнце. Шлюпы легли в дрейф, и Лисянский на шлюпке навестил Крузенштерна. Накануне предстоящего плавания вокруг мыса Горн он поделился ближайшими планами с Лисянским:

— Если плавание у Горна пройдет благополучно, я намереваюсь зайти на остров Пасхи и лишь потом направиться к Маркизовым островам.

Лисянский согласно кивнул и предложил:

— Полагаю, минуя остров Штатов, нам следует удалиться наивозможно далее к югу на два градуса, дабы наверняка попасть в Великий океан.

Немного подумав, Крузенштерн согласился…

Чем дальше к югу, тем ниже опускался столбик термометра. Матросам выдали теплую одежду. Все чаще стали попадаться стаи китов. Иногда они заигрывали с шлюпом, подходили почти к борту, пускали фонтаны.

На рассвете 25 февраля вахтенный матрос на салинге крикнул:

— Вижу землю!

Когда рассеялась дымка, Калинин запеленговал крайний мыс и доложил командиру:

— Справа проходим траверз острова Штатов.

Лисянский спустился в каюту, склонился над картой.

Мыс Горн… Одно упоминание навевает многим мореплавателям невеселые мысли… Почти постоянные сильные западные ветры, сопровождаемые жестокими штормами, не изученные подводные течения, частые туманы заставляют многих мореплавателей избирать другой маршрут в Тихий океан, на восток. Иногда их вынуждает к этому стихия. В свое время английский капитан Блай, встретившись здесь с плохой погодой, после тщетных усилий, в течение нескольких недель, принужден был, однако, повернуть назад и спуститься к мысу Доброй Надежды. Потому по договоренности с Крузенштерном решено было спуститься как можно дальше к югу и лишь потом ложиться к весту.

Лисянский прошел в каюту Калинина. Тот корпел над картой, определяя направление дрейфа «Невы».

— Будем спускаться за пятьдесят восьмую параллель, как мы

и договорились с Крузенштерном, — сказал командир, — потом повернем к весту. С божьей помощью пойдем к Великому океану.

Поднявшись на шканцы, он предупредил стоявшего на вахте Берха:

— Следите внимательно за сигналами «Надежды». Начинаем спускаться к югу миль на сто, потом повернем на вест. Передавайте сие по вахте…

Спустившись на юг, шлюпы попали в жестокий шторм. Огромные свинцовые волны то и дело укладывали «Неву» на борт и, перекатываясь по палубе, крушили все на своем пути. Сначала выломало доски шкафута, оборвало крепления шлюпок на палубе, и боцман с трудом закрепил их заново. В последний день февраля началась сильная толчея волн, обрушился проливной дождь, сменившийся снегом и градом, такелаж и рангоут покрылись коркой льда…

Довольно красочно описал гнев океана пассажир «Надежды» Федор Шемелин: «Клокочущие и пенящиеся волны его, подобящиеся возвышению и образу Тенерифского Пика, кидали корабли наши с одной на другую, как перо, опуская же оные к подножью своему, верхи свои разсыпали с шумным треском над нашими головами. Корабль, скатываясь с возвышенных валов, как с крутизны высокой горы, ударялся с другой, тому подобный и, тем размахом опрокинутый, черпал боком своим воду; останавливаясь же от сих толчков, принужден допускать догонять себя таковым же, и пенящимися верхами их покрываться с другой стороны; шкафут корабельный постоянно находился под водой, и матросы обливаемы были с головы до ног».

Но Лисянский за десятки лет привык к подобным ужасам и замечает: «Хотя многие мореходцы опасаются обходить мыс Горн, но, по моим наблюдениям, он почти ничем не отличается от всех других мысов, лежащих в больших широтах». И здесь же он поясняет свои доводы: «Я уверен, что, справившись в журналах судов Соединенных Штатов, корабли которых плавают ежегодно этим путем к северо-западным берегам Америки, можно обнаружить гораздо больше успехов, нежели неудач, при обходе мыса Горн. При этом имеется одно только то неудобство, что путешественник, по причине величайшего отдаления этого мыса от населенных мест, лишаясь мачт или претерпевая какое-либо несчастие, не скоро может получить помощь».

Штормы и ураганы не мешают командиру «Невы» проводить научные изыскания. От его наблюдательности не ускользнуло круговращательное антициклоническое движение воздуха против часовой стрелки, которое сопровождалось повышением давления и улучшением погоды. Он пишет, что ветер сначала дул к югу,

потом к востоку и, наконец, к северу. Наблюдая за поведением барометра, Лисянский сделал замечательный вывод о различиях климата северного и южного полушария: «Барометр, по моему замечанию, поднимается у мыса Горна, в ясную погоду, не столь высоко, как в Северном климате той же широты, а в худую опускается гораздо ниже».

Проверка убедила Лисянского, что существовавшие в то время карты изобилуют многими ошибками. На английских картах того времени под 46°37′ южной широты и 58°15′ западной долготы изображался остров Пенис Дюдозе. Лисянский считает его несуществующим. Он также сомневается в существовании небольшого островка, который английские картографы помещали под 56°05′ южной широты и 62° западной долготы, так как, проходя на близком расстоянии, он не приметил никаких признаков земли.

«Вот тебе и Британия, владычица морей, — подумал Лисянский, — а карты недостоверны, путают мореходов».

Свои наблюдения и выводы он зафиксировал в корабельном журнале. Возможно, в этих местах по его следам пойдут капитаны, потерпят бедствие, будут надеяться добраться до спасительного острова, а его и в помине нет.

Южнее мыса Горн корабли были окружены петрестями — морскими буревестниками, пингвинами и морскими ласточками. В море, как гуси, плавали альбатросы, моряки иногда ловили их удочками, откармливали и употребляли в пищу.

Несмотря на хмарь и непогоду, от внимательного взора командира «Невы» не ускользают и диковинные представители фауны, воздушной среды океанских просторов: «В продолжение всего шторма нам сопутствовала птица величиной с гусенка, похожая издали на альбатроса. Голова у ней толстая, шея короткая, хвост клином; верхняя часть крыльев, голова, хвост и нос черные. По отношению к голове нос слишком длинен, на конце с желтоватой шишкой. Спина с черноватыми пятнами. Нижняя часть крыльев белая, с черными полосами по концам». Так рельефно отобразил в своем дневнике Лисянский исполинского буревестника — костолома.

Первый день марта принес улучшение погоды. Ветер несколько стих, небо прояснилось, временами наступали ясные дни, и, появляясь изредка, скупое солнце ласкало лица моряков. Удача сопутствовала вояжу почти две недели первого месяца весны, не штормило, противные ветры были легкими и быстро сменялись попутными восточными и юго-восточными.

В день весеннего равноденствия шлюпы вышли в Тихий океан. Щурясь от солнца, на шканцы вышел штурман:

— Поздравляю вас, господа, мы первые из россиян пересекли меридиан мыса Горн и перешли из Атлантического в Тихий океан.

Однако потом опять задули противные ветры. «Корабль «Нева», во время своего двадцатичетырехдневного плавания от земли Штатов до мыса Виктории, подвинулся к востоку только на 40 миль по долготе, — приметил Лисянский, — из наблюдений же, сделанных в разные дни, было видно, что течение влекло нас иногда к югу и западу, а иногда к северу и востоку. Словом, мыс Горн такое место, где случайно можно повстречаться с плохим и хорошим, с обстоятельствами, могущими содействовать успешному плаванию или препятствующими этому…»

* * *

После полуночи находившие беспрерывной чередой шквалы заставили лечь в дрейф. Лисянский не сходил с мостика, напряженно всматриваясь вперед. По расчетам скоро должен появиться остров Святой Пасхи…

День 25 марта оказался несчастливым. Накануне усилился северо-восточный ветер, запасмурело, пошел мелкий дождь. После полудня плотный туман скрыл все вокруг. С наступлением ночи мгла окутала «Неву» непроницаемой завесой. Командир приказал подобрать марсели и брамсели. Судно уменьшило ход. К рассвету туман пропал, но исчезла и «Надежда». «Нева» осталась в одиночестве.

«…Мы остались одни в самом неприязненном климате, отдаленные от обитаемых мест и не имея никакой другой помощи, кроме той, какую могли сами себе подать», — отметил Лисянский.

Сделав несколько галсов в поисках товарища, он решил идти к условленному месту. К вечеру на вантах вдруг появились небольшие птицы, похожие на голубей.

— Сии пичужки верный признак близости суши, Василий Николаевич, — пояснил командир зевавшему на вахте Верху…

С утра 16 апреля горизонт заволокло низкими облаками, но командир не уходил вниз. Сколько раз перечитывал он впечатления Кука и Лаперуза об этом загадочном клочке суши, затерянном среди океанских просторов. Сейчас невольно прибавлялось собственное чувство тревожно-радостного ожидания встречи с первым обитаемым местом в акваториях Великого океана. Предвкушение неведомых впечатлений сильно волновало. «Нева» впервые следовала самостоятельно, не считая

небольшого плавания в Северном море. Наступила первая проверка на деле его капитанской выучки. А кроме того, судьба дарила ему встречу с грезами далекой юности.

Пробило шесть склянок — одиннадцать часов. В течение последнего часа на шканцы один за другим вышли все офицеры, пришли иеромонах с доктором, приказчик Коробицын. За утренним чаем в кают-компании командир отсутствовал. Штурман Калинин сообщил об ожидаемой встрече с островом.

— Юрий Федорович с нетерпением ждет появления острова Святой Пасхи. Сие смятение чувств мне созвучно. Для истинных мореходцев такие минуты волнительны.

Наконец-то в разрывах облаков мелькнула едва заметная точка. Лицо командира просветлело. Он оторвался от зрительной трубы и вскинул руку вперед:

— Остров Святой Пасхи прямо по курсу!

Передав трубу Арбузову, послал вестового в каюту за альбомом и карандашами. Спустя полчаса Лисянский протянул Калинину лист с набросками острова.

— Вот вам первый эскиз, Данила Васильевич, по пеленгу норд-вестовому.

Командир начал набрасывать новый рисунок, к нему подошел доктор Либанд и осторожно спросил:

— Позвольте спросить, для чего надобен повторный рисунок?

Не отрываясь, Лисянский объяснил:

— Первый эскиз набросан при обозрении острова с пеленга норд-вест. «Нева» же, двигаясь, беспрестанно меняет направление на остров. Следовательно, и остров мы видим совершенно в другом виде. Как, к примеру, наше судно. С борта оно смотрится по-одному, а с носа или кормы — совершенно по-другому.

Лисянский сделал паузу и продолжал:

— Рисунки сии помогут нашим мореходам быстрее распознать остров Пасхи, случись к нему подходить то ли в тумане, то ли ночью. Мы-то первые россияне зрим сию картину. Пора и нам своими лоциями обзаводиться…

Русский офицер смотрит вперед, его волнуют заботы отечественных мореплавателей, которые обязательно придут в эти места.

«Нева» подошла к острову вечером, держась восточнее. В воде тут и там виднелись камни. С севера вдруг натянули мрачные тучи, нашел шквал. Отвернув от острова, «Нева» легла в дрейф с зарифленными парусами. За ночь шлюп отнесло от берега на 12 миль, и потому с рассветом поставили паруса и снова подошли к острову.

Недалеко от берега из воды торчали гигантские камни. Один

из них Калинин принял было за «Надежду». Увы, спутника «Невы» не обнаружили. Приглубый[40] восточный берег, покрытый кустарниками, выделялся ярким зеленым ковром среди возвышающихся к северу и югу угрюмых каменных утесов.

Вдоль берега тянулись аккуратные аллеи из банановых растений и заросли кустарников, из которых тут и там поднимался дым.

— Должно быть, среди чащи кустарников живут люди, — заметил Повалишин и, указав на две черневшие среди зеленой травы статуи, повернулся к Лисянскому. — Видимо, те самые статуи, что описаны Куком и Лаперузом.

Командир согласно кивнул. Взгляд его цепко ощупывал каждый камень и кустик на берегу. По этим скалам и откосам также скользили взгляды Кука и Лаперуза каких-то двадцать — тридцать лет тому назад. Выбирали место для якорной стоянки, высаживались на берег. К сожалению, ему это, видимо, не суждено. Подходы к берегу из описаний Кука и Лаперуза не вполне определены. Всюду вдоль побережья видны каменные рифы, чуть прикрытые водой. У его предшественников не произошло столкновения с островитянами, кроме мелких краж, замеченных Лаперузом. Однако риск слишком велик. К тому же не достигнута главная цель — Аляска. У него всего сорок матросов…

— Держитесь левее, Петр Васильевич, мы обойдем остров с юга, осмотрим западную часть и Кукову губу. Быть может, «Надежда» укрылась там.

Тем временем на берегу постепенно собирались небольшие группы обнаженных людей с темной от загара кожей. Некоторые из них бежали вслед за «Невой» по берегу, другие влезали на камни, прыгали и размахивали руками. Они сопровождали шлюп, пока он не обогнул остров с юга и не лег в дрейф в заливе Кукова губа.

Не обнаружив «Надежду», Лисянский решил подождать три-четыре дня — возможно, непредвиденные обстоятельства задержали Крузенштерна. Эти дни он использовал для досконального определения координат острова и знакомства с его обитателями. Вместе с Калининым командир проводил серии астрономических наблюдений и тщательно рассчитал местоположение острова. Оно оказалось существенно отличным по широте от вычислений Джеймса Кука.

«Кук полагает, — записал Лисянский в дневнике, — остров Св. Пасхи под 27 градусами 6 минутами южной широты и 109 градусами 46 минутами западной долготы. По моим же наблюдениям, середина его лежит под 27 градусами 9 минутами

23 секундами южной широты и 109 градусами 25 минутами 20 секундами западной долготы. Широта южного мыса оказалась 27 градусов 13 минут 24 секунды, а долгота 109 градусов 30 минут 41 секунда. С Куком мы не согласны в отношении числа жителей острова. Хотя сам я и не был на берегу, но если иметь в виду пятьсот человек, которые, приметив наш корабль, немедленно сбежались из ближних мест, то, по моему мнению, на острове Св. Пасхи должно быть всех жителей, по крайней мере, полторы тысячи».

За четыре дня пребывания у острова командир подметил то, мимо чего прошли те, кто побывал здесь раньше.

«Здешние жители не столь бедны, как описывают предшествовавшие нам мореплаватели… Жилища их хотя не могут равняться с европейскими, однако же довольно хороши. Своим видом они походят на продолговатые бугры или на лодки, обращенные вверх дном… По берегам находится множество статуй, верные изображения которых можно видеть в описании путешествия Лаперуза. Они высечены из камня с весьма грубым изображением человеческой головы и покрышкой цилиндрического вида. Кроме того, нами замечено много куч камней с небольшими черноватыми и белыми пятнами наверху. Кажется, и они служат вместо каких-то памятников».

На рассвете 21 апреля шлюп вновь направился к губе Кука. Нельзя было уйти, не оставив какой-либо вести на случай прихода «Надежды». Написав письмо для Крузенштерна, запечатав его в бутылку, Лисянский наставлял Повалишина:

— Спустите ялик, возьмите у Коробицына, он знает — ножи, набойки, пятаки на цепочках и следуйте к берегу. По обстоятельствам, ежели будет безопасно, высаживайтесь, объяснитесь дружелюбно с жителями. Главное — передайте бутылку с запиской для Крузенштерна. Запомните слово «тео» — на их языке это означает «друг».

«Нева» приблизилась к берегу и легла в дрейф. Задул юго-западный ветер и становиться на якорь в незнакомом месте было неосмотрительно.

Пока спускали ялик, на берегу собралось около 500 островитян. Заметив, что ялик направился к берегу, они скучились на песчаной отмели, ожидая, когда он пристанет к берегу. Среди них были женщины и дети. Они кричали, размахивали руками и показывали знаками место, где лучше пристать ялику. Но Повалишин действовал осмотрительно. Вдоль береговой черты пенился бурун от подводной гряды камней.

— Табань! — скомандовал он.

До берега оставалось полкабельтова, однако десятка три

островитян не раздумывая бросились в воду и поплыли через бурун к ялику.

Через несколько минут их темно-оранжевые тела с улыбающимися физиономиями окружили ялик. Их лица, шеи и руки были покрыты татуировкой. В руках они держали бананы, коренья, сахарный тростник. Повалишин сообразил, что может произойти неладное.

— Тео! Тео! — закричал он, показывая рукой, чтобы они подплывали по одному.

Сначала он отдал самому сильному и смышленому на вид островитянину бутылку с письмом для Крузенштерна и, указывая на «Неву», себя и остров, пояснил, что сделать с бутылкой. Каждому из приплывших он подарил маленькие зеркала, дощечки с надписью «Нева», монеты на цепочках, кому-то достались ножи и ножницы…

Вернувшись на шлюп, Повалишин сокрушенно сказал:

— Жаль мне последнего старика с бородой. Уж больно выпрашивал у меня ножик, а я все раздал. Отдал ему несколько монет, нанизанных на проволоку, так он сплавал на берег и вернулся с тростником, мешочком сладкого картофеля. Отдал мат, на котором приплыл…

Подняв на борт ялик, «Нева» поставила паруса и, развернувшись, легла на курс к Маркизовым островам. В кают-компании подали свежую зелень на обед.

— Однако не пойму, господа, — загудел вдруг обычно молчавший Гедеон, — по какой причине сей остров назван именем Святой нашей Пасхи?

Лисянский лукаво ухмыльнулся, посмотрел на Арбузова. За долгие месяцы не только он, а и все остальные офицеры пользовались книгами библиотеки командира, в которых подробно описывались кругосветные путешествия со времен Колумба.

— Восемь десятилетий тому назад, батюшка, — начал Арбузов, — голландский мореплаватель Яков Роггевен открыл сей остров в день Святого праздника Пасхи и, благоговея перед всевышним Господом, дал ему сие название.

Гедеон истово перекрестился и сказал:

— Пожалуй, есть смысл поднять чарку за упокой памяти Иакова, сего благочестивого христианина.

Все одобрили мудрый поступок иеромонаха, а Лисянский, после того как осушили рюмки, добавил:

— Тем более есть еще повод для тоста, господа, Роггевен открыл сей остров 6 апреля, капитан Кук посетил его 9 апреля, капитан Лаперуз оказался тут 9 апреля, и мы сего дня отплываем

благополучно по-прежнему летосчислению тоже 9 апреля…

Все встали, чокнулись с командиром, изумились в очередной раз его познаниям, давшим на этот раз прекрасный повод отвести душу в длительном плавании…

Всего три дня «Нева» кружила вокруг острова Пасхи. Ни один член экипажа не сошел на берег. Но Лисянский, один из первых россиян, побывавший вблизи острова, запечатлел и подметил многое, чего не замечали его предшественники или судили об увиденном ошибочно.

О жителях острова Пасхи мореплаватели XVIII века писали немало надуманного. Голландский мореплаватель Роггевен, вернувшись в Европу из кругосветного плавания, писал, что люди на острове Пасхи достигают двенадцати футов роста и в два раза толще обычных людей. По описанию Лисянского, «островитяне лицом и цветом тела походят на темнооранжевой, или на южных европейцев загорелых от солнечного зноя. По лицу, носу, шее и рукам проведены были у них узенькия синия черты; уши имели они обыкновенные, сложение тела здоровое, а ростом иные были до шести футов».

Число жителей острова Пасхи каждый автор оценивал по-разному. Кук предполагал, что местное население острова достигает 6000–7000 человек. Лаперуз, посетивший остров двадцать лет спустя, насчитывал не более двух тысяч жителей. Лисянский вполне согласен с ним: «И так по мнению моему, на острове Св. Пасхи должно быть всех жителей, по крайней мере полторы тысячи». Но тут же командир «Невы» вступает в спор с Лаперузом, который писал, что он сам видел, как на острове Пасхи пьют морскую воду. Лисянский опровергает Лаперуза: «По причине не редко случающихся в течение года дождей, могут они без дальнего труда запастися ею. В западной Индии находится множество островов, не имеющих ни рек, ни источников, однакож обитатели оных, чему я сам был очевидным свидетелем, заменяют недостаток сей, делая обширныя ямы в земле и накапливая в оных зимою такое количество дождевой воды, что во все остальное время года довольствуются ею без всякой нужды». Действительно, несмотря на обильные осадки, на острове нет рек и ручьев, пористый грунт вбирает всю атмосферную влагу. Грунтовые воды выходят на поверхность у берега моря. Ямы, виденные Лаперузом, есть не что иное, как колодцы, выложенные камнем, в которых местные жители с древних времен накапливали воду. Во время приливов в колодцы иногда проникала морская вода. Это обстоятельство, вероятно, привело Лаперуза к неправильному заключению, что жители острова пьют морскую воду.

В чем-то Лисянский подтверждает своих предшественников. «Из деревьев, кроме небольших, да и то изредка растущих, нигде и никаких не примечено, изключая бананы, коими так, как и другими питательными растениями, кажется мне, двадцатая часть усажена; остальные же места, даже и самые вершины гор поросли низкорастущею травою». Первый русский моряк, побывавший у острова, был весьма любознательным не без пользы для своих последователей. Составленная им карта острова Пасхи оказалась точнее всех карт, созданных Роггевеном, Лаперузом, Куком.

* * *

Накануне прибытия к Маркизовым островам на «Неве» праздновали день Святого Христова Воскресения.

Обычно праздник Пасхи, как и другие православные праздники, начинался с Божественной литургии. Необычной была лишь окружающая среда — большая отдаленность от родных мест, необозримая пустынность океана вокруг и никем и ничем не нарушаемая тишина, обволакивающая шлюп.

Матросы после побудки одели чистые рубахи, накануне привели в порядок свои вихры, побрились, чтобы во всем чувствовать торжественность.

Для молитвы Лисянский определил место в кормовой части жилой палубы. На переборке постоянно висел образ Николая Чудотворца, сейчас около него хлопотал иеромонах Гедеон — оборудовал походную церковь, разложил небольшой иконостас, под налой приспособил банку из матросского кубрика. На него поставил подсвечник с зажженными свечами и положил Евангелие. Помогал Гедеону в этом несложном, но важном деле Коробицын.

Вся команда знала, что литургия начнется ровно в одиннадцать часов, и потому, когда вахта пробила шесть склянок, все свободные от вахты собрались в жилой палубе у налоя.

Впереди стояли в парадных мундирах офицеры во главе с Лисянским, рядом — доктор Либанд, Коробицын, подштурман Федул Мальцов, подлекарь Алексей Мутовкин, боцман и квартирмейстеры. За ними чинно расположились матросы. Облаченный по случаю праздника в новую ризу Гедеон начал богослужение с молитвы.

Глядя на него, Лисянский вспомнил, как не хотел брать его, лишнего пассажира, на шлюп, но потом понял, что был неправ. В дальнем многомесячном плавании поддержание сил духовных человека подчас значит больше, чем его физическое состояние.

Гедеон отменно и пристрастно справлял все церковные обряды, но вел себя скромно, был немногословен. Командир примерно знал его биографию, благородные цели поездки на Аляску, после чего, собственно, и согласился взять соборного монаха на шлюп.

Сын орловского священника, в миру Гавриил Федотов, обучался многим наукам в разных семинариях. В Севской — латыни, грамматике, поэзии, в Белгородской — французскому языку, логике, риторике, географии, истории, арифметике,

физике, геометрии, философии, богословию. Затем преподавал в семинариях французский язык, риторику, философию, математику. Последнее время истребован митрополитом Амвросием, назначен учителем и соборным иеромонахом Александро-Невской лавры. Русская Америка к тому времени осталась без духовного наставника. Последний епископ Иоасаф с членами миссии погиб в океане с бригом «Феникс». Потому-то Синод решил отправить Гедеона для обращения новокрещеных в российско-американских заведениях христиан. Уже в пути Резанов поручил Гедеону взять на свое попечение кадьякскую школу для алеутов и образовать «правильное училище»…

Высокий, с черной гривой и бородой, Гедеон заканчивал молитву. Чинно, в строгом молчании замерли присутствующие, время от времени осеняя себя крестным знамением. Лица их в эти минуты светились радостью торжественного настроения, а праздник невольно навевал мысли о чем-то далеком и родном. Кому вспоминалась родная Кронштадтская гавань, кому петербургские улицы, а многим — отчие места с рублеными избами в российских весях и просторах.

Окончилась литургия, и, поцеловав крест, все, оживленно беседуя, поднялись на палубу. Вскоре боцманская дудка просвистела к обеду. За первой чаркой матросы получили дополнительную, за счет командира. В честь Пасхи палили из трех пушек.

7 мая, едва рассвело, на западе обозначился первый из Маркизовых островов — Фату-Гива. Два дня обходил шлюп один за другим острова: Тоу-Ата, Гива-Гова, Уа-Гангу. «Надежды» не оказалось ни у одного из них…

«Странно, — размышлял Лисянский, — Крузенштерн — человек слова, может быть, что-то помешало зайти ему на Пасху, но почему нет «Надежды» здесь? Не стряслось ли с ними чего худого?»

9 мая шлюп приблизился к последнему, самому крупному острову — Нукагива. Его крутые утесы появились на виду, когда «Нева» находилась на траверзе соседнего острова Уа-Гангу. Ветер начал стихать, и «Нева» в сумерках отошла для безопасности мористее. Ночью хлынул тропический ливень, и весьма кстати. Удалось наполнить водой дюжину бочек. С рассветом в течение дня ветер менял направление несколько раз. Приходилось лавировать, ложиться на новые галсы, склоняясь постепенно к южному мысу Нукагивы. Небо вскоре просветлело, ветер зашел к северо-востоку. Команда начала завтракать, в кают-компании допивали чай. В дверях неожиданно появился матрос и доложил капитану:

— Ваше благородие, ялик с «Надежды» следует из бухты!

Все быстро вышли на палубу. Из-за мыса к правому борту спешил ялик с четырьмя матросами. Привстав на корме, приветливо размахивал шляпой голубоглазый лейтенант Головачев. С кормы сбросили веревочный трап, Головачев ловко взобрался по нему, соскочил на палубу и сразу оказался в объятиях командира.

— Семь недель были в разлуке, — обнявшись вслед за Лисянским с товарищем, сказал Повалишин.

— А мы здесь уже три дня, пообвыклись, — сообщил Головачев, — «Неву» заметали еще вчера вечером, но стемнело, и посланный ялик вернулся ни с чем.

Пока «Нева», обогнув мыс, втягивалась в бухту, занимая место неподалеку от «Надежды», он рассказал стоявшим вокруг офицерам новости за полтора месяца.

После разлуки с «Невой» Крузенштерн решил идти не сразу в Японию, как было задумано, а на Камчатку.

— Наш капитан размыслил, что за многие месяцы в Японии компанейские грузы и товары сильно подпортятся и лучше сразу доставить их на Камчатку, — пояснил Головачев и добавил: — Потому «Надежда» и не заходила на Пасху, чтобы сберечь время.

По словам Головачева, на острове Нукагива живут в общем-то доброжелательные островитяне. Они каждый день приплывают к шлюпу, привозят бананы, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева. Все это они с удовольствием обменивают на ножи, зеркала, полосы железа, безделушки.

Среди островитян неожиданно оказались двое европейцев — англичанин Робертс и француз Кабри. Англичанин, с его слов, семь лет назад высадился с английского купеческого судна, матросы которого подняли бунт, а Робертс отказался быть с ними заодно. Здесь он женился на родственнице местного короля, и его очень уважают жители острова. Француз же, по словам Робертса, сам сбежал в силу каких-то причин с французского судна. Выяснилось, что отношения между ними были весьма неприязненными.

Оставшись вдвоем с Повалишиным, Головачев вполголоса сказал:

— Опять у нас, Петр Васильевич, свара затеялась между советником и командиром. По совести сказать, не нравится мне, что Крузенштерн высокомерие проявляет к Резанову. К тому же и офицеров склоняет, чтобы всячески принизить камергера. Особенно усердствует в том Ратманов.

Тем временем «Нева» стала на якорь неподалеку от «Надежды». Сразу же десятки островитян подплыли к шлюпу,

предлагая бананы, кокосы для обмена на разные поделки — гвозди, бусы, куски тканей.

Лисянский отправился доложить Крузенштерну, и тот познакомил его с королем Нукагивы. Как и другие островитяне, он был обнажен, лишь на бедрах виднелась узкая повязка, а все тело испещрено татуировками и рисунками… Все последующие дни продолжался оживленный обмен товарами между островитянами и шлюпами. Лисянский сумел выменять несколько диковинок — морские раковины, веер, ожерелье из зубов акулы, резную деревянную чашку. Вместе с Резановым и Крузенштерном он нанес визит королю острова. Король и его многочисленное семейство радушно приняли русских моряков.

В заботах и пополнении запасов воды и продовольствия промелькнула неделя. Незадолго до выхода «Надежды» произошел крутой разговор Крузенштерна с Резановым… Началось вроде бы с небольшого недоразумения. Туземцы бойко обменивали свои плоды на предлагаемые им приказчиками Шемелиным и Коробицыным товары компании. Иногда в таких «торгах» участвовали и офицеры. Естественно, возникала стихийная конкуренция, часто не в пользу последних. Крузенштерн почему-то вдруг решил поручить мену товаров с островитянами лейтенанту Ромбергу и доктору Карлу Эспенбергу, а приказчикам запретил торговать.

Узнав об этом, Резанов, встретив Крузенштерна, недоуменно сказал:

— Хозяйственные дела напрочь не ваша компетенция, приказчики променивают компанейские предметы. — Резанов слегка усмехнулся. — Думается, это для вас не солидно и полно вам ребячиться.

Крузенштерн оторопело уставился на Резанова, лицо его стало пунцовым, и он вскрикнул:

— Как вы смеете мне говорить, что я ребячусь?!

— Так-то смею, сударь, — хладнокровно ответил посланник, — весьма смею, как я ваш начальник.

— Ха, вы — начальник? Да знаете ли вы, как я могу с вами обойтись?

— Нет, не знаю, — не теряя самообладания, ответил Резанов. — Быть может, думаете посадить под арест, как академика Курляндцева? Так матросы вас не послушают. Ежели коснетесь меня, то чинов своих лишитесь. Вы позабыли законы, видимо, и уважение, которые обязаны званию моему…

Посланник повернулся и ушел в каюту, но Крузенштерн кинулся следом за ним.

— Как вы смели сказать, что я ребячусь?! — кричал он,

ворвавшись без стука в каюту. — Ну, погодите, я разберусь с вами на шканцах…

У него уже созрел план действий, и дальнейшие события следовали беспрерывной чередой. Выскочив из каюты, он приказал немедленно подать ялик и направился к «Неве».

— Ялик с командиром «Надежды» подходит к борту, — доложил вахтенный матрос Лисянскому.

Поднявшись на борт, хмурый Крузенштерн молча прошел в каюту командира.

— Ты знаешь, Юрий Федорович, о всех моих распрях с Резановым, — начал раздраженно Крузенштерн, едва они вошли в каюту, — и его настырность везде совать нос. Нынче же он превзошел все пределы и объявил себя начальником над нами и всего вояжа.

Крузенштерн изучающе посмотрел на молчавшего Лисянского и продолжал:

— Посему, Юрий Федорович, дабы навсегда урезонить Резанова, я прошу тебя и офицеров пожаловать сей же час со мной на «Надежду». Я решил показать наконец-то Резанову его место и подвергнуть его нашему осуждению.

Однако Лисянский, выслушав Крузенштерна, высказался иначе, чем тот ожидал:

— Видишь ли, Иван Федорович, я не нахожу достаточных причин для таких резких выпадов против камергера, и потом, я давал обязательства правлению компании выполнить все ее распоряжения, а Резанов же является одним из ее директоров. Да и вся наша экспедиция снаряжена на средства компании. Думается, нет смысла накалять страсти и поднимать сыр-бор.

Крузенштерн явно не ожидал такого поворота и холодно произнес:

— В таком случае пригласи офицеров в кают-компанию.

Повторив в кают-компании свои доводы, Крузенштерн почувствовал холодок, идти вызвался только Берх, а Лисянский пошел по долгу службы поддержать начальника.

Вернувшись поздно вечером, рассказал о дальнейших событиях в кают-компании Берх…

Прежде всего Крузенштерн вызвал наверх всю команду и пассажиров — членов миссии, ученых. Все офицеры, за исключением Головачева, пошатывались и были навеселе. Потревоженные матросы безразлично смотрели под ноги. Их мало интересовали властные разногласия начальства. В то же время многие из них испытывали некоторую симпатию к посланнику.

В каюту Резанова без стука ввалился лейтенант Ромберг:

— Капитан, офицеры и вся команда ожидают вас для

объяснений, — произнес он, еле выговаривая слова.

— Вы, сударь, пьяны, и с какой стати я вам должен повиноваться? — ответил Резанов.

— Ежели не подчинитесь, приказано силой вас выволочить, — нагло сказал Ромберг и вышел.

В который раз за время плавания Резанов почувствовал себя неуютно… Одно стало ясно — пришло время объясниться раз и навсегда, и он нехотя вышел на палубу. Не глядя на столпившихся, Резанов вплотную приблизился к Крузенштерну.

— Вы постоянно кичитесь, что вы начальник экспедиции, — хмурясь, сказал Крузенштерн, — так потрудитесь сие доказать в присутствии господ офицеров и экипажа.

— Ваша неучтивость и то, что вы прислали ко мне пьяного офицера, не делает вам чести. — Резанов обвел взглядом всех присутствующих. — Да будет всем известно, что я назначен повелением государя нашего, и вы, сударь, это прекрасно знаете…

Резанов хотел уйти, но к нему подскочил, размахивая кулаками, всклокоченный поручик Толстой. Его остановил Головачев.

— Думается, — обратился он к Крузенштерну, — что все это недостойно, Иван Федорович.

— Опять вы со своими нотациями, — оборвал его недовольный Крузенштерн, — ваши суждения оставьте при себе. А ваши полномочия, — обратился он к Резанову, — я прошу подтвердить необходимыми бумагами.

Крузенштерн лукавил. Он прекрасно знал о решении Александра I. Еще в Кронштадте ему сообщил Резанов о высочайшей воле. Правление компании в инструкции ему, Крузенштерну, писало о Резанове, что «уполномачивая его полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке», обязывало Крузенштерна: «Вы не оставите руководствоваться его советами во всем».

Посланник понял, что развязка наконец-то приблизилась. Он принес из каюты бумаги и обратился к Крузенштерну:

— Указ подписан государем, прошу снять шляпы…

Крузенштерн, а за ним и остальные нехотя обнажили головы.

— «Избрав вас на подвиг, пользу Отечеству обещающий… — торжественно начал Резанов, а когда закончил, стало ясно, что он действительно назначен начальником вояжа. — Сим оба судна с офицерами и служителями поручаются начальству Вашему»…

Объяснение состоялось, но облегчения оно не принесло. Резанов не выходил из своей каюты до самого Петропавловска.

За два дня до выхода в море на борт «Невы» поднялся

посланец от королевы острова. Накануне моряки гостили на берегу у королевской четы. Лисянский все время поглядывал на молодую невестку, жену сына короля, почитаемую островитянами за божество. Видимо, командир «Невы» также приглянулся женской половине. «Поутру, — делился впечатлениями Лисянский, — пришел от королевы нарочный, сказать мне, что если я пришлю свое гребное судно, то она со своими родственниками охотно посетит наш корабль «Нева», прибавив, что на лодках островитян ездить им запрещено. Это сделано, кажется, для того, чтобы неприятель не мог увезти столь знатных особ. Я тотчас отправил к берегу ялик и перед полднем имели мы удовольствие видеть на своем корабле королеву, ее дочь невестку и племянницу. Мы угощали их по возможности и, одарив, отправили всех назад.

Как сама королева, так и другие были покрыты желтой тканью и намащены кокосовым маслом, которое хотя и придает телу большой лоск, но пахнет весьма неприятно.

Молодые женщины все недурны, а особенно невестка, или мать того ребенка, которого островитяне почитают божеством. Она дочь короля, владеющего заливом Гоуме, и называется Ана-Таена. Между ее отцом и свекром происходила почти непрестанная война как на суше, так и на море. Но с того времени, как сын короля Катонуа женился на дочери короля залива Гоуме, война на море прекратилась, потому что невеста была привезена по воде. Если, по каким-либо неприятным обстоятельствам, она принуждена будет оставить мужа и возвратиться к родителям, то война, которая продолжается нынче только на суше, может возобновиться и на воде. Напротив, если она умрет в этой долине, то последует вечный мир. Этот договор так понравился островитянам, что все они единодушно признали виновницу общего покоя за богиню и, сверх того, положили почитать и детей ее божествами».

Не оставляет Лисянский без внимания и духовную жизнь островитян. «Судя по тому, что у нукагивцев есть жрецы, они должны иметь и веру, но в чем она состоит, неизвестно», — сделал вывод мореплаватель. Подметил он суеверие и веру в привидения местных жителей. «Верят существованию нечистых духов, которые будто бы иногда приходят к ним, свистят и страшным голосом просят пить кавы и есть свинины. Никто из жителей не сомневается, что ежели сии требуемые нечистыми духами вещи поставятся посреди дома и чем-нибудь покроются, то, конечно, через некоторое время они совершенно исчезнут».

Покидая остров Нукагиву, Лисянский увозил для своей коллекции большой баул с утварью — оружием, женскими

украшениями, примитивной одеждой, орудиями труда и музыкальным инструментом — океанской раковиной.

За время стоянки он успевал скрупулезно проводить астрономические и гидрографические наблюдения и в итоге составил прекрасную карту Маркизовых и Вашингтоновых островов.

…На рассвете 17 мая «Нева», стоявшая мористее, снялась с якоря, используя береговой бриз, медленно двинулась к выходу из бухты. Как это бывает часто в закрытых гаванях, окаймленных горами, ветер внезапно стих.

Лисянский взглянул на вымпел, лениво шевеливший косицами, вызвал квартирмейстера Семена Зеленина.

— Катер с верпом изготовлен. Спустите ялик, буксируйте катер на ветер и отдавайте первый верп, — командир указал на выход из бухты. — Затем мы подтянемся, завезете другой верп и так помалу будем вытягиваться из бухты.

Решение оказалось своевременным. В бухте оказалось сильное подводное течение, и шлюп медленно дрейфовало к берегу. Оттянувшись на верпах, Лисянский заметил, что «Надежду» быстро дрейфует к берегу. Схватив рупор, он крикнул Зеленину:

— Гребите на катере к «Надежде», подайте буксир и помогите, самостоятельно они не выберутся!

Помощь пришла вовремя: за кормой «Надежды» показался бурун, течение все быстрее увлекало шлюп к берегу. К вечеру «Нева» выбралась на верпах из бухты, и легкий ветер наполнил марселя. Катер и ялик поднимали на борт в сумерках.

Командир обвел прощальным взглядом исчезающий в сумерках силуэт острова. Вспомнил первую встречу с Нукагивой, скалистые утесы открытой им губы на восточном побережье острова. Он дал ей имя — губа Готышева.

Правда, якорная стоянка в этой, довольно вместительной бухте, по его мнению, небезопасна — она плохо защищена от восточных ветров, господствующих в этих местах. «Нева» обошла Нукагиву под всеми меридианами. Он старательно описывал приметные места и подходы к острову. Кажется, особо опасных рифов и отмелей нет. Шлюп временами проходил в нескольких кабельтовых от обрывающихся в океан скалистых берегов. Всего неделю простояли у берегов острова, но успели увидеть много и сделать немало… Вместе с штурманом Калининым командир тщательно промерил глубины и составил план бухты Тай-о-Гайя, в которой они стояли на якоре. Определил лучшую якорную стоянку под прикрытием юго-восточного мыса. Глубины там — 25 метров и отличный грунт для якоря — песок с илом. Успел

сделать промеры глубин и составить план соседней бухты в губе Жегуа… Тем, кто придет сюда после него, будет легче…

Каждый раз бывая на берегу, Лисянский восхищался богатой тропической растительностью, диковинными животными, птицами. Однажды матросы принесли на корабль маленького аллигатора…

Располагали к себе и островитяне. Нукагивцы выгодно отличались ростом, красотой и правильностью черт лица. Мужчины — высокие и атлетически сложенные, женщины — невысокого роста, но стройные, с приятными чертами лица. Общаясь с жителями острова, Юрий Федорович все больше убеждался в их доброжелательности. «Островитяне обходились с нами, как со старинными своими знакомыми или друзьями. Они весьма честно меняли свои плоды и другие редкости и были так вежливы, что каждый из них, желая возвратиться на берег, просил даже у меня на то позволения». Ему нравились опрятные жилища островитян, удивляло их трудолюбие на полях и особенно выделка ими тканей из коры хлебного дерева и бумажной шелковицы.

В жизни островитян подметил он то, чего прежде него не замечали. Об этом он записал в дневнике: «Хотя прежние путешественники и заключали, что здешние женщины не имеют ни к кому супружеской обязанности, однако же, заключение это неверно. Супружество на этих островах соблюдается так же, как и в Европе, а если и есть какая-либо разница, то разве в самых маловажных обстоятельствах». Он постепенно проникался уважением к ним, старался понять не только мирскую, но и духовную жизнь. «Судя по тому, что у нукагивцев есть жрецы, они должны иметь и веру, но установленных обрядов богослужения также нет», — заметил он.

Особое удовлетворение принесла ему богатая коллекция разных вещей. В каюте на столе стояла будто выточенная на токарном станке чашка из скорлупы кокосового ореха. Рядом лежали собранные им каменный топор и музыкальная раковина, палица и булава, перламутровая удочка с леской, веер и серьги из раковин.

Вчера он засиделся до поздней ночи, записывал новые последние слова и фразы островитян. У него получился своеобразный словарь — больше сотни слов и выражений…

Лисянский также заметил, что, несмотря на огромное удаление острова Пасхи и Маркизовы островов от Гавайев, язык населяющих их жителей оказался родственным по своим коренным частям обиходных слов. Привлекли его внимание лодки островитян, продолговатые и узкие. «Дно их

выдалбливается из цельного дерева, к которому потом нашиваются бока. Нос прямой, как у галеры. По нему весьма удобно выходить на берег. На корме горбылем выводится довольно длинное дерево, в конце которого проходит шкот треугольного паруса из тонкой рогожи».

В темноте скрылись очертания Нукагивы. Поднятые на борт шлюпки закрепили по-походному, и шлюп лег в дрейф в ожидании рассвета…

Только на следующее утро «Надежда» вышла из бухты, и шлюпы взяли курс на Сандвичевы острова, которые называли иногда Гавайскими.

* * *

Заканчивался последний весенний месяц, и с каждым днем улучшалась погода. На смену частым шквалам с дождем пришли ясные солнечные дни, ветры стали ровными, океан постепенно утихомирился. В день пересечения экватора матросы поймали акулу. Мясо понравилось всему экипажу. Командир имел несколько иное мнение: «Нельзя сказать, чтобы ее мясо было совсем противным, так как оно понравилось всем матросам и офицерам, только я один считал его хуже мяса дельфина».

Утром 8 июня на северо-западе показался один из Сандвичевых островов — Овиги. В полдень шлюп приблизился к берегу, и мгновенно его окружили шесть лодок с островитянами. Первый же из них, едва взобравшись на палубу, проговорил «гау-ду-ю-ду» и стал хватать всех за руку, изображая рукопожатие.

— Видимо, на острове побывали, а может быть, и живут англичане, — заметил Повалишин, — посмотрим, однако, чем они нас полакомят.

Прибывшие отличались от стройных нукагивцев. Ростом меньше, телосложения несоразмерного, кожа темнее и покрыта странными пятнами, видимо от какой-то болезни. К огорчению моряков, гости приехали без съестного, предлагали куски ткани и безделушки.

Вечером погода ухудшилась, и шлюпы отошли от берега. На другой день к «Надежде» пристали две лодки, в одной из них хрюкала свинья, но за нее разборчивые туземцы требовали сукно, которого не оказалось, и торги не состоялись.

В полдень 10 июня ветер стих, шлюпы сблизились и легли в дрейф. Еще накануне Крузенштерн сообщил, что он решил не задерживаться на островах Сандвича — надо к середине июля быть на Камчатке, чтобы успеть до наступления муссонов прийти

к Нагасаки с посольской миссией.

К вечеру подул попутный для «Надежды» восточный ветер. На «Неве» подняли сигнальные флаги с пожеланием «благополучного вояжу и при поднятии на обеих кораблях флагов салютовано было с обеих по 11-ти выстрелов из пушек», — записал в дневнике Коробицын.

Распростившись с «Надеждой», «Нева» на следующее утро подошла к острову Овиги и легла в дрейф у входа в бухту Карекекуа. К шлюпу подошла лодка, на борт поднялся англичанин Люис Джонсон.

— Возможно ли получить на острове съедобное без риска? — спросил Лисянский.

— Здешний король, сэр, — пояснил Джонсон, — сейчас в отъезде, готовится к войне против острова Отувая. Вместо него правит мистер Юнг, мой соотечественник. Живет он в нескольких милях от берега. Как только мы сообщим, он явится к вам с визитом. Но без него туземцы не имеют права продавать товары.

Джонсон уехал, и следом появились три лодки, привезли для обмена двух поросят и ткани местного изготовления.

«Нева» обошла южный мыс, вошла в бухту и отдала якорь.

— Вам не кажется странным, Юрий Федорович, на берегу множество хижин, но не видно людей? — спросил Повалишин, осматривая бухту в подзорную трубу.

— Видимо, действует табу, — ответил командир.

— Я вычитывал у Кука об этом обычае местных жителей, — произнес стоявший у борта Гедеон. После посещения Пасхи он частенько в хорошую погоду с разрешения капитана находился на шканцах. Прислушивался к подаваемым командам вахтенными офицерами, присматривался к их исполнителям. Ему предстояло нести слово Божье в Русской Америке. Среди тамошних жителей было немало морских служителей. Почти все свободное время он проводил теперь на палубе или читал книги, взятые у Лисянского. В свою очередь капитан узнал о том, что Гедеон давно, еще в Петербурге, читал записки Лаперуза в подлиннике, без перевода.

Командир и Гедеон оказались правы. Едва солнце скрылось в океане, берег ожил. Многие жители отправились вплавь к шлюпу. Приблизившись, они вскидывали задорно руки и громко кричали. Команда высыпала на палубу, и матросы с удивлением увидели плескавшихся вокруг шлюпа обнаженных женщин. Десятки их окружили «Неву» с явным намерением взобраться на борт и стать «живым» товаром.

— На шлюп никого не пускать, убрать все трапы и концы на палубу, — распорядился Лисянский, — поставить вахтенных на

баке и корме. Чтобы ни одна из этих жриц, не дай бог, не забралась на шлюп.

За ужином в кают-компании зашел разговор о коварстве местных жителей, подмеченном Куком, что привело в конце концов к его гибели.

— В происшедшем тогда печальном событии трудно судить, кто более виноват, сами британцы или туземцы, — высказался Берх.

— Сие верно, — поддержал Гедеон, — туземные народы живут по своим законам. То, что у нас почитают за воровство, островитянами принимается за жизненное правило. Потому европейцы столь беспощадны, но часто несправедливы.

— Но тогда коим образом приводить к повиновению туземные народы? — вмешался Арбузов.

Гедеон ухмыльнулся в бороду:

— Сие вопрос философии, и весьма мудро высказался о нем славный Лаперуз. Позвольте, господа, отлучиться на минутку, думаю, его мысли пойдут всем на пользу.

Иеромонах принес из каюты томик Лаперуза.

— «Этот обычай европейских мореплавателей, говорит Лаперуз, — начал Гедеон, — в высшей степени смешон. Философу должно быть обидно за человечество, когда он видит, что люди, обладая ружьями и пушками, утрачивают от этого всякое понятие о справедливости. Действительно, что может быть непристойнее игнорирования законных прав своих ближних? Странный софизм, в силу которого мореплаватель, приставший к какому-либо неведомому до тех пор европейцам острову, как бы предоставляет тем самым своему отечеству право завоевания, попирающее самые священные права туземного населения! Каким образом такая случайность, как посещение чужеземного корабля, может являться основательным поводом к тому, чтоб отнять у злополучных островитян землю, которою с незапамятных времен владели их предки, орошая ее трудовым своим потом?»

Спустя минуту разгорелся спор, затянувшийся за полночь…

Едва рассвело, шлюп окружили лодки с припасами. Начался торг. Меняли ткани, железо, ножи, топоры на свиней, кур, кокосовые орехи, хлебные плоды.

«Вечером опять многочисленное венерино войско окружило корабль, — записал в дневнике Лисянский, — но я велел переводчику уведомить его, что никогда и ни одна женщина на корабль не будет пущена».

Спустя два дня на шлюпе появился наконец-то англичанин Юнг.

— Рад приветствовать первый Российский флаг на Гавайях.

Весьма сожалею, сэр, — извинился он перед Лисянским, — но только вчера узнал о вашем прибытии. Каналья местный старшина утаил от меня эту приятную весть.

— Нет, нет, сэр, все в порядке, — ответил, улыбаясь, Лисянский, а сам подумал: «Действительно, этот туземный старшина пройдоха. Он эти три дня кряду не сообщал ничего Юнгу, чтобы повыгоднее продать нам продукты». — Ваши подопечные неплохо снабдили нас припасами, но я вижу, вы тоже прибыли не с пустыми руками.

Юнг привез шесть свиней, две из которых подарил командиру.

Он объяснил, что кроме него на острове живут около 50 англичан, бывших матросов. Его помощник, Девис, является военачальником туземцев.

— Теперь король Томи-оми готовится расширить свои владения и подчинить остров Кауан, — сообщил Юнг не без гордости.

— Мы хотели бы, сэр, посетить место, где окончил свою жизнь капитан Кук, — попросил Лисянский.

— О, я готов немедленно оказать вам эту любезность.

Гостей пригласили в кают-компанию, угостили добрым вином.

После обеда, взяв с собой офицеров, Лисянский отправился на катере в деревню Тавароа. Выйдя на берег, Юнг подвел офицеров к большому камню.

— На этом самом месте, где уложен камень, погиб наш славный капитан Джеймс Кук, — произнес Юнг, и офицеры сняли шляпы.

После минутного молчания Юнг рассказал подробно, как развивались события в тот злополучный день, 14 февраля 1779 года…

— На той горе, — вскинул руку Юнг, — по преданию, сожгли тело Кука, хотя мы знаем, что многие части его тела передали потом спутникам капитана. До сих пор здравствуют многие туземцы, которые видели эту стычку.

— И что же рассказывают они? — спросил Лисянский.

— Гавайцы большие врали, — промолвил Юнг, — каждый из них излагает события по-разному, но все они клянутся, что говорят сущую правду.

Офицеры рассмеялись, а Юнг закончил:

— Вы оказали большую честь, побывав на этом месте, тем более что вы — первые представители Российской империи…

Как всегда, при посещении новых земель Лисянский интересуется нравами местных жителей, заведенными порядками.

«Поскольку, — замечает он, — определенных законов здесь совсем нет, да и понятия о них не имеется, то сила заступает место права. Король, даже по одной своей прихоти, может каждого подвластного ему островитянина лишить жизни».

Впечатляли немилосердность и жестокость островитян в некоторых случаях. Об одном из них мореплавателям рассказал на прощание Юнг: «Король дал Юнгу землю с некоторым числом людей. В одном из принадлежащих ему семейств находился мальчик, которого все любили. Отец его поссорился со своей женой и решился с ней развестись. При этом вышел спор, у кого должен остаться сын. Отец сильно настаивал оставить его при себе, а мать хотела взять с собой. Напоследок отец схватил сына одной рукой за шею, а другой за ноги, переломил ему спину о свое колено, отчего несчастный лишился жизни. Юнг, узнав об этом варварском поступке, жаловался королю и просил наказать убийцу. Король спросил Юнга: «Чей сын был убитый мальчик?» Получив ответ, что он принадлежал тому, кто его умертвил, он сказал: «Так как отец, убив своего сына, не причинил никому другого вреда, то и не подвергается наказанию». Впрочем, он дал знать Юнгу, что он имеет полную власть над своими подданными и если хочет, то может, без всякого сомнения, лишить жизни того, на кого пришел жаловаться».

Расставаясь с Лисянским, Юнг пообещал снабдить моряков на дорогу свиньями, за что просил тюк парусины.

На корабле офицеров ожидали двое американских моряков. Они привезли для продажи меха и, узнав о визите «Невы», приехали на шлюп.

— Дело в том, — рассказал один из них, немного волнуясь, — что в прошлом году я был на Алеутских островах и встречался там с мистером Барановым. У него произошло большое несчастье. Местные туземцы два года назад напали внезапно на крепость в Ситхе, перебили больше половины жителей и промышленников, разграбили все имущество и захватили форт.

Лисянский вдруг вспомнил, что еще в Гамбурге читал об этом в одной из газет, да и в Петербург долетали нерадостные вести.

На следующий день, 16 июня, «Нева» покинула остров, и командир хотел зайти на соседний остров Ояху, но Юнг предупредил:

— На этом острове свирепствует какая-то страшная заразная болезнь…

Спустя три дня на траверзе последнего острова Отувай шлюп лег в дрейф. По направлению к нему от берега спешили несколько лодок. На одной из них пожаловал король островов Отувай и Онигу-Тамаури. Он сносно объяснялся по-английски,

предъявил свидетельство морских капитанов, которых снабжал припасами. Король стал жаловаться, что на него вот-вот нападет сосед, король Томи-Оми, который намного сильнее.

— Прошу вас, господин капитан, принять мое королевство в подданство России, — неожиданно взмолился король, — только помогите мне своими пушками против Томи-Оми.

— Гм, — изумился Лисянский и развел руками, — видите ли, сэр, у меня нет на то никаких полномочий.

Ночью задул северо-восточный ветер, к утру он усилился, и остров Отувай скрылся за горизонтом в лучах восходящего солнца.

Лисянский зашел в каюту штурмана:

— В полдень мы определимся по солнцу, Данило Васильевич, и прокладывайте курс на Уналашку. Возьмите поправку на дрейф от западных ветров. Когда придем на видимость Уналашки, повернем на Кадьяк.

* * *

Направляясь в Русскую Америку, Лисянский более или менее полно представлял себе обстановку в тех местах.

Продолжительное время общаясь с директорами Российско-Американской компании в Петербурге, он составил для себя панораму основных событий по освоению русскими людьми западного побережья Северной Америки.

За прошедший без малого год немало услышал и от Николая Коробицына о порядках и неурядицах на Алеутских островах, узнал от него кое-что о нравах промышленников, правителях контор на Кадьяке и в Ситхе.

Свежие новости сообщили ему американские моряки, но и они, конечно, не знали всей подноготной, но слышали, что правитель Русской Америки Александр Баранов намеревается вернуть утерянные земли. Выстраивая известные события в цепочку, Лисянский, вспоминая прошлое, размышлял о предстоящем.

Многое перебрал он в памяти за три недели, вышагивая по шкафуту в утренние часы, а ночью, поеживаясь от свежего ветерка, неторопливо прохаживался позади вахтенного рулевого, изредка бросал взгляды на картушку[41] компаса.

Первым на берег Кадьяка ступил ровно двадцать лет назад в августе 1784 года Григорий Шелихов. Он сошел с галиота «Три святителя», по имени которого и назвал обширную кадьякскую бухту на юге острова. Два года провел он на Кадьяке и вернулся в

Охотск с богатой партией добытой пушнины. С той поры исподволь, год за годом «промышленные» российские люди проникали все дальше на запад. Внезапная кончина Шелихова в 1795 году не остановила его верного помощника и сподвижника Александра Андреевича Баранова. После получения монополии Российско-Американской компанией в 1799 году на острове Ситха, вплотную примыкающем к американскому материку, он основал новое поселение — Михайловскую крепость. Промысел успешно развивался, но спустя три года случилась большая беда. Пользуясь отсутствием Баранова, около тысячи индейцев-тлинкитов внезапно напали на крепость и захватили ее. Погибло 150 русских и алеутов. Немаловажную роль сыграло подстрекательство некоторых капитанов американских судов, промышлявших в этих местах. Об этом сообщил Баранову его помощник Иван Кусков. Эти же суда поставляли индейцам порох и оружие в обмен на пушнину.

Весть о нападении принес в Павловскую гавань на Кадьяке капитан английского брига «Юникорн» Барбер. По его словам, он зашел на Ситху случайно, спустя несколько дней после нападения индейцев, там же оказались два американских судна. Ночью на бриг вплавь добрался офицер Алексей Плотников, один из немногих оставшихся в живых. Он рассказал Барберу о нападении индейцев. Вскоре англичане подобрали еще одного русского и несколько алеутов-кадьякцев.

Через три дня на «Юникорн» приехал один из вожаков-индейцев для торговли. Смекнув, Барбер схватил вождя и потребовал возвратить пленных и захваченную пушнину. Вместе с американскими шкиперами Барбер картечью потопил несколько каноэ и захватил в плен индейцев. В конце концов тлинкиты в обмен на них выдали пленников и захваченную пушнину. Ловкий Барбер привез пленников на Кадьяк и запросил за них у Баранова 50 тысяч рублей. После долгих препирательств он отдал их за 10 тысяч…

Прошло два года, и вот нынче весной Баранов, собравшись с силами, двинулся вдоль островов к материку, к Ситхе. Не в его характере было уступать завоеванное кровью и потом. С ним ушло 120 русских и 900 кадьякцев на 400 байдарках. Он ожидал и надеялся на подмогу из России.

Перед уходом Баранов отдал Баннеру, правителю конторы компании на Кадьяке, конверт:

— Вручишь командиру шлюпа «Нева» Лисянскому, на словах передашь — поспешать ему надобно в Ситху, токмо его пушки утихомирят тлинкитов…

12 июля после полудня туман начал рассеиваться, и Баннеру

сообщили, что в бухту спешит байдарка. Баннер побежал к берегу и узнал в байдарке промышленника Гаврилу Острогана из бухты Трех Святителей. Он размахивал рукой и что-то радостно кричал.

— Шлюп из Кронштадта! — донеслось наконец-то до Баннера.

Правитель не выдержал, сбежал вниз к урезу воды и, едва Остроган вышел на берег, схватил его за плечи.

— Иван Иванович, радость-то какая, из России корабль прибыл, — захлебываясь от радости, начал тот, — под начальством капитан-лейтенанта Лисянского Юрия Федоровича.

— Так где же он, корабль? — спросил Баннер.

— За Чугатским мысом, просит лоцмана помочь с буксиром. Сами видите, штиль полный и туман сплошь, а у нас в бухте одни каменья.

— Да, да, конечно, — ошалев от радости, проговорил Баннер и, повернувшись, крикнул столпившимся приказчикам: — Мигом сыщите Подгаса и приготовьте большие байдары для буксировки корабля!

Третий день «Нева» лавировала в туманной мгле, медленно приближаясь к Павловской гавани острова Кадьяк…

После того как шлюп оставил Гавайи, плавание проходило без особых приключений. Устойчивый юго-западный ветер две недели наполнял тугие паруса, увлекая корабль к северу. Далеко за кормой остались тропики с ярким солнцем и голубыми небесами. Северные широты принесли ненастье, с холодными дождями, все чаще находили туманы. В начале июля появились первые тюлени. В полдень 8 июля показалось солнце, а спустя два часа открылся остров Чирикова. Первым увидел его стоявший на вахте Берх.

— Вот и предвестник Российской Америки, — проговорил он.

Поднявшись на шканцы, офицеры молча вглядывались в угрюмые скалистые берега. На исходе вторых суток наконец-то завиднелись очертания долгожданного острова Кадьяк. Его узнал по описаниям Лисянский — далеко в море выдавался двугорбый мыс. Самый крупный из Алеутской гряды островов в противоположность тропическим собратьям поражал и суровым видом. «Дальние горы были покрыты снегом, вместе с утесистыми мысами они представляли, хотя и неприятную, но величественную картину природы».

У входа в гавань Трех Святителей шлюп лег в дрейф.

— Вызовите канониров, Павел Петрович, — обратился командир к Арбузову, — прикажите трижды выпалить из пушки через каждые полчаса.

После третьего выстрела из-за мыса выскочили две

остроносые байдарки. В одной из них, привстав, размахивал шапкой русоволосый бородач и что-то выкрикивал. Ловко взобравшись по веревочному шторм-трапу, он спрыгнул на палубу и низко поклонился. Сияющее лицо бородача было мокрым от слез, оторопелый взгляд ощупывал стоявших вокруг командира офицеров, Гедеона, столпившихся поодаль матросов. Невольно волнение его передалось окружающим. Лисянский шагнул к нему и положил руку на плечо.

— Промышленные люди мы, ваше сиятельство, Остроган Таврило, а правитель конторы нашей Иван Иванович в Павловском поселении, — очнувшись, проговорил бородач и, вдруг спохватившись, нахлобучил шапку. — Да что же это я, мы вам рыбки свежей, извольте.

Он перегнулся через борт и что-то крикнул на незнакомом языке. Сидевшие в байдарках алеуты откинули кожаные полога. Лодки до краев были наполнены крупной рыбой.

— Спасибо, Гаврила, весьма кстати, — поблагодарил командир, — третью неделю экипаж кормится солониной.

Пока боцман распоряжался рыбой, Лисянский расспрашивал Острогана. Тот коротко рассказал о разорении Михайловской крепости в Ситхе.

— Ты останешься с нами, поможешь шлюп провести в Павловскую гавань, — выслушав Гаврилу, решил командир.

На следующее утро задул южный ветер, но тут же нашел сплошной туман и окутал шлюп непроницаемой завесой так, что «в пяти саженях от корабля не могли ничего видеть». Под зарифленными парусами «Нева» неспешно продвигалась двое суток, то и дело замеряя лотом глубину, которая быстро уменьшалась от 73 до 40 метров. Ветер менял направления, затихал, пришлось спускать катер и под буксиром в тумане входить в бухту. Неожиданно из тумана раздались приветственные крики, вынырнули десятки больших, обшитых кожей байдар.

— Всех наверх! — вызвал экипаж Лисянский. — Братцы! — обратился он к матросам. — Нашим российским «американцам» — ура!..

Спустя несколько минут Лисянский обнял Баннера, но тот заспешил.

— Позвольте, господин офицер, мне откланяться, — попросил Баннер, — надобно б вас встретить как полагается, по российским законам. Вас сопроводит наш опытный лоцман Подгас. — Баннер спешно отправился на берег.

Тем временем туман рассеялся, шлюп поравнялся с крепостной батареей на мысу, на башне развевался по ветру

российский стяг. Крепость салютовала «Неве», как положено — 11-пушечными выстрелами.

Лисянский обратился к Арбузову:

— Павел Петрович, распорядитесь произвести ответный салют из девяти выстрелов, как только станем на якорь.

Посредине бухты возвышался огромный камень.

— На горбуна походит, — проговорил командир, — не дай бог при перемене ветра на него понесет, беды не оберешься.

С волнением всматривались в крутые берега, поросшие лесом, офицеры на шканцах, матросы, крепившие шкоты и стоявшие на реях, высыпавшие на палубу пассажиры. Вот она, Русская Америка. Десять месяцев сквозь штормы и шквалы добирались они сюда, на край земли русской. Прямо перед ними на косогоре раскинулось русское поселение. Ближе к берегу стояли одноэтажные бревенчатые дома, складские помещения. За ними возвышались двухэтажные здания. Над одним из них развевался российский флаг.

— Сие компанейская контора, — пояснил лоцман, — а рядом дом главного правителя Баранова.

Между двухэтажными домами взметнулись луковки куполов церкви.

— Наша православная, — перекрестился лоцман, — во имя Воскресения Господня сподоблена.

Возле уреза воды столпились сотни жителей. Судя по одежде, здесь были и русские промышленники, и местные кадьякцы-алеуты.

Среди них было немало женщин и детей.

В глубине бухты стояла двухмачтовая шхуна под американским флагом.

— Купец американский, «Океин», — пробурчал недовольно лоцман, — подчас норовит всякую выгоду поиметь. Баранов с ними сговорился, посылал нашу партию байдар прошлым летом к реке Колумбия. Нынче пришли с большой удачей, тыщи бобров привезли…

«Нева» отдала якорь. Борта шлюпа опоясались огненными сполохами, дымом — первый салют первого российского военного корабля…

Едва прогремели выстрелы ответного салюта, от берега отошла большая байдара. На борт поднялись Баннер и главные приказчики компании приветствовать русских мореходов.

За обедом в кают-компании он одним из первых произнес тост:

— Здоровье русских мореходов, благополучно прибывших к берегам американским. Пионерам всегда многотрудно, по себе

знаю. Потому и здоровье капитана вашего, которому вдвойне более забот…

На другой день на берегу Баннер передал Лисянскому письмо Баранова. Тот просил Лисянского, по возможности не задерживаясь, идти в Ситху.

— В июне Баранов отправился в поход на тлинкитов, — прибавил Баннер, — избавить Ситху от пришельцев. Он собрал сто с лишним наших промышленных и тысячу алеутов. Сотни четыре байдарок отправились сначала в бухту Якутат, где правителем Иван Кусков. Оттуда вдоль берега пойдет по островам к Ситхе, усмирять по пути индейцев. Александр Андреевич, он с характером, за урон взыщет сполна.

— Стало быть, он не скоро будет на Ситхе? — спросил Лисянский.

— Думается, через месяц, не ранее, — ответил Баннер…

Две недели выгружали товар с шлюпа. С утра дотемна сновал Коробицын между складами и «Невой», он оставался на Кадьяке реализовать товар, заготавливать пушнину для отправки с «Невой».

Через несколько дней к Лисянскому зашел попрощаться Гедеон. Иеромонах должен был стать на Кадьяке главой православной миссии.

— На днях, Юрий Федорович, пойду на байдарке осматривать кругом места на Кадьяке и других островах. Надобно переписать всех живущих алеут, обрести всех в веру православную, младенцев крестить, — поделился он планами с Лисянским.

Пока разгружали трюмы, часть экипажа ремонтировала шлюп. Меняли стеньги и реи, обновляли подгнивший за год плавания такелаж. За бортом висели беседки — конопатили и красили борта. После изнурительных будней океанских переходов матросы охотно выполняли корабельные работы. Штурману Лисянский поручил сделать промеры и составить опись огромного Чиниатского залива.

— Мы здесь первопроходцы, Данило Васильевич, должны обезопасить последующие плавания россиян в этих местах, — напутствовал он Калинина перед отправкой. Сам принялся за астрономические наблюдения и определение точных координат приметных мест на побережье. На шлюп зачастил Баннер. Лисянский приглашал его то к обеду, то к чаю, расспрашивал о прошлом российского промысла в Америке.

— История эта долгая, враз не расскажешь. На Алеутах наши люди с Камчатки полвека, не менее, — начал Баннер, — но первым дело на широкую ногу поставил покойный Григорий Иванович Шелихов…

Вот какая картина вырисовалась после подробного рассказа словоохотливого конторщика.

Двадцать лет назад, построив в Охотске три судна, Шелихов высадился на Кадьяке, основал здесь поселение, зазимовал два года с женой и спутниками. В Охотск Шелихов вернулся с триумфом. Трюмы судов были забиты пушниной. Удача окрылила, и Шелихов начал расширять промысел. Да и хлопоты требовали его присутствия и в Иркутске, и в Петербурге, а на Алеутах промысел оставался без надежного присмотра.

В 1790 году нашелся наконец-то нужный человек — бывший каргопольский купец Баранов. Он оживил промысел, развернул кордоны российских промыслов в Америке. Нелегко, кровью и потом давались ему успехи. Создав небольшие фактории на ближних около Кадьяка островах, он двинулся по берегам Кенайского и Чугацкого заливов к американскому материку. Не раз вступал в жестокие схватки с индейцами.

— Александр Андреевич поведал мне, — продолжал рассказывать Баннер, — как однажды в стычке прокололи его рубаху копьем, стрелы падали вокруг него, но смерть миновала, бог сохранил. Как во сне, выскочил он из избы в исподнем, сплотил промышленных и алеутов, развернул пушки и отбил индейцев…

Соорудив верфи, строил суда — двухпалубный «Феникс», «Дельфин», «Ольгу».

Летом 1795 года Баранов поднял русский флаг на берегу залива Якутат, через пять лет на острове Ситха заложил добрую факторию — Архангельскую.

— Здесь-то его и постигла неудача, — печально продолжал Баннер, но потом встряхнулся: — Однако Александр Андреевич не отступит. Неукротимого нрава, железной воли и невероятной выносливости этот человек. Тверд и непреклонен в исполнении долга и от интересов отечества не отступит. Насмерть стоять будет. — Рассказчик добродушно улыбнулся. — Да вы вскорости его увидите и сами подивитесь.

В середине августа «Нева» вышла в океан.

Покидая Кадьяк, Лисянский, несмотря на большую занятость корабельными работами, разгрузкой, астрономическими наблюдениями, составил первые объективные представления об острове. Как-никак, а Кадьяк — это преддверие Америки. Он оказался самым большим островом в протянувшейся на тысячи миль гряде Алеутских островов. Первое, что бросилось в глаза Лисянскому, — шапки снега в разгар лета на окружающих бухту горах.

Склоны гор покрыты мелким кустарником, лишь местами

просматривались небольшие березовые рощи да у самого входа в гавань, на мысу, виднелся небольшой ельник.

Еще успел приметить Лисянский местную особенность — быстрая смена погоды. Он рассчитывал отправиться на помощь Баранову дней через десять, но задержали восточные ветры. «Последние дули так постоянно, что корабль Соединенных Штатов «Океин», который мы застали в гавани, был ими задержан на шесть недель».

На пятые сутки плавания, 19 августа, наконец-то в утренних сумерках показалась земля. На северо-востоке, милях в двадцати пяти, из туманной мглы торчала вершина горы Эчкомб.

Повалишин постучал в каюту командира:

— Юрий Федорович, гора Эчкомб открылась слева.

Легкий северо-западный ветер совсем затих, и, хотя шкоты были подобраны до предела, паруса слегка заполаскивало.

Вечером прошли траверз мыса Эчкомб. На шканцах кроме командира и вахтенного офицера Берха никого не было. Коведяев следил за парусами. Арбузова командир послал на бак следить за обстановкой, а Повалишин, сдав вахту, спустился в кают-компанию.

Баннер предупредил, что в Ситхинском заливе много подводных камней. Часть из них обнажается во время отлива, но прилив снова скрывает их, и они-то и представляют коварную опасность.

— Судно справа! — донеслось с марса.

Лисянский вскинул подзорную трубу.

— А ведь это наш знакомец из Павловской гавани, «Океин», — определил он, — американец, видимо, не промах, поспевает всюду.

Берх вопросительно посмотрел на командира. Тот передал ему трубу и пояснил с усмешкой:

— В свое время пожить мне пришлось среди них. Плох тот американец, который всегда и везде не ищет выгоды. Баннер рассказывал мне, что их здесь немало, норовят торговлю бобрами у нас перехватить. Будто бы некоторые из них даже подстрекают индейцев супротив россиян.

Подгоняемый посвежевшим ветром и приливным течением шлюп на следующее утро вошел в Крестовскую губу и стал на якорь.

Изрезанные берега, сплошь поросшие густым лесом, производили мрачное впечатление.

— Сколь мне ни случалось видеть необитаемых мест, но такой дикости и пустоты не встречал, — осматривая в трубу безлюдный берег, проговорил Лисянский и кивнул на корму: —

Однако и американец наш не отстает, тоже якорь бросил.

Судно «Океин» обосновалось вдалеке за мысом, под самым берегом.

— Лодка с берега! — доложил сигнальный матрос.

Откуда-то из-за прибрежных камней выскочила байдарка с четырьмя гребцами и понеслась к «Неве». Чем ближе подходила байдарка, тем реже взмахивали короткими веслами индейцы-тлинкиты и наконец остановились. Увидев, что их знаками приглашают, осторожно подошли к борту.

Лисянский приказал выбросить трап и пригласил тлинкитов на корабль. Байдарка подошла вплотную к борту, но на палубу никто не поднялся.

— Чего они опасаются? — спросил Арбузов.

— Видимо, есть основания, — ответил задумчиво Лисянский.

Еще на Кадьяке он решил использовать все возможности, чтобы избежать конфликтов с местными жителями. Пошарив в кармане, он вытащил несколько медных пуговиц и бросил их в байдарку. Тлинкиты на лету подхватили их, оживленно переговариваясь, заулыбались, и вдруг один из них что-то крикнул. Из-за островка вышли две большие лодки и, развернувшись, устремились к «Неве». Через мгновение байдарка с тлинкитами оттолкнулась от борта и понеслась к берегу…

В приближающихся лодках сидели русоволосые бородатые промышленники. Они радостно кричали и размахивали руками.

— Подштурман Петров, — представился первым коренастый, голубоглазый крепыш с бота «Александр», — мы посланы нашим правителем Барановым на встречу с вами.

Оказалось, что два парусных однопалубных бота «Екатерина» и «Александр» больше недели ожидали «Неву» у Ситхи.

Сам Баранов с двумя другими судами — «Ермаком» и «Ростиславом» задержался в заливе Якутат, завершал охоту на бобров и собирал отряд алеутов.

— Он должен привести артель партовщиков тыщу человек и сотни четыре байдарок, — пояснил подштурман.

Лисянский покачал головой:

— К чему так много людей?

— Индейцы, ваше благородие, собрались в Архангельской крепости… Не одна сотня, с пушками, Фальконетами. Наш кадьякский житель, — Петров показал на алеута, прибывшего на лодке, — в плену у них был, сказывает, что промеж индейцев есть несколько белых людей, американцев.

— Думаешь, без кровопролития не обойтись?

— Как знать, ваше благородие, токмо немало коварства и зверства среди здешних жителей. Особенно вероломен вождь

ихний Катлиан.

Промышленники, озираясь, с удовольствием оглядывали снаряжение шлюпа, огромные мачты, просторные помещения, на батарейной палубе ощупывали пушки. Такой большой корабль они встречали впервые в жизни.

— У нас пушчонки имеются, однако пороху нет.

Лисянский вызвал канонира Егорова:

— Одевайся живо, пойдем со мной, надобно осмотреть пушки и припасы на ботах.

Каждый бот имел на вооружении по две шестифунтовых пушки и по две четырехфунтовых картауны. Орудия содержались без присмотра, отсутствовал такелаж для наводки и прицеливания.

— Завтра присылайте свои шлюпки, — сказал капитанам ботов Лисянский, — получите сполна порох, подберете потребный такелаж и другие снасти для орудий. Наши канониры помогут вам оборудовать орудийные станки.

Перед заходом солнца около «Невы» появилась байдара с прежними индейцами. Лица их были испещрены красной и черной краской, редкие бородки вымазаны чем-то светлым. На этот раз они были вооружены Фальконетами. Несколько раз они показывали бобровые шкуры и предлагали обменять их на ружья…

— Поясните им, — сказал командир Арбузову, — что оружие и припасы мы не продаем. На всякий случай прикажите зарядить на ночь половину пушек картечью, а другую половину ядрами и поставьте к ним вахтенных матросов. Чем черт не шутит.

Через два дня неподалеку от «Невы», которая втянулась в гавань и стояла рядом с «Александром» и «Екатериной», бросило якорь американское судно. Вскоре к нему подошла лодка с тремя индейцами. Видимо, они чем-то обменивались или торговали.

Тут же Петров передал на «Неву», что в лодке опознали сына индейского вождя Катлиана.

— Ваше благородие, — сказал Петров, — нельзя упускать случай. Надобно схватить мальчонку в амонаты, заложники, тогда Катлиан пойдет с нами на мировую и обойдемся без крови.

— Возьмите катер и будьте наготове, — приказал командир Повалишину, — как только байдарка отчалит от «Океина», пускайтесь ей наперерез и постарайтесь схватить индейцев.

Едва индейцы спустились в байдарку, катер вышел из-под кормы «Невы» ей наперерез. Не тут-то было. Индейцы проворно заработали веслами, и легкая байдарка стрелой понеслась к берегу. Повалишин сделал несколько залпов, но индейцы, убыстряя ход, ответили в свою очередь выстрелами из ружей.

Первая стычка закончилась вничью.

Через несколько дней утром две лодки с матросами и промысловиками отправились промышлять рыбу. Днем вахтенный заметил большую лодку с дюжиной вооруженных индейцев. Она украдкой шла вдоль берега к месту рыбной ловли. Пришлось стрелять по лодке из пушек, чтобы отпугнуть индейцев, и послать на помощь барказ. Заодно выручили и американскую шлюпку. Она ходила на берег за дровами и попала в засаду. Спустя несколько дней судно «Океин» ушло в море…

Кончалась вторая декада сентября. Наступало осеннее ненастье. То и дело находили шквалы с дождем, временами появлялись туманы.

После обеда, к вечеру, командир разбирал свои последние записи в дневнике. Занятия прервал доклад Коведяева:

— У входа в залив парусное судно!

Ветер изменился и зашел к востоку. Волны, пенясь, катились беспрерывной чередой к каменистому берегу, многочисленным островкам, бились в прибрежные скалы. Откуда-то с гор натянуло тучи, стало темно. На светлой завесе у входа в залив четко обозначился небольшой парусник, кренившийся под всеми парусами. С «Александра», стоявшего рядом, кто-то кричал в рупор:

— Ба-а-ра-нов на «Ермаке»!

Незаметно надвигался вечер. Над океаном вдруг прорвалась завеса из туч. Багровый отсвет заходящего солнца окрасил скалы и сопки, белесые гребешки волн.

Кренясь, с заметным дрейфом, зарываясь в пенистые волны, судно упрямо стремилось к шлюпу.

— Поднять гюйс! — приказал Лисянский.

Через минуту борт суденышка окутался пороховым дымом. Правитель Русской Америки салютовал российскому флагу.

Командир шлюпа не заставил себя ждать.

— Ответный салют коллежскому советнику!

Лисянский поманил Арбузова:

— Вываливайте правый трап, изготовьте шлюпку и сами сходите за Барановым.

На палубе «Ермака», широко расставив ноги, положив руки на фальшборт, стоял Баранов. Небольшого роста, плотный, сутуловатый, в распахнутом кафтане, без шапки, он, казалось, впился своим немигающим взглядом в корабль.

Лысина еще больше обнажала высокий лоб, подчеркивая недюжий ум, нисколько не портила его крупного волевого лица с цепким, пронзительным взглядом серых глаз.

Двенадцать лет безвыездно провел в этих краях правитель.

Начинал с пустого места. Нынче десяток поселений, сотни россиян, тысячи алеутов под его рукой. Недоедал, недосыпал, не раз смотрел смерти в глаза. И на суше, и на море. Твердой рукой творил дело. Не одной выгодой льстился, славу отечества возносил на этой земле…

Едва ступив на палубу, Баранов повернулся к трепетавшему по ветру Андреевскому стягу, перекрестился. Шагнул и сразу попал в объятия к Лисянскому. Обычно сдержанный, не мог командир остаться протокольно-почтительным.

Правитель крепко сжал его, потом отстранился и ласково провел ладонью по отвороту мундира.

В кают-компании после первых тостов командир, выслушав Баранова, сказал:

— Не вникая в тонкости политеса петербургского, уяснил я, что о заботах ваших истинных там ведают, — Лисянский кивнул на запад, — но к сердцу не принимают пристойно. Нынче можете полностью положиться на нас. И крепость мы возвернем беспременно.

В каюте командира Баранов удивился разложенным и развешанным всюду диковинным вещам — амулетам, морским раковинам, собранным в разных местах.

На другой день он приехал с мешком в руках и в каюте Лисянского выложил на стол свои редкости — чудные маски, костяные ножи, расшитые шапки, луки со стрелами.

— Пользуйтесь, господин капитан-лейтенант, раз у вас страсть к этим делам. Весьма полезное занятие на благо людей.

Последней он вынул из мешка плоскую медную доску:

— Сия пластина самородная с Медной речки. Весьма ценится у местных индейцев-калошей, владеют ими лишь вожди ихние — тайоны…

Спустя три дня в Крестовую гавань начали прибывать группами отставшие шестьдесят байдар. Первый отряд вел помощник Баранова Иван Кусков. Войдя в бухту с передней байдары, произвели салют из ружей. «Нева» ответила двумя ракетами.

— На ночь поднять фонари на мачтах, чтобы байдарки не сбились в темноте, — передал Лисянский вахтенному офицеру, — после ужина отрядите на вход бухты шлюпку с вооруженными матросами, под началом квартирмейстера, для охраны прибывающих байдар.

К концу сентября в Крестовой гавани собралось 350 байдарок, 40 русских промышленников и около 800 человек алеутов, жителей Кадьяка. Все было готово к выступлению.

Перед началом военных действий в кают-компании состоялся

совет. Первым заговорил Баранов:

— Генеральная цель наша — примерно проучить индейцев за убийство и разбой, изгнать Катлиана из крепости. Напрасной крови нам не потребно, потому начнем сначала переговоры с Катлианом. Ежели он будет упрямиться, возьмем крепость штурмом. Тогда-то ваши пушки, господин капитан-лейтенант, офицеры и матросы станут нашей главной силой.

Лисянский досадливо поморщился, ему не хотелось рисковать людьми.

— Ближе к делу будет видно, однако желательно обойтись без десанта. Думается, пушечных залпов будет достаточно для покорности индейцев.

Баранов, пожав плечами, промолчал…

Давно стемнело. Лисянский, как обычно, обошел шлюп перед сном с вахтенным Коведяевым. Окинул взглядом подвязанные к реям паруса, крепления якорных канатов, спустился в жилую палубу. В нос ударил спертый воздух. Днем палубу по его приказанию тщательно проветривали, ставили жаровню, но все равно через час-другой пахло прелой одеждой и кислым. Уставшие за день матросы похрапывали, несвязно бормотали во сне. Вполголоса приказал Коведяеву:

— Передайте завтра квартирмейстерам — нынче холода наступают, перед сном отдельную жаровню топить для сушки одежды.

Поднявшись на палубу, подошел к борту. На берегу бухты гигантским полукружием горели десятки костров. Вокруг них громоздились сотни перевернутых байдарок. Они служили кровом и жилищем для алеутов-кадьякцев. Вокруг огней копошились фигурки людей, готовили пищу, сушили одежду. Кое-где плясали. Назавтра решили выступить против неприятеля.

Схватка эта предстояла с применением военной силы. Не раз участвовал он в сражениях, слышал посвист пуль, визги летящих ядер, разрывы бомб… Падали убитые, стонали раненые. Так было на Балтике в войне со шведами, в Вест-Индии при стычках с французами. И вот он опять лицом к лицу с этой извечной загадкой, скрытой таинственной завесой от пытливого ума человека, — роковым смыслом войны. Чем оправдать ее жертвы? Вспомнились вдруг Муловский и Тревенен. Первый лелеял побывать в Америке, второй достиг этих земель и хотел свидеться с ними еще раз. Не удалось. В прошлых сражениях он, Лисянский, выполняя свой долг, как человек военный, повиновался беспрекословно, с рвением исполнял все приказы. Нынче же ход событий вручал ему судьбы его подчиненных, которым предстояло осуществить на деле решения своего начальника,

рискуя своей жизнью. Поэтому поначалу надо было принять все возможное для мирного исхода. Как-никак восстанавливать свои права приходилось, сгоняя с насиженных мест аборигенов.

28 сентября, едва рассвело, начали готовиться к походу. В одиннадцать часов вся бухта была усеяна байдарками. «Нева», «Ермак», «Екатерина» и «Александр» поочередно снялись с якорей. Ветер внезапно стих, и суда пришлось буксировать. Решили устроить базу в старом поселении индейцев, в полутора километрах от Михайловского укрепления, занятого индейцами. Едва подошли к берегу, на ближнем мысе появился старик, один из вождей индейцев — ситхинский тайон. В руках он держал белый флаг. Он передал, что индейцы желают мира. Баранов послал к мысу байдару.

— Ежели хотят мира, пускай тайон идет на переговоры сюда, на шлюп.

Старик покачал головой и удалился.

Лисянский распорядился перед высадкой дать залп картечью по прибрежному кустарнику.

— На случай засады, — пояснил он Баранову и приказал Арбузову: — Возьмите барказ, пару фальконетов, матросов с ружьями и пройдите вдоль береговой черты. Осмотритесь, будьте наготове. В крепость к индейцам и обратно никого не выпускать.

Правитель высадился на берег, облюбовав высокую гору посреди брошенного селения, поднял на ней российский флаг. Склоны горы покрыли перевернутые байдарки, в ограде разместили по углам шесть пушек. В полдень в новую крепость наведался Лисянский. Осмотрел место и похвалил:

— Сразу видать, вы добрый знаток здешних мест, лучшего места для крепости не сыскать.

Баранов ухмыльнулся:

— Сие место намеревался я и прежде занять, но не хотел тревожить местных ситхинцев. Ан теперь они мне бока намяли.

Крепость назвали Новоархангельской и салютовали ей из пушек.

Осматривая по привычке горизонт, Лисянский заметил вдали черную точку. Она стремительно двигалась с севера к крепости индейцев.

— Передайте Арбузову — перехватить байдару, — приказал он.

Арбузов успел настигнуть тяжелогруженую байдару у последнего острова и с ходу открыл огонь. Индейцы, отстреливаясь, начали уходить, но их накрыл залп из фальконетов, и вдруг байдара полыхнула багровым пламенем, взметнулся водяной фонтан, и сильный взрыв потряс

окрестности. Баранов скупо улыбнулся:

— Как я и предполагал, тлинкиты везли из Хуцнова порох в крепость, однако сорвалось, слава богу.

Было видно, как барказ подошел к месту взрыва и вылавливает оставшихся в живых раненых индейцев.

Баранов повеселел:

— Ну теперь, Катлиан, держись, без пороху долго не просидишь.

Вечером от Катлиана пришел индеец и сказал, что вождь хочет заключить мир с русскими.

— Коли так, передай Катлиану, — Баранов нахмурился, — ситхинцы первыми разорили нашу крепость и перебили безвинных людей. Мы пришли вас наказать. Ежели он раскаялся, то пускай пришлет немедля в крепость для переговоров достойных тайонов. Мы объявим свои условия и готовы снизойти к прощению и без пролития крови.

Посланник молча удалился и появился утром со стороны моря. На корме стоял, не шелохнувшись, худощавый индеец. Недалеко от берега индеец вдруг качнулся и плашмя, спиной упал в воду.

— Арбузов, живо в барказ, подбирайте амоната, а то утонет! — крикнул Лисянский. — Он не будет плыть, пока мы не подберем его, таков обычай.

Заложника-амоната привели к Баранову. Индеец поклонился и протянул бобровую шкуру. Правитель передал ему парку из сурка — глухую накидку с длинными рукавами.

После полудня со стороны Михайловского появилось около тридцати вооруженных тлинкитов. Они подошли на ружейный выстрел и начали переговариваться.

Баранов передал, что предаст забвению прошлое, если Катлиан пришлет двух знатных амонатов и возвратит всех пленных кадьякцев.

Тлинкиты не согласились. Баранов насупился:

— Знаю я их, хитрят, надежду на пособников питают. А нам ждать не позволено, зима скоро.

Кусков согласился:

— Кроме прочего, Александр Андреевич, наглеют они, сами знаете. На днях байдарку захватили, двух алеутов порешили.

Правитель кивнул головой:

— Передай им, что ежели не согласны, мы придем под стены крепости с корабельными пушками. — Он жестко взглянул на Лисянского: — Завтра вечером начинать будем, сударь.

Собрались в кают-компании коротко посоветоваться. Баранов решительно настаивал на высадке десанта и штурме. Лисянский

возражал:

— В крепости не менее четырехсот — пятисот человек, десятка два пушек, сотни ружей. Полагаю, надобно вначале подтянуться поближе всем судам и открыть по крепости губительный огонь. Глядишь, и пожар займется. Индейцы на сговор пойдут. Так будет менее потерь.

Баранов упрямо стоял на своем:

— Нам дорог каждый час. Кадьякцев сот пять на штурм поведу сам. В прибавок сотню наших промышленных с ружьями, ваши матросики с офицерами впереди будут. Они — бойцы российские.

— Так-то оно так, — сдержанно ответил Лисянский, — но матросам еще обратно в Кронштадт «Неву» вести…

Сидевшие рядом Арбузов, Повалишин, Кусков молчали.

В конце концов решили высадить десант — 16 матросов с пушками. Основную группу поведет на штурм главных ворот Арбузов, с ним пойдет три сотни кадьякцев. Одновременно другая группа с Барановым и Повалишиным с четырьмя пушками атакует другие ворота.

Когда Баранов и Кусков съехали на берег, командир собрал группу охотников.

— Завтра, братцы, предстоит штурмовать крепость, — не спеша начал он, — там пленные люди наши и непокорные индейцы. Держитесь в атаке друг дружки. Зря под пули не лезьте, неприятель будет остервенело биться, деваться-то ему некуда.

Матросы ушли, он задержал Арбузова и Повалишина:

— Надеюсь, вы помните десантирование на голландские берега. Здесь неприятель коварен и жесток, берегите себя и матросов.

Утром 1 октября «Нева» на верпах начала подтягиваться к Михайловской крепости. Следом двинулись «Екатерина», «Ростислав», «Ермак» и «Александр». В полдень все суда стояли неподалеку от крепостных стен. Завидев их, Катлиан поднял белый флаг, однако шел час за часом, а парламентеры не показывались. «Нева» и четыре судна начали бомбардировку крепости. Грохот пальбы вызвал в крепости вначале небольшую панику. Но вскоре выяснилось, что отдельные ядра лишь на излете стукаются в частокол стен из толстых лиственниц и отскакивают…

Первым барказом на берег ушел Арбузов с дюжиной матросов и четырехфунтовым медным картауном. Следом отправились Баранов и Повалишин с четырьмя пушками. Стало темнеть. С океана дул ветер, вдали за островами, над горизонтом заалела полоса и багровым отсветом окрасила волны. Потом нашли тучи,

в сумерках скрылся береговой кустарник, потемнела чаща леса. Пользуясь приливом, «Ермак» и «Ростислав» подошли ближе, перенесли огонь на крепость. «Нева» не скупилась на залпы, но ее ядра лишь изредка перелетали через крепостные стены. Лисянский приказал Берху стрелять не всем бортом, половину орудий держать в резерве.

— Скоро, Василий Николаевич, начнется штурм крепости, надобна будет помощь быстротечная. Распорядитесь канонирам быстрее перезаряжать орудия. Припасы и картечь держать наготове.

Было видно, как по берегу с двух сторон к крепостным стенам медленно приближаются отряды атакующих. Справа Арбузов с матросами шел впереди, за ним шестеро алеутов с трудом тащили пушку. Время от времени они останавливались, и пушка все прицельнее била по воротам. Крепость давно отвечала редким огнем из фальконетов и ружей, видимо, берегли порох. Однако кадьякцев пугала и эта беспорядочная стрельба. Они боязливо пригибались к земле, оглядывались назад на своих вождей, тайонов. Те тоже не отличались рвением, сами отсиживались позади и своих кадьякцев не понуждали идти вперед.

С другой стороны к блокгаузу приближался отряд Баранова и Повалишина. Правитель упрямо шел впереди, изредка бросая взгляд на отстающих кадьякцев.

Вот группы атакующих перебрались через ручей и двинулись к воротам. До них оставалось полсотни метров, и Арбузов начал бить прямой наводкой. В этот момент произошло непоправимое. Стены крепости вдруг сплошь опоясались зарницами пушечных залпов и треском ружейных выстрелов. Сотни стрел полетели в наступающих. Несколько русских и кадьякцев упали, сраженные пулями, других ранило. Остальные в страхе остановились и начали пятиться. Арбузов крикнул матросам:

— Братцы, за мной, вперед! Ура-а!

Рядом с ним, не отставая, бежали подштурман Федор Мальцов и квартирмейстер Петр Калинин. Матросы не мешкая бросились за ними, но один из них тут же был убит. Через несколько шагов с Арбузова сбило пулей шляпу. Он оглянулся, кадьякцы в панике обратились в бегство. В это время неожиданно распахнулись ворота, и сотня тлинкитов, стреляя из ружей, с копьями наперевес бросилась на атакующих.

Арбузов, отстреливаясь из ружья, скомандовал отступать, позади никого не было — кадьякцы давно убежали. В темноте, незамеченный, упал раненый матрос, и подбежавшие индейцы подняли его на копья… Раздался их победный крик, они рванулись было вперед, но в это мгновение их накрыл картечный

залп «Невы». Лисянский вовремя и прицельно бил по тлинкитам, прикрывая отход группы Арбузова. Индейцы, унося убитых и раненых, убрались в крепость. В таком же положении оказалась группа Баранова. Доктор перевязал Баранову раненую руку, и он уехал на берег организовать осаду крепости.

— Действуйте по своему усмотрению, Юрий Федорович, — сказал он перед отъездом. Впервые он назвал командира по имени, почувствовав к нему расположение. — Вы человек военный и опытнее меня в таких делах. Главное, побыстрее выкурить Катлиана.

«После многих бесполезных пересылок с колюжами о сдаче их крепости, о заключении всегдашнего мира и взаимной торговле была, — как сообщает донесение компании в Министерство иностранных дел, — учинена вторичная десанту высадка, по совершении которой под начальством самого Баранова сделан был к крепости приступ, во время которого выдержан был сильный пушечный и ружейный огонь из крепости и от выбегавших колюж, которые запасены были орудиями, порохом, взятым прежде в разоренной крепости и купленными у бостонцев».

Как видно из официального доклада Российско-Американской компании, американские купцы — «бостонцы» — снабжали оружием и порохом коренных жителей Русской Америки с целью вооружить их против русских, чтобы самим занять освоенные ими промыслы.

С рассветом «Нева» и другие суда начали бомбардировку крепости. Катлиан прислал заложников и просил мира.

— Передайте ему, — ответил Лисянский, — из крепости никому не выходить, пока не заключим мир окончательно.

На другой день над крепостью появился белый флаг, но из ворот выбегали индейцы — собирали ядра. Несколько выстрелов загнали их обратно. Катлиан затягивал переговоры, видимо, на что-то надеясь.

— Завтра будем сооружать плоты, подвезем пушки под берег, и тогда все решится быстро, — решил командир «Невы».

5 октября начали строить плоты и послали в крепость переводчика.

— Передай Катлиану, — наказал Баранов, — ежели не хочет погибели, пусть завтра из крепости убирается восвояси.

Угроза подействовала. Спустя сутки Лисянскому доложили, что тлинкиты покинули крепость и ушли в горы. Вместе с Барановым он отправился в опустевшую крепость. Ворота были распахнуты, огромная стая ворон кружилась над блокгаузом. Посреди валялись дохлые собаки, разбросанные нехитрые

пожитки… К одной из стен придвинуты два исправных фальконета, ближе к берегу перевернутые десятка полтора каноэ. Возле одной из землянок сидели две дряхлые старухи. В углу блокгауза было что-то страшное — Лисянский «увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и самое жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситхинцы предали их всех смерти».

Командир «Невы» тщательно обследует и фиксирует устройство укреплений, отбитых у тлинкитов. Добротные крепостные сооружения строили россияне по планам Баранова не один год. «Ситкинская крепость представляла неправильный треугольник, большая сторона которого простиралась к морю на 35 сажен. Она состояла из толстых бревен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые бревна длиной около 10 футов, наклоненные на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими, также толстыми бревнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу — двое ворот. Среди этой обширной ограды найдено четырнадцать барабор (домов), весьма тесно построенных. Палисад был так толст, что немногие из наших пушечных ядер его пробивали; а потому побег ситкинцев надо приписывать имевшемуся у них недостатку в порохе и пулях. В крепости мы нашли около 100 наших пушечных ядер, я приказал отвезти их на корабль. Кроме того нам достались две оставленные неприятелем небольшие пушки. В бараборах отыскано некоторое количество вяленой рыбы, соленой икры и другой провизии, также множество пустых сундуков и посуды. Все обстоятельства заставляли нас заключить, что в крепости находилось не менее 800 человек мужского пола», — отметил в своих записях Юрий Федорович.

Осмотрев вместе с Лисянским построенную Михайловскую крепость, Баранов все же пришел к выводу, что она была сооружена на невыгодной позиции, в низине, рядом с окружающими ее лесными массивами, где свободно рыскали тлинкиты. В тот же вечер Баранов сжег крепость, а Лисянский отметил немаловажную деталь в минувшей схватке. Оказалось, русским противостояли не только местные индейцы. «В числе их находились три матроса из Американских Соединенных Штатов. Оставив свои суда, они сперва поступили на службу в Компанию, а потом перешли к нашим неприятелям».

Рождество и Новый 1805 год экипаж «Невы» встречал далеко от Ситхи, в береговой казарме Павловской гавани на острове

Кадьяк.

…Целый месяц после изгнания тлинкитов матросы помогали строить крепость в Новоархангельске. Рубили лес, ставили ограду, сторожевые башни, сооружали бойницы для пушек. Лисянский передал Баранову больше десяти орудий, помог наладить караульную службу. Племя тлинкитов, видимо, ушло далеко. Сотни алеутов ловили рыбу, и пока никто их не тревожил. Только однажды, спустя десять дней после отступления индейцев, из лесу прогремел выстрел. Убили алеута, промышлявшего рыбу на реке, неподалеку от сожженной крепости.

К правителю начали наведываться один за другим тайоны дальних индейских племен. Искали дружбы с русскими, уверовав в силу правителя и постоянство заведенных им порядков.

Начался ноябрь. Погода испортилась, сопки вокруг покрылись снегом, потянуло холодом, снасти на шлюпе за ночь покрывались льдом.

— Пора вам уходить на Кадьяк, — сказал Баранов Лисянскому, — там теплая казарма для людей, да и провизии запасено…

Лисянский отвел «Неву» на Кадьяк.

В канун Рождества Кадьяк окончательно укрыла снежная пелена, ударили по-настоящему зимние морозы. Но матросы были довольны. За последние полтора года они ни одного дня не прожили на берегу. А тут еще чередой пошли праздники: святки, крещение, масленица. На святки подштурманом Федором Мальцовым, как отметил Коробицын, «с матрозами представляем был театр, игранныя на оном роли мельника и збитеньщика. На масляной делана была ледяная горка, а в неделю Пасхи — круглые качели и по временам, в праздничные и торжественные дни — фейверки, на которыя сбирались из числа кадиакских обоего пола довольное количество зрителей, которыми представляемы были также и свои увеселительные игрушки, состоящия из песен и пляски, в странном, по обыкновению, их одеянии и масках, для чего многия, живущия от Павловской гавани в расстоянии 50 верст и более, приезжали с семействами, что между ими почитается за большое удовольствие и прогулку».

Спустя десять дней следом за «Невой» в Павловской гавани появился вдруг «Ермак». Судно давно ушло из Новоархангельска в Якутат и должно было вернуться обратно на зимовку.

— Дважды мы подходили в тумане к Эчкомбу, — рассказывал капитан, — сильный шторм и противный ветер откидывали нас и уносили в океан. Решил идти на Кадьяк, но и здесь жестокий ураган двенадцать суток носил нас по водяным волнам.

Пройдут годы, и Лисянский вспомнит этот случай, когда узнает о гибели «Невы»…

В конце марта потеплело, начали мало-помалу ремонтировать рангоут и такелаж шлюпа. Командир с штурманом Калининым и матросом ушли на байдарке знакомиться и описывать побережье Кадьяка. Они обошли весь восточный берег, расположенные вдоль него острова. Производили астрономические наблюдения, описание приметных мест. Дотошно обследовали каждую губу, каждый мыс, делали промеры, составляли карты. На ночь останавливались обычно в жилищах кадьякцев.

В Игатском селении русский промышленник рассказал о появлении близ Уналашки в апреле 1797 года острова вулканического происхождения: «Огнедышащая гора, извергая из себя пламя, выходила из морской глубины… Расплавленная материя, разорвав поверхность некоторых вершин, разбросала горные породы…»

Не только скалистые берега, песчаные отмели, необычные явления природы привлекают пытливого командира шлюпа:

«В одном селении нашли множество ребят и старух, почти полумертвых от голода, потому что все молодые люди мужского пола находились с Барановым. Желая сколь возможно облегчить их бедственную участь, я отдал всю бывшую со мной сушоную рыбу. Бедные жители, исполненные живейшой благодарности, выбежали из хижин, кланялись мне в землю и произносили многократно слово «ладно», что означает здесь больше, нежели «спасибо». Всюду охотно пили чай, который предлагали моряки. В свою очередь угощали их своей снедью и ужинали сами, но несколько необычно: «Как только рыба была сварена, кухарка подала первое блюдо хозяину, который, наевшись, остатки отдал своей жене. Следующие же блюда раздавались по старшинству, так что мальчики ожидали весьма долгое время, покуда дошла до них очередь».

Больше месяца обследовал Лисянский со своими спутниками обширное побережье восточной части Кадьяка. Из гавани Святого Павла он направился мимо Чиниатского мыса в Игатский залив, оттуда в Угашескую губу, Кильдюнский залив, к гавани Трех Святителей и дальше. Всякое случалось в пути. Прихватывал шторм, но байдарки выдерживали, а путники промокали до нитки, на переходах частенько шел дождь, иногда со снегом, но путешествие не прерывалось.

В каждом селении делали остановку. Лисянский угощал старейшин-тайонов табаком, хозяев поил чаем, делился запасами вяленой рыбы. И всюду русский моряк не забывает внимательно

изучать жизненный уклад алеутов, их нравы и обычаи, жилища и одежду, чтобы затем описать в своих записках.

Жилища алеутов, бараборы, незамысловаты и просты в устройстве. «Здешняя барабора состоит из довольно боль-того четырехугольного продолговатого помещения, с квадратным отверстием фута в три — около метра — для входа и с одним окном на крыше, в которое выходит дым. Посредине вырывается небольшая яма, где разводится огонь для варки пищи, а по бокам отгораживаются досками небольшие места для разных домашних вещей. Это помещение служит двором, кухней и даже театром. В нем вешается рыба для сушки, делаются байдарки, чистят пищу и прочее. Хуже всего то, что живущие никогда его не очищают, а только изредка настилают на пол свежую траву. К главному помещению пристраиваются еще небольшие боковые строения, называемые жупанами. Каждый из них внутри имеет свой вход, лучше сказать лазейку, в которую можно пройти не иначе, как нагнувшись и ползя на животе до тех пор, пока можно будет мало-помалу подняться на ноги». Но Лисянский не чурается алеутов, запросто останавливается в их жилищах, хотя это и не всегда приятно. В Кияикском селении его встречал сам тайон: «Они вынесли меня на руках с байдаркой на берег. В тайонской бараборе я пробыл около двух часов, с удовольствием занявшись рассматриванием разных редкостей. С великим трудом мы могли попасть в помещение, которое кадьякцы называют жупаном. Хотя внутри оно и довольно просторно, но двери или лучше сказать лазея так узка, что я принужден был, просунув сперва голову и руки, влезать в нее ползком. На Кадьяке жупан служит гостиной, баней, спальней, а иногда и могилой. Вокруг этого помещения, исключая отверстие, лежали не слишком толстые бревна на расстоянии 3 футов 3 дюймов (около 1 метра) от стены. Это пространство устлано лавтаками (невыделанной кожей) и рогожами, а бревна служат вместо изголовья. Всякому покажется весьма странным, как можно взрослому человеку улечься в столь коротком пространстве, между стеною жупана и вышеупомянутыми бревнами, но для здешних островитян длиннее постели не нужны, ибо они спят скорчившись, так что колена достигают почти до самой шеи, а по большей части лежат на спине».

Едва заслышав о чужой беде, русский офицер тут же отзывается: «Прибыл в селение Езопкино, где за дурной погодой принужден был ночевать. Пополудни Калинин ездил в ближнюю губу, а я, между тем, узнав, что в селении Аникинском господствует голод, от которого шесть мальчиков и одна старуха уже померли, отправил туда на своей байдарке сушеной рыбы и

китовины».

Наблюдая жизнь кадьякцев в десятках селений, мореплаватель не скрывает и своих грустных выводов: «Вообще можно сказать, что кадьякцы не имеют ни малейшей склонности к соблюдению чистоты. Они не сделают лишнего шага ни для какой нужды. Мочатся обыкновенно у дверей в кадушки, множество которых стоит всегда наготове. Эту жидкость они употребляют для мытья тела и платья, а также и для выделки птичьих шкурок. Правда, как мужчины, так и женщины большие охотники до бань, но они ходят в них только потеть, если у кого голова слишком грязна, то он моет ее мочей. Впрочем, платье надевают прежнее, как бы оно ни было запачкано».

В то же время командир «Невы», как моряк, в восхищении от превосходных судов, построенных алеутами. «Кадьякцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые они строят из тонких жердей, прикрепленных к шпангоутам, или, лучше сказать, к обручам. Они обтягивают так хорошо сшитыми нерпичьими кожами, что ни капли воды никогда не проходит внутрь. Теперь их три рода в употреблении, т. е. трехлючные, двухлючные и однолючные. До прихода русских были только два последние, а вместо первых строились байдары, или кожаные лодки, в каждую из которых помещалось до 70 человек. Все эти суда ходят на малых веслах и не только особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении. Надо только иметь затяжки, которые крепятся у люков и задергиваются на груди сидящего на байдаре. Я сам проехал в трехлючной байдарке около 400 верст и могу сказать, что не имел никогда у себя лучшего гребного судна. В байдарке надо сидеть спокойно и чтобы гребцы не делали больших движений, в противном случае можно опрокинуться. Хотя кадьякцы в другом и не слишком проворны, но отменно искусны в управлении этих челнов, на которых они пускаются сквозь буруны и плавают без всякой опасности более тысячи верст». Попутно Лисянский всюду приобретает за свои деньги одежду, орудия ремесла и охоты, домашнюю утварь, украшения.

Командира «Невы» на Кадьяке увлекает все окружающее — природа и люди во всем их многообразии. На сотне страниц убористым почерком повествует он о климате и растениях, зверях и птицах, образе жизни алеутов — одежде, обычаях, брачных и других обрядах, ловле и охоте.

Свои наблюдения он сопровождает комментариями, оценками и советами, критическим анализом деятельности Русско-Американской компании.

«Кадьяк и окружающие его острова управляются

чиновниками Компании. Все природные жители находятся в ведении Кадьякской конторы…

Кадьякцы исполняют приказания Компании с величайшим послушанием и бывают довольны тем, что она за их труд заблагорассудит положить. Кроме бисера, табака и других европейских мелочей, им платится за промысел птичьими, еврашечьими и тарбаганьими парками. Этот торг самый выгодный для компании, так как не стоит почти ничего. Однако же должен признаться, что этот столь прибыльный для Компании торг может со временем обратиться в величайший вред для жителей. Каждое лето они уезжают от своих жилищ на тысячу верст в малых кожаных лодках, и таким образом, на весьма долгое время разлучаются со своими женами и детьми, которые не в состоянии достать для своего пропитания пищу. К этому надо прибавить и то, что в пути кадьякцы нередко встречаются с неприятностями и лишаются жизни. Те же, которые остаются летом на острове, вместо своей общинной работы, принуждены бывают работать на Компанию. Даже и самые старые не освобождены от этой работы. Они ловят морских птиц и каждый из них обязан наловить их столько, чтобы довольно было для семи парок. Такие порядки крайне не нравятся здешним жителям, которые высказывают к старости великое уважение. Меня уверяли, что многие старики, удрученные летами, выбиваются из сил, гоняясь за добычей по утесистым скалам, и делаются жертвой корыстолюбия других. Хотя и можно отдать справедливость нынешнему правителю Баранову и его помощникам, которые, оставив прежние обычаи, обходятся с кадьякскими обывателями снисходительно, однако, при всем том, если вышеуказанные причины не будут совсем устранены, они непрестанно будут уменьшать число жителей Кадьяка.

Чтобы предотвратить совершенное уничтожение этих весьма выгодных промыслов, надлежит, по моему мнению, сделать по крайней мере следующее: 1) все вещи (кроме дорогих), нужные для одежды местных жителей и почти ничего не стоящие компании, продавать гораздо дешевле принадлежавшим ей людям, без которых она даже не может существовать; 2) ввести в употребление железные орудия, без которых ничего нельзя сделать, не потеряв напрасно много времени; 3) не посылать партии на байдарках в отдаленный путь, а отправлять их на парусных судах до места ловли и на тех же судах привозить их обратно; 4) оставлять половину молодых людей дома и не употреблять стариков на тяжелые и несоответствующие их возрасту работы, ибо преждевременная их смерть нередко влечет за собой разорение целого семейства.

Если такие мероприятия будут приняты и приведены в действие, то можно ожидать приезжий не будет иметь мучительного неудовольствия встретиться ни с одним жителем, скитающимся без всякой одежды, что сейчас случается особенно часто и даже среди таких людей, которые в прежние времена были зажиточны и весьма богаты». Таковы некоторые рекомендации морехода.

Лисянский, собственно, первым из русских мореплавателей нарисовал угнетенное положение алеутов и поднял голос в их защиту, довольно смело и нелицеприятно высказывается против существующих порядков во владениях Российско-Американской компании. Покидая Кадьяк, он питает надежду, что его голос будет услышан.

В начале мая шлюп начали вооружать, ставить рангоут, обтягивать такелаж. Бушприт надломился, пришлось его заменять. На борт шлюпа грузили товар для продажи в Кантоне: тысячи шкур морских и речных бобров, выдр, лисиц, песцов, соболей, морских котиков, медвежьи шкуры, моржовую кость, почти на полмиллиона рублей.

В полдень 3 июня при маловетрии «Нева» снялась с якоря. На берегу собрались все жители Павловской крепости, и стар, и млад.

Шлюп поравнялся с батареей. Раздались тринадцать пушечных выстрелов прощального салюта. «Нева» ответила равнозначно. На берегу дружно трижды прокричали: «Ура! Ура! Ура!»

Баннер провожал шлюп до острова Лесного. Обнялся с офицерами, Берху сказал при этом:

— Вы, Василий Николаевич, не забудьте помянуть про нас словечко в «Петербургских ведомостях».

Все знали, что Берх в зимние месяцы увлекся историей освоения русскими Алеутских островов. Записывал каждую смешную историю, объездил все окрестные поселения кадьякцев, слушал их были и небылицы.

У трапа командир обнял Баннера:

— Счастливо оставаться, Иван Иванович, спасибо за все, не поминайте лихом.

В Новоархангельске «Неву» встретили по-свойски, как старого знакомого. Баранов выслал для буксировки в гавань три байдары. До этого шлюп двое суток лавировал среди опасных рифов при слабом ветре. Ветер стих вечером 20 июня, когда едва показалась угрюмая гора Эчкомб, еще покрытая снегом. Подводное течение понесло шлюп на каменистые рифы, пришлось быстро спускать барказ для буксировки, подальше от берега. Утром ненадолго

задул южный ветерок, но мощное отливное течение потащило «Неву» из пролива. Байдары, барказ и катер подтянули, наконец, шлюп к месту якорной стоянки.

На берегу Лисянского поразили перемены: «К величайшему оному удовольствию увидел удивительные плоды неустанного трудолюбия Баранова. Во время нашего короткого отсутствия он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величию могут считаться красивыми, даже и в Европе. Кроме того, он развел пятнадцать огородов вблизи селения».

На борт поднялся правитель. Рука его зажила, выглядел он бодро. С Лисянским у него еще с прошлого года установились добрые отношения.

— Вовремя подоспели, Юрий Федорович, и амоната для пользы привезли. Нынче тлинкиты в Ситхе нас не особо жалуют. Не теряют надежды возвернуть прежнее владычество. Ружей и пороху они успели немало наменять у американских купцов.

Зимой, когда «Нева» уходила на Кадьяк, Баранов отправил туда взятых у индейцев с Ситхи заложников-амонатов. Амонаты были порукой тому, что индейцы снова не нападут на русские владения…

Тлинкиты нехотя шли на контакты, а Баранову нужен был устойчивый мир. Через две недели после нудных переговоров в Новоархангельск приехал один из вождей индейцев со свитой. Встречали их с почетом — плясками, пением с бубенцами. Гости не остались в долгу. «Подняв ужасный вой, начали плясать в своих челноках». После этого «тайон был положен на ковер и отнесен в назначенное для него место. Другие гости также были отнесены на руках, но только без ковров…»

На следующий день Баранов привез тайона со свитой на шлюп. На шканцах индейцы затеяли пляски. Лисянский угостил их чаем и водкой.

Перед отъездом командир «позволил тайону выстрелить из 12-ти фунтовой пушки, чем он был весьма доволен. Баранов преподнес вождю индейцев подарки и в знак примирения на каждого из гостей приказал навесить по золотой медали…» На прощание в знак дружелюбия правитель «подарил тайону медный русский герб, убранный орлиными перьями и лентами».

Шлюп между тем готовился к переходу в Кронштадт. Пришлось заменить бизань-мачту, изготовить запасной рангоут впрок. Красили борта, кое-где их предварительно конопатили. Пошла последняя неделя июля.

Еще в прошлогоднюю стоянку Лисянского манила величественная и загадочная вершина Эчкомба, но никто не знал туда дороги. В этот раз нашлись провожатые — двое алеутов с

Кадьяка. Взяв в попутчики Повалишина, командир отправился в путь.

Двое суток по каменистым склонам, базальтовым косогорам, сквозь чащу колючих кустарников добирались они с провожатыми на двух с половиной километровую вершину потухшего вулкана и были вознаграждены:

«Стоя на вершине горы, мы видели себя окруженными самыми величественными картинами, какие только может представить природа. Бесчисленное множество островов и проливов до прохода Креста и самый материк, расположенный к северу, казались лежащими под нашими ногами. Горы же по другую сторону Ситхинского залива представлялись как бы расположенными на облаках, носившихся под нами».

В сторону материка Эчкомб спускался полого. В океан его склоны обрывались крутыми утесами.

Мог ли подумать командир «Невы», что спустя семь лет его славный шлюп бушующий океан играючи швырнет на эти мрачные скалы и здесь корабль найдет свое последнее пристанище?

Вынув карандаш и бумагу, Лисянский переписал всех спутников, сунул записку в кувшин:

— Положите, Петр Васильевич, кувшин в нишу и завалите камнями, авось, через сотню лет кто-нибудь отыщет и узнает, кто первым из европейцев здесь побывал…

В середине августа из Охотска пришел бриг «Елизавета», привез пушнину с острова Уналашки, доставил почту и новости. «Надежда» покинула Петропавловск и направилась в Кантон. Командир брига лейтенант Александр Сукин протянул Лисянскому конверт:

— Вам письмо от камергера Резанова.

Юрий Федорович присел на диван, разорвал конверт.

Резанов сообщал, что скоро прибудет в Новоархангельск, а «Неве» необходимо следовать, не задерживаясь, в Кантон, сдать груз и вместе с «Надеждой» возвращаться в Кронштадт.

Сукин рассказал о вояже «Надежды» в Японию и о неудаче миссии Резанова:

— Сказывают, японцы заартачились и ни в какую не желают добрососедства с Россией.

В конце рассказа Сукин проговорился:

— Вначале, по прибытии в Петропавловск, прошел слух, что Резанов покинул «Надежду» по причине расхождений с Крузенштерном и собирается уехать в Петербург, но потом все обошлось.

— Ну и слава богу, — ответил Лисянский, прерывая разговор.

Однако шила в мешке не утаишь. Мало-помалу от офицеров и командира «Елизаветы» просачивались разные подробности, и вскоре стала известна развязка затянувшихся распрей на «Надежде» всем офицерам и, конечно, Лисянскому.

Вот как впоследствии рассказывала об этом происшествии «Русская старина»:

«4 июля в Петропавловске посланник тотчас съехал на берег и поместился в доме командира Петропавловского порта. Несмотря на свою энергию и желание, он решил не ехать в Японию, так как опасался новых выходок Крузенштерна, что могло привести к весьма печальным последствиям. Он решил прежде всего написать обо всех происшествиях лично государю. На другой же день послал с эстафетой письмо к ближайшему представителю администрации власти в Камчатке к генерал-майору Кошелеву: «Имея поручения от государя императора нужно от вас пособия. У меня на корабле взбунтовались в пути офицеры. При всем моем усердии не могу я исполнить миссию японского посольства, когда одни наглости офицеров могут произвести неудачу и расстроить навсегда главные виды. Я решил отправиться к государю и ожидаю только вас, чтобы сдать, как начальнику края всю экспедицию».

Тем временем начали разгружать товары компании для снабжения местных жителей. Во все это время неприязненные отношения Крузенштерна продолжались, он запретил матросам переносить товары компании.

В августе генерал-майор Кошелев прибыл в сопровождении военной команды и по просьбе посланника приступил к форменному следствию, которое продолжалось около недели.

Пригласив командира и офицеров, Кошелев допрашивал их в присутствии Резанова… Видя, что дело принимает неблагоприятный для него оборот и что Кошелев собирается через Сибирского генерал-губернатора Селифанова возбудить дело об отрешении его от командования судном, Крузенштерн пошел на попятную и лично просил Кошелева покончить это дело миром, изъявив полную готовность принести посланнику извинение. Примирение произошло 8 августа в квартире посланника, куда Крузенштерн явился вместе с офицерами в полной парадной форме, за исключением Головачева и штурмана Каменщикова, которых посланник просил не являться.

Выслушав в присутствии Кошелева извинения офицеров, Резанов, обращаясь к генералу, примирительно проговорил:

— Как раскаяние господ офицеров принесено в вашем присутствии, думается, впредь это будет порукою в повиновении их на пользу отечества. Кстати, чему я уже посвятил всю мою

жизнь… Поэтому ставлю себя выше всех личных понесенных мною оскорблений во имя достижения моей цели. Прошу вас, господин генерал, предать забвению былое дело, а мою бумагу оставить без действия.

Когда офицеры откланялись и ушли, генерал сообщил, что выделит Резанову для сопровождения свиты караул солдат, а взамен списанного с «Надежды» Толстого назначит своего брата, капитана Кошелева.

Но визит в Японию оказался неудачным. Полгода простояла «Надежда» на рейде Нагасаки. Заранее изучив японский язык, нравы и обычаи страны, Резанов выполнял все требования японцев. С корабля свезли пушки, ядра, порох, но на берег экипаж тем не менее не пустили, только взяли богатые царские подарки для императора — микадо. Оказалось, что все напрасно. Японский император не принял подарки, ссылаясь на то, что по бедности не может отблагодарить равноценно, а потому и посланника принять не желает, — так доносил Александру I Николай Резанов.

На обратном пути в Петропавловск Крузенштерн и Лангсдорф не скрывали злорадства по поводу неудачи Резанова. Опять начались раздоры, и камергер покинул «Надежду», об этом поведал потом Федор Шемелин.

Вначале он собрался возвратиться в Петербург, но в Петропавловск зашло компанейское судно «Мария Магдалина», и камергер задумал отправиться на нем в Русскую Америку. Узнав о намерениях Резанова, Лисянский решил не задерживаться в Новоархангельске.

Заканчивая подготовку к дальнему походу, командир позаботился о приболевших матросах, повез их лечиться на целебный источник.

«7 августа я отправился с несколькими больными к целебным водам, где и пробыл до 15 числа. Погода все это время стояла довольно хорошая, и наша прогулка была бы очень приятна, если бы нас не тревожили комары и мухи, особенно последние, которые в здешних лесах водятся в величайшем множестве и весьма беспокойны. К крайнему моему удовольствию, употребление целебных вод поправило здоровье моих больных, которых я взял с собой единственно для опыта».

Возвратившись, Лисянский подводит некоторые итоги пребывания в Русской Америке. «Хотя здешний Западный берег, — пишет Лисянский, — был известен нам со времени капитана Чирикова, но никто не знал к чему он принадлежит, к материку или островам».

Не забывает Лисянский своих первых боевых адмиралов

Александра Круза и Василия Чичагова, чьими именами он назвал два новых острова. Не соглашается он и с Ванкувером, который, не исследовав до конца увиденные острова, именовал их островами короля Георга III. Тщательно обследовав указанные острова, Лисянский рассудил по-другому. «Ситкинские острова названы мною по имени живущего на них народа, который называет себя ситкаханами, или ситкинцами».

Пролив, который отделяет острова от материка и не был замечен Чириковым, назвали впоследствии проливом Лисянского. Лисянский первым из российских мореплавателей составил точную «Карту Российских владений в Северо-западной части Америки». Он же первым определил важное значение новой крепости Новоархангельска для будущего Русской Америки. «Нынешнее наше селение называется Новоархангельском. Оно несравненно выгоднее прежнего. Местонахождение его и при самом небольшом укреплении будет неприступным, а суда, под прикрытием пушек, могут стоять безопасно. Новоархангельск по моему мнению должен быть главным портом Российско-Американской компании, потому что, исключая вышеупомянутые выгоды, он находится в центре самых важных промыслов» — этот точный и прозорливый вывод командир «Невы» Юрий Лисянский сделал накануне ухода из Русской Америки.

В середине августа «Нева» была полностью загружена мехами, оснащена и была готова к отплытию. Погода, правда, испортилась, шли непрерывные дожди, но Лисянский не желает «ждать у моря погоды». «Уже с неделю, как я начал готовиться в поход и хотя время стояло дождливое, однако наши приготовления доведены были до того, что мы при первом благоприятном ветре могли оставить Ситку. Мне было весьма желательно не только удалиться от страны, в которой каждый из нас должен был терпеть величайшую скуку, но чтобы иметь больше времени для надлежащего исполнения моего предприятия».

Он решил не заходить на Гавайские острова, но и не следовать кратчайшим путем в Кантон.

Его «предприятие» — это мечта всей жизни: отыскать неведомую землю в океане. В свои союзники он берет графа Румянцева: «Мое желание пройти в широте 36,5° до 180° соответствует данному графом Румянцевым предписанию, в котором сказано, будто бы в древние времена был открыт в 340 немецких милях от Японии и под 37,5° с.ш. большой и богатый остров, населенный белыми и довольно просвещенными людьми. Он должен находиться между 160 и 180° з.д.». Но командир «Невы» не действует на авось. Не один вечер провел он у карты

Великого океана, сопоставляя маршруты своих предшественников Кука, Лаперуза, Ванкувера. Только он, Лисянский, пойдет иными, непроторенными дорогами: «Может быть, случай позволит нам сделать какое-либо неожиданное открытие, так как наш путь будет совершенно новым до самых тропиков или еще и далее».

Трижды первые

Когда выходили из Ситхи, командир собрал экипаж на шканцах «Невы». Лисянский был краток:

— Нынче, братцы, продолжаем наш вояж кругом света. Пойдем путем, где раньше нас никто не хаживал. При всяком случае на верхней палубе глядите зорко на горизонт, быть может, земля объявится, неизведанная. Кто первый заметит — тому награда…

Великий океан… Первым из европейцев пересек эту водную громаду Магеллан. Громадина в то время затаилась, выглядела сильной и показалась ему тихой. То был редкий случай. Обычно океан не раз испытывал силу духа и стойкость всех, кто покушался на его тайны. Одни безуспешно бороздили его просторы. Другим улыбалась удача, они открывали тайники новых земель, затерянных в безбрежных далях. А некоторые добивались успеха… ценой своей жизни. Так случилось в прошлом, в восемнадцатом столетии с капитаном Куком. Он трагически погиб у берегов найденных им островов. Так произошло с отважным капитаном Лаперузом. После многих успешных обретений он бесследно исчез со своими спутниками в пучине океана. Однако по следам смелых мореплавателей наперекор стихии устремлялись новые следопыты.

Туман несколько задержал выход из залива, и только в 6 часов утра 2 сентября 1805 года «Нева» при северном ветре вступила под паруса… Но вскоре ветер стих, пришлось задержаться, лечь в дрейф по весьма уважительной причине для командира: «В это время приехал к нам из крепости Баранов, с которым я распрощался не без сожаления. Он по дарованиям своим заслуживает всякого уважения. По моему мнению, Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника. Кроме познаний, он имеет уже привычку к выполнению всяких трудов и не жалеет собственного своего имущества для общественного блага».

Первые недели плавания дул ветер западных румбов переменной силы, и «Нева» спускалась к югу. Через два дня вокруг шлюпа вдруг появились стада котиков. Командир послал на все три салинга самых опытных матросов осматривать горизонт. Солнце садилось в воду, а суша не показывалась. В последующие дни котики показывались все реже, но поверхность моря усеяли мелкие ракушки. Кадьякцы говорили, что ими питаются бобры.

Утром 16 сентября при восходе солнца над «Невой»

закружила стая птиц, похожих на куликов, а полчаса спустя с салинга раздался долгожданный крик:

— Вижу землю к югу!

Все высыпали на палубу, Калинин проворно вскарабкался на салинг. В самом деле, далеко к югу просматривалась узкая темная полоса. Внезапно нашел туман и закрыл все вокруг.

— На румб зюйд-зюйд-вест! — скомандовал командир.

До конца сумерек пристально всматривались вперед и по бортам матросы. Увы, суша не обнаруживалась…

Шлюп продолжал идти курсом на запад к меридиану 180° градусов. Однако в начале октября задул сильный встречный ветер, и «Нева» повернула к югу.

Лисянский позвал штурмана к карте:

— Итак, обширный наш поиск между меридианами сто шестьдесят пятым и сто шестьдесят восьмым результатов не дал. Западные ветры в сих широтах устойчивы подолгу, посему для сбережения времени я решил направить плаванье к Марианским островам. В этих акваториях, по моим сведениям, никто из знатных мореходов не бывал.

С каждым днем становилось все теплее. Исчезли туманы, но тишина и безветрие длились сутками. Усиливающаяся жара сделалась несносной. Рассохлись катера и ялики, новые еловые бушприт и стеньги расщепились. Пришлось скреплять их найтовами.

Недельное маловетрие сменилось 15 октября слабым западным ветром. По обычаю утром командир разными секстанами взял несколько серий высот солнца и в полдень уточнил широту и долготу места. Лисянский, как всегда в хорошую погоду, поставил стул на шканцах. После обеда над шлюпом закружили птицы. Откуда ни возьмись вылетали лоцманы, фрегаты, незнакомые тропические, совсем не пуганые птицы с большими белыми крыльями. Одна из них села на утлегарь[42]. Матросы на баке закричали, замахали руками, но птица не улетала. Один из матросов ловко побежал по бушприту и схватил птицу за хвост, но она вырвалась и улетела. Справа и слева из воды появились фонтаны — шлюп сопровождало стадо касаток. Иногда у самой поверхности сверкала спина акулы.

Рядом с командиром склонились через фальшборт Повалишин и Берх. Последний задумчиво произнес:

— К чему бы такая резвость вокруг, в океане и в воздухе?

Задремавший было Лисянский встряхнулся:

— И птицы, и рыбы, Василий Николаевич, одни из верных признаков суши. В свое время неподалеку от этих мест Лаперуз также приметил разные признаки земли. Быть может, на сей раз

удача найдет своего хозяина.

Он подозвал стоявшего на вахте Арбузова:

— Поставьте самых прозорливых матросов на все салинги.

В сумерках командир наскоро поужинал и вновь поднялся на шканцы. Стемнело, о заступлении на вахту доложил Коведяев. В 10 часов командир хотел сойти в каюту, но предупредил вахтенного:

— Если ночью ветер засвежеет, уменьшите паруса до возможного, лишь бы не терять ход. Я сойду в каюту, немного отдохну.

Не успел Лисянский подойти к трапу, как «Нева» внезапно сильно вздрогнула, так что матросы вывалились из коек.

— Лево руль! — в тот же миг скомандовал Лисянский. — Всех наверх, паруса долой!

«Руль немедленно был положен под ветер на борт, чтобы поворотить оверштаг, но это не помогло, и корабль сел на мель. Штурман, между тем, обмерил глубину вокруг судна, которое остановилось посреди коралловой банки», — отметил этот момент Лисянский.

— Реи и стеньги за борт, — распорядился командир, — сбросить запасной рангоут. — И подозвав боцмана, сказал: — На каждый рей и стеньгу закрепить поплавок. Потом поднимем.

Одновременно спустили за борт катер и ял, завезли верп[43] и начали оттягиваться через шпиль. Облегченный шлюп к рассвету нехотя сошел с мели, и в этом момент кто-то вскрикнул:

— Земля! Справа!

Все находившиеся на верхней палубе невольно повернули головы направо.

— Ура-а-а! — опомнившись, закричал первым Берх, и через минуту-другую громогласное «ура!» раскатами понеслось над океаном. Арбузов шагнул к командиру, и они обнялись.

В дневнике командир записал кратко: «На рассвете около 1 мили на западе — северо-западе показался небольшой низменный остров, а прямо по курсу, которым мы шли вечером — гряда камней, покрытых страшными бурунами».

Шлюп на какое-то время задержался на завезенном раньше якоре — верпе.

— Не мешкая, Данило Васильевич, садитесь в ял и обмерьте глубину вокруг шлюпа.

Не успел ялик протянуться к носу, налетел сильный шквал и «Нева» опять очутилась на рифе.

За борт сбросили запасные якоря, канаты, но ветер крепчал и колотил корпус о кораллы. Пришлось сбросить две пушки. Больше суток экипаж без отдыха попеременно работал на шпиле,

завозил якоря, удерживал на буксире то нос, то корму, откачивая воду. Люди выбивались из сил.

Поздно ночью 17 октября командир приказал всему экипажу, кроме верхней вахты, отдыхать. К счастью, ночью ветер стих. Едва рассвело, шлюп наконец-то удалось отвести на глубокое место. Один за другим вылавливали буйки и поднимали на борт сброшенное имущество, рангоут, пушки. Выловили десятиметровый кусок отломленного фальшкиля. С нетерпением ждал командир доклада боцмана, по лицу которого угадал: пронесло.

— Стало быть, ваше благородие, воды в трюме прибывает за час дюймов двенадцать, как и прежде.

— Слава богу, Петрович, значит, обошлось на сей раз. Будь внимателен, чуть что докладывай мне в любой час.

Под вечер командир хотел съехать на берег, но слегка занемог, видимо, двое суток без сна сказались. Он отпустил на остров офицеров. Вернулись они часа через два, привезли четырех тюленей.

На следующее утро, 18 октября, Лисянский с штурманом, Повалишиным, Верхом, Коробицыным отправился на остров. Предупредил Арбузова:

— В случае сильного ветра немедля вступайте под паруса и удаляйтесь от берега.

Остров оказался окаменелым коралловым рифом, над которым кипел бурун: С трудом отыскали проход и высадились в небольшой губе. Сразу же моряков окружили большие черепахи, различные птицы. Они садились на голову и плечи. На солнцепеке грелись безразличные тюлени, не обращая никакого внимания на людей. Почти на каждом шагу путники проваливались по колено в заросшие травой ямы. Оттуда слышался писк птенцов. Посредине острова командир остановился.

— Довольно много птиц на острове, но не видно источников воды, — проговорил, озираясь, Повалишин, — да их, пожалуй, и нет.

— Не завидую тем мореплавателям, коих забросит судьба на эти рифы, — пересохшими губами продолжал мысль Калинин, а Лисянский закончил:

— Не приведи господь. Однако пора за наше дело.

Берх нашел длинный шест. Его воткнули в землю, а рядом зарыли бутылку с письмом об открытии острова.

Повалишин примял землю сапогом, приговаривая:

— Сие первое российское приобретение в Великом океане, но не последнее.

На обратном пути собирали кораллы, окаменелые губки, на берегу валялся десяток бревен, похожих на красное дерево. Откуда они здесь? Вернувшись на шлюп, Лисянский рассматривает находки с необитаемого острова, размышляет об испытаниях, которые выпали «Неве». Он записывает в своем дневнике: «Возвратился на корабль в полной уверенности, что если судьба не удалит нас от этого места, то следует ожидать скорой смерти. При совершенном недостатке в пресной воде и лесе, какие бы можно было предпринять средства к спасению? Правда нас снабдили бы пищей рыба, птицы, тюлени и черепахи, которых на острове большое количество, но чем мы могли утолить жажду? Этот остров, кроме явной и неизбежной гибели, ничего не обещает предприимчивому путешественнику. Находясь посреди весьма опасной мели, он лежит почти наравне с поверхностью воды. Исключая небольшой возвышенности на восточной стороне, он состоит из кораллового песка и покрыт только травой».

Действительно, «Нева» находится посредине Великого океана за тысячи миль от суши, однако не стоит предаваться унынию, ведь достигнута главная цель вояжа и, пожалуй, всей жизни:

«Очень жаль, что встреча с новооткрытым мной островом была сопряжена с несчастным приключением для нашего корабля. В противном случае я не упустил бы возможности испытать на самом деле справедливость моих заключений и отыскал бы что-нибудь более важное. Ибо без труда, которого я не согласился бы преодолеть, нет опасности, которой я бы не перенес, только бы сделать наше путешествие полезным и доставить честь и славу русскому флагу новыми открытиями».

19 октября задул тихий северо-западный ветер, и «Нева» вступила под паруса. Спустя час шлюп лег в дрейф. Командир собрал весь экипаж, пассажиров на шканцах. Они стояли полукругом, уставшие, с обветренными лицами, но в глазах их светилась радость.

— Братцы, други мои, — взволнованно обратился к ним командир, — в тяготах и лишениях службы флотской Бог послал нам счастливые минуты.

Он всматривался в лица офицеров, квартирмейстеров, матросов. За два года они сроднились.

— Первыми из россиян мы сделали почин, открыв необитаемую сушу посреди Великого океана. По заведенному порядку землю сию следует окрестить.

Матросы весело загалдели.

— Поскольку дело наше общее, предлагаю дать острову имя нашего шлюпа — «Нева», — продолжил командир.

Матросы оживились, переговариваясь и будто соглашаясь с командиром, но поднял руку Повалишин и выступил вперед. Все смолкли.

— Братцы, не мне вам пересказывать, сколько раз «Нева» и судьба наша избегали горькой участи благодаря выучке и отваге нашего капитана Юрия Федоровича. Да и само сие обнаружение острова есть плоды его забвенного труда и пристрастия в морском деле. А потому мыслю, по справедливости было бы назвать открытую землю именем капитана нашего — островом Лисянского. — Повалишин на мгновение передохнул и спросил:

— Согласны?

Собравшиеся в один голос выдохнули:

— Согласны!

Лисянский, волнуясь, возражал, видимо, не ожидая такой развязки, но все зашумели, настаивая на предложении Повалишина, и он в конце концов согласился.

— Спасибо, братцы и други! — Он повернулся к офицерам: — Коли вы настаиваете — быть посему.

Эту волнующую картину красочно описал в свое время известный мореход, современник Лисянского Василий Головнин: «Экипаж также воспользовался сим случаем для изъявления своей любви и преданности к достойному своему начальнику, которого имя он увековечил, нарекши оным вновь открытый остров. Какая награда для доброго начальника может сравниться с той, которая происходит от сердца его подчиненных. Офицеры и служители корабля «Нева» просят, требуют, настаивают, чтобы капитан пожертвовал на сей раз усердию и желанию их, свойственной ему скромностью и возложил имя свое на остров, им случайно найденный. Что может быть приятнее, лестнее и почтительнее для мореходца, служащего единственно в пользу и славу своего отечества и чуждого всякой корысти и личных выгод?»

Вечером Лисянский еще раз поделился своими мыслями об открытии: «Корабль «Нева» за испытанное им у этого острова несчастное приключение может быть вознагражден только той честью, что с открытием весьма опасного местоположения он спасет, может быть, от погибели многих будущих мореплавателей. Если бы мы стали на мель около острова в другом каком-нибудь месте, то, конечно, подобно несчастному Лаперузу, не увидели своего отечества, а сделались бы жертвой морских волн, так как повсюду были видны буруны. Если бы корабль был потоплен, а мы спаслись на остров, то он послужил бы нам скорее фобом, нежели убежищем. При первом ветре, а особенно с северо-востока, корабль «Нева» непременно разбился бы о кораллы и погрузился бы в пропасть вечности».

Одно обидно и досадно. Остров Лисянского ныне принадлежит другой державе, Соединенным Штатам Америки, как, впрочем, и многие другие русские земли, например острова Суворова, открытые М. Лазаревым. А все по вине своих недальновидных правителей.

Спустя четыре дня с фор-салинга раздался тревожный крик:

— Прямо по носу бурун!

Лисянский бегом направился на бак. Невооруженным глазом было видно «чрезвычайное кипение воды».

— Лево руль, — скомандовал Лисянский и, как оказалось, вовремя, «лейтенант Повалишин и штурман Калинин влезли наверх, подтвердили, что за кипением воды вправо виден высокий всплеск».

Ветер менял силу и направление, и шлюп отошел на безопасное расстояние. Вскоре пошли один за другим шквалы, и туман окутал шлюп непроницаемой мглой. Обнаруженному рифу Лисянский дал имя Крузенштерна. В тот же день он приказал для безопасности шлюпу ночью ложиться в дрейф, а днем нести подобранные паруса.

— Пока не минуем неизведанные акватории, — объявил он офицерам.

Командир весь в заботах о дальнейшем пути. Неведомая земля открыта, теперь все решает расчет. В последний день октября он меняет рацион экипажа. «С этого дня я убавил по 1/4 фунта сухарей у каждого человека в сутки, потому что по прежнему положению их хватило бы только на 30 дней. За это время невозможно было надеяться достичь Кантона, если бы этому не способствовали какие-либо самые благоприятные обстоятельства. Для меня весьма приятно отдать должную справедливость находящимся на моем корабле матросам, которые упомянутую убавку приняли не только без всякого неудовольствия, но еще с замечанием, что если потребуется, то они согласятся получать самую малую порцию». Радует настроение экипажа, для Лисянского, как всегда, это главное, матросы его понимают.

Спустя сутки «Нева» перешла из западного в восточное полушарие, с каждой милей теперь все ближе родной Кронштадтский меридиан. «Таким образом мы обошли полсвета от гринвичского меридиана, не лишившись ни одного человека, в течение столь многотрудного и продолжительного плавания. Наш народ переносил жаркий климат так, как если бы родился в нем, и до сих пор находит его для себя гораздо здоровее, нежели холодный».

Через три недели показались Марианские острова.

— Слава господу, наконец-то миновали страхи и жестокие бури, — облегченно вздохнул в кают-компании Коробицын и перекрестился.

— Погодите, Николай Иванович, — проронил саркастически Берх, — океан так просто свои таинства не отдает. Он еще потреплет нас, грешных.

Едва скрылись Марианские острова, подул сильный ветер, барометр резко упал.

— Прикажите взять рифы, на всех парусах, — распорядился командир и, подумав, добавил: — На ночь подберите все паруса и оставьте один зарифленный бизань.

Ночью разразилась буря. «Нева» попала в центр тайфуна. Ураганный ветер рвал снасти, валил шлюп на бок так, что палуба ушла под воду. Громадные волны перекатывались по палубе, сметая все на своем пути. В щепки разнесло ялик, подвешенный за кормой, выломало и унесло в море шкафуты. Наступило утро, но кругом была беспросветная тьма, начала прибывать вода в трюме. Беспрерывно, без отдыха, по пояс в воде откачивали ее матросы весь день. «При уборке парусов грот-стакселя, штоком выбросило с корабля в море трех матроз, но волнением оных кинуло опять на шкафут, которые еще успели схватиться за брошенные им с корабля концы веревок и тем спаслись от жертвы свирепейшего моря», — вспоминал потом Коробицын. Наконец к вечеру тайфун начал ослабевать и к утру затих.

Вся верхняя палуба и надстройки были облеплены илом и грязью. Всюду болтались разорванные, измочаленные и побелевшие от морской воды снасти. По закоулкам валялись обломки выломанных шкафутов. Неделя ушла на приведение в порядок груза в трюмах. Подмоченные во время шторма меховые шкуры начали гнить. Из трюмов выходило сильное зловоние в жилые палубы. Матросов перевели жить в кают-компанию. За борт выбросили 30 тысяч шкурок котиков, тысячи морских бобров, лисиц… В этот день шлюп миновал траверз острова Формоза, и 3 декабря «Нева» вошла на рейд Макао, где неделю назад бросила якорь «Надежда».

Русские корабли впервые посещали китайские воды, потому местные власти отнеслись к ним настороженно.

На другой день «Нева» перешла в купеческую гавань Вампу, вблизи Кантона. Идти туда «Надежде» китайцы не разрешили. По приходе в Макао Крузенштерн допустил оплошность, сказал чиновникам, что его корабль военный. По китайским законам иностранным военным кораблям в гавани Китая вход запрещен.

Начались купеческие хлопоты и заботы: пришлось заняться коммерцией — сбывать доставленные меха компании и закупать

на вырученные деньги китайские товары. Основной товар находился на «Неве», у Крузенштерна было раз в десять меньше. Потому все хозяйственные дела решал Лисянский. Немало канители произошло с таможней, прежде чем разрешили открыть торговлю. Лисянский успешно вел торговые операции, деятельно помогал ему в этом приказчик Коробицын.

Купеческая суета не заслонила главного — шлюп готовился к дальнему переходу основательно. Доков в Вампе не оказалось, пришлось ремонтировать подводную часть кренгованием — поочередно накренивать «Неву» на правый и левый борта.

Занятый ремонтом корабля, хозяйственными делами, Лисянский каждую свободную минуту уделяет знакомству с жизнью неведомой страны. Свои впечатления он, как обычно, доверяет дневниковым записям.

Описывая город Кантон, он сразу же замечает разницу в сооружениях. Европейским купцам принадлежат прекрасные здания. «Что же касается строений, то и самые лучшие из них довольно невзрачны, а о домах бедных китайцев и говорить нечего». Мореплавателю бросается в глаза нищета основного населения города. Многие китайцы не имеют никакой собственности, кроме утлых лодок, покрытых рваными циновками, в которых они проводят всю жизнь. «Людей такого состояния в Кантоне, как уверяют, великое множество, а река Тигрис ими наполнена. Иные промышляют перевозом, другие же с крайним вниманием стерегут, не будет ли брошено в воду какое-нибудь мертвое животное, чтобы подхватить его себе в пищу. Они ничего не допустят упасть в реку. Многие из них разъезжают между кораблями и достают железными граблями со дна разные упавшие безделицы, вытащив которые, продают их и тем доставляют себе пропитание».

На другом полюсе местные богатеи и чиновники: «Чиновники и зажиточные купцы живут в большом достатке. Имеют богатые дома, великолепные сады. Стол их роскошный, особенно когда дают они публичные обеды, на которых бывает от 40 до 50 различных блюд. Некоторые из них очень дороги».

Во время торговых операций Лисянский пришел к убеждению, что «кантонские начальники вместо надлежащего наблюдения за порядком торговли, весьма выгодной для их государства, заботятся только об изыскании способов грабежа для своего обогащения. Во всей китайской империи существует полное рабство. Поэтому каждый принужден сносить свою участь, как бы она не была горька. Первый китайский купец — не что иное, как казначей наместника или таможенного начальника. Он обязан доставлять тому или другому все, что только потребуется,

не ожидая никакой платы. Иначе его спина непременно почувствует тяжесть вины».

Русский моряк имеет свое мнение и по другим важным сторонам жизни. «Многие утверждают, что китайское государство чрезвычайно богато, но я должен добавить со своей стороны, что нигде нельзя найти подобной бедности, какой удручены бесчисленные семьи в этом обширном царстве, если об этом позволено будет заключать по виденным мною примерам и по рассказам самих китайцев. Китайские улицы наполнены нищими». Крайняя нужда сказывается и на пище, «китайцы едят все, что ни попало. Нет, кажется, никакого произведения природы, которого этого народ не употреблял бы в пищу. Крысы, на которых каждый европеец смотрит с отвращением, у них составляют лакомство и продаются на рынках».

Лисянский не просто записывает свои впечатления, но и анализирует, рассуждает: «Европейские миссионеры отзываются с большой похвалой о китайских законах. Но на самом деле они, по моему мнению, не заключают ничего полезного для благополучия китайцев. Главным или коренным законом Китайской империи считается тот, которым императору представляется право быть отцом своих подданных. Такое же право распространяется и на всех государственных чиновников. Впрочем, следует признаться, что злоупотребление властью нигде не бывает так велико, как в Китае. Знатные чиновники действуют там по своему произволу и даже часто поступают, как тираны с народом, который от тяжелых наказаний и мучительных пыток приведен в состояние страха».

Что же, наш мореплаватель по-своему прав в суждениях. Законы принимаются правителями, и всегда в свою пользу.

Вчитываясь в раздумья Лисянского о порядках и нравах в Китае, невольно приходишь к мысли: а не хотел ли наш мореплаватель, обнажая китайские язвы, привлечь внимание читателей к жизненным устоям в России? То же рабство, та же нищета, такое же подобие несправедливых законов. Ведь это в его бытность Екатерина II, которую называют «Великой», издала Указ, запрещающий крепостным жаловаться на притеснения помещиков.

В то же время Лисянский подчеркивает трудолюбие и сдержанность китайцев, они «вообще понятливы и восприимчивы», в обхождении вежливы и приветливы.

Не минует взора военного человека и состояние кораблей. Но увы, вследствие отчужденности их «корабли, ружья и пушки находятся в точно таком состоянии, в каком они были при монгольском завоевании».

Не забывает он оставить свои впечатления и о прекрасном

поле. «Китайские женщины высшего сословия сидят всегда дома, и содержатся в такой строгости, что видеть их никак невозможно. Следовательно, о нарядах их сказать нечего. Бедные же носят широкие брюки и верхнее длинное платье с широкими рукавами, несколько похожее на мужское».

«Но богатеи содержат у себя красавиц. Женщин они обыкновенно покупают и содержат в сералах. На это требуются немалые расходы. Китайцы покупают себе жен следующим образом. Мужчина уславливается в цене за свою невесту с ее родителями, не видя ее никогда. Она отправляется к нему в дом в запертом портшезе, ключ от которого посылается жениху раньше. Если жених доволен покупкой, то оставляет ее у себя, в противном случае приказывает отнести обратно. Однако он остается не без убытка, так как лишается не только отданной за нее суммы, но еще обязан заплатить столько же в виде пени».

Все же Лисянскому удалось увидеть, хотя и мимолетно, красавиц в серале, будучи в гостях у знакомого купца Панкиква. «Между тем мне случилось невзначай повернуться назад и увидеть растворенную дверь, из которой на нас смотрели три прекрасно одетых женщины. Но лишь только я взглянул, как это явление вмиг исчезло. Однако же нетрудно решить, кто из нас был любопытнее: мы или женщины, так как дверь и после того довольно часто открывалась, а по выходе нашем в галлерею две из них показались почти явно».

Какой же моряк после многомесячного плавания останется равнодушным под взглядом молодых женщин да еще ежели ему опять уходить вскоре в морские дали…

Незаметно прошли Рождественские праздники, наступил новый 1806 год. Вечерами в редкие свободные часы экипажи шлюпов делились впечатлениями о житье-бытье во время разлуки. За полтора года накопилось немало новостей. Моряки «Надежды» делились впечатлениями о походе в Японию, рассказывали о Камчатке. Их собратья с «Невы» вспоминали схватки с индейцами, плавание в Русской Америке, горделиво сообщили об открытии острова в Тихом океане. Не раз подолгу беседовали и командиры. «Надежда» почти полгода простояла в Нагасаки. Переговоры Резанова с японцами, как уже знал Лисянский, оказались безрезультатными.

— Японские правители затворили плотно свои двери для иноземцев, — высказался Крузенштерн, — отныне они запретили русским судам приближаться к берегам Японии.

На обратном пути Крузенштерн прошел Китайским морем, описал берега Сахалина. Резанов остался на Камчатке, ему предстояло немало дел в Русской Америке. Об этом Лисянский

знал.

— Камергера ожидали в Новоархангельске со дня на день перед нашим уходом, — сказал он, — видимо, разлучились с ним на подходе к Ситхе.

Незаметно разговор перешел на состояние дел в Русской Америке, тяготы и лишения тамошней жизни, постоянные опасности нападений со стороны индейцев. Лисянский не раз упоминал о Баранове. Молчавший Крузенштерн поморщился и проронил:

— Мне не приходилось там бывать, но судя по слышанным мною отзывам на судне «Мария», которое пришло с Кадьяка, правитель тамошний Баранов — человек грубый и недалекий.

— Позволь, Иван Федорович, — возразил Лисянский, — человек этот не без недостатков, но поверь, по дарованиям своим заслуживает всякого уважения.

Крузенштерн словно этого и не слышал, снисходительно улыбнулся:

— Позволь заметить, Юрий Федорович, я слышал сие от людей, бывших там и достойных всякой доверенности. Баранов господствует там единовластно и незаконно. Нельзя ожидать от такого человека никакого правосудия.

Лисянского задело за живое, и он решительно отпарировал:

— Мне приходилось за полтора года быть вместе с Барановым множество раз в деле. При атаке крепости в Ситхе он был первым и ранен в бою. Не согласен с тобою полностью. По моему мнению, Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника по своему опыту и познаниям.

Доводы Лисянского, его решительное несогласие смутили Крузенштерна, он замешкался и покраснел — не привык к полемике, в которой его доказательства оказывались несостоятельными. Лисянский между тем продолжал:

— Кроме сказанного могу добавить, что этот человек трудится в ущерб себе и живота своего, не считаясь со временем и здоровьем. Для себя он не имеет никакой корысти, а только печется об общественном благе и пользе для отечества. Таково мое твердое убеждение о Баранове.

Беседа вскоре закончилась, и в дальнейшем они не вспоминали этот разговор.

Между тем наконец-то на шлюпы погрузили выгодно купленные китайские товары — чай, фарфор, ткани — и в начале февраля покинули китайские берега. Командиры условились следовать Южно-Китайским морем, мимо островов Индонезии, Зондским проливом в Индийский океан, обогнуть мыс Доброй

Надежды и оттуда в Европу.

До выхода из Зондского пролива плавание проходило при переменных ветрах, часто в туманах, суда дважды теряли друг друга из видимости.

Выход из Зондского пролива совпал со смертью матроса Степана Коноплева. Еще в Кантоне заболел он и просил не оставлять его. Либанд принял все меры, чтобы вылечить, но не помогло. Он долго мучился, не мог ничего есть и превратился в мумию. На траверзе мыса Ява тело Коноплева предали, по обычаю, морю.

В третий раз шлюпы потеряли друг друга ночью 15 апреля, неподалеку от мыса Доброй Надежды. Лисянский принял все меры к отысканию соплавателя:

«Ночью пушечными выстрелами и зажженными ракетами я давал ему знать о месте, где мы находимся. Поутру я употребил все свое старание его отыскать, но мои усилия остались тщетными. К полудню появился густой туман и принудил меня держать надлежащий курс, тем более что ветер дул благоприятный, которым обязательно следует пользоваться там, где несколько часов дают иногда величайшую разность в плавании. Итак, мы уже в третий раз разлучаемся внезапным образом».

Лисянский, вспомнив свое прежнее плавание в этих местах, решил обойти отмель мыса Доброй Надежды намного мористее. Удлинив путь, он воспользовался попутным течением и в итоге выиграл время. В полдень 20 апреля показался знакомый профиль Доброй Надежды. Наконец-то ветер начал заходить, и попутные юго-восточные пассаты наполнили паруса.

Пять дней после разлуки с «Надеждой» командир «Невы» проводит в раздумье. Он вспоминает историю мореплавания со времен Магеллана, перебирает в памяти все кругосветные вояжи испанцев, англичан, относительно недавнее плавание француза Бугенвиля. Нет, ни один из них не совершил беспрерывного плавания из восточной части Индийского океана к берегам Европы. Джеймс Кук прославил Британию двумя кругосветными плаваниями, Ванкувер — вояжем по Великому океану, французы пока совершили один вояж кругом света. И вообще он не помнит, чтобы кто-нибудь из мореходов решился пройти из Кантона в Англию без передышки. «Чем же хуже мы, россияне? — задается вопросом капитан-лейтенант Лисянский. — Неужто упустим свой шанс? И когда он еще выпадет?» К тому же сколько раз сталкивался Лисянский с придворными вельможами и морскими чинами, относящимися с пренебрежением и скептицизмом к мастерству и выучке русских моряков. Такими, как братья графы

Воронцовы, их приятель адмирал Павел Чичагов, кому по должности определено пестовать русский флот. Надо на примере доказать им, на что способны русские моряки. Главное — Лисянский считает первым своим долгом «доставить честь и славу русскому флагу».

Надобно обязательно посоветоваться с офицерами, сообщить матросам, а прежде всего просчитать, сверить запасы провизии и воды. Впереди более пяти тысяч миль. Конечно, Крузенштерн будет вне себя, но он уже один раз подвел командира «Невы» и не пришел на рандеву у Пасхи.

За полночь не гаснет лампада в каюте командира. Надо все взвесить. Первое — запасы воды. Итак, при минимальном расходе потребуется на неделю на весь экипаж 112 ведер. При наших запасах худо-бедно хватит на 10–12 недель, сверх того есть эссенция для елового пива. С продуктами легче, ежели употреблять каждый день сверх супа с солониной, чередуясь, пшено и рис, два раза готовить бульон, варить суп с чаем вместо зелени, то достаточно с лихвой.

24 апреля в полдень, пройдя траверз Доброй Надежды, раздалась команда:

— Право руль! На румб норд-вест!

После обеда командир задержал офицеров, штурмана:

— Проведя подсчеты наших съестных припасов и воды, господа, я понял, что при разумном потреблении их хватит на три месяца. — Лисянский положил перед офицерами расчет и продолжал: — Полагая, что за это время мы сможем достигнуть Европы, я решил идти прямо в Англию, не заходя на остров Святой Елены.

Не успел он кончить, как все одобрительно зашумели.

— Еще ни один мореплаватель не отваживался на такой далекий путь, не заходя куда-либо для отдыха, — продолжал командир, — уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь. Вы можете спросить, а как же с «Надеждой»?

— Дойдет благополучно, сколь были в разлуке, — ответил за всех Повалишин, — всякий раз это происходило не по нашей вине. Да и будет ли она на Святой Елене? Помните, условились встретиться на Пасхе, однако Крузенштерн не захотел идти туда.

Его поддержали все до единого, а Калинин добавил:

— Такой случай отличиться выпадает редкому мореходу, да и то раз в жизни. Наше право совершить сие чрезвычайное действо.

Улыбка озарила лицо командира.

— Имея случай, мы докажем свету, что заслуживаем в полной мере ту доверенность, какую нам оказало наше отечество. Сего же дня, вечером, я сообщу эту новость остальному экипажу…

«Полагая, что в течение этого времени мы можем достигнуть Европы, я решился оставить прежнее свое намерение идти к острову Св. Елены, а направил свой путь прямо в Англию, будучи уверен, что столь важное предприятие доставит нам большую честь. Еще ни один, подобный нам мореплаватель не отважился на такой далекий путь, не заходя куда-либо для отдыха. К этому смелому подвигу меня побуждало также и само желание моих подчиненных, которые, будучи в совершенном здоровье, только о том и помышляли, чтобы отличиться чем-нибудь чрезвычайным. Я сожалел единственно об одном, что подобное путешествие должно нас разлучить с кораблем «Надежда» до самого нашего прибытия в Россию. Но что делать? Имея случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, которую оказало нам отечество, нельзя было не пожертвовать этим удовольствием. «Нева» находилась в море уже более трех месяцев, в продолжение которых офицеры потратили много своей свежей провизии, а нижние чины употребляли непрерывно соленое мясо. Поэтому, чтобы никто не потерпел недостатка в пище и не подвергся болезням, я первый приказал отдать всю свою живность», — изложил в тот же день свои соображения командир.

Приближаясь к экватору, он решил склониться к западу и пересечь его подальше от Африки — в этих местах большая вероятность дождей. Расчет оправдался. Едва шлюп миновал экватор, сверху один за другим обрушились тропические ливни. «От беспрестанных вихрей море кипело, как в котле, и казалось совершенно огненным, когда оно освещаемо было молнией, часто рассыпавшейся над нами с преужасным треском, но без всякого вреда».

— Бог в помощь, — перекрестился боцман, — три десятка кадушек дождевой воды набрали.

Утром 9 июня показались Азорские острова. К шлюпу под всеми парусами спешил катер под английским флагом. Капитан катера сообщил о состоянии войны между Россией и Францией. Он передал кипу газет, коротко рассказал о событиях в Европе. Только теперь узнал Лисянский о победе англичан в Трафальгарском сражении, поражении союзников под Аустерлицем, где с позором бежал с поля битвы Александр I. Десятки тысяч русских солдат остались лежать в чужой земле, погибнув по прихоти своего бездарного самодержца. Александр I не внял советам мудрого Кутузова отойти, отвести и спасти армию. Французы изумлялись храбрости русских солдат и удивлялись абсурдному невежеству таких генералов, как Буксгевен, виновного в гибели тысяч русских. Военные действия приостановились, но продолжалось состояние войны. «Стало

быть, хотя и есть у меня охранное свидетельство от французского правительства, однако «береженого Бог бережет». Можно, конечно, обойти Британию северным путем и выйти к Норвегии, но так потеряем неделю, не менее. Придется вновь рискнуть и идти Ла-Маншем», — сделал вывод Лисянский.

Он вызвал Калинина и Арбузова:

— Расположим наш курс намного западнее, в обход Пиренеев, и выйдем к Лизарду с запада. Приготовьте, Павел Петрович, все пушки. Держите в готовности из них по паре на каждый борт. Проверьте заряды и снаряды.

За две недели плавания до отмели Ла-Манша не раз вдали виднелись военные корабли, но они проходили мимо. Лишь однажды к шлюпу подошел английский фрегат. Его капитан Вилькинсон радушно приветствовал Лисянского.

— Держитесь, сэр, ближе к английскому берегу. Французские крейсера из Бреста частенько перехватывают «купцов», — посоветовал он.

На рассвете следующего дня на горизонте обозначился большой военный корабль, который устремился следом за шлюпом. Пришлось ставить дополнительные паруса, и лишь в темноте «Нева» оторвалась от преследования.

Вечером 28 июня «Нева» бросила якорь на Портсмутском рейде.

За 140 дней «Нева» прошла без захода в какой-либо порт и без якорной стоянки 13 923 мили. Обычно к таким длительным дальним плаваниям мореплаватели готовятся заранее и не один месяц, тщательно оснащают корабли, запасают провизию и воду, подбирают экипаж. При плавании «Невы» такой подготовки не было. Тем более значимы успех и заслуга командира и его подчиненных.

Длительный беспримерный переход русских моряков говорит о прекрасной морской выучке командира и всего экипажа. Плавание показало знание, умение и ответственность Лисянского за порученное дело. Ведь покидая Кантон, он не предполагал такое испытание, но, как всегда, скрупулезно готовил к выходу в море «Неву», которая уже преодолела 30 000 миль плавания в штормовых условиях и непогоду. Три с половиной месяца экипаж находился в отрыве от берегов — и ни одного нарекания со стороны начальства, недовольства и жалоб подчиненных. Это ли не пример стойкости и отваги русских мореходов, совершающих первый кругосветный вояж?!

«Таким образом, мы закончили весьма длинное плавание прямо из Кантона, не заходя никуда в порты. При этом находившиеся на моем корабле люди были совершенно здоровы и

не терпели ни в чем ни малейшего недостатка», — отметил командир.

Утром он съехал на берег, и его приветливо принял губернатор Джон Прево. На следующий день все газеты сообщили о первом русском кругосветном плавании. На шлюп повалили толпы любопытных англичан.

Пока «Неву» приводили в порядок, Лисянский побывал в Лондоне. Местные газеты успели сообщить о прибытии шлюпа, везде чествовали командира «Невы» — первого русского капитана, вернувшегося из путешествия вокруг света.

К берегам Дании «Нева» отправилась 14 июля под охраной английского конвоя. Спустя неделю на подходе к Скагенскому маяку скончался матрос Иван Горбунов. Он был ранен в грудь во время войны с Швецией, часто жаловался на боли. В Портсмуте для лечения запаслись минеральной водой, доктор не отходил от него, но все оказалось тщетным.

В конце июля «Нева» прошла траверз Борнхольма, начались туманы. Иногда ночью шлюп ложился в дрейф.

С полуночи 5 августа задул крепкий западный ветер, взяли рифы у парусов, но скорость доходила до 11 узлов. Рассвет весь экипаж встретил на верхней палубе — в дымке показались очертания Кронштадта.

«В какое мы пришли восхищение, когда открылся Кронштадт глазам нашим! — делился последними впечатлениями Коробицын. — Тогда всякий с восторгом и чувствительностью приносил благодарение всевышнему вождю, управляющему плавание наше… В 1/2 9-го часу достигли мы Кронштадтский рейд и в расстоянии 1/2 мили от гавани встали на якорь. В 9 часов салютовали мы с корабля Кронштадтской крепости 13-ю выстрелами пушек, на что и с оной ответствовано нам равным числом выстрелов; стены же Кронштадтской гавани наполнены были множеством обоего пола зрителей, а корабль наш тот же час окружен был приезжающими из Кронштадта шлюпками».

Во время салюта офицеры вышли на шканцы, стали рядом с командиром. Когда начались ответные выстрелы крепости, появился улыбающийся Калинин с журналом в руках.

— Позвольте, господа, поздравить вас!

Все с радостным любопытством повернулись к нему. Последнюю неделю штурман каждую свободную минуту по заданию командира делал какие-то выписки из шканечных журналов, производил подсчеты.

— Наиглавнейшее, — начал он, — экипаж наш оказался трижды первым: отыскал неизведанный остров в океане — раз, без остановки прошел от Китая до Европы — другой раз, и третье

— сего дня первым закончил плавание кругом света!

Калинин раскрыл журнал и продолжал:

— В плавании «Нева» пребывала три полных года, без двух дней. Прошла за сие время более сорока пяти тысяч миль. Две трети сего пути шлюп наш плавал самостоятельно, без соплавателя нашего «Надежды»…

— Спасибо, Данило Васильевич, за труды ваши, — поблагодарил командир, — надобно привести в порядок все шканечные журналы для отдачи в канцелярию Адмиралтейского департамента.

Не сходя на берег, командир «Невы» закончил свои записи о путешествии краткой фразой: «Таким образом, почти после трехлетнего отсутствия, мы возвратились на родину к неописуемой радости и удовольствию наших соотечественников».

Экспедиция еще не завершилась, так как ожидали возвращения «Надежды», но для экипажа «Невы» первый кругосветный вояж закончился с отдачей якоря на Кронштадтском рейде.

За кормой более 45 тысяч миль и 1095 дней плавания под парусами.

В чем же первенствовала прибывшая в Кронштадт «Нева» под командой капитан-лейтенанта Лисянского? Вот краткий, но внушительный итог.

«Нева» — первый российский корабль, побывавший у острова Пасхи. Также «Нева» первой проложила маршрут из Кронштадта в Русскую Америку, а экипаж ее защитил и отстоял владения России на берегах Северной Америки. Только благодаря настойчивости и целеустремленности командира «Невы» русские моряки отыскали неведомую землю в Тихом океане.

Экипаж «Невы» совершил первым беспримерный переход под парусами из Кантона в Портсмут, и, наконец, «Нева» первой успешно закончила кругосветный вояж.

Еще один немаловажный штрих подчеркнул полвека назад писатель-историк В. Невский в книге «Первое путешествие россиян вокруг света»: «В литературные источники о первом русском кругосветном путешествии вошла в обыкновение ошибочная тенденция писать о Ю. Ф. Лисянском лишь как о спутнике И. Ф. Крузенштерна. Однако приводимые данные показывают, что большую часть плавания Лисянский совершил самостоятельно.

В течение 532 ходовых суток корабли прошли более 45 000 миль, причем только 41,5 % по времени и 42,8 % по числу миль падает на часть путешествия, совершенную «Невою» совместно с «Надеждою», а самостоятельного плавания соответственно 58,5 %

и 57,2 %.

Из 1095 дней, в течение которых продолжалось историческое путешествие, в совместном плавании корабли находились только 375 дней, в самостоятельном плавании «Нева» находилась 720 дней, что соответственно составляет 34,3 % и 65,7 %».

Таким образом, командир «Невы» фактически совершал вояж без опеки Крузенштерна и произвел открытия и новации самостоятельно.

Первый визит на берегу Лисянский нанес командиру Кронштадского порта вице-адмиралу Ханыкову. В тот же день командир «Невы» направился в Петербург с докладом к морскому министру. Адмирал Чичагов принял Лисянского довольно холодно. Равнодушно расспросив его о плавании, он недовольным тоном произнес:

— Все это так, но я не усматриваю особой выгоды от сего вояжа, который стоит больших издержек…

Вернувшись от министра, Лисянский отправился на старую квартиру. Среди встречающих на берегу, как ни странно, знакомых лиц почти не оказалось, кроме расцеловавшего его Гревенса и однокашника Иринарха Тулубьева. На квартире его ждало письмо от Анания. Летом прошлого 1805 года он отправился с эскадрой вице-адмирала Дмитрия Сенявина в Средиземное море. Накануне ухода эскадры написал письмо. Брат сообщил горестную весть — в Нежине скончался отец. Дружок его Михаил Баскаков уволился в отставку в 1804 году и жил в деревне.

Домой Юрий Федорович принес объемистый портфель с большими тетрадями — записями всех событий за время вояжа. Еще в Кантоне он договорился с Крузенштерном, что каждый опубликует свои повествования отдельно. Он начал разбирать свои заметки. После сдачи должности решил взять отпуск и, не откладывая в долгий ящик, заняться подготовкой рукописи к изданию.

С первых же дней на шлюп потянулись именитые гости. Едва Чичагов доложил о прибытии «Невы» Александру I, тот пожелал наведаться в Кронштадт и побывать на «Неве». Накануне «Неву» отбуксировали в Петровский канал для разгрузки товаров. Первыми же из сановников прибыли с визитом министр коммерции граф Николай Румянцев и товарищ министра внутренних дел Павел Строганов. Строганов три года назад пожертвовал книги для библиотеки, которую везла в Америку «Нева». Лисянский провел их по кораблю, показывал образцы привезенных товаров. Коробицын принес в кают-компанию бухгалтерские книги, доказал прибыльность вояжа. Перед уходом

Румянцев предупредил Лисянского:

— Завтра поутру его величество государь изволили пожелать осмотреть «Неву», приготовьте все как следует.

Рано утром из Петербурга прибыл Александр I. Он прошел по верхней палубе, поздоровался с офицерами и матросами. В каюте командира разглядывал диковинки: раковины, кораллы, деревянные поделки, маски из Русской Америки. Удивился, узнав, что до сих пор в бочках сохранилась солонина, заготовленная три года назад.

— И что же, она съедобна? — спросил слащаво Александр I.

— Ваше величество, вчера на обед команда кушала, и все здоровы, — ответил Лисянский.

— И можно попробовать?

— Извольте, ваше величество, через четверть часа фуршет будет в кают-компании приготовлен, — заверил командир.

— Ну-ну, подождем, — Александр I продолжал рассматривать коллекции, а Коробицын бросился накрывать стол.

Попробовав солонину, сухари, царь запил водой, взятой в тропиках, и одобрительно причмокнул губами.

Вскоре после визита Александра I Юрий Федорович узнал о высочайшей награде — император пожаловал его орденом Владимира 3-й степени. Его срочно вызвали в Петербург для вручения награды. Указ гласил: «Во уважение на усердную и ревностную службу флота капитан-лейтенанта Лисянского и особливые труды понесенные им в совершении благополучного плавания нашей волею всемилостивейше пожаловали мы его кавалером ордена нашего Св. Владимира третьей степени…»

После вручения награды министр коммерции Румянцев объявил о денежном вознаграждении:

— Его императорское величество повелели выдать вам ежегодную пенсию из Государственного казначейства три тысячи рублей. А кроме того, — Румянцев добродушно покашливал, — Российско-Американская компания в знак ваших заслуг перед нею дарует вам десять тысяч.

В тот же день ему объявили о присвоении звания капитана 2-го ранга. Прошел день, и из Петергофа пожаловало царское семейство — императрица Мария Федоровна с великими князьями Николаем и Михаилом и великими княжнами Екатериной и Анной. После осмотра шлюпа их угостили чаем…

Визиты царственных особ тяготили.

— Слава богу, — проговорил Лисянский, когда гости ушли на шлюпке, — кажется, все царствующее семейство побывало у нас, теперь и за дело пора.

На следующий день началась разгрузка товаров, а 19 августа

Кронштадт салютовал возвращению «Надежды».

Встреча командиров шлюпов прошла сдержанно. Видимо, Крузенштерн был недоволен тем, что «Нева» не зашла на остров Святой Елены и опередила «Надежду». Спустя день-два в кают-компании заговорили о происшествии на острове Святой Елены. Там в своей каюте застрелился лейтенант Головачев. Причину никто не объяснил. Офицеры «Надежды» отмалчивались. Все прояснилось, когда в гости к Коробицыну пришел его дружок, приказчик Федор Шемелин, плававший на «Надежде».

— Покойный Петр Трофимович, несмотря на разницу в возрасте и положении, был со мной в самых дружеских расположениях, — рассказывал Шемелин за ужином в кают-компании, — а сблизило нас то, что он, так же как и я, весьма не одобрял действия господина Крузенштерна по отношению к нашему благодетелю Николаю Петровичу Резанову.

Шемелин поведал, как переживал все грубые выходки Крузенштерна Головачев, пытался его и других офицеров, нападавших на Резанова, урезонить. В ответ слышал одни насмешки и оскорбления. После выхода из Кантона он замкнулся. Видимо, его мучила совесть, что он был бессилен противостоять произволу капитана. С ним он держался строго официально.

— Как-то накануне прихода на остров Святой Елены, — продолжал Шемелин, — он вдруг подошел ко мне и дал мне свой бюст, который ему сделали по заказу еще в Кантоне, и сказал: «Возьмите, пожалуйста, этот бюст себе, в мою каюту часто попадает вода, я боюсь, что он испортится…» Потом он отдал мне большой запечатанный конверт. «Тут мои бумаги, — продолжил он, — ежели со мной что случится, сохраните их…» А потом вдруг добавил: «А отдайте бюст Николаю Петровичу Резанову».

В каюте Шемелин, прежде чем спрятать конверт, прочитал на нем надпись: «Приезд в Кронштадт может раскрыть сию печать, и каждому отдастся по принадлежности».

«Что за чертовщина», — подумал Шемелин и спросил Головачева.

— Это я так, на всякий случай, — ответил он, — здоровье мое сильно расстроилось, едва ли в состоянии перенести этот путь. Дай бог, чтоб я жив остался.

Шемелин все время, как мог, подбадривал Головачева, тот лишь отшучивался.

— В тот роковой день 8 мая, — продолжал Шемелин, — Головачев утром сменился с вахты, вел себя добропорядочно, был в бодром настроении, шутил, смеялся, потом ушел в каюту…

На палубе стояла тишина. Командир с офицерами съехал на берег. Шемелин стоял, наблюдая зарисовки астронома Горнера.

Вдруг со стороны офицерских кают что-то грохнуло. Встревоженный астроном пошел посмотреть, что произошло, вернулся, запыхавшись, весь бледный и хрипло проговорил:

— Господин Головачев застрелился!

Шемелин побежал в каюту Головачева. Дверь была распахнута. Головачев лежал поперек постели. Изо рта его обезображенного лица струилась кровь, пистолет валялся рядом…

Немедленно сообщили о случившемся Крузенштерну. Командир вернулся с офицерами, осмотрел каюту. Среди бумаг находились письма Крузенштерну, Ратманову, Ромбергу. Отдельно лежал конверт императору Александру I. Крузенштерн взял это письмо, положил под замок в своей каюте, больше никто этого письма не видел.

— Похоронили Головачева на острове Святой Елены честь по чести, английский губернатор выделил роту солдат, оркестр. Обещал поставить памятник покойному, — закончил рассказ Шемелин, перекрестился и добавил: — Куда девались письма покойного Крузенштерну, Ратманову, Ромбергу и самому государю, мне неведомо. Да я и не допытывался о том у Крузенштерна, бог с ним…

В кают-компании установилась тишина, каждый погрузился в тяжелые раздумья о судьбе человеческой. Чтобы развеять грустное настроение, Лисянский спросил у Коробицына:

— Как же вы теперь, Николай Иванович? Вновь будете контракт заключать на вояж дальний?

Коробицын, отрицая, покачал головой:

— Избавьте, Юрий Федорович, я свое намаялся. Вот сдам товар компании, расчет возьму и к зиме укачу к себе в Великий Устюг.

— Ну а мы, — командир оглядел офицеров, — отдохнем в отпуске и опять по кораблям флота российского, службу править…

А что же думал командир «Надежды», где случилась трагедия с Головачевым? Глухо, сквозь зубы вспоминал он об этом: «Недоразумения и неприятные объяснения, случившиеся на корабле нашем в начале путешествия, о коих упоминать здесь не нужно, были печальным к тому поводом».

Увы, не хватило мореплавателю искренности и мужества признать свою неправоту и свою вину…

Выгрузка товаров скоро закончилась, и «Нева» стала в док. Прошел слух, что весной правление компании вновь пошлет ее в Русскую Америку.

Лисянский сдал шлюп и тепло простился с экипажем.

Офицеры преподнесли ему золотую шпагу с надписью на эфесе: «Благодарность команды корабля «Нева».

* * *

Как и было задумано, командир «Невы», сдав корабль, тут же ушел в отпуск и начал корпеть над записками о закончившемся вояже. По свежим следам вспоминал забытые эпизоды, находил новые черновые наброски, делал многочисленные правки. Предстояло не просто изложить тьму происшедших событий корабельной жизни, описать неведомые ранее земли, но и заинтересовать читателя, заставить его сопереживать всем треволнениям в кругосветке, стать ее незримыми очевидцами.

Начиная с острова Пасхи, куда впервые ступил русский человек, Лисянский не только описал лоцию, ландшафт, этнографию Маркизовых и Сандвичевых островов, русских владений на Кадьяке, в Америке, но и подметил многое, мимо чего проходили его предшественники Кук и Лаперуз. Простым, доступным языком старался ознакомить россиян с бытом и нравами далеких народов. Закончив рукопись, скрупулезно вычертил морские карты, отшлифовал собственноручные эскизы и рисунки побережья, островов, диковинных вещей местных жителей. Здесь он проявил себя как опытный мореплаватель, вдумчивый ученый-исследователь, пытливый и наблюдательный этнограф и бытописатель.

Закончив работу, он обратился к морскому министру Чичагову. Выслушав командира «Невы», министр холодно заметил:

— Крузенштерн, я знаю, тоже готовит описание вашего вояжа. Для чего же вам писать о том же?

«Странно, — подумал Лисянский, — Чичагов толкует о Крузенштерне, мне доподлинно известно, что он находится давно в своем имении, еще не приступал к работе над сочинением».

— Нет, ваше высокопревосходительство, сие не одно и то же. Более половины вояжа я находился в самостоятельном плавании, в разных местах с Крузенштерном. И кроме того, мы условились с ним заранее о предметах нашего описания, чтобы не было повторов.

— Хорошо, — поморщился министр, — мы направим вашу рукопись в Адмиралтейский департамент, там постараются оценить ее достоинства.

Чичагов высказал просителю далеко не все, что думал. В разговорах со своими чиновными людьми Адмиралтейского

департамента министр не скрывал неприязни к первопроходцу. Впрочем, это было неудивительно: укоренившееся в нем за десяток лет пренебрежение ко всему российскому — «англичанин, до презрения всего русского» — перекочевало и на соотечественников, и на подчиненных. Своего злопыхательства к русскому первооткрывателю он и не скрывал.

«Что до открытий, — писал Чичагов знакомому, — то господин Лисянский сделал одно — это скала, на которой он потерпел крушение и едва не погиб со всем экипажем, иных совершенно не было».

Не прочитав рукописи, с оскорбительной предвзятостью обрушился он на автора описания вояжа, которое якобы сочинено «языком старой бабы, в котором невозможно разобраться на основании принципов, существующих в русском языке».

Во все времена чиновная братия строила свое благополучие и карьеру, исходя прежде всего из того, что скажет начальство. Неукоснительно следовал этой традиции секретарь Адмиралтейского департамента Никольский, к которому попала рукопись. Не прошло и двух месяцев, как Лисянскому доставили по почте увесистый пакет из департамента. Никольский посчитал, что рукопись непригодна к публикации и он-де «к приведении ее в надлежащий порядок находит такие неудобства, по которым почитает необходимо нужным, чтобы предварительно сочинитель занялся исправлением».

Лисянский недоумевал: «В рукописи полтыщи листов, и когда этот чинуша умудрился их внимательно прочитать? Однако надо еще раз хорошенько разобраться с записками».

Перед Рождеством Лисянский получил письмо от Н. Румянцева. Президент Коммерц-коллегии просил дать отзыв об оценке деятельности Российско-Американской компании.

Граф Румянцев вместе с письмом прислал две записки: некоего коллежского асессора Соболевского и спутника Крузенштерна, капитана второго ранга Михаила Ратманова. Оба автора излагали свои соображения о состоянии дел в Русской Америке, сгущали краски о положении алеутов, воздвигали поклепы на Баранова.

Сличив обе записки, Лисянский усмехнулся. «А ведь ни один из них не бывал на Алеутах или Аляске, — размышлял он, — в глаза-то не видели правителя Баранова, а берутся судачить о нем. Да и видно, что оба «писателя» черпали свои суждения из одного источника».

Не откладывая ответил Румянцеву:

«Сиятельный граф! Милостивый государь.

Читая бумаги гг. Соболевского и Ратманова, присланные ко

мне от вашего сиятельства, я нашел, что они все скупированы из одного подлинника, с тою разницею, что г. Соболевский приобщил еще несколько идей. Бывши более года в той части острова и вникая в обстоятельства жителей, я уверительно могу сказать, что последнее не справедливо, исключая разве редких случаев, происшедших в какой-нибудь невоздержанности низкого человека. Напротив же того, нонишний правитель старается сколь возможно делать свои препоручения лутчим из росеян под его начальством находящихся». Сообщил, что в трудную минуту «компания берется смягчить жестокую участь голодающих, помогая провизией из своих магазейн, но сие, как мне на опыте привелось видеть, не совершенно удобно». Просмотрев свои дневники, опровергал убедительными фактами и цифрами многие домыслы.

В заключение высказал свое мнение по существу:

«Не находя ничего более замечательного в представлениях гг. Ратманова и Соболевского, я беру смелость заключить сию бумагу тем, что Американской компании непременно нужно взять меры, по которым род подчиненных ей жителей не токмо бы не уменьшался, но даже мог бы умножиться, ибо с потерею онаго вся ловля морских зверей прекратиться должна, как ни один россиянин производить ее не в состоянии сам. Такая же потеря в моих мыслях при теперешних обстоятельствах почти неизбежна через двадцать лет со времени завоевания острова Кадьяка г-ном Шелиховым. Уже на оном осталось не более половины людей, при всем том, что дальные партии или промысла еще недавно только зачались. Також де компания должна непременно снабжать своих людей одеждою и домашними инструментами как можно дешевле. Також де ожидать можно просветить несколько тысяч человек, которые будут щитать себя одолженными Россиею».

Письмо графа Румянцева взбудоражило сознание воспоминаниями о недавнем вояже. Отослав свой отзыв, Лисянский заглянул в знакомый дом у Синего моста.

Осенью, вернувшись из кругосветного плавания, он передал «Неву» лейтенанту Леонтию Гагемейстеру. Леонтий жадно расспрашивал о Русской Америке, плавании, поведении «Невы». Компания тогда вновь отправляла шлюп в Русскую Америку, и Лисянский ближе познакомился с директором компании Михаилом Булдаковым. Тогда и узнал, что тот женат на дочери Григория Шелихова и хорошо знал известного купца и морехода. Теперь, бывая в Петербурге, Лисянский нет-нет да и заходил повидаться с директором.

В этот раз Булдаков спросил его напрямик, не согласен ли он вновь отправиться в Русскую Америку.

— Увольте, Михайло Матвеевич, — невесело ответил Лисянский, — я свое отплавал, здоровье пошаливает. И то я уже подумываю в отставку выйти.

— Да, да, вы уж не пеняйте, — извинился Булдаков.

— А я к вам по следующему поводу. Недавно получил письмо на отзыв от их сиятельства графа Румянцева. Так там Ратманов и Соболевский нелестно отзываются о Баранове. Откуда сие? Они-то его по делу не ведают…

Булдаков недовольно отмахнулся.

— Знаю я этих писак, вечно у нас крамолу выискивают из бумажной помойки. А Ратманова-то я хорошо помню, он моему свояку Резанову немало крови попортил.

— А где же сейчас Николай Петрович? Мы с ним разминулись в океане, так и не привелось увидеться.

Булдаков тяжело вздохнул. После письма его из Калифорнии прошлым летом он не имел от него известий.

— Повестил меня недавно граф Нелединский, он ему весточку прислал из Якутска. Читал я это письмецо. Торопится Николенька в столицу, а понапрасну себя не жалеет. Здоровьицем-то слаб, не надорвался бы…

Лисянский готовился вступить в компанию, вернулся на корабли, тем временем отпуск кончился. С начала навигации 1807 года его назначили командиром корабля «Зачатие Анны», но вскоре перевели командиром отряда. Отряду кораблей предписывалось крейсировать в западной части Балтики у островов Гогланд и Борнхольм.

Штурвал внешнеполитического курса Российской империи резко повернул в другую сторону. Поражение под Аустерлицем ничему не научило русского императора, там, вопреки советам мудрого Кутузова вывести армию из-под удара французов и сохранить ее для России, он безоглядно бросил войска на погибель в западню французов. В далеких от России просторах Европы, в болотах, непролазной грязи на полях Пултуска, Прейсиш-Эйлау, Фридланда, расплачиваясь за ошибки своего командующего генерала Беннигсена, гибли десятки тысяч русских солдат. Что отстаивали они в прусских владениях, австрийских вотчинах? Свое отечество? Отнюдь. Того не ведая, оберегали они лишь престиж трона самодержцев российских, в жилах которых, по иронии судьбы, даже не было русской крови. И лишь храбрость, мужество и стойкость русского солдата заставили Наполеона искать замирение с трепетавшим от страха Александром I. Посылая князя Лобанова-Ростовского для переговоров с Наполеоном, царь напутствовал:

— Бывают такие положения, когда нужно думать о том, чтобы

сохранить себя.

Вскоре Тильзитский мир перечеркнул прошлое и сделал отношения вчерашних союзников неприязненными. Отношения с Англией ухудшились, и отряду Лисянского вменялось в обязанность вести разведку и наблюдать за передвижением английского флота у берегов Дании и Швеции.

В разгар лета мимо отряда, обменявшись приветствиями, проследовал шлюп «Диана». Лисянский знал, что командует шлюпом опытный лейтенант Василий Головнин и «Диана» направляется в Тихий океан по его маршруту мимо мыса Горн. Не мог, конечно, предполагать Лисянский, какие испытания ждут Головнина. После месячного безрезультатного противоборства со стихией у мыса Горн мореплаватель повернул к мысу Доброй Надежды. Там «Диану» целый год пленили англичане, а после Василий Головнин два года томился в плену у японцев…

По возвращении из крейсирства Юрию Федоровичу объявили о новом назначении — командиром экипажей «всех личных яхт его императорского величества».

«Должность знатная, но канительная и мне не по нутру», — сокрушался Лисянский, но, поразмыслив, согласился. Новое положение давало ему больше времени вечерами для работы над рукописью.

После Рождественских праздников 1808 года он получил весточку от Анания. Вместе с эскадрой адмирала Сенявина он оказался в Лиссабоне. Вернув, по приказу императора, французам Ионические острова и побережье Далмации, эскадра направилась в Россию. Три недели корабли боролись с жестокими осенними штормами в Атлантике и зашли в Лиссабон. Там их 10 месяцев блокировали англичане. Их ждала незавидная судьба — погибнуть в сражении с многократно превосходящим и отлично вооруженным неприятелем или сдаться в плен. Только мужество и мудрость адмирала Сенявина позволили избежать этой незавидной участи. Без санкции императора он на свой страх и риск договорился с англичанами, и в конце концов корабли с честью передали на хранение в порты Англии до окончания войны, а людей без потерь возвратили на родину.

Всю зиму не раз штудировал Лисянский рукопись, но не находил заметных изъянов. Решил написать предисловие к будущим читателям и откровенно их предупредил: «Наконец, остается мне, изъявив чистосердечное признание в недостатках и неисправности моего слога, попросить у читателя великодушного в том извинения, в котором он тем паче отказать не может, что я по роду моей службы никогда не помышлял быть автором. При сочинении моих путешествий я старался украсить все предметы

не витийством, или плавностью слога, но истиной».

…Глубокой осенью закончилась кампания 1808 года. Эскадра разоружилась, готовилась к зимней стоянке. По мере того как обнажались мачты, исчезали паруса, такелаж, рангоут, корабли теряли стройность, романтические очертания силуэтов парусников. С грустью смотрел Лисянский на медленно спускающийся с гафеля корабля «Энгетейм» его личный вымпел командира отряда.

«Неужели предстоит навсегда покинуть флот?» Во время крейсирства в прошлую кампанию он почувствовал недомогание — ломило голову, часто хворал, но каждый день проводил на шканцах. Видимо, давала себя знать давняя контузия, полученная в бою во время службы в английском флоте.

В продолжение нынешней кампании болезнь вновь не раз напоминала о себе, он стал всерьез подумывать об отставке. Служба вне корабля, на берегу, ему претила. Его поддержала и жена.

По возвращении из кругосветного вояжа Юрий Федорович случайно, на вечеринке, познакомился с молодой вдовой. Шарлотта, так ее звали, после скоропостижной кончины мужа, состоятельного чиновника департамента финансов, жила скромно и уединенно, занимаясь воспитанием единственного ребенка. Как-то сразу, с первой встречи, они почувствовали взаимную расположенность и большую симпатию друг к другу. В Шарлотте подкупали искренность в отношениях и глубокая душевность. Жандр Шарлотта Карловна, урожденная баронесса Брюнельд, имела имение в Кобрине. Влюбленные встречались часто и вскоре решили объединить свои судьбы. Венчались они скромно. Со стороны жениха были Гревенс, Повалишин. Брак оказался счастливым, молодые супруги ожидали первенца…

Лисянский принял большое участие в воспитании сына Шарлотты, обращался к императору, чтобы определить его в Пажеский корпус. От совместной жизни у них было пятеро детей.

Но мы опередили события.

В числе последних возвратился на зимнюю стоянку фрегат «Полукс» под командой капитан-лейтенанта Повалишина. Одного из первых навестил он Лисянского.

— Как записки ваши, Юрий Федорович? — поздоровавшись, спросил он.

Тот кивнул на письменный стол в углу комнаты, где лежала большая, аккуратно сложенная стопка листов.

— Корпел, почитай, год с лишком. Год назад департаментские чиновники завернули рукопись с порога, не прочитав даже… Слог мой им не по вкусу.

— Быть не может, — удивился Повалишин. Во время вояжа командир не раз просил его просматривать записи. — Мне думается, подобного описания вояжа, тем паче кругом света, по стройности и завлекательности в России прежде не появлялось.

Лисянский пожал плечами.

— Иного мнения придерживается морской министр. Отчего и сам не пойму, не пришелся я к его двору.

— Вот жалость, — искренне огорчился и посочувствовал Повалишин, — время-то уходит. — А соплаватель-то наш, Крузенштерн, видимо, более удачлив. Нынче летом встречал я в Ревеле его земляка Беллинсгаузена. Так он сказывал, будто Крузенштерну сразу после вояжа было обещано министром Чичаговым издать его записки на казенный кошт. Беллинсгаузен пояснил мне, что Крузенштерн второй год сидит в своем поместье и сочиняет записки. — И вдруг погрустнел. — Кстати, вам ведомо, что камергер Резанов скончался в Красноярске, по пути в Петербург с Аляски?

— Слыхал, царство ему небесное, — перекрестился Лисянский.

Повалишин склонил голову, они ненадолго замолчали.

Кивнув на стол, где рядом с рукописью лежали большие листы с рисунками, Повалишин спросил:

— Сие никак ваши зарисовки о вояже, Юрий Федорович?

Они подошли к столу. На листах ватмана были тщательно вычерчены бухты, острова, мастерски сделаны эскизы приметных мест побережья Америки, искусно выполнены рисунки предметов обихода, одежды племен, населяющих ее берега. Повалишин знал, что большинство из них командир выполнил во время кругосветного плавания.

— Полагаю, читателю будет сие небезынтересно. Самое лучшее — однажды увидеть предмет описания, — пояснил Лисянский.

— Право, такое издание надобно поскорее выдать в свет, ведь российский читатель любопытен до всего нового. Тем паче по нашему следу кругом света «Нева» вновь отправилась в Америку, а прошлой осенью ушла на Камчатку «Диана» лейтенанта Василия Головнина.

— Не ведаю судьбу своего детища, Петр Васильевич, — задумчиво проговорил собеседник. — На неделе повторно отправлю в Адмиралтейство, — и, помолчав, добавил: — Ежели опять будут волокитить, намерен на свои средства издать.

— Однако сие весьма накладно, нелегко придется.

— Верно, Петр Васильевич, мы с супругой всё посчитали. Я ведь в отставку собираюсь. Однако для меня кругосветный вояж и

память о нем — дело всей жизни. Тут ничем поступаться негоже…

Повалишин встрепенулся:

— А ведь и я подумываю грешным делом об отставке, Юрий Федорович.

— Что так вдруг?

Повалишин грустно улыбнулся:

— Откровенно, Юрий Федорович, теряется смысл нашей службы. Вспомните, два года тому назад, возвращаясь в Кронштадт, мы имели неприятелем французов. Нынче они наши друзья. А британцы со дня на день, глядишь, станут противниками. Надолго ли? Такие шараханья не к добру. И потом эти беспрерывные битвы — Аустерлиц, Пултуск, Прейсиш-Эйлау, Фридланд… Что приобрела Россия от них? Один позор и тысячи новых могил…

Он помолчал минуту-другую и закончил:

— С другой стороны, министерские реляции непомерно возносят аглицкие порядки, принижая достоинство русских моряков. Сие мне лично не по нутру…

— Пожалуй, я согласен с вами, Петр Васильевич. Как-никак мы люди военные. Однако не однажды размышлял я о превратностях воинских. В особенности после нашего штурма крепости тлинкитов на Ситхе. Вспоминаете? Там ведь головы положили и наши матросы, и супротивники… Смертоубийство — вот роковой смысл любой войны. Мне понятна и близка лишь идея защиты отечества от иноземных захватчиков, но неужто человечество обречено вечно заниматься взаимоистреблением? Позабыли божескую суть — «не убий».

После небольшой паузы продолжал:

— Что касается строевой службы, то нынче править ее непросто. Больше продвигается тот, кто способен прислуживать, а не служить. Кстати, из моих одноротников почти все уволились, а иные скончались безвременно. Недавно проводил в последний путь Василия Кожина. На кораблях плавает, пожалуй, один Иринарх Тулубьев.

Как и предчувствовал Лисянский, в Адмиралтейском департаменте рукопись оказалась у Никольского. Тот, следуя неизменным суждениям начальства, не утруждая себя, заключил, что «журнал остался почти таким же, как был прежде, и по множеству погрешностей против русского языка и слога никак не может быть издан в том виде в Морском департаменте». Не раздумывая, Лисянский ответил, что больше переделывать записки не намерен и «не может убавить ничего, что им написано». Вскоре рукопись вернули автору, и это ускорило

решение покинуть службу.

«Записки Гидрографического департамента» в те времена справедливо заметили странный парадокс: «Крузенштерн представил Морскому министру I-ый том своих записок в 1809 году и в том же году они начали издаваться за казенный счет. С изданием Путешествия Лисянскому не посчастливилось. Он представил рукопись еще в 1806 году, рукопись неоднократно была возвращена автору. Сделав, наконец, издание на свои деньги в 1812 году, но Департамент купил только пять экземпляров, несправедливость видимая… Книга, впрочем, написана очень грамотно и заключает много хорошего».

В январе 1809 года Лисянский уволился со службы, а спустя месяц состоялся «Указ об отставке Ю. Ф. Лисянского капитаном I-го ранга».

Вскоре уволились в отставку Повалишин, Берх — по болезни. Подали рапорта об увольнении Арбузов, Коведяев.

Свое прошение об отставке Лисянский мотивировал согласно «Указу» «дурным состоянием здоровья». Действительно, хотя ему было только 36 лет, могли сказаться последствия его ранения и контузии, а также беспрерывная служба, четверть века, на кораблях. Но явно были и другие причины, в частности позорная волокита с изданием его труда. Не исключено, что рукопись просматривали в Морском департаменте люди, имевшие акции Российско-Американской компании, а Лисянский упоминает не раз о беспорядках в Русской Америке, его довольно смелые суждения о роскоши и бедности в Китае могли у кого-то вызвать нежелательные аналогии, наконец, личная неприязнь к независимому в суждениях мореплавателю министра Чичагова.

В сентябре возвратился из Англии Ананий. Рассказал подробно о злоключениях русской эскадры в Лиссабоне, о передаче кораблей англичанам.

— Ежели б не мудрость адмирала Сенявина, не досчиталась бы Россия многих кораблей и служителей. Однако государь неприязненно попомнил Дмитрию Николаевичу за его разумность. Не может простить ему, что сие произведено без его соизволения. Даже в Петербург не допустил адмирала по прибытии из Англии.

Ананий обещал брату помочь деньгами для издания записок. Начались хлопоты, переговоры с издателями, поиски дешевой бумаги.

Зимой к бывшему командиру заглянул Василий Берх.

— Вот, Юрий Федорович, и я обратился в цивильного субъекта, — пошутил он, — уезжаю на Урал, в Пермь. Определился на службу советником в казенной палате. —

Помолчав немного, добавил: — Подумываю заняться историческими изысканиями о тамошнем крае… Времени будет предостаточно, а там, даст Бог, попытаюсь о прошлом плавании сочинить что-либо…

Спустя несколько месяцев в петербургских журналах появились первые статьи Берха. В марте 1812 года к нему в Пермь заехал старинный приятель Данила Калинин с женой и сыном.

— Заключил я, друже, контракт с Компанией, — сообщил он, — наша «Нева» нынче в Охотске. Еду на нее штурманом. Поведу шлюп из Охотска на Ситху, — кивнул на жену с ребенком, — семью содержать средства надобны…

Состояния Калинин не имел. За храбрость в войне со шведами его произвели из нижних чинов в офицеры.

После издания в 1810 году на казенный счет второго тома сочинений Крузенштерна Лисянский на свои личные средства выпустил в свет свою книгу. Пришлось потратить все деньги, полученные за кругосветку, и занять у жены. Издание обошлось в 18 500 рублей, сумма для того времени огромная, но что поделаешь, жаль было и своих трудов и хотелось поделиться пережитым с петербургской публикой. Отлично изданную книгу начали раскупать, хотя и не прытко. Одним из первых откликнулся «Вестник Европы»: «Сочинение г-на Лисянского вышло из печати в С. Петербурге прошлого февраля месяца. Оно содержится в двух томах и при них равным образом находятся географические карты. Книга сия доставит полезное и приятное занятие любителям основательных сведений и без сомнения переведена будет на разные европейские языки. Между тем известно, что г. Лисянский перевел свое сочинение на английский язык и скоро приступит к печатанию. Он вознамерился присоединить к своему переводу метеорологические и астрономические таблицы, которых нет при Российском подлиннике.

Сие сочинение можно назвать прекраснейшим памятником, который народом Российским воздвигнут мореходству и наукам».

«Вестник Европы» оказался прав. Лисянский в самом деле перевел свои «Путешествия» на английский, и надо видеть его изящную каллиграфию и безупречную грамматику на английском.

Издать книгу в Лондоне он решил, чтобы окупить издательские расходы. В Петербурге книга покуда залеживалась на прилавках, а в Лондоне, он знал по опыту, такие вещи ценились. Для издания книги он ездил в Лондон и написал предисловие для английских читателей: «Чтобы сделать эту книгу более интересной, как для рядового читателя, так и для

профессионала, была избрана такая форма изложения, чтобы первый не отложил ее в сторону, сочтя за обычный корабельный журнал, а моряк обратил бы на нее внимание, благодаря множеству содержащихся здесь морских наблюдений, а также карт и рисунков, — по-новому освещающих гидрографию морей. За достоверность этих карт автор полностью ручается, ибо они сделаны на основании личных съемок».

Лисянский неплохо изучил англичан. Превосходно оформленное издание разошлось быстро. Об этом успехе высказался много лет спустя В. Белинский: «Но вот еще характеристическая черта нашей литературы или, лучше сказать, нашей публики, — черта, о которой, к сожалению, нельзя сказать, чтобы она отзывалась стариной: известного путешествия Крузенштерна вокруг света, изданного в 1809–1812 годах, на русском и немецком языках, и путешествия вокруг света Лисянского, изданного в 1812 году, на русском и английском языках, в России разошлось едва ли по двести экземпляров каждого, между тем, как в Германии вышло три издания путешествия Крузенштерна, а в Лондоне продана в две недели половина экземпляров книги Лисянского».

Как говорится, нет пророка в своем отечестве. Быть может, некоторое равнодушие столичной публики к морской тематике воспитывалось безразличием к судьбам флота императора и его окружения.

Немаловажно, что в то время Россия экономически не зависела от морской торговли. Она попросту не имела торгового флота, в то время как островная Англия была жизненно связана с морем, все процветание Британии зависело от морской торговли. Это верно оценил Наполеон, пытаясь задушить главного противника морской блокадой.

Лисянский, работая над книгой, внимательно следил за событиями в Европе. Предвидя приближение войны с наполеоновской Францией, он в марте 1812 года в письме к Александру I с просьбой быть крестным отцом только что родившегося сына Александра надеется «после скорого поправления здоровья, вторично посвятить себя на службу моему государю». Но видимо, выздороветь окончательно не привелось. А вскоре Наполеон двинул войска на Россию. Началась Отечественная война. В сражениях с французами российская армия сдержала неприятеля и принудила его к отступлению. Не лучшую память оставил о себе адмирал Чичагов. Александр I назначил его командующим армией в Молдавии. При отступлении Наполеона ему предписали выйти к Березине и не допустить переправы отступающей армии французов. Наполеон

вез с собой огромные ценности, награбленные в России. По странным обстоятельствам Чичагов не выполнил поставленную задачу и упустил французов… Вся русская армия обвиняла Чичагова в измене, требовала от царя его ареста. Александр I отпустил вдруг Чичагова в отпуск «по болезни», и тот с семейством укатил в Италию, затем в Париж и больше в Россию не возвращался…

Война в Европе после «битвы народов» под Лейпцигом пошла на убыль, на море становилось спокойнее. Российско-Американская компания почувствовала вкус к морскому пути, теперь мало кто сомневался в его выгоде и пользе для России.

Наконец-то в первое после Лисянского кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку отправился 25-летний лейтенант Михаил Лазарев на корабле «Суворов».

Почему-то в нашей литературе плавания Гегемейстера и Головнина обозначают как кругосветные. Это ошибка. Ни тот ни другой кругом света не прошли по океанам и морям. «Нева» и «Диана» остались на востоке, а их командиры через Сибирь вернулись в Петербург. Их вояж можно назвать лишь кругосветным путешествием.

Но маршрут Лазарева пролегал по другому направлению. Из Бразилии через два океана в Австралию, а оттуда в Русскую Америку. Примечательно, что Лазарев, как и Лисянский, открыл посредине Тихого океана группу островов, но южнее экватора, на пути к Новоархангельску. Как и «Неву», корвет «Суворов» проверяли на прочность океанские штормы и ураганы, неделями держали в напряжении, определяя стойкость мореходов.

По-разному испытывал Великий океан отважных пришельцев. Однако ошибок не прощал. Навеки оставлял в своих смертельных объятиях неудачников. Не повезло и «Неве», снова оказавшейся у берегов Русской Америки.

На ее борту глубокой осенью 1812 года отправился из Охотска на смену Баранову сенатор Борноволоков. У берегов Аляски «Нева» попала в полосу жестоких штормов. Два месяца носило шлюп по океану. Стихия нещадно терзала корабль. Паруса изорвались в клочья, сломались обе мачты. Перед Рождеством шторм поутих. Завеса тумана обволокла шлюп. «Нева» медленно по счислению приближалась к Новоархангельску. Внезапно из мглы перед самым форштевнем вдруг возникли мрачные утесы мыса Эчкомб. Якорь отдали в спешке, не закрепив канат, и он ушел на дно… «Нева» села кормой на рифы. Выбило руль. Вскоре начался шторм, корабль колотило о камни, потом разломило. Погибло много людей, среди них — Борноволоков, штурман «Невы» Калинин с семьей…

История эта стала забываться, но однажды в книжной лавке на Невском, где частенько бывал Лисянский, появилась тоненькая книжица с родным именем «Нева».

«Описание нещастного кораблекрушения фрегата «Нева», — прочитал заголовок Лисянский. Под предуведомлением стояла подпись — В. Берх. «Однако молодчина Василий Николаевич, — подумал Лисянский, — недурной рассказ, а важно — помянул своего дружка, отменного штурмана Данилу Калинина».

О «Неве» бывшему ее командиру пришлось вспомнить еще раз спустя три года, после возвращения из плавания вокруг света «Камчатки». В «Сыне отечества» появились записки о плавании ее командира Василия Головнина. Автор сетовал на точность лоцманских определений у острова Кадьяк, сделанных во время плавания на «Неве».

«Можно бы и отмолчаться, — подумал Лисянский, — но промеры в заливе производил покойный Калинин», и не откладывая написал издателю журнала Н. Гречу:

«Милостивый государь, я весьма удивляюсь, каким образом г. Головнин ни по описанию моему, ни по карте приложенной не нашел настоящей дороги в гавань Св. Павла…» Изложив свои доводы, командир «Невы» просил «будущих мореплавателей заниматься внимательно описанием залива Чиниатского и утвердить беспристрастно справедливость или несправедливость г. Головнина в рассуждении оной через таковое их посредничество, покойный штурман Калинин, которого рекомендую за искусного геодезиста, должен получить достойное возмездие…» О себе Лисянский беспокоился мало: «Что же касается до меня, то я всегда готов быть виновным для общего блага».

Головнин остался при своем мнении, но спустя год по справедливости оценил заслуги командира «Невы»: «…г. Лисянского весьма много уважаю как искусного мореходца…»

Отклик Лисянского на замечания Головнина свидетельствует, что он продолжает следить за общественной жизнью, не ограничивается интересами личного бытия. Единственный источник о деятельности мореплавателя после 1820 года — биографический очерк и несколько малозначащих писем на склоне лет. Время наложило свой отпечаток и на облик мореплавателя.

«Юрий Федорович, — повествует «Морской сборник», — был выше среднего роста; довольно полный; имел серьезное лицо; седые его волосы вились природными серебристыми кудрями; говорил несколько протяжно. Проживя семь лет между англичанами, он много усвоил себе их хороших привычек — был

во всем, в делах и домашнем быту чрезвычайно аккуратен; держал себя со всеми товарищами и знакомыми, так сказать, кровным джентльменом, и это, если не ошибаемся, было причиной многих понесенных им в жизни неприятностей». Известно, что он общается со своими бывшими товарищами по плаванию, дружески переписывается с отцом Смирновым, священником миссии в Лондоне. Но, видимо, не все благополучно в его жизни. «Находились люди, — сообщает тот же «Морской сборник», — которые, по присущей ли каждому человеку слабости или по другим причинам, старались исказить святыя чувства русского моряка и очернить благороднейшего человека. Однако это не совсем им удалось». О недоброжелателях можно только предполагать. Кому мог перебежать дорогу скромный отставной моряк, не имеющий больших связей в свете? Видимо, причина кроется в прошлых временах, когда жизненные пути Лисянского и Крузенштерна частенько переплетались, при этом Юрий Федорович вел себя довольно самостоятельно и подчас действовал грамотнее.

Некоторые писатели говорят о большой дружбе Лисянского и Крузенштерна. Так ли это? Действительно, до начала кругосветного вояжа между ними, судя по переписке, вполне дружеские отношения, хотя чувствуется некоторая снисходительность к товарищу и даже пренебрежение после того, как Крузенштерн был назначен начальником экспедиции. В письме из Кантона директорам компании Лисянский сетует, что «Крузенштерн вам по прибытии во всякий порт обеих кораблей не считает за нужное о всем случившимся сообщать… у Сандвичевых островов, о спасении «Невы» для компании… не токмо мне, но всем офицерам, которые работали как львы…». Приведем еще один штрих — несколько высокомерное и несоответствующее истине заявление Крузенштерна в «Путешествии», изданном в 1809 году: «Выбор начальника другого корабля предоставлен был моей воле».

Более четверти века, при полном расположении двух императоров, удачно складывалась карьера Крузенштерна. И все эти годы он как-то запамятовал о своем товарище по вояжу. Нет ни одного письма или упоминания. Быть может, таил досаду, что не первым пришел к финишу, или испытывал горечь, что не удалось, как Лисянскому, открыть новые земли, хотя Крузенштерн не ставил себе такой цели. Не исключена и ревность к командиру «Невы», который первым в мире прошел безостановочно под парусами от Кантона до Портсмута…

И потом эта недвусмысленная фраза в «Морском сборнике»: «Не даем себе права разбирать причину громкой известности

одного из первых русских кругосветных плавателей и скромной доли другого, тоже первого русского кругосветного плавателя». Вспомним историю с изданием Лисянским его «Путешествия вокруг света». Шесть лет обивал он пороги Морского департамента и в конце концов издал этот труд за свои деньги. Крузенштерн же едва написал первую часть своих заметок, как без задержек вышла его книга.

Беспристрастно перечитывая воспоминания обоих путешественников, склоняешься в пользу Лисянского. И по содержанию, и по стилю, и живости языка его записки более привлекательны.

Нелишне знать, что в ту пору издал свои записки о вояже и Федор Шемелин. По каким-то причинам из рукописи были вымараны все места, где автор объективно рассказывал о характерных чертах Крузенштерна, в частности его взаимоотношениях с Резановым, Курляндцевым, Головачевым и Каменщиковым… Этот казус подробно исследовал профессор А. И. Андреев в книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII и XIX веках».

Много противоположных мнений высказывалось о распрях Крузенштерна с Резановым: кто прав, кто виноват? Современный вывод Российской Академии наук однозначен: «Из документов следует, что большая доля вины лежит на Крузенштерне, который не раз унижал Резанова при офицерах. Его отношение к послу во многом определило и позицию офицеров: за исключением лейтенанта Головачева и штурмана Каменщикова, они поддерживали командира. Напротив, Резанов вел себя в непривычных условиях вполне достойно. Следствием вина Крузенштерна была доказана».

После возвращения Лисянского и Крузенштерна со стажировки в английском флоте по-разному, исходя из своих убеждений, относились они к идее кругосветного путешествия. Сам Крузенштерн признавался, что тогда «я разделял счастье с любимою супругою… Никакие лестные виды уже не трогали меня. Я вознамерился было оставить службу, дабы наслаждаться семейным счастьем». И он даже вначале отказался от предложения адмирала Мордвинова отправиться в кругосветный вояж.

В это самое время Лисянский, закончив работу над книгой «Движение флотов», не просто рвется в кругосветное плавание, но и подал докладную записку о фактическом поступлении на службу в Российско-Американскую компанию с целью осуществить свою мечту. «Чтобы вояжировать от С.-Петербурга до Российских владений в новой части Америки, оттуда в Кантон и

обратно в С.-Петербург». Налицо разность не только суждений, но и действий Крузенштерна и Лисянского.

Следует, на наш взгляд, более четко определиться и с приоритетами в кругосветном плавании россиян.

В 1985 году в Лейпциге изданы записки «Adam Johann von Krusenstern. Reise um die Welt». В послесловии подчеркнуто, что немецкий капитан Крузенштерн возглавлял первое кругосветное плавание русских моряков. Заметим попутно, что Наполеон при встрече с Александром I в Тильзите прозрачно намекнул о том же русскому царю.

Вот так! Нашу отечественную историю переписывали много раз, и это занятие продолжает занимать умы новых поколений историков. Но история сама рано или поздно расставляет свои акценты, глаголит свою правду.

История российского флота — не исключение. Примечательно, что судьба Лисянского — Крузенштерна перекликается с другой связкой — Лазарев — Беллинсгаузен. В Кронштадте сооружен прекрасный памятник Беллинсгаузену, а открывателю Антарктиды Лазареву, трижды обогнувшему землю, до сих пор нет ни одного постамента. Это исторически несправедливо, как несправедливо умалчивать и держать в тени выдающегося сына земли русской Ю. Ф. Лисянского, впервые совершившего в отечественной истории первое кругосветное путешествие.

На это нетерпимое положение обратил внимание русский историк Николай Михайлович Романов. Издавая альбом «Русские портреты XVIII и XIX веков», он в аннотации к портрету Лисянского, выполненному В. Боровиковским, сказал, что «книги Лисянского в настоящее время довольно редки, а имя путешественника предано незаслуженному забвению. Насколько помнят еще Крузенштерна, настолько же малоизвестен спутник его и сотрудник Лисянский…».

И все же истина пробивала себе дорогу. Спустя полтора века после знаменательного вояжа, в 1947 году, увидело свет второе издание сочинений Юрия Лисянского. В предисловии к изданию Н. Думитрашко наконец-то становится все на свои места: «… общепринятое представление о ведущей роли Крузенштерна в первом русском кругосветном путешествии не соответствует действительности. Не меньшее, если не большее значение в проведении всей экспедиции сыграл Ю. Ф. Лисянский, и если он до сих пор остался менее известным в широких кругах читателей географической литературы, чем Крузенштерн, то только по своей исключительной скромности…»

Мы коснулись этой скользкой и непростой темы отнюдь не

для того, чтобы уподобиться тем нечестивцам от истории, которые при каждом удобном случае готовы скинуть одних кумиров, чтобы возвести на пьедестал других. Имя Крузенштерна вошло по праву в анналы отечественной истории и его флота и заслуги его несомненны. Мы руководствовались лишь одним соображением — восстановить истину в отношении Юрия Федоровича Лисянского, чтобы он занял свое достойное место в истории.

При жизни нашего героя это сделать было невозможно, что и роковым образом сказалось и в дальнейшем.

Не забудем, что в ту пору начал править и почти два десятилетия верховодил флотом России иноземец, маркиз де Траверсе. Тот самый, который гордился тем, что «по-русски знает худо». Чего греха таить, не шибко уважал маркиз славянское наречие. Сменил его фон Моллер. И все же неприязнь сановников Юрий Федорович старался не замечать. Обиды и невзгоды поневоле забывались в домашнем кругу. Семейная жизнь давала ему вдохновение. Кроме приемного сына в семье подрастали две дочери и трое сыновей. Особенно счастливыми казались летние месяцы, когда семья жила в небольшом имении жены — в Кобрино близ Гатчины. Некогда оно принадлежало Ганнибалам — Пушкиным.

Весной 1820 года пришла приятная весть из Швеции: Его Величество король Швеции «во изъявление благоволения» пожаловал капитана 1-го ранга Лисянского орденом Меча за успехи и заслуги в мореплавании.

Ничто, казалось, не могло нарушить обретенного спокойствия в семейном очаге, но судьба приготовила новые испытания. После рождения младшего сына, Платона, жена почувствовала сильное недомогание, слегла, долго хворала и через год скончалась. На руках Юрия Федоровича осталось шестеро детей, и их воспитанию посвятил он остаток жизни. Никогда не навязывал им своих взглядов, но воспитывал их честными, искренними и беспристрастными в суждениях. По-разному сложилась их судьба. Приемный сын окончил Пажеский корпус, после служил в гвардии. Дочери в свое время удачно вышли замуж. Старший сын Александр после Пажеского корпуса служил в Кирасирском полку. Средний сын воспитывался в Морском кадетском корпусе, но служил в кавалерии. Потом вдруг после личной неудачи разочаровался и ушел в монастырь на Афонскую гору. Лишь младший сын Платон радовал успехами в Морском кадетском корпусе, стал мичманом в 1836 году.

Незаметно Юрий Федорович перешагнул в седьмой десяток. Как-то зимой Ананий увидел на столе брата изящный рисунок —

постамент с якорем.

— Вот, братец, — улыбаясь, пояснил Юрий Федорович, — готовлюсь отойти в мир иной. Дабы хлопотами не обременять домочадцев, набросал эскиз своего посмертного памятника.

— Будет тебе проказничать, — начал было Ананий, но брат перебил его строго.

— Все мы под Богом ходим, — он перекрестился, — да не забудь мою волю — передать все мои редкости, — он кивнул на застекленные шкафы, где хранились его богатые коллекции, — в музей его сиятельства графа Николая Петровича Румянцева. Опись сим произведениям составлена досконально и находится в секретере…

Беды часто сваливаются нежданно-негаданно и чередой идут. В 1836 году, похоронив двух малолетних детей, внезапно скончался старший сын Александр. Юрий Федорович ненадолго пережил его.

Ровно через месяц после гибели Александра Пушкина в один и тот же день, в пятницу 26 февраля 1837 года, «Русский инвалид или военные ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» известили своих читателей:

«22 февраля скончался здесь, в Санкт-Петербурге, на 65 году от роду, отставной флота капитан I ранга Юрий Федорович Лисянский, бывший командиром корабля «Нева» и сопутником адмирала Крузенштерна в первом путешествии россиян вокруг земного шара».

Обычно обе газеты помещали некрологи о высоких сановниках, генералах. В этот раз они сделали исключение для первого из первых русских кругосветных мореплавателей…

Но в Российском флоте род первопроходца продолжал служить Отечеству до рубежа XX века. Младший сын Юрия Федоровича Платон служил под началом адмирала Михаила Лазарева, возглавлял журнал «Морской сборник», в чине контр-адмирала участвовал в возрождении флота после Крымской войны, закончил службу полным адмиралом.

Вместо эпилога: первый из первых

Внимательный читатель обратил внимание на то, что Лисянский ушел в отставку в 36 лет. Можно только сожалеть, как много он смог бы сделать в оставшиеся годы жизни, если бы сложившиеся условия были к нему милостивы, справедливы и благоприятны…

И тем не менее за этот самый деятельный отрезок своей не очень долгой жизни — в 64 года — он успел сделать все: для Отечества, для Флота, для Науки. И для тех, кто отважится пойти по его следам первооткрывателя и первопроходца. Достигнутые им результаты поразительны по эффективности, точности и прозорливости. Они равноценны двум жизням.

В чем «секрет» Лисянского?

Он рано сформировался как личность, его целеустремленность, воля, энергия, способность концентрировать усилия на главном феноменальны. Он был необычайно талантлив и даровит в самых разных сферах человеческой деятельности. Он мог стать ярким ученым, если бы хотел служить науке, он мог быть интересным писателем или публицистом, если бы сосредоточил внимание на этом поприще. Но он был настоящим мореходцем. В самом высоком смысле этого слова и понятия. Поэтому его страсть к путешествиям сопрягалась с исследовательской наблюдательностью, мечта о кругосветке подкреплялась доскональным знанием морского дела, желание открывать новые земли сочеталось с умением описывать быт, нравы, традиции и особенности народов, подмечая здесь то, что ускользает от обычного взгляда. Он был един, но в сотнях воплощений… Потому так ярка и плодотворна его деятельность.

Но не личная слава и не честолюбивые амбиции движут Лисянским. Удивительна и примечательна запись в его дневнике: «Нет опасности, которой я бы не перенес, только бы сделать наше путешествие полезным и доставить честь и славу русскому флагу новыми открытиями».

Современники Юрия Федоровича, те, кто хорошо знал его и видел в деле, подтверждают, что в этих словах нет ни грана фальши, какой-то рисовки или позы, здесь все — правда. Прославленный мореход Василий Головнин говорил о нем: «Награда для доброго начальника может сравниться с той, которая происходит от сердца его подчиненных. Что может быть приятнее, лестнее и почтительнее для морехода, служащего единственно в пользу и славу своего отечества и чуждого всякой корысти и личных выгод».

Лисянский, конечно, опередил свое время, ведь в те годы русский флот в значительной мере был еще вещью в себе. Но как много он сделал для его будущей славы! Вот только несколько перечислений.

Выпущенная им в свет книга по тактике парусного флота более полувека служила единственным пособием для командиров и флагманов. Вскоре появились и результаты слаженных действий моряков, одержавших победы под командой вице-адмирала Дмитрия Сенявина в Дарданелльском и Афонском сражениях. Спустя четверть века решительная атака линейного корабля «Азов» Михаила Лазарева принесла успех русскому флоту в Наваринском сражении.

Лисянский проложил через моря и океаны маршрут из Кронштадта в Русскую Америку. По его следам уже двигались Михаил Лазарев и Василий Головнин и другие русские мореходы.

Любознательный романтик моря, Юрий Лисянский первым из россиян свежим взглядом неравнодушного наблюдателя остро и метко подмечает характерные черты и особенности жизнеустройства народов и общества в Европе и Америке, Южной Африке, Индии, Китае. Он беспристрастен в оценке общественных и социальных явлений, но его сочувствие всегда на стороне обездоленных и угнетенных, ему чуждо деление людей на избранных и чернь. Глазами соотечественника русский читатель впервые всматривается в жизнь на континентах, отделенных от России морями и океанами.

Совершая первое кругосветное путешествие под российским флагом, он не устает повторять: «Цель нашей экспедиции не только в том, чтобы доказать, что русский флот может совершать далкние плавания не хуже англичан либо французов, но и в том, чтобы обогатить науку новыми сведениями». Он добыл целый Монблан бесценных сведений, которые вошли в мировую и отечественную науку — океанографию, географию, этнографию. Это наследие оказалось столь масштабным и разнообразным, что ему едва хватило оставшейся жизни, чтобы привести его в порядок, систематизировать, обобщить и донести до отечественной и зарубежной читающей публики. Добавим, что Лисянский открыл экваториальное течение в Атлантике, впервые наблюдал и описал вихревые процессы воздуха у мыса Горн, подробно описал прибрежные районы Северной Америки, острова Тихого океана, дал удивительные зарисовки быта, нравов, характеров населяющих их народов. Карты, рисунки и другие пособия по кораблевождению, исполненные Лисянским, отличаются большой точностью и достоверностью, ими пользовались моряки при плавании в Русскую Америку,

некоторые из них без корректуры действуют и поныне.

И, наконец, главный итоговый вклад в Русскую географическую науку — открытие необитаемой земли в центральной акватории Тихого океана.

Такое удается совершить единицам. Поэтому имя Ю. Ф. Лисянского принадлежит к славной когорте первооткрывателей и первопроходцев.

Судьба не баловала Лисянского славой при жизни, но моряки не забывали первопроходца. Восемь раз «вспоминали» они Лисянского, обследуя акватории и берега Тихого океана, и присвоили его имя новым открытиям. Справедливости ради заметим, что шесть из них принадлежат американским исследователям.

Прошли годы, и командующий Черноморским флотом Михаил Лазарев назвал Лисянского среди прославленных имен Беринга, Чирикова, Кука, а другой кругосветный плаватель и боевой адмирал С. Макаров поставил Лисянского в ряд выдающихся мореходов России: «Их имена перейдут в грядущие поколения. На утлых кораблях совершали наши ученые моряки свои смелые путешествия и, пересекая океаны по разным направлениям, отыскивали и изучали новые, еще неизвестные страны». И Макаров напутствовал поколение молодых моряков: «быть достойными последователями этих знаменитых капитанов».

Верится, что недалеко то время, когда в ряду славных мореходов России имя Юрия Федоровича Лисянского по праву займет достойное место, воспрянет из забытья и навечно

воплотится
в пароходы,
в строчки
и другие славные дела.

Основные даты жизни и деятельности Ю. Ф. Лисянского

1773, 2 августа — родился в городе Нежине, в семье священника, протоиерея Иоанна Богословской церкви.

1783, 16 августа — поступил в Морской корпус кадетом.

1786, 20 марта — произведен в гардемарины.

1786–1788 — ежегодно был в плавании в Балтийском море.

1788, 1 мая — выпущен из Морского корпуса, произведен «за мичмана». На фрегате «Подражислав» участвовал в Гогландском сражении, после которого был в крейсирстве с флотом у Гельсингфорса.

1789, 16 марта — произведен в офицеры, мичмана. На том же фрегате был в крейсирстве с флотом на Балтийском море и участвовал в Эландском сражении.

1790 — участвовал в Ревельском и Выборгском сражениях.

1791 — был в кампании с флотом на Кронштадтском рейде.

1792 — на транспортном судне «Эммануил» плавал между Кронштадтом и Ригой.

1793, 1 января — произведен в лейтенанты. Был в плавании в Балтийском море.

1793, 1 ноября — командирован в Англию волонтером для службы на судах английского флота.

1794, 5 мая — 1795, сентябрь — служба в английском флоте на фрегате «Луазо» в Атлантическом океане.

1795, октябрь — 1796, июнь — путешествие по Соединенным Штатам Америки. Встреча с президентом Д. Вашингтоном зимой 1796 г.

1796, июнь — сентябрь — служба на английском фрегате «Топаз». 28 августа ранен в бою с французскими кораблями.

1797, январь — март — ожидание нового назначения в Лондоне.

1797, май — 1798, ноябрь — служба в английской эскадре у мыса Доброй Надежды и в Индии.

1798, 27 марта — произведен в капитан-лейтенанты.

1799–1800 — находился в кампании с флотом у Красной Горки.

1801 — командовал фрегатом «Автроил».

1802 — за 18 морских кампаний был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Издал переведенную им с английского языка книгу «Движение флотов».

1803, 26 июня — 1804, 15 марта — командуя шлюпом «Нева»,

вместе с шлюпом «Надежда» отправился из Кронштадта в кругосветное плавание к берегам Российско-Американских колоний. Заходил на острова Тенерифе и Святой Екатерины и далее к мысу Горн.

1805, сентябрь — руководство штурмом русских и алеутов по освобождению Михайловской крепости.

1805, октябрь — командуя «Невой» в самостоятельном плавании из Русской Америки, открыл в Тихом океане необитаемый остров, который назван островом Лисянского.

1806, февраль — март — совместное плавание «Невы» и «Надежды» от Кантона до мыса Доброй Надежды.

1806, март — июнь — самостоятельное плавание «Невы» от мыса Доброй Надежды до Портсмута.

1806, 2 августа — окончание кругосветного плавания «Невы», прибытие в Кронштадт. Произведен в капитаны 2-го ранга, награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1807 — командовал кораблем «Зачатие Св. Анны» на Кронштадтском рейде.

1808 — командуя кораблем «Энгейтен», плавал от Кронштадта до Дагерорда.

— женитьба на Шарлотте Карловне, урожденной баронессе Брюнельд, от этого брака родилось пятеро детей.

1809, 8 января — вышел в отставку. Присвоено звание капитана 1-го ранга.

1812 — издал за свой счет «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» и «Альбом, собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию».

1814 — перевел на английский язык и издал в Лондоне «Путешествие вокруг света».

1820 — король Швеции во изъявление благоволения пожаловал флота капитана 1-го ранга Лисянского орденом Меча.

1837, 26 февраля — скончался в Санкт-Петербурге, похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Библиография

Центральный Государственный архив литературы и искусства. Записки Ю. Лисянского. Ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 135.

Архив Внешней политики России: С. Петербургский Главный архив. 1–7, оп. № 1, 1802 г., оп. 1, папка 1, 1802 г., оп. 6, п. 17; 11–33, оп. 74. д. 4; 111–6 д. 5, 1820.

Фонд Главного правления Российско-Американской компании. Д. 1, т. 1, л. 81.

Центральный Военно-морской музей. Д. 9170–22 А (1938); Д. 4–174.

Государственный архив Черниговской обл., отд. Нежин, д. 12–32. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX вв. М., 1944.

Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана впервой половине XVIII века. М., 1984.

Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М., 1989.

Материалы по истории русского флота. Т. XIII. СПб., 1890; Т. XIV. СПб., 1893; Т. XVII. СПб., 1896.

Записки Ученого Комитета Морского министерства. Ч. 15. СПб., 1840; Ч. 7. СПб., 1849.

Записки Гидрографического департамента. Ч. 9. СПб., 1851.

Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I ранга Юрия Лисянского. Ч. I и II. СПб., 1812.

Лисянский Ю. Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота кап. 1 ранга и кавалера Юрия Лисянского. СПб., 1812.

Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник. Ч. II. СПб., 1890.

Веселаго Ф. Морской кадетский корпус. СПб., 1852.

Веселаго Ф. Список военных судов с 1688 г. по 1865 г. СПб., 1872.

Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М.; Л., 1939.

Милорадович А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 1, 2. СПб., 1893.

Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. СПб., 1758.

Издание Великого князя Николая Михайловича. Русские портреты XVIII и XIX вв. Т. V. СПб., 1909.

Вестник Европы. 1806. № 22.

Русский инвалид. 1823. № 23, 28, 31, 36.

Русская старина. 1895. Январь — апрель, июль — октябрь.

Древняя и Новая Россия. 1877. № 4.

Русский инвалид. 1837. № 1, 23, 28.

Общий морской список. Т. 1–10. СПб., 1885–1893.

Хлебников К. Жизнеописание А. А. Баранова. СПб., 1835.

Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Т. 1–2. СПб., 1861–1863.

Морской сборник. 1894. № 1.

Российский вестник. 1814. III.

Движение флотов, в 2-х частях. Сочинение г-на Джона Клерка. Перевод с английского флота капитан-лейтенанта Ю. Лисянского. СПб., 1803.

Невский В. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951. Петров В. Камергер двора. Вашингтон, 1973.

Глушанков И. В. Славные навигаторы российские. Хабаровск, 1986.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. М.: Наука, 1994.

Лазарев М. П. Документы. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1955; Т. III. М., 1961.

Белинский В. Г. Собр. соч. В 3 т.: Т. III. М., 1948.

Головнин В. М. Описание примечательных кораблекрушений. М., 1949.

Сборник докладов научной конференции Военно-морской академии им. А. Н. Крылова. Л., 1949.

Adam Johann von Krusenstern, Reise die Welt, VEB F. A. Brochaus Verlag Leipzig, DDR, 1985.

Иллюстрации

Юрий Лисянский. *Гравюра А. Г. Ухтомского, 1812.*

Вид Павловской гавани на о. Кадьяк. *Художник И. Вознесенский*

Вице-адмирал,
граф Н. Ф. Головин.

Г. И. Шелихов,
купец из г. Рыльска,
первооткрыватель
Алеут.

Панорама Санкт-Петербурга.

Адмирал Г. А. Сарычев,
ученый-гидрограф, исследователь
Северного Ледовитого
и Тихого океанов.

Граф И. Г. Чернышев,
вице-президент
Адмиралтейств-коллегии.

Адмиралтейская верфь. *Литография К. Беггрова*

Адмирал
И. Л. Голенищев-Кутузов,
директор Морского корпуса

Дружеский шарж
на Н. Г. Курганова.
Подпись: «Навигатор,
обсерватор, астроном,
морской ходитель,
корабельный водитель,
небесных звезд
сочинитель».

Адмирал С. К. Грейг.

Адмирал В. Я. Чичагов.

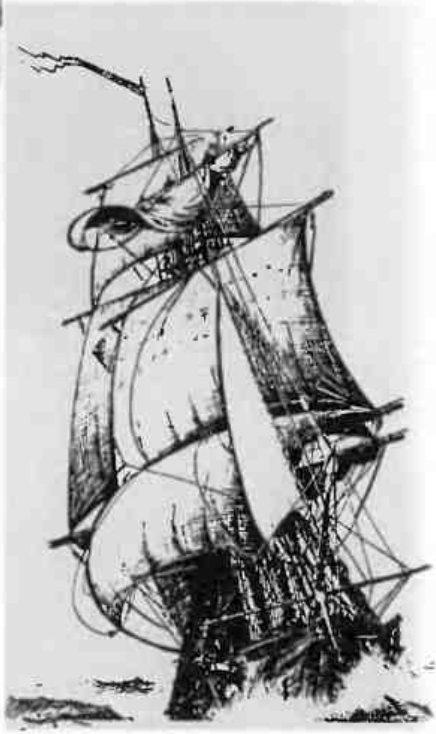
Н. С. Мордвинов.

Адмирал М. П. Лазарев.

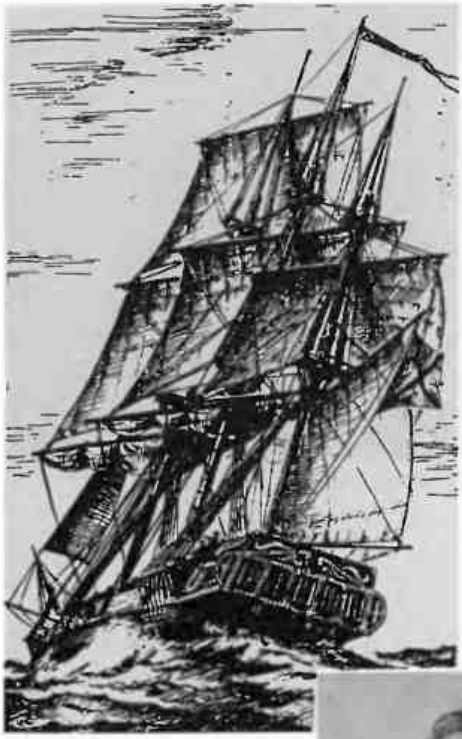
Сражение у Красной Горки. *Фрагмент, художник А. П. Боголюбов*

Выборгский бой 22 июня 1790 г. *Фрагмент, художник А. П. Боголюбов.*

Ю. Ф. Лисянский.
Художник В. Л. Боровиковский, 1812.



Шлюп «Нева».



Шлюп «Надежда».

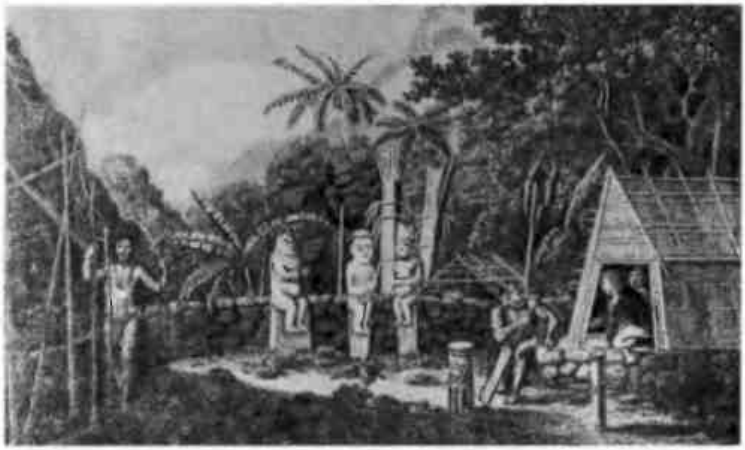
И. Ф. Крузенштерн

Вид на г. Санта-Круз на о. Тенерифе. *Рисунок В. Тилезиуса.*

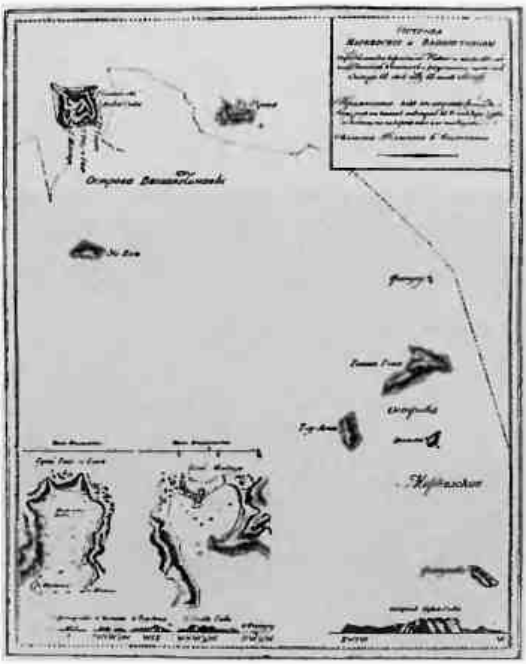
Вид на г. Дистеро на о. Святой Екатерины. *Рисунок В. Тилезиуса.*

О. Пасхи. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского*

Каменные статуи на о. Пасхи.



Вид кладбища Морая на о. Нукагива. *Рисунок В. Тилезиуса.*



Острова Маркизовы и Вашингтоновы. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.*

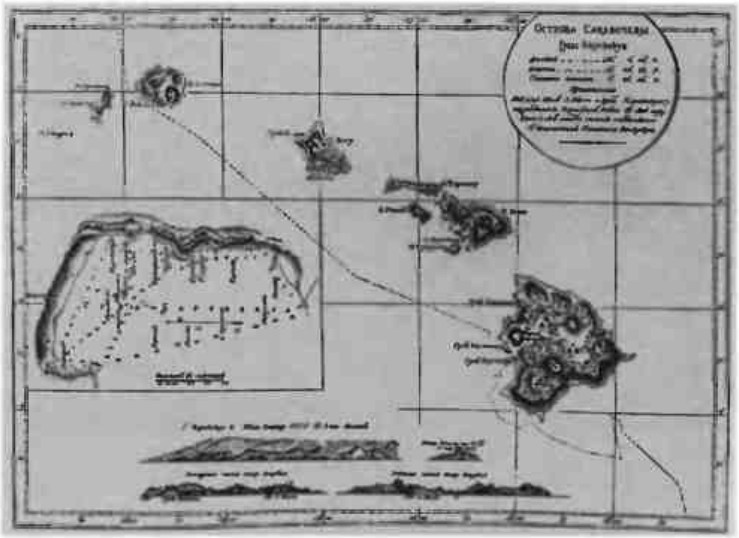
Украшения и утварь жителей Вашингтоновых островов.
Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.

Татуированный нукагивец. *Рисунок В. Тилезиуса.*

Нукагивцы, занятые татуировкой. *Рисунок В. Тилезиуса.*

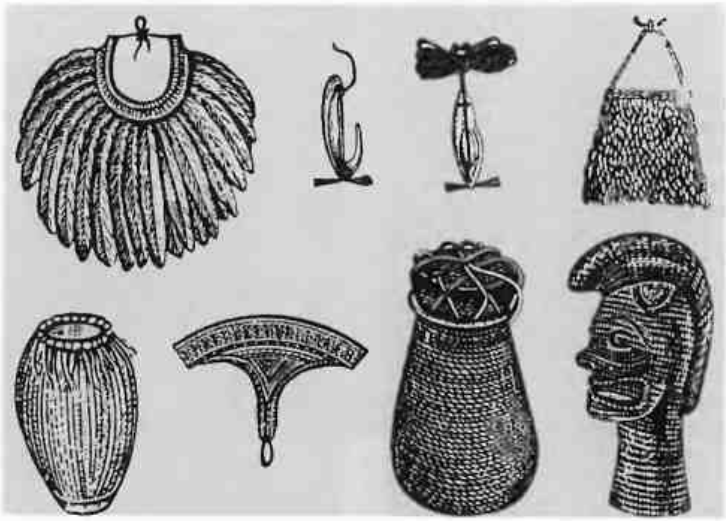
Молодой нукагивец.

Женщина с о. Нукагива.
Рисунок В. Тилезиуса.



Острова Сандвичевы (Гавайские). *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского*

Украшения, оружие и предметы быта жителей Сандвичевых островов. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского*



Н. П. Резанов, руководитель первой русской кругосветной экспедиции. *Литография П. Смирнова.*

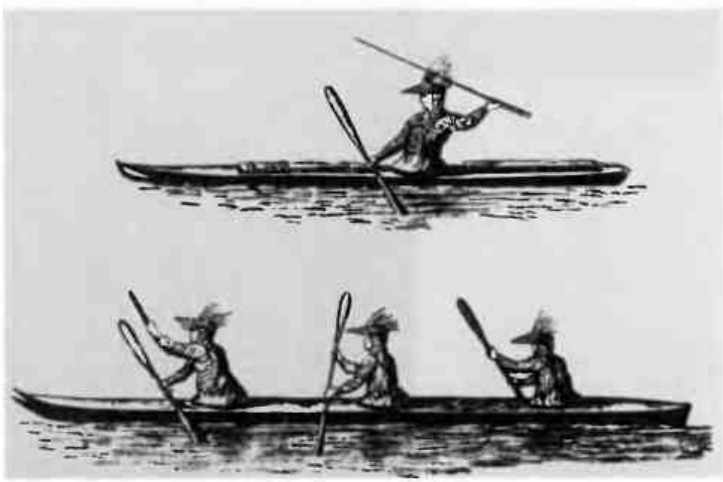
Шлюпы «Нева» и «Надежда». *Художник Е. Войшвило.*

А. А. Баранов, первый правитель Русской Америки.

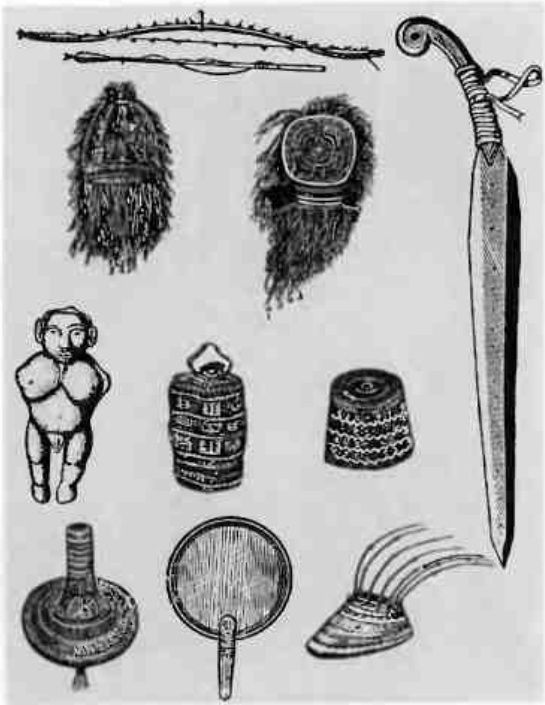
Адмирал М. П. Лазарев. *Художники К. Брюллов и И. Айвазовский.*

Вид мыса и горы Эчкомб.

Алеуты на байдарках. *Из Атласа Г. Сарычева.*



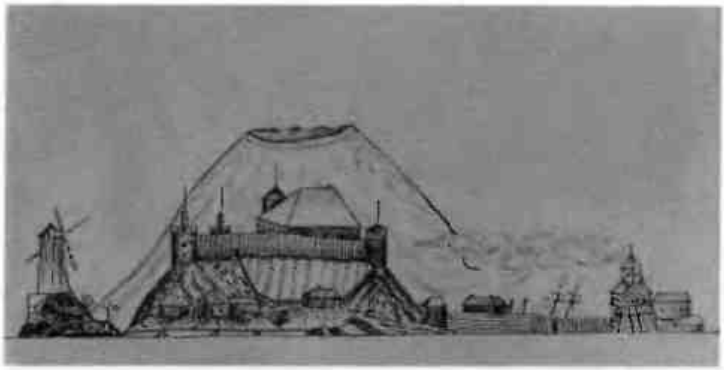
Лагерь американцев-туземцев, расположившихся под байдарками.
Из Атласа Г. Сарычева.



Предметы быта жителей о. Кадьяк.
Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.

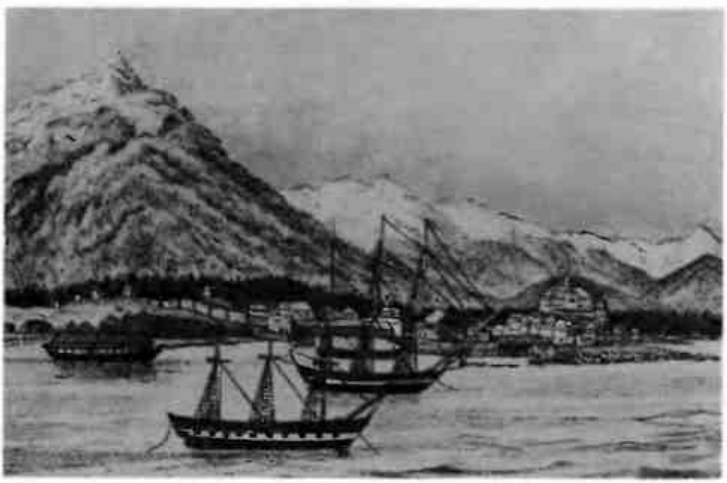
Алеутские острова. *Из Атласа Г. Сарычева.*

Предметы быта жителей о. Ситха. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.*



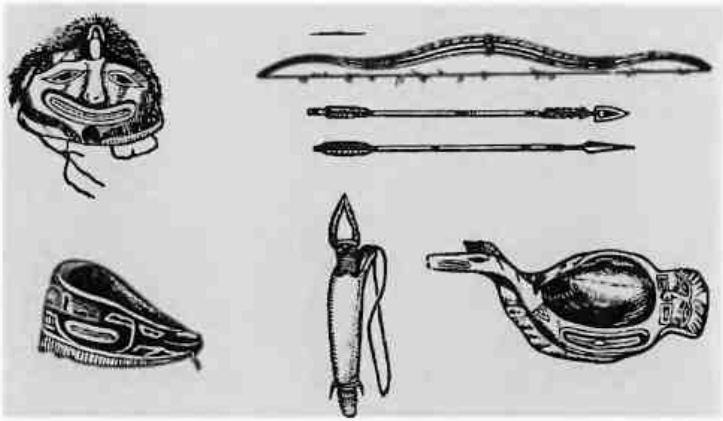
Вид горы Эчкомб и Новоархангельской крепости.

Новоархангельск.



Жилища колош близ Новоархангельского порта.
Рисунок И. Вознесенского.

Украшения, оружие и утварь жителей о. Ситха.
Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.



Эскимосы полуострова Аляска. *Художник П. Михайлов.*

Одежда жителей о. Кадьяк. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.*

Крещеные алеуты Василий Говорухин и Аксинья. *Художник П. Михайлов.*

Крещеные алеуты Афанасий Серебренников и Семен. *Художник П. Михайлов.*

Пелагея,
крещеная алеутка
с о. Кадьяк.

Мартын,
крещеный алеут
с о. Кадьяк.

Житель
полуострова
Аляска.
Художник
М. Тиханов

Никита, крещеный тайон-алеут
с о. Кадьяк. *Художник М. Тиханов*

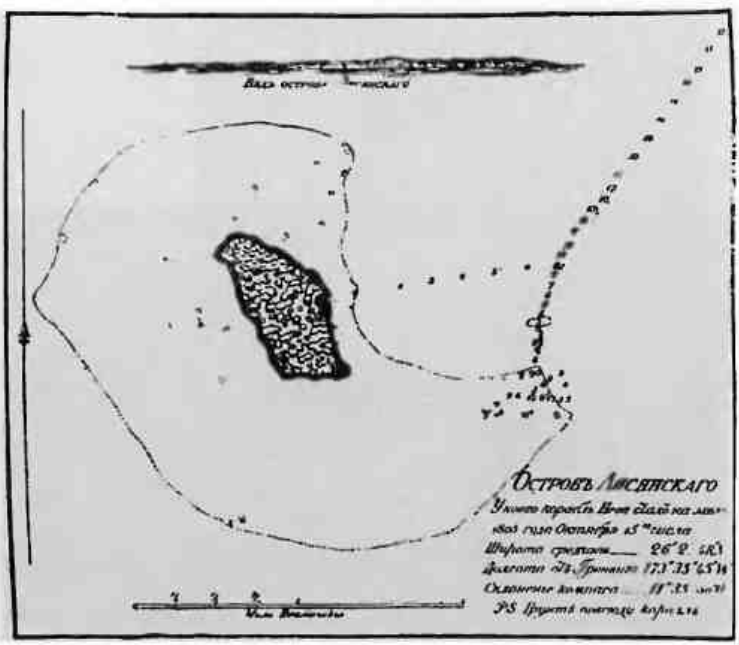
Начальник о. Воагу по имени Токи.
Художник М. Тиханов

Тайон с о. Кадьяк.
Художник М. Тиханов

Мамеамеа, король
Сандвичевых островов.
Художник М. Тиханов

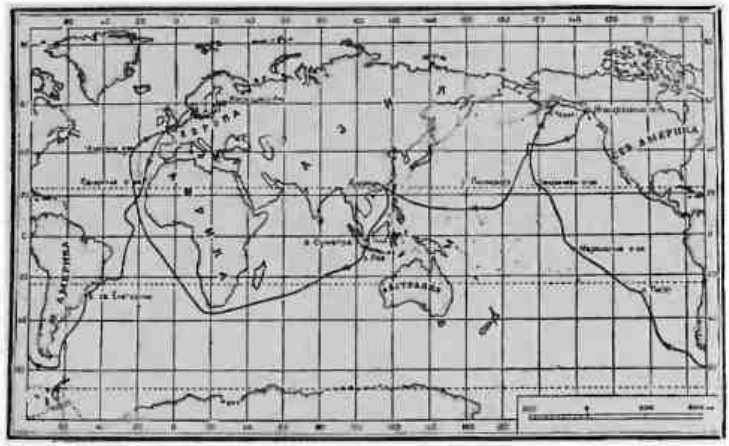
Новоархангельск. *Литография П. Смирнова.*

Остров Лисянского. *Из Атласа карт и рисунков Ю. Лисянского.*



Кантон. *Рисунок В. Тилезиуса.*

Вид канала у Кантона. *Рисунок В. Тилезиуса.*



Путь плавания шлюпа «Нева» под командованием Ю. Лисянского.

В. М. Головнин, руководитель кругосветными плаваниями на «Диане» и «Камчатке».

Флота Капитанъ 1го ранга
Юрій Федоровичъ Лисянскій
Командовавшій кораблемъ Нева во время первого кругосвѣтнаго
Русскимъ вокругъ свѣта въ 1803 по 1806 годъ
род. 2 Апрѣля 1773 г. † 22 Февраля 1837 года

Памятник на могиле Ю. Ф. Лисянского на кладбище в Александро-Невской лавре.

notes

Примечания

1

Здесь и далее во всех документах, письмах, дневниковых записях и т. п. сохранена орфография, принятая в то время, в ее подлинном виде. — *Авт.*

2

Галиот — небольшое парусное острокильное судно с двумя мачтами.

3

«Фендрик» — низшее воинское звание в пехоте и артиллерии при Петре I. Так иногда ласкательно называли самых младших кадет.

4

Ванты — снасти (веревки) для крепления мачт по бокам (к бортам).

5

Марс — площадка в нижней части стеньги (верхней составной части мачты) для работы со снастями и размещения наблюдателей.

6

Шнява — небольшое двухмачтовое судно, 14–16 пушек.

7

Вымбовка — деревянная или металлическая палка для вращения шпиля вручную.

8

Салинг — рама из брусьев на верхней оконечности стеньги (топе) для отвода и крепления снастей и скрепления нижней стеньги с верхней стеньгой, площадка для наблюдения.

9

Секстан — угломерный инструмент для измерения высот небесных светил.

10

Лаг — мореходный инструмент для определения скорости судна.

11

Лаг-линь — плетеный линь (веревка) для буксировки механических лагов.

12

Нактоуз — тумба (шкаф) для размещения судового компаса и корректирующих устройств.

13

Шкафут — деревянный помост по бортам, соединяющий полубак (носовая часть корабля) и шканцы (часть верхней палубы между грот- и бизань-мачтами).

14

Юферс и канифас блок — виды блоков для такелажа.

15

Адам Иоганн — имя Крузенштерна до поступления в Морской корпус. Под этим же именем изданы его книги в Германии.

16

Выстрел — длинное рангоутное дерево (круглое бревно), закрепленное одним концом на петле к борту судна против фок-мачты. На стоянке отводится (вываливается) от борта и крепится. У выстрела стоят спущенные на воду шлюпки и другие плавсредства судна.

17

«Наш флот, — заметил историк Ф. Веселаго, — наводнила масса ничем не замечательных иностранцев, которые при незнании языка, неуместной заносчивости и гордой самонадеянности приносили более вреда, нежели пользы».

18

Кордебаталия — средняя часть строя эскадры.

19

Картушка — главная часть магнитного компаса, указывающая страны света.

20

Квартердек — кормовая открытая часть палубы.

21

Галс — положение парусного судна относительно ветра; правый галс — ветер дует справа, левый галс — ветер дует слева.

22

Опердек — верхняя палуба для пушек.

23

Вахта — особый вид дежурства на корабле, требующий непрерывной бдительности и неотлучного пребывания (обычно не более 4 час.).

24

Фал — снасть (веревка) бегучего (подвижного) такелажа для подъема реев, гафелей, парусов, флагов, сигналов.

25

Шкот — бегучий такелаж, снасть, закрепленные за нижний угол паруса для растягивания и удержания паруса в нужном положении.

26

Пертье — троса под реями, на которых стоят матросы при работе с парусами.

27

Сезни — веревка для крепления парусов и разных устройств.

28

Крюйт-камера — помещение на корабле для хранения взрывчатых веществ.

29

Бридель — цепь от мертвого якоря, на котором стоит корабль, без отдачи своего якоря.

30

Верп — вспомогательный якорь меньшего веса, чем основной якорь, обычно завозится на шлюпке.

31

Шкафут — широкие доски, соединяющие бак деревянного парусного судна с шканцами.

32

Капер — частновладельческое вооруженное судно для захвата торговых судов противника.

33

Эсклавы — рабы.

34

Гичка — легкая быстроходная шлюпка с 6–8 распашными веслами, обычно для разъездов капитана судна.

35

Карронада — короткоствольные чугунные пушки большого калибра, устанавливались как правило на баке или на юте.

36

Шуга — мелкобитый лед.

37

Склянка — песочные часы. В старину на кораблях около получасовых часов безотлучно находился вахтенный матрос и переворачивал их каждые полчаса, сопровождая одним ударом в колокол. Отсчет времени начинался с полудня, то есть с 12 часов. В 12.30 били в колокол один раз, в 13.00 — два раза, один сдвоенный удар и т. д. В 16.00 били 8 склянок. Затем каждые четыре часа счет повторялся. 7 склянок — это в 23.30, по-современному.

38

Все даты в кругосветном плавании «Невы» и «Надежды» даны по новому стилю.

39

Противный — встречный, противное течение, волнение — имеющие направление, противоположное курсу корабля. Противный ветер — встречный, дующий навстречу курсу с судна, замедляющий его движение.

40

Приглубый берег — берег, у края которого сразу большая глубина.

41

Картушка — подвижная часть магнитного компаса, состоящая из поплавка и диска с делениями от 0˚до 360˚ и обозначенными на нем главными и четвертными румбами.

42

Утлегарь — рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта — наклонного дерева, выдающегося с носа.

43

Верп — вспомогательный якорь, меньше основного. Перегружается на шлюпку и завозится в нужном направлении.